

**ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

SARATOV STATE UNIVERSITY
Institute of History and the International Relations
SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

NORTH-CAUCASIAN FEDERAL UNIVERSITY
Institute for the Humanities
Faculty of history, philosophy and arts
SEC «New local history»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editor A.V. Gladishev, T.A. Bulygina

ISSUE 10

Saratov State University
North-Caucasian Federal University
2014

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений
НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Гуманитарный институт
Факультет истории, философии и искусств
НОЦ «Новая локальная история»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной

ВЫПУСК 10

Саратовский государственный университет
Северо-Кавказский федеральный университет
2014

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / И90 под ред. А.В. Гладышева, Т.А Бульгиной – Саратов; Ставрополь: Сарат. гос. ун-т; СКФУ, 2014. – Вып. 10. – 283 с.

В очередном выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследований исторической памяти. 2014 год стал годом научных и общественных коммемораций: 100-летие Первой мировой войны, 200-летие кампании 1814 г. во Франции. В основу сборника легли статьи, подготовленные по итогам Международной научной конференции «Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах и исторической памяти» (Ставрополь, 23–26 октября 2014). Отдельный раздел посвящен вопросам истории и исторической памяти на локальном уровне.

Для специалистов-историков, политологов, философов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами истории и исторической памяти.

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор),
д-р ист. наук, проф. *Т.А. Бульгина* (отв. редактор),
д-р ист. наук, проф. *И.В. Крючков*, д-р ист. наук, проф. *Е.А. Вишленкова*,
д-р ист. наук, проф. *С.И. Посохов*, канд. ист. наук, доц. *В.А. Соломонов*
(зам. отв. редактора), канд. ист. наук, доц. *А.В. Баранов* (отв. секретарь),
д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*.

Рецензент

Доктор исторических наук, профессор А.В. Чудинов

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2014
© Северо-Кавказский федеральный
университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах и исторической памяти	
<i>Булыгина Т.А.</i> (Ставрополь, Россия). Историческая память и источники личного происхождения: Воспоминания немецкого актера о российском плене Перовой мировой войны 9	9
<i>Ткаченко Д.С.</i> (Ставрополь, Россия). Человек на фронте: Первая мировая война глазами рядового участника 19	19
<i>Колосовская Т.А.</i> (Ставрополь, Россия). Из опыта сохранения исторической памяти военного прошлого (по материалам Кавказского военно-исторического музея) 41	41
<i>Стародубова О.Ю.</i> (Магнитогорск, Россия). Освещение событий Брусиловского прорыва в периодической печати 1916 года 52	52
<i>Хасин В.В.</i> (Саратов, Россия). Власть, общество, социальные институты в решение миграционных проблем в России в Первую мировую войну на общегосударственном уровне и в региональном преломлении 61	61
<i>Абдрашитов Э.Г., Крючков И.В.</i> (Казань/Ставрополь, Россия). «Хлеб, труд, эпидемии»: положение пленных россиян в Германии и Австро-Венгрии в оценке современников 76	76
<i>Ланник Л.В.</i> (Саратов, Россия). «Недостающее звено»: к проблеме истории повседневности в Великой войне (на примере германской военной элиты) 88	88
<i>Лучников А.В.</i> (Саратов, Россия). «Скажи мне, где ты сражался, и я скажу, кто ты»: образ Восточного фронта в политическом климате Веймарской республики 108	108
<i>Калашников М.В.</i> (Саратов, Россия). Понятие «национал-либерализм» в политическом дискурсе России в годы Первой мировой войны 116	116
200 лет кампании 1814 г. во Франции	
<i>Гладышев А.В.</i> (Саратов, Россия). Под Сансом в феврале 1814 года 140	140

**От политики забвения к политике памяти:
научно-образовательные сообщества**

- Вишленкова Е.А.* (Москва, Россия). Врачебные общества Петербурга в первой половине XIX века: от представительства во власти к самоорганизации 182
- Яновская В.В., Яновский О.А.* (Минск, Беларусь). Проблемы Белорусской истории в призме личности и профессионализма исследователя 200
- Баженов О.А., Морозов О.В.* (Москва, Россия). Образ университета 1990-х годов в интервью современных историков 218

Историческая память и «локальная история»

- Новиков А.П.* (Саратов, Россия). Новоузенская Свято-Троицкая женская обитель: страницы истории 230
- Зайцев М.В.* (Саратов, Россия). Эксплуатация земельных угодий как часть муниципального хозяйства (на примере Саратова последней трети XIX – начала XX в.) 240

Биографика

- Аврус А.И.* (Саратов, Россия). Учёный, организатор науки, душевный человек (к 90-летию со дня рождения В.Б. Островского) 253

Публикации

- Быкова В.А.* (Саратов, Россия). Борец за правду истории (о Ленаре Васильевиче Храмкове) 268

Обзоры и рецензии

- Степанов Ю.Г.* (Саратов, Россия). «Как грустно и тяжело без вас...». Из переписки В.Д. Зёрнова с женой 1905–1921 годов / публ., вступ. статья, коммент. и указ. имён В.А. Соломонова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 172 с.: ил. 274

- Сведения об авторах 279
- Список аббревиатур и сокращений 281

CONTENTS

The cultural dimension of the war:

First World War in images and historical memory

- Bulygina T.A.* (Stavropol, Russia). Historical memory and sources of personal origin: German actor's memoirs about Russian captivity during the First World War 9
- Tkachenko D.S.* (Stavropol, Russia). A Man in the Line: World War One from the Point of a Private Participant 19
- Kolosovskaya T.A.* (Stavropol, Russia). From the Experience of Preserving the Historical Memory of the Military Past (Based on the Caucasus Military History Museum) 41
- Starodubova O.Y.* (Magnitogorsk, Russia). Brusilov breakthrough coverage in printed media 1916y 52
- Hasin V.V.* (Saratov, Russia). Government, society, social institutions in addressing migration issues in Russia during World War I at the national level and in regional refraction 61
- Abdrashitov E.E., Kryuchkov I.V.* (Kazan/Stavropol, Russia). «Bread, labour and epidemics»: The conditions of Russian war prisoners in Germany and Austria-Hungary as seen by contemporaries 76
- Lannik I.V.* (Saratov, Russia). «Missing link»: to the problem of the history of everyday life during the Great War (by example of the german military elite) 88
- Luchnikov A.V.* (Saratov, Russia). «Tell me where you fought, and I'll tell you who you are»: image of the Eastern Front in the political climate of Weimar Republic 108
- Kalashnikov M.V.* (Saratov, Russia). The concept of «national liberalism» in the political discourse of Russia during the First World War 116

200 years of 1814 campaign in France

- Gladishev A.V.* (Saratov, Russia). Under Sens in February 1814 140

From the oblivion policy to the memory policy:

Scientific and educational communities

- Vishlenkova E.A.* (Moscow, Russia). Medical associations in Petersburg during the first half of the XIX-th c.: from representation to self-organization 182

Yanovskaya V.V., Yanovsky O.A. (Minsk, Belarus). Problems of the Belarusian history in the context of the researcher's personality and professionalism 200

Bazhenov O.A., Morozov O.V. (Moscow, Russia). The Image of the Universities of 1990s in the Interviews of Modern Historians 218

Historical memory and «Local history»

Novikov A.P. (Saratov, Russia). The Holy Trinity Female Monastery in Novouzensk: Pages of History 230

Zaytsev M.V. (Saratov, Russia). Service of lands as part of municipal economy (in case of Saratov during the last third of XIX – early XX century) 240

Biographical researches

Avrus A.I. (Saratov, Russia). The scientist, organizer of scientific research, sincere person (to the 90th anniversary of V. B. Ostrovskogo) 253

Publications

Bykova V.A. (Saratov, Russia). The fighter for the truth in history (about Lenare Vasileviche Hramkove) 268

Reviews

Stepanov Y.G. (Saratov, Russia). «How sad and depressed without you...». From the correspondence of V.D. Zernov with his wife, 1905-1921 years / Published, introd. article, comments and index by V.A. Solomonov. Saratov: Saratov university Press, 172 pages: illustrations 274

Data on authors 279

The list of abbreviations and reductions 281

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЙНЫ: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ОБРАЗАХ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

УДК 94(470.630) | 1916/1919 | +792(430)(093.3)+929Брэдт

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ВОСПОМИНАНИЯ НЕМЕЦКОГО АКТЕРА О РОССИЙСКОМ ПЛЕНЕ ПЕРОВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Т.А. Булыгина

Северо-Кавказский федеральный университет,
кафедра истории России
E-mail: tambul1@mail.ru

В статье затронуты проблемы пересечения коллективной и индивидуальной памяти и результаты этих перекрестий на примере воспоминаний немецкого военнопленного Первой мировой войны о пребывании на Ставрополье в 1916–1919 годах.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, конструирование моделей исторической памяти, междисциплинарность, Первая мировая война, Гражданская война, «место памяти».

HISTORICAL MEMORY AND SOURCES OF PERSONAL ORIGIN: GERMAN ACTOR'S MEMOIRES ABOUT RUSSIAN CAPTIVITY DURING THE FIRST WORLD WAR

T.A. Bulygina

In this article the author considers problems of crossing of collective and individual memory and results these crosses on the example of memoires German prisoner of the First World War about stay in Stavropol region in 1916–1919.

Key words: historical memory, collective memory, construction of models of historical memory, interdisciplinarity, the First World War, Civil war, site of commemoration.

Говоря о моделях исторической памяти, приходится учитывать ее динамику. При конструировании исторической памяти надо учитывать и эволюцию политических и социокультурных

запросов власти к коллективной памяти о прошлом, и психологические и физиологические особенности человеческой памяти, и временной контекст повседневной жизни в момент обращения к исторической памяти. К примеру, в середине 1990-х гг. академик РАН Ю.А. Поляков считал, что в то время история стала «не просто болевой точкой общественного сознания, но и превратилась в один из важнейших инструментов политической борьбы».

Все эти факторы как раз и формируют ее динамичный процесс. Поэтому можно говорить о многообразии социальных, политических и личных ожиданий исторической памяти, что придает последней непререкаемую субъективность.

При анализе воспоминаний немецкого актера Эриха Брэдта, побывавшего в русском плену в 1916–1919 гг., не менее важны еще ряд замечаний. Наряду с индивидуальной и коллективной памятью существует память семейная, которая объединяет черты индивидуальной и коллективной, оставаясь оригинальным феноменом человеческой духовной жизни. Именно этот феномен сыграл свою роль в том, что книга Э. Брэдта стала доступна жителям тех мест, где он батрачил как военнопленный.

Кроме того, само рождение в междисциплинарном пространстве гуманитариев термина «историческая память» обусловлено изменением предметного поля гуманитаристики и, в частности, исторической науки, возникновением «новой исторической науки» в контексте ситуации, именуемой постмодернизмом и последующей эпохе постпостмодернизма. Ядром новой исторической науки было обращение историков к самим себе как профессионалам, к методологической рефлексии, к философии истории, что породило интерес к проблеме памяти о прошлом.

Ряд современных исследователей связывает историческую память нации как память о войнах. Поэтому Я. Ассман и П. Нора считают, что обращение к исторической памяти вызвано забвением новых поколений о живой военной трагедии. Так, Я. Ассман считает, что смерть – это первичный опыт осмысления перехода от прошлого к настоящему¹. П. Нора замечает, что весь «героический эпос» Франции рассыпается под ударами мировых войн и алжирской драмы². Кроме того, в современном обществе прояв-

¹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом, и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 55.

² Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.

ляется стремление некоторых представителей власти и социума сохранять историческую память исключительно в библиотеках и архивах, а также внутри профессиональных сообществ. Невероятно скоростной ритм современной жизни по сравнению с прошлыми столетиями, способствует и быстрому забвению даже недавнего прошлого.

В целом можно отметить, что обращение к феномену исторической памяти обнаруживает его субъективность. Общество и политическая система конструируют модель исторической памяти, в которой они нуждаются в данный момент. Я. Ассман делил память на два вида – коммуникативной и культурной. Когда речь идет о последней, возникает необходимость ее штатных носителей и пропагандистов, которые вырабатывают символику, придавая воспоминанию сакральность. В результате модель такой культурной памяти – это всегда праздник³, т.е. воскрешение прошлого в нужном контексте в виде годовщин, юбилеев и создания «мест памяти». Тут своевременно отметить наличие и осязаемой или вещной памяти монументов, музеев, мемориалов, рассказов ветеранов или их близких.

При характеристике исторической памяти как актуализированного и субъективного явления, выявляется еще одна ее черта – избирательность. Как отметил отечественный философ, «она нередко делает акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие... В этой ситуации историческая память нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения человека в данный период времени»⁴. Такая избирательность предшествует забвению одних источников и актуализации других. Так, например, случилось и с воспоминаниями Э. Брэдта, русский перевод которых хранился как штучный и мало кому интересный источник. Актуализация Первой мировой войны через распространение «мест памяти», в частности 100-летнего юбилея сделал этот источник доступным интернет-ресурсом.

История русского перевода этих воспоминаний тесно связана с механизмом действия исторической памяти. Как пишет дочь автора, отец пережил такие глубокие личные впечатления в плену, связанные с любовью к русской женщине, что не мог не написать

³ Ассман Я. Указ соч. С. 55.

⁴ Там же.

об этом. Судя по его воспоминаниям, Э. Брэдт не только хорошо знал мировую литературу, но и определенные способности. В Лейпциге в 1926 г. вышел первый, а в 1927 г. – второй том книги «Пахарь поневоле». Работая в 1930-е гг. в Гамбурге в театре и на радио, актер стал профессиональным литератором-драматургом. В 1941 г. родилась дочь Эрика, которой судьба даровала миссию продолжить знакомство людей с воспоминаниями отца.

Эрика Корделия Моос-Брэдт в Предисловии обращает наше внимание на то, что отец часто вспоминал Россию, но не войну. Больше он рассказывал о работе батраком и пастухом, о доброте отдельных русских людей. Судя по воспоминаниям, глубина памяти о России у Э. Брэдта была связана не с бедствиями военнопленного и ужасами войны, а с личным чувством взаимной привязанности с русской Настей.

После Второй мировой войны, Э. Брэдт опять возвратился к русским воспоминаниям, в которых решил более полно и реалистично описать свою жизнь на Ставрополье в книге «Настя. История моей жизни, любви и невзгод в Лежанке». Однако в 1965 г. автор умер, а рукопись так и не была издана в Германии. Еще через несколько лет эту рукопись прочла уже взрослая дочь, изучила географию России и нашла важную для отца Лежанку, затерявшуюся в южных степях. Это оказалось село Средний Егорлык между Ставрополем и Ростовом-на-Дону, и в 2009 г., почти через 45 лет после смерти Э. Брэдта, дочь отправилась по следам пребывания отца в далекую Россию. Так родственные чувства стали толчком к развитию индивидуальной памяти от отца к дочери. Историческая память о Первой мировой войне ожила под влиянием естественного желания познать свои корни и долгом перед родителем.

В Среднем Егорлыке (Лежанка) Эрика Корделия Моос-Брэдт познакомилась и подружилась с местными учителями и краеведами. Все вместе они приняли решение обязательно издать рукопись Э. Брэдта отдельной книгой, т.к. эти воспоминания являются частью коллективной памяти локального сообщества Лежанки: «Книга принадлежит Лежанке, она принадлежит истории этого места, она ближе и роднее жителям Лежанки, чем людям в Германии»⁵. Местная учительница совместно с преподавателем ЮФУ перевела текст рукописи, а местный краевед – «Пахаря по-

⁵ Бредт Э. Моя жизнь, любовь и невзгоды на Ставрополье. Записки немецкого актёра-военнопленного. 1916–1918 гг. // URL: <http://www.dk1868.ru/history/igor/Bredt.htm> (дата обращения: 12.01.2015).

неволе», который был напечатан готическим шрифтом. В результате совпадения потребностей индивидуальной семейной памяти в Германии и исторической памяти жителей села на Юге России родилась в 2012 г. новая книга воспоминаний немецкого военнопленного Первой мировой войны, которую его дочь преподнесла в дар Ставропольскому краевому музею-заповеднику. Немногим позже книга появилась в интернете.

Текст воспоминаний военнопленного подтверждает ощущения маленькой Эрики от рассказов отца. Действительно, упоминания о войне и плене очень редки, опосредованы какими-то совсем иными событиями, на которых рассказчик акцентирует внимание читателей. Эрик, как и любой иностранец, обращает внимание, на природу, местных жителей, на их привычки, т.к. для него эта повседневность представляется миром экзотики. Вспомним замечание Ю.М. Лотмана о заметках иностранцев о России: «Наблюдая одну и ту же действительность, иностранец и местный житель создают различные тексты»⁶. Для наблюдателя-аборигена интересны события, которые не укладываются в норму, которая ему известна и не интересна. Иностранцу сама норма кажется необычайной, отличной от «своей», а потому интересна.

К примеру, автор подробно описывает Великий праздник Пасхи, отмечая разницу в обычаях и обрядах при праздновании у православных по сравнению с католиками и протестантами. Для пленных было необычным «христосование» сопровождавшееся троекратным поцелуем. Тем не менее, обращает на себя внимание, что праздник был христианским и воспринимался и местными жителями, и военнопленными как общая радость от Бога⁷.

Отмечал Эрик и жестокость хозяев к животным, за которую уже в те времена в Германии людей, мучавших животных, подвергали суду. Удивителен для него был обычай ходить в домашнюю баню, мыть голову желтками свежих яиц, не вытираться полотенцем после купания, надевая белье на мокрое тело. Пленный подробно описывает внешний вид и удобства «овчины, которую здесь называют тулупом», особенно в холодные весенние ночи в степи, живописует он и колодезный журавль. Хозяева и немецкий работник постились перед Пасхой, но лука и особенно хлеба бы-

⁶ Лотман Ю.М. К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 677.

⁷ Бредт Э. Указ. соч.

ло много. Интересны картинки с Лежанкинской ярмарки, описание уклада зажиточных крестьян и разорившихся купцов⁸.

Это свидетельствует о наблюдательности немецкого актера и его литературных способностях, а также о механизме вживания в чужую жизнь, которая на уровне повседневности становится своей, но не родной. Большинство военнопленных мечтали о возвращении на родину. Так, Эрик описывает свою особую привязанность к немецкой молотилке только за то, что она немецкая: «На одной стороне у неё висела металлическая табличка, на которой стояло: Шютте-Ланц-Манхайм. Приходя утром, я никогда не забывал посмотреть на табличку, и старой тряпкой натереть её до блеска. Сорок человек работало на этой машине, однако табличку прочесть мог только я. В табличке было изречение написанное рунами. Его интерпретировать было дано только мне и никому другому»⁹.

Мечта о родине – пусть то Австрия, Венгрия или Германия, не покидала пленных, а русская революция приблизила эту мечту к реальности. В зерновые районы весной 1917 г. по решению временного правительства были отправлены в отпуск многие военнослужащие. Среди них был и фельдфебель, который пытался организовать свой бизнес по отправке пленным по домам за «возмещение издержек», за 100 рублей. Правда, из этого ничего не вышло. Э. Бердт описал, как эмоционально он воспринял услышанную им в Ставропольских степях старую немецкую песню, которую пела молодежь волжских колонистов, обслуживавшая русские артиллерийские упряжки. У них был уже свой диалект, а в лексике много русских выражений¹⁰.

Информация о войне появляется ровно в первых строках, но сложно и опосредованно. Предвкушая скорую встречу с земляками-пленными на Пасху, автор пытается объяснить географию своего плена языком военнопленных. Прибывшим на юг немецким военнопленным, которые познакомились «здесь вверху», что означало сибирские лагеря, «здесь внизу» (на Юге) еще предстояло подружиться.

Он подробно описал свой последний северный зимний лагерь для военнопленных в татарском городке Мамадыше на реке Вятке, «примерно там, где она впадает в Каму. Это 140 верст на

⁸ Бердт Э. Указ. соч.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

восток от Казани». По его рассказам эти лагеря отличались или множеством блох или отсутствием еды. В Мамадыше, где паёк выдавали один раз в день, т.к. считали, что у пленных зимой мало работы. Изголодавшиеся пленные составили список желающих работать в поле на юге, т.е. «здесь внизу». Обращает на себя внимание тот факт, что Э. Брэдт ни слова не пишет об обстоятельствах пленения или о предшествующих ему военных действиях.

Вскоре война опять напомнила о себе. Одна из невесток хозяина, жена фронтового русского солдата, ее свекровь и свёкор – хозяин батрака заставили немца надеть на праздничную пасхальную службу нарядную одежду своего мужа и сына, который воевал в окопах против Германии. Оказалось, что в этой южной глубинке необходимость выглядеть прилично в Великий Господень праздник всем, в том числе и батраку, была важнее военного противостояния стран-противников. Не случайно, идя в церковь, Эрик думал: «в то время как я в этих сапогах иду в церковь, лежит хозяин этих сапог в проклятых окопах, где немцы стреляют в него. Возможно, мы оба: муж Рыбки и я, уже и раньше лежали друг против друга. Я – с намерением сделать Рыбку вдовой, он – забрать у меня шанс выиграть «когда-нибудь» любовь какой-либо «Рыбки»¹¹. Так что и для юного немецкого актера с любой стороны окопы были «проклятыми», а любовь для него была на первом месте.

Война вставала из незатейливой ярмарочной пропаганды и обостряла межгосударственную враждебность под воздействием алкоголя. На ярмарочной площади в Лежанке один из жителей устроил балаган или в лексиконе Эрика – раёк. Раешник громко нараспев рекламировал картинки райка: «Спешное отступление немцев!», «Видно, как немцы пришли в отчаяние, потому что у них нет больше оружия. Ни винтовок, ни пушек!», «Они бросаются камнями. Подходите и смотрите, подходите сюда!», «Смотрите, как победоносно наступают казаки и как немцы защищаются камнями!». Такая агитация вызвала в немецких пленных веселый сарказм, и под влиянием выпитой в кабачке водки немцы начали кривляться и подначивать владельца «райка». Это не осталось без внимания местных молодых парней, которые тоже были по случаю праздника нетрезвыми. Возле фотографа, к которому направились пленные, двое местных пьяных молодчиков

¹¹ Брэдт Э. Указ. соч.

потребовали, чтоб их сфотографировали раньше этих «немецких колбасных обжор». Инцидент был исчерпан довольно быстро¹². Мы видим, что здесь проявились скорее рефлекс «своих» и «чужих», и если и был в них патриотизм, то скорее локальный или национальный, но не военный.

Автор иногда с самоиронией называл себя «проклятым германцем», что свидетельствовало о лексике его хозяев. Однако такие прозвища касались не военных действий, а каких-либо споров между хозяином и холопом или нерадivosti батрака. В то же время в долгих вечерних беседах в семье зажиточного крестьянина Дорохова, нового хозяина Э. Брэда тема войны была, скорее, лакмусом для выявления цивилизационного «своего» и Чужого». Дядя Митрофан, 74-летний крестьянин, например, под влиянием высказываний еще одного военнопленного Бруно о неверии в Бога многих берлинцев, утверждал, что немцы первыми начали войну, потому что не верят в бога. Пленные же были убеждены, что не немцы начали войну. Автор пытался убедить деда в том, что многие в Германии веруют в Бога, боятся Его гнева. В качестве примера Эрик сослался на кайзера Вильгельма II, который посещает костел, а в Иерусалиме построил храм Спасителя. «Тогда это был неправильный бог», – был ответ Митрофана. У местных мужиков вызывало смех даже имя «Вильгельм», которым «хорошего человека не назовут»¹³. Так не война, а цивилизационные различия были предметом спора. Война здесь была лишь цветом времени, конъюнктурой.

Центром внимания стали эмоции и любовные отношения с Настей. Сказывался, видимо и романтический налет начитанного актера, и собственно его молодость, когда готовность любить была одним из устремлений жизни. Через эти отношения проявляются и другие проблемы. Таким образом, любовь к Насте стала цементом исторической памяти немецкого военнопленного Э. Брэда. Вместе с тем, ни любовь, ни любознательность не ослабили желания вернуться на родину.

Для нас, однако, наиболее интересен сюжет, занявший большее место в воспоминаниях – это события революции и гражданской войны. Опять индивидуальная память свидетеля поневоле пересеклась с исторической памятью южно-российского общества. Главными вестниками революционных изменений были де-

¹² Бредт Э. Указ. соч.

¹³ Там же.

зertifировавшие солдаты или воины из отведенных с Кавказского фронта частей, как, например, артиллерийский дивизион 154 Дербентского полка 39 пехотной дивизии.

Так, местные жители узнали, что подчинение солдат офицерам устарело. Оказалось, что в войне виноваты царь, церковь, офицеры и богатые кулаки и помещики. По инициативе солдат в селе начались митинги. Э. Бредт считался на селе очень грамотным человеком, поэтому именно к нему обратились местные крестьяне о том, что собой представляют большевики. В беседе с русскими немцами «Гриша» (так звали Эрика в Лежанке) выяснил, что «Очень хорошие люди... Очень хорошая партия ... Она заботится о каждом, особенно о крестьянах. Вообще обо всех людях, которые хотят получить права, которых были лишены. Считается, что нужно выбирать эту партию»¹⁴. На наш взгляд здесь сыграла свою роль и статья в Ставропольской газете большевиков, в которой говорилось: «в Ставрополе, так мало заботятся о наших бывших военнопленных. И хотя мир ещё не заключён, ни один русский не рассматривает своих иностранных братьев-пролетариев австрийского, немецкого или турецкого происхождения как пленных врагов. «Власть Советов» провозглашает на своих знаменах: Пролетарии всех стран – соединяйтесь! Давайте же покажем иностранным пролетариям, которые находятся сейчас на нашей территории, что они, ставшие пленными по вине капитала и царей, теперь свободны и равноправны со своими освобождёнными русскими братьями»¹⁵.

Военнопленному актеру удалось «вкусить» ужасы и белых, и красных. Вскоре за Лежанкой вдоль реки расположился фронт Гражданской войны, отзвук так называемого «Ледового похода». Л.Г. Корнилов ненавидел немцев и был уверен, что большинство военнопленных куплены большевиками. Впоследствии уже в Ставрополе автору пришлось испытать и большевистский террор, отсидеть в тюрьме.

Однако, возвратившись домой, сквозь разруху и ужас мировой войны, революций и гражданской войны в России Э. Бредт вынес память о русской любви, о конкретных людях, приютивших его и спасавших его, оказавших ему помощь в возвращении домой. Читая его воспоминания и оценивая поступок его дочери, невольно вспоминаются слова современного немецкого исследо-

¹⁴ Бредт Э. Указ. соч.

¹⁵ Там же.

вателя и публициста Герда Кёнена. Ученый убежден, что «основательно забытая или отодвинутая в сторону история германской восточной ориентации и очарованности Россией относится к ключевым историям прошедшего столетия»¹⁶, для чего немецкий историк счел своим долгом вписать этот тезис в историю первой половины XX века.

¹⁶ Кёнен Г. Между страхом и восхищением: «Российский комплекс» в сознании немцев, 1900–1945. М., 2010. С. 429.

**ЧЕЛОВЕК НА ФРОНТЕ:
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ
РЯДОВОГО УЧАСТНИКА**

Д.С. Ткаченко

Северо-Кавказский федеральный университет,
кафедра истории России
E-mail: tkdmsg@rambler.ru

Статья посвящена анализу уникального первоисточника – дневника рядового солдата – Экуса Стэплтона, который позволяет взглянуть на войну глазами ее рядового участника, а не с точки зрения официальной пропаганды. Особое внимание в статье уделено проблеме эволюции взглядов солдата на войну – от патриотических настроений к жесткой критике всех проявлений военной действительности. Читая дневниковые записи можно получить яркое представление о повседневной жизни солдата, а так же о двух грандиозных операциях Британских войск на Западном фронте, участником которых был автор дневника. Приведенные в статье первоисточники до настоящего момента не были переведены на русский язык.

Ключевые слова: Первая Мировая война, дневники, Западный фронт, повседневная жизнь, узел связи, войска связи, битва на Сомме, Линия Гинденбурга.

**A MAN IN THE LINE:
WORLD WAR ONE FROM THE POINT
OF A PRIVATE PARTICIPANT**

D.S. Tkachenko

The paper is concerned with the description of the unique primary source – diaries of a private Stapleton Tench Eachus. They seemed to be a fascinating insight into another – unofficial side of the World War One. The particular focus of the article is in the evolution of the soldier’s attitude to the war – from some sort of patriotism to a severe criticism of the war reality essence. Reading the diaries entries one can have some awareness with the everyday routine the soldier was involved and have his outlook on two main British war operations in the West front. The primary source have never been translated into Russian before the certain publication.

Key words: World War One, diaries, West Front, pedestrian routine, Signal Office of the Royal Engineers, Somme Battle, Hindenburg Line.

Дневники, как источники личного происхождения, дают современному исследователю уникальную возможность взглянуть на исторические события глазами их очевидцев. Их записи ценны еще и тем, что передают настрой человека, его мысли и переживания в момент самого события. Несмотря на весь субъективизм данных источников, в которых многое зависело от мировоззрения, литературного таланта и даже сиюминутного эмоционального состояния автора, они являются живым свидетельством истории.

К столетию начала Первой мировой войны Британский Национальный архив (The National Archives) начал масштабное мероприятие по оцифровке и предоставлению открытого доступа исследователям к дневникам английских солдат, участвовавших в военных действиях на всех фронтах¹. Интересно отметить, что английские военнослужащие, причем не только представители офицерского корпуса, но и рядовые солдаты, активно вели дневниковые записи. Многие считали свой дневник определенной «отдушиной» – просветом в серых армейских буднях, а так же хорошей возможностью донести до потомков хоть какие-то свидетельства своего существования на случай гибели. Британское командование не преследовало, а наоборот, поощряло ведение дневников, которые можно было составлять не только в частном порядке в разнообразных блокнотах и записных книжках, но на специальных типографских формах. Вместе с тем, командование, разумеется, подвергало записи определенной военной цензуре, стараясь не допустить проникновения в общество в военное время неудобных для правительственной пропаганды сведений. Однако, английская цензура на фронте не была тотальной и некоторым авторам удавалось тем или иным способом ее избежать.

Одним из уникальных источников подобного рода стал дневник рядового солдата Экуса Степлтона (Stapleton Tench Eachus)². Его автор прошел долгий военный путь. Работая до войны клерком в почтовой конторе г. Стаффорда, молодой человек в 1914 г., подобно многим своим сверстникам, записался добровольцем в Британскую армию, оставив дома свою семью, жену и четырехлетнего ребенка. В чине рядового стрелка он был послан в Еги-

¹ The National Archive. Explore our collection of First World War records // URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/first-world-war/> (дата обращения: 12.05.2015).

² См.: A World War One Memorial Website. Stapleton Tench Eachus. A collection of stories from the Great War Diaries of British Tommy // URL: <http://wardiaries.co.uk/> (дата обращения: 12.05.2015).

петские колониальные войска на Палестинский фронт. В 1915 г. автор участвовал в Галлиполийской десантной операции на Дарданеллах и, оставшись в живых после эвакуации английского корпуса с полуострова, принял решение изменить свою воинскую специальность на связиста. Пройдя курс обучения и, получив краткосрочный отпуск в Англию, он был направлен на Западный фронт – во Францию. Здесь молодой человек служил радистом в штабе 4-й британской армии, расположенном во французском селении Кверри, стал свидетелем грандиозной битвы на Сомме, и, позднее, безуспешных попыток прорвать немецкую укрепленную «линию Гинденбурга». За время службы автор несколько раз побывал в госпитале и даже в краткосрочном отпуске в Англию. Войну Стэплтон закончил на территории Германии, находясь в составе оккупационных войск. С мая 1916 г. по август 1919 г. он написал 15 дневниковых тетрадей. Он вел их пунктуально, практически ежедневно делая записи разного рода. Перерыв в дневниках приходится только на период с марта по ноябрь 1918 г. – времени так называемого «большого прорыва» немцев через Западный фронт (или «ста дней обороны» – по английской терминологии), когда у автора просто не было возможности вести свои записи во время масштабного отступления.

Молодой человек, несмотря на свой невысокий воинский чин, был неординарной личностью: он хорошо знал французский язык, общался с жителями соседних городков и деревень и даже пытался по мере возможности посещать местные достопримечательности в свободное от дежурства время. Используя свои знания языка, он отсылал домой исписанные тетради не по официальным армейским каналам связи, а через французскую гражданскую почту. Так он смог избежать серьезных служебных неприятностей, которые неизбежно возникли бы, узнай командование, что рядовой солдат пишет о войне, офицерском корпусе и командном составе своей армии. Вероятно, поступок молодого человека объясним тем внутренним протестом, который вызывало у него все большее и большее знакомство с реальностями войны. В 2010 г. наследник Стэплтона – Джон Вискет издал в Британии дневник и сделал доступным его записи как в виде печатной, так и электронной книги³.

³ См.: The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus / Edited by J. Wickett. Stafford: Stafford Printing, 2010. – 291 p.; The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus [Kindle Edition]. URL: <http://www.amazon.co.uk/Great-Diaries-Stapleton-Tench-Eachus-ebook/dp/B00CLWHIYG> (дата обращения: 12.05.2015).

Первая страница дневника начинается с описания отзыва автора из отпуска и его отправки на фронт. «Я покинул вокзал Фэнни-Стратфорд в Блэтчли с призывной командой № 95, направляющейся во Францию. До станции нас провожал оркестр [Королевских Инженеров*]. Выехали в 4.30 и в 6.15 прибыли в Хитчин. Полчаса скучно тянулись в лагерь, заваленный амуницией, сумками и т.п. Проезжая на поезде, я заметил на крышах зданий развивающиеся флаги Св. Георгия и старый добрый Юнион Джек. Я был особенно поражен фактом, который заставил меня вернуться к воспоминаниям о начальных днях войны. Тогда, я помню люди сходили с ума при виде флага, – в то время, когда мой полк проходил через Лондон по пути из Нью Берри в Беркшире, – наше движение на всем своем протяжении было отмечено непрерывающимися взрывами приветствий, и каждый дом был украшен разноцветными знаменами. Тогда это была сумасшедшая любовь Лондона, и как теперь все отличается»⁴. Уже здесь, помимо совершенно объяснимой тоски по покидаемому дому, виден негативный настрой автора к войне, который зафиксировал в дневнике растущую усталость общества от войны. Передаваемое им впечатление еще больше усиливают тоскливые описания и вид призывного лагеря в Хитчине, фотографию барачного лагеря которого Стэплтон отправил домой.

Большой интерес представляет описание автором отплытия солдат во Францию. Запись также в целом отражает лишь негативные эмоции автора: «Нас погрузили около 4 часов дня на борт низкого французского парохода с двумя серыми трубами. Это быстрое, хотя и старое судно. Нас направили вниз и запихнули всех вместе в небольшое помещение, где сказали устраиваться поудобнее до следующего утра. Как такое возможно для почти девяноста человек, я думаю, что для всех оставалось загадкой. У нас не было ничего для еды и питья, кроме возможности купить жалкую чашку чая за 3 пенса плюс еще один, отданный в задаток, до возвращения чашки. Мы отплыли примерно в 5.30 и вскоре почти каждый стоял вниз головой, выворачивая наизнанку содержимое своего желудка. А все из-за того, что море было очень бурным и наблюдалась сильная качка; но что действительно раздражало меня, так это то, что люди не утруждали себя работой

* В отличие от отечественной практики, в Британской армии не существовало отдельного рода войск связи, которые входили в инженерные войска, так называемые Royal Engineers (R.E.).

⁴ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 3.

подняться на палубу, а обычно делали свое интимное дело, а затем его регулярно повторяли, выкладывая прямо под носом у своего соседа ту последнюю еду, которой они угощались еще в Англии. Я попытался поудобнее устроиться в углу, но море, смывало мусор с палубы вниз, и забило в закоулки трюма, наверное, отбросы со всего корабля; оно мотало меня туда-сюда, использовала как тряпку и я вылез из трюма, несомненно, грязнее, чем был, когда поднялся на борт...»⁵.

Первое знакомство молодого человека с Францией лишь подчеркивало «серость» и безрадостность ждущих его военных будней. «Прибыли в Гавр в 12.30 ночи и были подняты в 4.30 утра после «чудесного» ночного морского отдыха в чрезвычайно душном помещении. Чай, консервы и сухари были в меню на завтрак, но мне удалось стащить только горсточку раскрошившихся сухарей. Перевели часы на час назад по французскому времени. Высадились на берег около 9 утра. Я попал в партию, которая должна была конвоировать этап (около 20 душ) заключенных, которые были под арестом за дезертирство, в лагерь полевых исправительных работ, который расположен на другом конце порта. По пути миновали несколько групп немецких военнопленных, выполнявших различные тяжелые работы. Некоторые из них выглядят хорошо сложенными и одеты в чистую, хорошо подогнанную форму. После того, как мы избавились от своего задания, мы вернулись маршем в пересылочный лагерь, который расположен так же в порту. Вымылся под душем как только смог стащить с себя форму, но по выходу обнаружил, что она вся промокла до нитки, так как штормовой пронизывающий ветер свистит через открытую со всех сторон баню <...>. Купил полбуханки хлеба и котелок каши в столовой экспедиционного корпуса и устроил себе прекрасный обед на открытом воздухе, недалеко от выхода <...>. В лагере происходит постоянное передвижение войск, в основном прибывающих из Англии. В 9.15 вечера нас построили и отправили колонной на вокзал и этот короткий марш с полным обмундированием меня окончательно доконал. По прибытии на станцию, мы получили паек на весь следующий день вперед. Затем нас загрузили в вагоны для перевозки скота с французской надписью на борту: «36–40 людей или 8 лошадей». В щели между плохо подогнанными планками днища видна дорога, а толстый

⁵ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 5.

слой овощных ошметков валяется по углам. Боковые створки вагонов наполовину открыты, а отверстия снизу забиты дощатой решеткой, служащей перилами; все это – не слишком удобное помещение для ночного отдыха. Поезд тронулся около полуночи и принялся невероятно медленно тащиться вперед»⁶. Местом назначения команды Стэплтона являлся городок Аббевиль, где располагался учебный лагерь связистов.

После нескольких дней пребывания в сборном лагере, автор получил назначение в войсковую часть, путь в которую он так же проделал на поезде, правда, в более комфортных условиях. С большим интересом автор описывает новый для него ландшафт Голландии и Северной Франции, по которому проходил путь его войсковой команды. «Не могу точно вспомнить все места, через которые мы проезжали, помню только Лонгре, Сент-Роше и Амьен, на протяжении всего пути можно было увидеть явные следы продвижения большой группировки войск. Когда я пишу эти строки, мы стоим напротив чего-то напоминающего «огородную Венецию». Многие акры земли превращены в аккуратные участки грядок, разделенные водными каналами. Можно видеть, как огородники двигаются в разные стороны на своих лодках по форме напоминающих гондолы, другие отплывают нагруженные овощами и зеленью. Каналы питаются рекой, протекающей через центр участков <...>. Было несколько странным на протяжении всего пути видеть, как на каждой остановке солдаты бегут из поезда к ближайшему пункту с котелками, чтобы набрать горячей воды для чая. Уже вошло в обычай выходить из поезда, когда он остановится для того, чтобы немного пройтись. Никто не боится отстать, так как довольно легко заскочить обратно, в то время, как поезд тронется и люди даже не торопятся зайти внутрь, пока он действительно не начнет движение»⁷.

По прибытии к месту назначения, Стэплтон оставил любопытное описание начала своей постоянной службы, условия которой так же произвели впечатление на свежего человека. «Мы проехали мимо местечка под названием Корби и вскоре достигли Кверри – нашего пункта назначения. Доложили о прибытии офицеру-связисту, а затем в канцелярии в деревни. <...> После этого нас направили в казарму, которая на деле оказалась покосившимся сараем со скудным доступом свежего воздуха внутрь и

⁶ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 6.

⁷ Ibid. P. 11.

населенным крысами. Сарай был до верху забит чем-то, напоминавшим койки, которые громоздились одна над другой, причем добраться до верхней можно только вскарабкавшись по приставной лестнице. Мое место оказалось на самой вершине в районе чердака. Пока я ожидал свой чай, успел помыться и побриться в ручье, который протекает рядом с большим шато, приспособленным под штаб 4-й армии. Примерно в полдесятого вечера приготовил себе постель, которая состоит из куска брезента, так как получить одеяло и не предвидится. Здесь четко слышатся звуки артиллерийской канонады и гул летящих над головой самолетов, которые едва ли когда-нибудь прекратятся. В 10.15 начался мощный обстрел, скорее всего, со стороны нашей артиллерии, и он продолжался по меньшей мере несколько часов.»⁸ Так началась фронтовая жизнь автора.

Далее в дневнике содержатся описание мелочей военного быта, которые были в новинку свежему человеку на фронте и поэтому получили отражение в записях. Автора волновали самые повседневные вещи: погода (так как в полевых условиях от нее зависело его здоровье), возможность выспаться ночью, возможность получить предметы обмундирования, армейские пайки в столовой, солдатское жалование. Подобные сведения составляют 70–80 процентов всех дневниковых записей. Их довольно интересно читать, понимая, что всего за несколько километров от передовой люди пытались наладить более-менее сносные условия своей жизни. Вот, например, что автор пишет о том, как он приспособился к ночлегу в неотопливаемой казарме: «Пережил невероятно холодную ночь. Поднялся в 6.45 и вымылся в ручье, что протекает у подножья сада. Завтрак в 7.30 в штаб-квартире... Сегодня я испробовал новый способ, чтобы согреться: вытянув наружу несколько футов моей брезентовой подстилки, я соорудил из нее пакет, куда засунул свои ноги, продетые предварительно в рукава мундира. Вот таким то образом мне удалось поддерживать свои нижние конечности в относительном тепле. Но от этого мало толку, и я провел вообще-то бессонную ночь, так как все остальное мерзнет. В 10.30 наши орудия начали вести обстрел противника...»⁹.

Вскоре Стэплтон привык к постоянному риску и перестал отмечать в дневнике все факты артиллерийского обстрела. Его го-

⁸ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 11-12.

⁹ Ibid. P. 12.

раздо больше волновали практические вопросы – где можно перекусить в соседней французской деревне, как достать себе одеяло, или еще лучше – перебраться из казармы на частную квартиру. Он фиксировал в дневнике каждое полученное из дома письмо или посылку. Молодой человек так же начал серьезно учить французский язык, понимая, что эти знания ему очень помогают в жизни. «Мой «форсированный рывок» во французском все еще развивается крайне медленно, – пишет Стэплтон, – но я прилагаю постоянные усилия к его изучению. Моя система может вызвать удивление, но это то единственное, что мне доступно на практике <...>. Сначала я заходил то в один дом, то в другой, общаясь с жителями. Теперь я нахожу место, где французы не слишком заняты своей работой, сажусь там со словарем в одной руке и записной книжкой в другой и начинаю записывать все слова, которые нахожу полезными для своего общения. Затем прошу произнести их и стараюсь сохранить произношение в памяти. Несомненно, я большой «приставала», но я иду этим путем, несмотря ни на что...»¹⁰. Вскоре Стэплтон получил определенную выгоду от своих знаний: общаясь с местными жителями, он нашел себе местечко для ночлега в пристройке одного из домов, которое сдавали в аренду, завел во Франции довольно много знакомых, и долгое время поддерживал с ними переписку.

Интересно описание автором его служебных обязанностей. Появление его в дневнике скорее всего объяснимо тем, что свежему человеку пока еще было интересно это зафиксировать. «Время [боевого дежурства] распределено на три группы, которое выполняют три разные смены примерно по 40 человек в каждой. Смена так же выделяет по 5 человек для несения того, что у нас называют «колесо радости». Развод смены производят перед шато за десять минут до начала дежурства. [Связисты] маршируют по дороге, идущей перед шато, отдают честь часовому и по приходу на место своих тяжелых трудов, останавливаются и разворачиваются лицом к узлу связи. Дежурный офицер может проверить смену, а если он этого не делает, то дается команда заходить по очереди в прихожую, где в стойках размещаются винтовки, вешаются шинели и фуражки. По кругу смонтировано 30 рабочих мест: 3 радиостанции работают напрямую с Аббевилем, Руаном и Гавром. Остальные настроены на 5-ю армию, резервную армию,

¹⁰ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 34.

генеральный штаб, 6-ю французскую армию. Остальные места обслуживают очень важную и загруженную телефонную связь. Она объединяет около 250 проводных точек, которые сходятся в этом узле, включая связь через телефон, телеграф и код Морзе. Общее количество посылаемых сообщений доходит до 5 тыс. в день, что больше, чем у трех оставшихся армий вместе взятых»¹¹.

Отдельным пластом в дневнике содержится группа записей, посвященных военным действиям. Самому Стэплтону повезло не попасть в окопы на передовую, и он не принимал участия в «траншейной войне». Радист находился в относительной безопасности штабной работы, однако, как наблюдательный человек, он не мог не отмечать то, свидетелем чего он являлся на протяжении нескольких лет.

Ко времени прибытия Стэплтона к месту несения службы, военные действия на фронте давно приобрели позиционный характер и переменный успех сопутствовал обеим сторонам. Начало службы радиста совпало с подготовкой союзниками крупного наступления на Сомме. Молодой человек описывает перегруппировку английских войск и их продвижение через прифронтовую зону к передовой.

«Большую часть нынешней ночи, – писал он в дневнике, – продолжалось движение нашей кавалерии, проходившей через Кверри, дороги задыхаются от перевозок, грузовых машин и т.п. К тому же по ним везут громоздкие цистерны для воды. В течение всего дня через поселок маршируют колонны Британской пехоты вместе со своими обозами. В большинстве своем люди выглядят измученными и до предела утомленными. Они, разумеется, растеряли даже намек на плац-парадный лоск и без тени сомнения превратились в нечто совершенно противоположное тем блестящим храбрым парням, что формировали войсковые подразделения (как регулярные, так и территориальные) в начале войны. <...> Люди, которых я сегодня видел, не принадлежат к этому типу солдат. Они, несомненно, проявят себя с наилучшей стороны, так как они – англичане. Я очень надеюсь, что им будет сопутствовать удача, так как [на фронте] им выпадет проделать большую работу»¹².

При этом не только вид усталых солдат, тянувшихся к фронту, поразил наблюдательного человека, но и размышления о способности тех родов войск, которые командование стягивало для

¹¹ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 93–94.

¹² Ibid. P. 17–18.

удара, прорвать глубоко эшелонированную и прекрасно укрепленную оборону противника. Стэплтона потрясло наблюдение, что вместе с артиллерией и пехотой на передовую движется и бесполезная в позиционной войне индусская иррегулярная кавалерия, которой в прорыве явно уготована роль «пушечного мяса». «Индусы курьезно выглядят, нося на голове каски. Они теперь далеко не так живописны, когда расстались со своими характерными чалмами. <...> Один из индусов немного говорит по-английски <...> [и рассказал, что] <...> последние три месяца их учили прыгать на лошадях через окопы <...>. Надеюсь, что те жертвы, которые они неизбежно понесут, не пропадут даром, а в конечном итоге послужат для разгрома ненавистного противника»¹³.

Английское наступление началось 1 июля 1916 г. с массированного артиллерийского обстрела. «Военные новости сегодня удовлетворительные, – писал в дневнике имевший доступ к фронтовым сводкам радист. – Британские снаряды ливнем накрывают фронт на протяжении 60 миль, произведено несколько прорывов в участки вражеских окопов, зафиксированы отдельные рукопашные схватки и захват пленных»¹⁴.

Массированная атака принесла англичанам успех. «Первый день нашего наступления, кажется, принес хорошее начало, – пишет в своем дневнике радист. – Немцы во многих местах эвакуировали свои передовые траншеи, а, возможно, и отдельные участки второй линии, все немецкие позиции изрыты воронками. Отдельные подразделения и дивизии достигли намеченных рубежей, но другие были отбиты. Одна из дивизий была контратакована и выбита из захваченных траншей <...>. Я не знаю о событиях на других участках нашей [передовой] линии и могу говорить только об основных чертах того, что происходит непосредственно на нашем фронте. Лично мне фактическая ситуация, по меньшей мере, не нравится, и у меня мало веры в [наступившее на фронте] британское лидерство. Ведь использовались устаревшие методы атаки, которые в целом тщетны против упрямой решительности [обороняющегося] врага»¹⁵.

Как следует из дальнейших описаний, Стэплтон не ошибся в своих предположениях. Опомнившись от удара, немцы начали перегруппировку войск. С тревогой радист пересказывает посту-

¹³ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 18.

¹⁴ Ibid. P. 18–19.

¹⁵ Ibid. P. 20.

пившее в штаб сообщение о том, что с одного из английских наблюдательных дирижаблей заметили облака пыли на дорогах за немецкими позициями, что было явным знаком готовящейся контратаки¹⁶. Вскоре она началась теми же методами, что и английское наступление: немцы ответили ураганным артиллерийским огнем, который продолжался несколько дней и принялись систематически вытеснять англичан на их старые позиции. В своем дневнике Стэплтон дословно приводит сводки о жестоких траншейных боях местного значения, поступавшие в штаб дивизии¹⁷. В свободное же от дежурства время он своими глазами видел обстановку в прифронтовой зоне и делал об этом краткие дневниковые записи: «Жестокий обстрел [английских позиций] начался сегодня с 10 до 11 часов вечера и продолжался всю ночь... Множество наших частей проследовало на фронт в ранние утренние часы и их шествие растянулось до обеда. Солдат везли в грузовых машинах, специально оборудованных для этих целей... Нескончаемый поток артиллерийских орудий проходит мимо нашего расположения, некоторые из тяжелых орудий, следующих на линию фронта оснащены специальным паровым двигателем, приводящим в движение их колеса и производящим страшный шум, пока орудие медленно ползет мимо...»¹⁸.

В конечном итоге наступление союзников захлебнулось и большая часть английских войск увязла в новом витке позиционной войны. Радист, знакомый с обстановкой на фронте, с горечью пишет в своем дневнике о начавшемся активном движении неприятельских войск за линией фронта, на которое союзное командование ответила подтягиванием собственных резервов. Все указывало на то, что произойдет очередная «мясорубка» – активность на фронте завершится не ранее, чем у враждующих сторон иссякнут силы. «Войска продолжают двигаться день и ночь и грузовики нескончаемым потоком снуют через наше селение, – писал Стэплтон. – Вместе с тем с фронта не поступает никаких новостей и вся борьба, кажется, свелась к бессмысленному топтанию на месте»¹⁹. Когда у враждующих сторон закончились людские резервы, началась артиллерийская дуэль. «Наша артиллерия не прекращает громить и перемалывать вражеские позиции день и

¹⁶ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 20.

¹⁷ Ibid. P. 19, 20, 21–22.

¹⁸ Ibid. P. 21–22.

¹⁹ Ibid. P. 24–25.

ночь, – пишет Стэплтон. – Хочется верить, что это имеет какую-то цель и мысль об этом поддерживает во мне робкую надежду на успех англичан, но он, к сожалению, невозможен. Ведь наша армия руководится целой ордой офицеров-самоучек, чье единственное достоинство и умение заключается в том, что все они знают, как умирать. Конечно, это нельзя назвать [умением] воевать, так же, как и средством для достижения победы»²⁰.

С ужасом Стэплтон пишет о людских потерях, к которым привела плохо подготовленная авантюра командования. «Видел рапорт 15-го корпуса, сообщавшего в штаб, что дивизии, которые были вчера вечером введены в сражение, вернулись обратно на позиции уже на рассвете, принеся с собой только своих раненых солдат. Как следует из рапорта, эти части понесли огромные потери в основном от применения газа. Похоже, что противник стал использовать специальные снаряды, которые не взрываются, а лишь выпускают содержащийся в них газ <...>. Имею свидетельства, что один из наших кавалерийских полков, который позавчера добился успеха, захватив позиции перед лесом, заплатил за это потерями около 100 человек»²¹.

Мысли о бессмысленности разворачивающейся перед глазами Стэплтона бойни стали все чаще проскальзывать в его дневнике. «Никаких официальных новостей, кроме свидетельств того, что бесполезная траншейная война продолжается. Наши пушки изрыгали грохот весь день на пролет и, думаю, продолжают это делать и ночью. Надеюсь, что громовые удары молотом, хотя-бы точно нацелены, иначе вся английская мощь не принесет никакой пользы <...>. [Следующим утром] наши пушки все грохочут с неумещающей скоростью, но боюсь, что немцы дадут нам свой ответ. Несмотря на интенсивный обстрел, им удалось ночью выбить нас из двух пунктов»²².

При этом, очевидец событий с негодованием пишет о патриотической шумихе, поднятой в прессе английским командованием и властями в начале наступления. «Официальные известия о текущей борьбе примечательны полным отсутствием реальных новостей, – комментирует он ситуацию. – Похоже на то, что люди опять введены в самое бессовестное заблуждение, которое заметно в тех письмах, что я получаю; в Старой Англии верят, что ве-

²⁰ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 20.

²¹ Ibid. P. 26.

²² Ibid. P. 25–26.

ликое, общее и удачное наступление идет полным ходом <...>. Только Бог может знать, чем же английские газеты смогут подтвердить пылкие заголовки своих статей. На мой взгляд, это явно катастрофический подход <...>, свидетельство слабости и растущей нервозности, которая в немалой мере подпитывает национальный суицид, разыгрывающийся на моих глазах, к позору грядущих поколений. Почему, во имя Господа, правительство и его службы информации прилагают столько усилий для того, чтобы дурачить публику?! Они ведь достаточно хорошо знают, что [на фронте] происходит не то, что нужно, а мы поставлены перед невыполнимой задачей...»²³.

С чувством глубокой горечи автор описывает ежедневные мелкие столкновения, не влияющие на исход войны, но приводящие к постоянным жертвам. «Сегодня, примерно в 2 часа дня, – писал он в дневнике, – наше селение было обстреляно 12 вражескими танками. Восемь инженеров убито в лагере, и еще десяток ранено. Пятеро из них успели пробыть во Франции всего две недели, а двое до этого пережили операцию в Галлиполи. Для одного из тех, кто был сегодня разорван на куски, пришла телеграмма, которая могла бы вырвать его из линии фронта на восемь дней. Она содержала известие о смерти его жены, и человек мог бы отправиться в Англию уже этим вечером, останься он в живых. Я привел эти факты, так как они во всем своем трагическом красноречии показывают то страшное зло, что периодически посещает каждый дом в Европе»²⁴.

Большим потрясением для автора, явились известия о том, что взрыв снаряда унес жизнь одного из его родственников, воевавшего на другом участке фронта. Смерть близкого человека заставила Стэплтона иными глазами взглянуть не только на положение дел на фронте, но и начать переосмысливать всю суть военного конфликта. «Эта новость меня страшно огорчила, – пишет молодой человек в дневнике. – Билли исполнил свой воинский долг – это так. Он выполнил его честно и добросовестно, но ради чего? Наша война потеряла свою славу. Это не война, – это проклятие, – ослепление, которое поразило Европейские нации, нет – нации всего Мира. Это безжалостное истребление лучших представителей государства. А за что? На это нет ответа. Хаос, в котором мы сейчас пребываем, вызван невежеством, глупостью и

²³ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 22–23.

²⁴ Ibid. P. 29.

интригами, которые ввергли нас в пребывание в этом дьявольском сумасшедшем доме. Когда наступит прозрение? И как долго должен длиться бедлам, до тех пор, пока нам не разрешат обрести свободу?»²⁵.

Антивоенные настроения, с этого времени стали регулярно появляться в дневниковых записях молодого человека. «Сегодня двухлетняя годовщина объявления Британией войны нашему ненавистному врагу – Германии, – писал он 4 августа 1916 г. – Вспоминаю, как радовались мы открывавшимся возможностям и каким многообещающим все тогда выглядело. Возвращаясь к начальному времени, можно увидеть, что все оно наполнено неисчислимыми неудачами и разочарованиями, которые были и будут источниками горькой боли. Земли и моря переполнены телами наших погибших, и даже сам воздух испорчен запахом тлена. Сознание людей потеряло равновесие и жаждет лишь удовлетворения своего безумия. Все основы нашего общества пошатнулись и подгнили, а само здание цивилизации неожиданно низвергнуто и разрушено в прах; все хорошее, доброе и благородное предано смерти, а извечно пребывавшее в мире зло стало преобладать и беззастенчиво слоняться по земле как некий монстр от одной двери к другой. Англия сейчас стонет под бременем некомпетентности. Моя несчастная страна, которая раньше не знала, что такое [тотальная] война, с ее заповедями, ограничениями и жертвами сейчас усваивает страшный урок, а цену, которую она за это платит – это расплата за глупость. Гордая Англия со всем ее могуществом и невероятной силой, со всеми своими добродетелями и благородными традициями может попросту истечь кровью. Те же, кто воображает, что война теперь долго не продлится – по меньшей мере глупцы. Совершенно очевидно, что ее концом будет простая ничья»²⁶. Данный взгляд на войну был очень близок по духу с творчеством человека, испытывавшем те-же ужасы войны по другую сторону фронта – немецкого писателя Э.М. Ремарк.

Подобно многим солдатам, причины неудач на фронте Стэплтон искал в «измене» в руководстве страны и некомпетентном командовании. «Я был очень рад, – пишет он в декабре 1916 г., – увидеть в сегодняшних газетах, что Премьер-министр уволился. Я уже долгое время считаю его прямым препятствием к

²⁵ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 15.

²⁶ Ibid. P. 35.

победе*. Его следует привлечь к ответственности за многие наши грубые ошибки и несчастья и заставить заплатить цену измены <...>. Не то, чтобы я верил в то, что мы сможем эффективно разбить нашего врага такими методами войны, но я твердо уверен, что теперь мы избавлены от одного из самых страшных врагов в правительстве и тем самым получили очень хороший шанс нанести серьезный урон своему внешнему противнику»²⁷. «Из всего напрашивается вывод, – продолжает он позднее, – что несчастная Англия стонет под бременем тирании безнравственной правящей шайки, сдвинуть которую, возможно, сможет только революция»²⁸. Подобные заблуждения разделяли солдаты всех воюющих армий, что особенно видно на примере нашего отечественного опыта.

Особую неприязнь у Стэплтона вызывало поведение офицеров, к которым автор испытывал нескрываемую антипатию. «Несколько замечаний относительно [образа типичного] «Британского офицера» достойны быть записанными, – отмечал он в своем дневнике. – Для начала я не думаю, что наличие этого субъекта вообще отражает потребности в нем всего остального мира. Он не исходит из той среды, которая жизненно необходима для подготовки качеств солдата в нашей «новой армии», включающих: службу, опыт, знания и интеллект. Среди французских гражданских Британский офицер заслужил репутацию человека с явным отсутствием всех выше перечисленных свойств. Похоже, что французы вообще рассматривают их как некую бесполезную, но чрезвычайно дорогостоящую военную декорацию. Я слышал множество комментариев к этому эффекту, включая даже высказывание, что британский офицер годен только на то, чтобы искать тело женщины. Но эту тему лучше оставить в стороне. Хочу поговорить о той неразберихе, которая сопровождает пребывание офицеров вблизи передовой. Количество пищи, потребляемое ими в их уютных убежищах необъяснимо никакими пропорциями человеческих потребностей, даже тех существ, что называются «британским офицером». Все местные военные магазины поставляют провизию практически исключительно упомянутым выше ничтожествам. И в них крайне редко можно хотя-бы протиснуться к

* Интересно, что в тексте оригинала для того, чтобы подчеркнуть свое презрение к чиновнику, Стэплтон «играет словами» – «Prime Minister (Премьер-министр)» у него созвучно «prime obstacle (прямому препятствию)».

²⁷ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 77–79.

²⁸ Ibid. P. 104.

прилавку из-за суетни [офицерских]ординарцев, спешащих отоварить гигантские списки заявок. И это в условиях недостатка провизии, когда обычный «Томми» с трудом находит средства для существования! Одно военное сообщество, с которым я персонально знаком, держит 8 человек и 1 женщину для прислуживания 7 офицерам. Вот поэтому-то у нас до сих пор и недостает людей в армии.

И последнее замечание, перед тем, как я закончу – относительно отвратительного чванства и безразличия, которое распространяется от младшего лейтенанта и выше. Я никогда не видел, чтобы идущая по дороге машина остановилась, чтобы подвезти солдата, если в ней сидит офицер. Последний лихо разъезжает по всей стране, злоупотребляя мыслью, что армейские машины предоставлены исключительно для их собственных нужд. При этом в любое время суток на дороге можно встретить усталых «Томми», тянувшихся со своей поклажей, голосующих проезжающим машинам; но сидящие в них офицеры в единственном лице, чаще всего не старше младшего лейтенанта, скорее гордо выглянут в окно, требуя отдачи себе чести»²⁹.

Антивоенные настроения автора еще больше усилились, когда молодой человек смог своими глазами увидеть то, о чем он раньше лишь догадывался. После кровопролитной битвы на Сомме, немцы были вынуждены отвести свои войска на укрепленную «линию Гинденбурга», а подтянувшиеся к ней английские войска попали на разоренную войной местность. Стэплтон до последнего не хотел покидать жилища в Кверри, однако, в апреле 1917 г. был вынужден переехать вместе со своим узлом связи ближе к фронту. Вот как он описывает те места, где в 1916 г. кипели бои:

«Теперь мы вступили в земли, которые трудно описать простыми словами, – разорение, опустошение и уничтожение – лишь слабая тень того, что неизгладимо запечатлено на каждом дюйме стертой с лица земли поверхности, посреди торчащих из нее балок и перевитого железа. И вперемешку с этими обломками крушения находятся могилы. Братские могилы солдат – людей; не простых, а первого сорта. Эти поля битв 1916 года настолько взволнованы, нагромождены и испещрены бороздами, что удивительным образом походят на внезапно застывшее бушующее море. Никаких ориентиров не видно посреди этого разверзшегося потока Ада. <...> Земля везде усеяна воронками от снарядов всех

²⁹ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 110.

размеров – от размеров трубы до целого пруда, которыми фактически многие и являются. Но что меня действительно поразило, так это полное отсутствие ружейных пуль. А в Галлиполи эти маленькие смертоносные дьяволы были везде, буквально устилая собою земл»³⁰.

В своем дневнике Стэплтон пунктуально описывает все увиденное им на бывшей передовой. «Следует иметь в виду, – пишет он, – что для того, чтобы здесь куда-нибудь попасть, приходится проходить по очень пересеченной местности – двигаться зигзагами, чтобы обойти тысячи воронок, рассеянных на расстоянии менее 10 ярдов друг от друга. Путник должен так же неизбежно заниматься перескакиванием через линии окопов и перелезанием через ряды обрывков колючей проволоки. Даже такой путь, как из лагеря в столовую связан с преодолением двух рядов окопов»³¹. На старых немецких позициях его внимание привлекло большое количество стреляных гильз, кучи мусора и множество крыс, шныряющих в брошенных развалинах. Когда наступают сумерки, – пишет он в дневнике, – они снуют туда-сюда по своим дорожкам, «как население большого города, вышедшее за покупками»³².

Руины уничтоженных войной городов и деревень, производили на автора очень тяжелое впечатление. Описания блуждания по ним составляют солидную часть всех дневниковых записей этого периода. Вот что пишет Стэплтон о поселении Карбоннель, куда был переброшен его штаб:

«Вступив в деревню, я тотчас попал в район полных развалин; к слову сказать, все здесь было взорвано по нескольку раз подряд. Лишь руины остовов домов и коттеджей время от времени возвышались над грудями строительного мусора – вот и все, что здесь открывал взгляду разрушенный мир. Повернув строго налево, я прошел по тому, что когда-то было улицей по направлению к круглой башне, или точнее, тому, что от нее осталось. Там я заметил колодец, довольно больших размеров, на котором висела табличка с надписью: «вода нуждается в двойной очистке хлором». <...> Пробираясь между обломками того, что когда-то было большим строением, возможно, даже магазином, я подобрал небольшую бухгалтерскую книжку бакалейщика, которую забрал с собой. В другом месте, поверх руин из строительного мусора я

³⁰ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 121.

³¹ Ibid. P. 126.

³² Ibid. P. 132.

поднял фотографию свадебной пары, которую так же добавил к своей коллекции редкостей. В разных местах я нашел несколько небольших эмалированных емкостей, которые, несмотря на свой облупленный и поврежденный вид могут стать существенным дополнением к удобствам палаточной жизни. Я нашел и несколько книг, но оставил из них себе во владение только две – те, которые принадлежали к наименее изорванным и измазанным образцам французской литературы. Как печально, что этим предметам, возможно лучшим из того, что человечество создало за века своего существования, будет позволено гнить и пропадать <...>. В одной из воронок от снаряда под слоем грязи виднелась поздравительная Новогодняя открытка. Когда, вернувшись в лагерь, я отчистил ее, то на обратной стороне увидел фотографию прелестной маленькой девочки – адресата поздравления. Подняв нечто, казавшееся на первый взгляд скромным куском бумаги, я сначала подумал, что нашел ценные бумаги государственного банка Франции, особенно, когда разглядел красочную, официального вида, печать. После внимательного рассмотрения обнаружилось, что это – всего-навсего почтовый перевод на 30 франков в пользу компании-страховщика от пожара. Бланк будет еще одним дополнением к моей и без того уже обширной коллекции военного антиквариата, при условии, конечно, что он не расплывется, когда я попробую водой смыть с него грязь. После этого, я потащился обратно, проходя по земле, на которой располагалась деревенская церковь, кромку которой с севера обозначали разрушенные стены. Просто трагично, что нам приходится жить в непосредственной близости от такого мучительного свидетельства деяний человеческих рук...»³³.

В другом разрушенном французском городке Перонне, автор набрел на руины библиотеки, которые описал в своем дневнике:

«Я прошел в следующую комнату <...>. Ее пол на несколько футов глубиной, был весь покрыт слоем бумаги. Книжные шкафы так же получили сильнейший удар, и их содержимое вывалилось во всех направлениях; несмотря на это, в них еще лежало несколько бесценных образцов ранней французской литературы. У меня начисто отсутствует грабительский инстинкт, но когда я взял их в руки, то испытал сильное желание прикарманить их все <...>. [Далее автор перечисляет на французском названия книг, в

³³ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 124.

том числе мемуары Наполеона 1839-го года издания] Это, воистину, шедевры и как бы мне хотелось, чтобы была возможность их в целости переправить в Англию. Между прочим, наш офицер сказал, чтобы я поостерегся (особенно в сумерки) брать такие вещи, рассказывая случай, как одного солдата в Альберте расстреляли за попытку мародерства»³⁴.

Вид ценных книг, разбросанных по руинам здания, стал для Стэплтона олицетворением антигуманистического характера войны, которая уничтожала все следы цивилизации: «Мне казалось, – писал он, – что книги попросту вскоре сгниют или будут съедены жучками, если надеяться на то, что здесь они будут спасены, или останутся в сохранности. Вместе с сотнями других книг они должны ждать своего шанса, оставаясь лежать на полу разрозненной кучей бумаги, вытирая ноги любого, кто захочет пройтись по ней или постепенно становиться добычей такого безжалостного врага как дождь и сырость...»³⁵.

Понимание неизбежности утраты культурных ценностей в разрушенных городах существенно трансформировало в сознании автора образ врага. Из вывода, который автор делает в конце записи видно, что он ненавидит уже не только немцев, но и всех, сделавших происходящее возможным. «Весь день по смертельно раненным улицам Перонне разносились звуки марширующих войск. Помпа войны достигала самых отдаленных уголков, проникая даже сюда [в разбитую библиотеку], где война нанесла свой удар по одной из основ цивилизации, заставив истекать кровью самое сердце нации. Обрывки военных маршей злобно носились по воздуху, проникая сквозь все щели и трещины, отражаясь от руин несчастного города, как издевательский смех и самая презрительная насмешка над «естественными правами и свободами» человека, выработанными Просветителями этой страны»³⁶.

Неприятие автором войны сквозило в описании буквально каждого эпизода, пережитого им на разрушенной земле. Например, отойдя немного в сторону от расположения своего штаба, Стэплтон поднялся на холм, с которого открывался вид на передовые позиции, где кипели стычки позиционной войны. Вот, что он пишет: «Я пытался сложить вместе отдельные фрагменты окопов. Клубы дыма вырывались из районов, где лежали руины

³⁴ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 133–134.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. P. 138.

смертельно раненых деревень, признак занятия их британскими войсками. <...> Да простит нас Бог за то, что пережил этот мир! На этой земле, где враг бился с врагом всеми мерзкими орудиями, изобретенными в Аду и усовершенствованными добрыми Христианами, лежали останки множества людей, тела которых до сих пор распростерты под голубым небом. Надо ли их хоронить? Да уже, наверное, и нет, так как они успели стать частью той земли, на которой лежат. Страшное единство: погибшие люди, смерть и изуродованная земля – вот и все, что здесь осталось. Весь же ландшафт представлял собой вид полного опустошения и явного свидетельства того, что Бог оставил эти земли. То, что когда-то было образцовыми полями, демонстрировавшими великолепное плодородие, превратилось в какое-то грязно-коричневое месиво, расплывшееся по долинам и поднимающееся вверх по высотам и холмам, насколько хватает глаз. Немецкие грузовики для перевозки войск были четко видны за линией фронта, снующие туда-сюда по коммуникационным линиям. По пути домой, меня окликнул пехотинец, который работал на дороге: «Эй, сынок. Ну как игра? Скажи-ка, что ты думаешь о происходящем!» Конечно, я принял предложение. Я предложил ему сигарету, и мы начали болтать о том, о сем. Он рассказал, что покинул свою жену и семью 18 месяцев назад на станции Черинг-Кросс и с тех пор их не видел. Это очень типичный рассказ в войсках во Франции»³⁷.

Каждое слово в этой записи содержит упрек войне. Но для англоязычного читателя времен Британской империи наиболее шокирующим должна была быть фраза, с которой приветствовал автора солдат. Идиома, сравнивающая войну со спортивной игрой («Play up! Play up! And Play the Game!»), введенная в конце XIX в. поэтом Генри Ньюболтом³⁸, активно использовалась официальной пропагандой в годы Первой мировой войны для поднятия патриотических настроений. Ее же употребление Стэплтоном в данном контексте, после описаний ужасов войны придавала пропаганде прямо противоположный смысл, подчеркивала мысль, что война – это что угодно, но не игра в крикет.

Война не только уничтожала людей и культурные ценности, но и изменяла многие моральные представления довоенных лет. То, что казалось раньше незыблемым, в сознании воюющего человека оказалось под сомнением или даже утраченным. «Сегодня

³⁷ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 130.

³⁸ Paxman J. Empire. Oxford: Penguin books, 2011. P. 13.

мы вступаем в четвертый год войны, – писал Стэплтон 4 августа 1917 года. – И насколько настроение сейчас отличается от того, что было в течение ее нескольких первых месяцев! Первую годовщину этого гигантского конфликта я отметил в Египте, готовясь через неделю с небольшим отплыть к Дарданеллам. Вторую и третью – встретил во Франции. Теперь ровно три года отделяет меня от того времени, к которому уже нет возврата. Все, что я имел, я когда-то добровольно отдал в надежде, что смогу верно послужить своей стране. А теперь все пропало. Я потерял все что имел, все доброе, что было приятно иметь, а то, что любил и лелеял, безнадежно ушло из моей жизни. Страна, которую меня научили так крепко любить, попросту предала и ограбила меня тем же самым образом, как и многих других в подобных обстоятельствах»³⁹.

В своем дневнике Стэплтон несколько раз сравнивал разрушительную сущность войны с Французской революцией и не мог смириться с мыслью, что все, созданное человеком в этом месте Земли было попросту уничтожено. «Я проследил за изгибами мощного булыжником спуска, – писал он о своих впечатлениях от вида одного из разрушенных прифронтовых городков, – который воскресил в моей памяти образ того старого, великолепного мира, который я видел в городе на Мальте. Я заглянул в ближайший дом, расположенный на вершине спуска и «украл» в нем несколько обрывков бумаги, которые посчитал ценными, а точнее сказать, просто достойными быть спасенными»⁴⁰. За внешне бессмысленным поступком человека на наш взгляд, скрывалась глубокая внутренняя борьба. Автор был глубоко убежден в безнравственности всего, происходящего вокруг него, и собирая «обломки старого мира», которые его сослуживцы считали обычным мусором, стался остаться самим собой, внутренне борясь с жестокой логикой войны. И понимая это, можно только отдать дань уважения такому внутреннему стержню и упорству молодого человека.

Моральные терзания и воспоминания о «свете довоенной жизни», делали осознание своего нынешнего положения крайне мрачным. Как-то, вспоминая небо над родным домом, Стэплтон записал в дневнике. «Справа от меня, по направлению к фронту время от времени разгорались вспышки света, которые на мгновение разгоняли мрак ночи, но они были, увы, вспышками смерти, страдания, разбитых надежд и боли. Но я бы предпочел встре-

³⁹ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 154.

⁴⁰ Ibid. P. 136.

тить лицом к лицу только их, вместо того, чтобы все глубже погружаться в ночь без рассвета...»⁴¹. Подобные мысли не уходили у автора из головы. «Интересно, – пишет он, – сколько еще может длиться это ужасное существование? Это тяжелая жизнь, без надежды на лучшее, даже когда все закончится»⁴².

Из дневниковых записей ясно видно, что Стэплтон был на фронте совершенно одинок: кроме мимолетных знакомых он не упоминает ни одного человека, которого мог бы назвать своим другом. Он явно опередил свое время и, вероятно, даже сам это осознавал. «Мой дорогой друг, – обращается Стэплтон к воображаемому будущему читателю, – в отличие от меня, ты знаешь и четко осознаешь свою жизненную позицию, а так же свою судьбу и обязанности, которые выполняешь в своей карьере: твое существование регулярно и не подвержено случайностям, тогда как мое – непредсказуемо меняется. Я – субъект для многих изменений: в чинах, положении и даже в здоровье. Временами меня силой принуждают отправляться в изнурительные путешествия по запутанным и неясным жизненным тропам, на которых мои шаги затуманены множеством теней, натруженные до синяков ноги стерты грубыми камнями, а тело избито и измочалено встреченными бедами...»⁴³. Находясь на фронте, автор, конечно, мечтал выжить, а в случае собственной гибели – о том, чтобы его записи не затерялись и когда-либо были прочитаны людьми в ином месте и в иное время. В конце концов, ему повезло: он пережил невзгоды войны и вернулся в Англию, где снова поступил в почтовую контору родного города Стаффорда, а позднее перебрался в Уэльс, где прожил до конца своих дней – 1971 года. Мы не имеем сведений о том, корректировал ли автор свои старые дневниковые записи в послевоенное время (отдельные не состыковки в дневнике указывают, что некоторая доля исправлений все-же была в оригинальный текст внесена). Но в целом яркие тексты, переведенные на русский язык, могут служить любопытным источником, отражающим как чувства участника, так и историческую память об одном из грандиозных событий начала XX века.

⁴¹ The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. P. 117.

⁴² Ibid. P. 118.

⁴³ Ibid. P. 155.

**ИЗ ОПЫТА СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВОЕННОГО ПРОШЛОГО
(по материалам Кавказского военно-исторического музея)***

Т.А. Колосовская

Северо-Кавказский федеральный университет,
кафедра истории России
E-mail: kolosowskay@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению опыта сохранения военной составляющей исторической памяти, на примере создания и развития Кавказского военно-исторического музея в Тифлисе в конце XIX – начале XX века. Акцентируется внимание на той роли, которую сыграла в формировании фондов музея военная администрация Кавказа, а также известный военный историк В.А. Потто. Основным материалом для анализа послужили путеводители по Кавказскому военно-историческому музею, архивные документы и кавказские периодические издания. В статье делается вывод о том, что история Кавказского военно-исторического музея показывает активное участие военной администрации в сохранении исторической памяти о событиях военного прошлого. Собранные в музее материалы использовались в научных и военно-воспитательных целях.

Ключевые слова: историческая память; военные музеи; Кавказский военно-исторический музей; В.А. Потто.

**FROM THE EXPERIENCE OF PRESERVING
THE HISTORICAL MEMORY OF THE MILITARY PAST
(Based on the Caucasus Military History Museum)**

T.A. Kolosovskaya

The article considers the issues of the military part of historical memory on the example of setting up and running the Tiflis Military-Historical museum in the late decades of the XIX – early XX cc. It focuses on the role of the Caucasus military authorities and especially of the prominent military historian V.A. Potto in funding the museum's exhibitions. The paper is based on the analysis of the Museum Guides, archive funds and Caucasus periodic papers. The author comes to the conclusion that the Caucasus Military-Historical Museum's history shows the active involvement of all-ranks military authorities in the process of the military history memory preserving. The materials, gathered in the museum were used either in scientific or in military-educative purposes.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв.», проект № 14-01-00251.

Key words: historical memory, military museums, the Caucasus military history museum, V.A. Potto.

Центрами исторической памяти военного прошлого были и остаются военные музеи. Как неотъемлемая часть музейной сети они хранят экспонаты, посвященные событиям из военной истории, выдающимся военачальникам, истории отдельных родов войск и видов вооружений. Первые такие музеи создаются в нашей стране еще в эпоху Петра I и широкое развитие получают в XIX веке¹. Их яркими примерами могут служить Военно-исторический музей при Главном военно-инженерном училище, Военная галерея Зимнего дворца, Арсенал в Царском Селе, Военно-инженерный музей в Петербурге. Достойное место в этом списке занимал и Кавказский военно-исторический музей. В рамках настоящего исследования обратимся к истории его создания и деятельности.

Организация военно-исторического музея на Кавказе была неразрывно связана с мероприятиями по увековечиванию памяти о войсковых частях русской армии, боевой путь которых был связан с регионом. После завершения военного противостояния на Западном Кавказе (1864 г.) и перехода к мирному этапу развития края, эти мероприятия становятся первостепенными в работе местной военной администрации. В воззвании к участникам недавних событий, Главнокомандующий Кавказской армией и наместник Кавказский великий князь Михаила Николаевича подчеркивал: «На современном поколении, которому достался счастливый удел увидеть войну, казавшуюся нескончаемой – оконченной, увидеть горы, казавшиеся недоступными – покрываемыми явлениями мирной жизни, на поколении нашем лежит святая обязанность, преклоняясь перед делами отцов, принести посильную лепту на то, чтобы достойное памяти не изгладилось временем, чтобы не лишить историю принадлежавших ей славных страниц. Доблестные имена лиц, стяжавших славу в Кавказской войне, и их подвиги должны на веки оживотворять дух русской армии и русского народа...»².

¹ Кузнецов А.М. Военные музеи в императорской России // Военно-исторический журнал. 2007. № 2. С. 56–61.

² Кавказ, 1874. 8 сентября. № 105.

Реализация призыва главнокомандующего не заставила себя долго ждать. При штабе Кавказского военного округа была налажена работа по публикации «Кавказских сборников» – периодического издания, включающего в себя источники и исследовательские материалы, преимущественно, по истории присоединения Кавказа к Российской империи. Одновременно, в отдельных войсковых частях Кавказской армии активизируется деятельность по написанию их полковых историй. И наконец, открывается Кавказский военно-исторический музей, названный современниками «храмилищем вековых преданий Кавказской войны» и «Храмом народной славы»³.

Впервые, идея о его создании была высказана командующим войсками Кавказского военного округа генерал-адъютантом князем А.А. Дондуковым-Корсаковым в 1884 году. Тогда, для реализации своей инициативы, он обратился к императору с ходатайством разрешить собрать необходимые для сооружения деньги по всенародной подписки. Александр III одобрил саму идею о создании музея и распорядился необходимую для этого сумму выделить военным министерством⁴. Как сообщала газета «Кавказ», осенью 1884 г. на открытие в Тифлисе Военно-исторического музея было получено 80 тыс. рублей серебром, с распределением их на 4 года⁵.

На полученные деньги, в центре Тифлиса, приступили к строительству для музея специального здания. Одновременно развернулись работы по формированию фондов нового музея, в котором планировалось собрать все, что еще уцелело и что еще можно было найти от эпохи Кавказской войны⁶.

Одно из видных мест в будущем музее должна была занять батальная живопись. Исполнение картин было поручено уроженцу Одессы Францу Алексеевичу Рубо⁷, молодому и в то время

³ Об устройстве Кавказского Военно-исторического музея // Доклад по Военно-историческому отделу при штабе Кавказского военного округа. № 254. 3 марта 1900. г. Тифлис. Б.м., б.г. С. 4.

⁴ Об устройстве Кавказского Военно-исторического музея. С. 4.

⁵ Кавказ. 1884. 4 ноября. № 247.

⁶ Учитывая дискуссионность понятия «Кавказская война» в современной историографии, обращаем внимание, что сами организаторы музея трактовали этот термин в широком смысле слова и понимали под ним все конфликты в регионе XVIII–XIX вв. с участием России.

⁷ Ф.А. Рубо (1856–1928) – один из знаменитых художников-баталистов России рубежа XIX–XX вв., автор больших батальных панорам: «Оборона Севастополя», «Бородино», «Штурм аула Ахульго».

пока еще малоизвестному художнику. Главной его целью стало «увековечить заслуги русского солдата на поле брани Кавказа». Для этого военное министерство поручало ему создание серии картин, отражающих события военной истории Кавказа начиная с Персидского похода Петра I и заканчивая русско-турецкой войной 1877–1878 годов.

Полный перечень картин включал следующие наименования: «Вступление императора Петра Великого в Тарки 13 июня 1722 года», «Вступление русских войск в Тифлис 26 ноября 1799 года», «Штурм Ленкорани генералом Котляревским 31 декабря 1812 года», «Сдача крепости Эривани 1 октября 1827 года», «Сражение под Елисаветполем 13 сентября 1826 года», «Взятие Ахульго 22 августа 1839 года», «Штурм аула Гимры 17 октября 1832 года», «Штурм крепости Салты 14 сентября 1847 года», «Смерть Слепцова 10 декабря 1851 года», «Взятие аула Дарго 6 июля 1845 года», «Сражение при Курюк-Дара 24 июля 1854 года», «Переход князя Аргутинского через снежные горы Кавказа», «Взятие Гуниба и плен Шамиля 25 августа 1859 года», «Штурм черкесами Михайловского укрепления 22 марта 1840 года», «Штурм Карса в ночь на 6 ноября 1877 году»⁸. Кроме того, выше перечисленная серия должна была дополниться двумя картинами на сюжеты военных событий в Средней Азии: «Взятие крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года» и «Сражение на реке Кушке 18 марта 1885 года».

На создание картин Ф.А. Рубо отводилось четыре года. В процессе работы художник выезжал на места изображаемых исторических событий, знакомился с местностью, делал этюды. Предварительные эскизы, изготавливаемые художником для каждой картины, представлялись на рассмотрение и утверждение командующего на Кавказе А.А. Дондукова-Корсакова.

Вместе с Ф.А. Рубо над созданием картинной галереи трудились художники Н.С. Самокиш и И.К. Айвазовский. Украшением музея стала, например, картина Самокиша «Сражение при р. Иоре (1800 г.)», посвященная подвигу русских войск и грузинских ополченцев, разбивших скопища горцев, под предводительством Омар-хана и тем самым предотвративших разорение Грузии. Высадке Николая I в 1837 г. на черноморском берегу Кавказа, во время сильной бури и встрече его отрядом солдат и офицеров во

⁸ Садовень В.В. Русские художники баталисты XVIII–XIX вв. М., 1955. С. 357.

главе с генералом А.А. Вельяминовым, посвящалась картина Айвазовского «Прибытие императора Николая I в Геленджик».

Наряду с живописными полотнами на исторические сюжеты, стены музея предполагалось украсить портретами императоров и выдающихся кавказских деятелей. О работе в этом направлении свидетельствует отложившаяся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) переписка А.А. Дондукова-Корсакова с одним из известных военачальников и администраторов Кавказа 50–70-х гг. XIX в. М.Т. Лорис-Меликовым. «Льщу себя надеждой, – писал Дондуков-Корсаков, – что Ваше Сиятельство, сочувствуя прекрасной цели Военно-Исторического Музея, не откажете ему в Вашем содействии пожертвовать Ваш портрет, причем желательно было-бы, чтобы таковой имел размеры 1 аршин ширины и 1 $\frac{1}{4}$ вышины»⁹.

Одновременно устроителями музея собирались боевые трофеи, добытые кавказскими войсками, разные вещи, принадлежавшие известным участникам событий военно-политической истории Кавказа XVIII–XIX веков.

Ко времени путешествия по Кавказу императора Александра III в 1888 г. музей открыть еще не успели. Тем не менее, одну половину строящегося здания наскоро приспособили для размещения уже готовых картин, портретов и некоторых экспонатов. На стенах разместили большие, во весь рост, портреты русских императоров, начиная с Петра Великого и заканчивая Александром III, выполненные местным тифлисским художником Колчиным. Портреты императоров дополнялись десятью большими картинами, работы художников Ф.А. Рубо, Н.С. Самокиша и И.К. Айвазовского¹⁰.

Над этими картинами разместили портреты главнокомандующих на Кавказе, генералов и просто офицеров, отличившихся в сражениях. По углам установили трофейные знамена, как памятники победы русского оружия периода русско-персидских, русско-турецких войн первой трети XIX в. и кавказско-горской войны.

На особом столе были разложены планы музея, проекты надписей на его наружных стенах. Здесь же, в красивых сафьяновых папках, лежали краткие описания каждой картины и каждого портрета.

Из вещей, уже поступивших в музей к тому времени особого внимания заслуживали три шашки, принадлежавшие Кавказско-

⁹ ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 173. Л. 2.

¹⁰ *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе 18 сентября – 14 октября 1888 г. Тифлис, 1889. С. 147.

му наместнику М.С. Воронцову: чернильница и подзорная труба, сопровождавшая Командующего Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевича во всех его походах времен русско-турецкой и русско-иранской войн, и, наконец, ключи покоренных крепостей: Аббас-Абада, Эривани, Тавриза и Ардебилля.

Большую ценность представляли также вещи, принадлежавшие графу Н.И. Евдокимову – выдающемуся боевому генералу, с именем которого связано пленение Шамиля и завершение военного противостояния на Северо-Западном Кавказе. Эти вещи были подарены музеем его вдовой и включали большой серебряный альбом, шашку Евдокимова и кинжал, которым он был тяжело ранен в 1840 г. во время службы приставом в Дагестане¹¹. Для будущих военных историков Кавказа особый интерес представлял альбом, в котором были собраны фотопортреты сподвижников графа по его служебной деятельности. Он был преподнесен ему 31 декабря 1864 г. в Ставрополе на торжественном обеде. На это мероприятие съехались депутаты от всех частей войск, располагавшихся в то время на территории Кубанской области¹².

Во время экскурсии по музею Александра III сопровождал А.А. Дондуков-Корсаков. Он лично объяснял императору эпизоды, изображенные на картинах и комментировал представленные в музее вещественные экспонаты¹³. Александр III остался доволен увиденным и в своей тожественной речи пожелал, «чтобы в будущем Военный музей достиг того значения и той высокой цели, которую он начертал на своем знамени»¹⁴.

¹¹ История кинжала и шашки, представленных в музее, была тогда достаточно известна на Кавказе. В 1840 г. в чине подполковника Н.И. Евдокимов был приставом Койсублинского общества. Получив известие о появлении мюридов, Евдокимов стремительно прискакал в аул Унцукуль и потребовал от его жителей выдачи возмутителей. В это время подкравшийся сзади горец ударил его кинжалом, который прошел насквозь через спину, грудь и живот. Истекая кровью, Евдокимов успел сразить шашкой нападавшего. Крепкое здоровье Николая Ивановича помогло ему перенести эту страшную рану, а унцукульцы, под впечатлением случившегося, выдали всех мюридов.

¹² Отрывочные сведения об истории создания этого памятного альбома можно найти в переписке между Начальником штаба Командующего войсками на Кавказской линии Н.Н. Забудского и командира Псекупского полка И.И. Попко в 1864 году (см.: ГАКК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 15. Л. 20).

¹³ *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе. С. 149.

¹⁴ Об устройстве Кавказского военно-исторического музея. С. 5.

Со временем здание музея было достроено и стало украшением центральной улицы Тифлиса – Головинского проспекта. Его описание находим в путеводителях по Кавказу рубежа XIX–XX вв.: «Здание музея довольно обширное и освещается посредством стеклянной крыши <...>. На фасаде здания находится 10 больших металлических досок, на которых золотыми буквами отмечены важнейшие события Кавказской войны и не только. Эта “боевая хроника Кавказа” начиналась с заложения крепости Терки (1567 г.) и заканчивалась сражением в Закаспийском крае на р. Кушке (1885 г.). На двух меньших досках, так же расположенных на фасаде здания выгравировали на одной – выписку из ноты грузинского посольства (1800 г.) с предложением принять российское подданство, а на другой – выписку из манифеста Александра I (1801 г.) о включении Восточной Грузии в состав Российской империи»¹⁵. Перед зданием музея был разбит красивый палисадник, решетка которого состояла из трофейных турецких, персидских и шамилевских пушек, увенчанных сверху двуглавыми золочеными орлами.

В конце XIX в. музею так и не удалось достичь той цели, ради которой он создавался. Объяснялось это, во-первых, отсутствием денежных средств, т.к. указанная выше сумма выделялась только на постройку здания и заказ некоторых живописных полотен. После ее израсходования никаких дополнительных источников финансирования открыто не было.

Во-вторых, и это, пожалуй, главная причина, у музея не было настоящего хозяина, который заботился бы о его правильной организации, пополнении и процветании. Комиссия по его устройству сосредоточилась на приобретение дорогостоящих картин, при этом отделы, которые должны были составить фундаментальную часть каждого музея, остались без должного внимания. Да и само здание оказалось пригодным скорее для простой картинной галереи, нежели для музея, имеющего военно-ученое, историческое и воспитательное значение.

В начале XX в. Василий Александрович Потто – известный военный историк, много сделавший для популяризации военно-политической истории Кавказа, предложил произвести в музее ряд новых преобразований. Помимо картинной и портретной галерей, Потто планировал открыть в нем новые отделы: исторический, этнографический и отдел библиотеки.

¹⁵ Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. СПб., 1913. С. 238–239.

Для создания исторического отдела Потто предлагал развернуть работы по собиранию реликвий времен Кавказской войны, боевых трофеев, вещей, принадлежащих разным выдающимся деятелям Кавказской войны, предметов напоминающих исторические события и т.д.

Для этнографического отдела планировалось подготовить различные манекены, образцы одежды, оружия и походного снаряжения русских войск в различные исторические эпохи. Аналогичные материалы предлагалось представить о горских народах Кавказа. Здесь же должны были находиться образцы походных вьюков, седел и другого конского снаряжения. Особое место отводилось моделям русских укреплений и горских аулов, с названиями которых связаны ключевые события военной истории Кавказа, а также модели или снимки с монументов, памятников, могил и т.д.

В специально открываемой при музее библиотеке, по мнению Потто, необходимо было собрать печатные и рукописные материалы, относящиеся к кавказской истории. Здесь же должны были находиться коллекции карт и планов сражений, хранившиеся в Военно-историческом и Военно-топографическом отделах Кавказского военного округа.

Наряду с перечисленными отделами Потто настаивал на создании специального зала для аудитории, в котором должны были проводиться публичные чтения, лекции и военно-исторические беседы. Предназначались они не только для военных, но и для каждого образованного человека.

Для реализации такой масштабной программы преобразований, Потто настаивал на всецелом подчинении музея Военно-историческому отделу при Кавказском военном округе, который по его словам, «будет не только его устройтелем и хранителем, но и ревностным созидателем его дальнейшей жизни»¹⁶. Наконец, Потто нужны были денежные средства для постоянного содержания и пополнения музея.

В итоге, в марте 1906 г., распоряжением Главнокомандующего войсками округа, состоявший в инженерном ведомстве Кавказский Военно-исторический музей был передан в ведение Военно-исторического отдела при штабе округа. 11 февраля 1907 г. произошло его, уже ставшее вторым, торжественное открытие.

¹⁶ Об устройстве Кавказского военно-исторического музея. С. 6.

Не все предложения Потто тогда удалось воплотить в жизнь. Он так и не добился постройки нового, более приспособленного под музей здания. Это не позволило создать специализированные отделы, о которых так ратовал Потто. Тем не менее, трудами Василия Александровича были существенно пополнены фонды музея. Большую часть музейного собрания составили предметы вооружения, униформа, полковые знаки отличия (штандарты, знамена, значки и жетоны), боевые трофеи. Довольствуясь тем помещением, которое уже было у музея, Потто систематизировал эти материалы по трем помещениям: центральное, правое и левое, в которых экспонаты были размещены по хронологическому принципу.

Среди уникальных экспонатов музея следует назвать: печать Главного штаба Кавказской армии; золотую гусарскую саблю, в золотой оправе, принадлежавшую князю В.Г. Мадатову – герою Отечественной войны 1812 г. и сподвижнику А.П. Ермолова на Кавказе; трубку из черешневого корня. В середине XIX в. такие трубки, называемые кабардинскими, были широко распространены среди офицеров, служивших на Кавказской линии¹⁷.

Неотъемлемой частью музея стали образцы трофейного оружия, например, персидские и турецкие ятаганы, кремневые ружья, восточного производства, кавказские пистолеты и шашки, клинок «гурда». На витринах музея были представлены памятные медали, изготовленные в честь побед русского оружия в Персии и Турции известным медальером и скульптором графом Федором Петровичем Толстым. Украшением музея являлись гипсовые фигуры и модели российских императоров, русских и горских воинов, горских башен и казачьих пикетов.

Благодаря В.А. Потто была существенно расширена коллекция трофейных персидских, турецких и горских знамен, взятых в Карсе, Ахалцихе, под Баязетом, в Эривани и под Елисаветполем, а также при штурме горских крепостей и аулов. Большой интерес представляли знамена горских имамов: Кази-муллы, Гамзат-бека, Шамиля и его наибов.

В музее были также представлены экспонаты несвязанные с военной тематикой. Внимание посетителей привлекала роговая ложка, подаренная А.С. Грибоедову его невестой княжной Н.А. Чавчавадзе. Ею же был вышит и чехол к этой ложке. Отдельную группу пред-

¹⁷ Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Б.м., б.г.

ставляли портреты известных русских писателей, жизнь и творчество которых оказались неразрывно связанными с Кавказом: А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, А.А. Бестужева-Марлинского, Л.Н. Толстого.

Побывать в музее можно было в любой день, кроме субботы. Стоимость входного билета составляла 20 коп. Учащиеся и военнослужащие посещали музей бесплатно¹⁸. Для удобства посетителей и пропаганды вверенного ему музея В.А. Потто составил подробный указатель по Военно-историческому музею¹⁹, показывающий музейные экспонаты в контексте событий кавказской истории. В дальнейшем он был доработан, и уже в качестве путеводителя по музею неоднократно переиздавался под редакцией Военно-исторического отдела²⁰.

Отмечая положительное значение произведенных в музее преобразований, современники писали, что «со времени передачи его в ведение военно-исторического отдела, он сделался тем ценным памятником, к которому никогда не зарастет кавказская народная тропа, ибо в нем все – и русский, и грузин, и армянин, и мусульманин – найдут с радостью и гордостью своих родных героев»²¹.

В годы Первой мировой войны, 28-го ноября 1914 г. во время своего пребывания в Тифлисе, в Кавказском военно-историческом музее побывал Николай II. Как отмечал с места событий корреспондент, «в музее объяснения государю императору имел счастье давать начальник Военно-исторического отдела полковник Эсадзе». Николай II «изволил остановить свое внимание на некоторых батальных картинах художника Рубо, выразил удовлетворение по поводу прекрасного состояния музея и расписался в особой книге»²².

Упомянутый корреспондентом полковник С.С. Эсадзе был учеником В.А. Потто, известным военным историком Кавказа, ав-

¹⁸ Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. СПб., 1913. С. 239.

¹⁹ Указатель по Кавказскому Военно-историческому музею. Тифлис, 1907.

²⁰ Путеводитель по Кавказскому Военно-историческому музею. 4-е изд. Тифлис, 1913.

²¹ Городецкий Б.М. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа. Библиографические очерки // Кубанский сборник. 1913. Т. 18. С. 384.

²² Искры. Иллюстрированный художественно-литературный журнал. 1915. № 7. С. 1.

тором работ по истории присоединения Северо-Западного Кавказа и установления гражданского управления на Кавказе.

Именно на долю С.С. Эсадзе выпала тяжелая участь стать свидетелем гибели музея. В годы Первой мировой войны из Тифлиса он был эвакуирован в города Северного Кавказа. В дальнейшем часть экспонатов осела в местных музеях, а часть была возвращена в Грузию, где уже не составила самостоятельного музея. Отдельные материалы были переданы в Государственный исторический музей Грузии и запасники Государственного музея искусств Грузии. Знамена, ордена, различное оружие и предметы обмундирования использовались в грузинском кинематографе, как реквизит, во время съемок исторических фильмов с батальными сценами. Сегодня в бывшем здании Военно-исторического музея располагается Государственная картинная галерея Грузии.

В заключение следует отметить, что история Кавказского военно-исторического музея является ярким примером включения военно-научной общественности в дело сохранения исторической памяти о событиях военного прошлого. Накопление и систематизация собранного в музее материала неизбежно вела к необходимости его изучения и использования в военно-воспитательных целях. Знакомство с музейными экспонатами помогало военнослужащим поближе познакомиться с историей боевого пути своей войсковой части, вселяло в них чувство уважения и гордости за своих предшественников, и в целом формировало систему их нравственных и ценностных ориентиров. Богатый опыт Кавказского военно-исторического музея может быть использован и в наши дни музейными учреждениями военных округов современной России.

ОСВЕЩЕНИЕ СОБЫТИЙ БРУСИЛОВСКОГО ПРОРЫВА В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1916 ГОДА

О.Ю. Стародубова

Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова,
кафедра истории России
E-mail: starodubova_olesya@mail.ru

Немаловажную роль в социально-психологической мобилизации общества в экстремальных условиях вооруженного конфликта играет пропаганда военного героизма. В годы Первой мировой войны для его трансляции и пропаганды была использована периодическая печать. После трагического отступления русской армии в 1915 г., значимым для русской общественности событием стал Брусиловский прорыв. Широкое освещение хода его действий в прессе должны были вызвать у населения Российской империи чувство национальной гордости и патриотизма.

Ключевые слова: Первая мировая война, Брусиловский прорыв, А.А. Брусилов, пресса, патриотизм, общественное сознание, Российская империя.

BRUSILOV BREAKTHROUGH COVERAGE IN PRINTED MEDIA 1916Y

O.Y. Starodubova

Significant role in social-psychological societal engagement at extreme conditions of the armed conflict plays propaganda of military heroism. Printed media was used for its transmission and propaganda during the First World War. After the tragic retreat of Russian army in 1915 the significant event for the Russian society had become Brusilov breakthrough. Extended coverage of it in the printed media should create the sense of national pride and patriotism among the people of Russian empire.

Key words: World War One, Brusilov breakthrough, A.A. Brusilov, printed media, patriotism, public conscience, Russian empire.

Немаловажную роль в социально-психологической мобилизации общества в экстремальных условиях вооруженного конфликта играет пропаганда военного героизма. В годы Первой мировой войны для его трансляции и пропаганды была использована периодическая печать. После трагического отступления русской армии в 1915 г., значимым для русской общественности

событием стал Брусиловский прорыв. Широкое освещение хода его действий в прессе должны были вызвать у населения Российской империи чувство национальной гордости и патриотизма.

С началом войны перед руководством Российской империи стояла задача организации социально-психологической мобилизации населения в войне. Большая роль усилий органов власти была направлена на формирование нужного восприятия войны общественностью. В качестве эффективного средства распространения информации использовалась периодическая печать. В результате череды тяжелых военных поражений 1915 г. русская армия была оттеснена противником вглубь своей территории. В тылу росло недовольство и паника. Поражение русских войск стало причиной разочарования общества в деятельности государственной власти. Ходили слухи об измене министров и предательстве генералитета. Важной задачей стала пропаганда патриотических настроений, войны до победного конца, защиты отечества.

В широком смысле под пропагандой понимается распространение информации в целях воздействия на общественное мнение. Причем, главной целью пропагандистской деятельности является целенаправленное воздействие на общественные умонастроения, с целью изменения социального поведения в нужном направлении¹.

Во время Первой мировой войны наступательная операция Юго-Западного фронта в 1916 г. под командованием генерала от кавалерии А.А. Брусилова имела важное военно-политическое значение. Являясь частью общего стратегического плана Антанты, наступательная операция армий Юго-Западного фронта была тщательным образом подготовлена. При её разработке генерал А.А. Брусилов решил произвести по одному прорыву на фронте каждой из четырёх своих армий. Выбранная тактика лишала противника возможности своевременно перебросить резервы на направление главного удара. Силы фронта были распределены следующим образом: главный удар на Луцк и далее на Ковель наносила сильная правофланговая 8-я армия (генерал А.М. Каледин), вспомогательные удары наносились 11-й армией (генерал В.В. Сахаров) на Броды, 7-й (генерал Д.Г. Щербачев) – на

¹ См.: Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2007.

Галич, 9-й (генерал П.А. Лечицкий) – на Черновицы. Командующим армиями была предоставлена свобода выбора участков прорыва. Наступлению предшествовали тщательная разведка, обучение войск, оборудование инженерных плацдармов, приблизивших русские позиции к австрийским. Наступление войск Юго-Западного фронта проходило с 22 (4 июня) мая по август 1916 год. В результате организованной военной операции было нанесено серьезное поражение войскам Четверного союза. Действия русских армий в Брусиловском прорыве являлись важным фактором в захвате Антантой стратегической инициативы в 1916 году.

Для осуществления боевой операции пришлось привлечь большие людские и материальные ресурсы. Рассматриваемое наступление, единственный раз за всю историю мирового конфликта, было названо современниками по имени главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала от кавалерии А.А. Брусилова и, вошла в военную историю как «Брусиловский прорыв». Она стала последним успешным военным сражением царской армии с германским противником перед крушением Российской империи.

За все время Брусиловского прорыва в боях с противником русские солдаты и офицеры проявляли храбрость и мужество, совершали боевые подвиги. Высшей наградой в Российской Империи в то время был Георгиевский крест различных степеней. Из-за многочисленности героев орден стали изготавливать из драгоценных металлов с установлением для награжденных им особого ежегодного денежного вознаграждения: за 4-ю степень – 36 рублей, за 3-ю – 60, за 2-ю – 96, за 1-ю – 120².

Вопрос потерь русской армии в ходе Брусиловского прорыва до настоящего времени остается открытым. Это связано с вариативностью периодов наступления Юго-Западного фронта. Так, по подсчетам Ветошникова, с 25 мая (8 июня) по 13 (27) июля общие потери составили 498.861 человек³. Этот период и связанная с ним цифра закрепились в военных энциклопедических изданиях. По подсчетам полковника Б.А. Агеева за три месяца (июнь – август) русские войска недосчитались 1 млн. человек⁴. Согласно Нелиповичу, до октября 1916 г. потери русской армии составили 1.454.140

² «Это повысит Ваш авторитет среди фронтовиков» / публ. А.А. Чернобаева // Военно-исторический журнал. 2005. № 5. С. 68.

³ Ветошников Л.В. Брусиловский прорыв. М., 1940. С. 146.

⁴ Агеев Б.А. Указ. соч. С. 27.

человек, из них убитыми 2.930 офицеров и 199.836 солдат, ранеными – 14.932 офицера и 1.075.956 солдат, пропавшими без вести – 928 офицеров и 151.749 солдат⁵. Потери противника тоже оцениваются по-разному. Советские военные историки приводят данные в 1.500.000 человек. Согласно подсчетам Нелиповича, произведенным по ведомостям Австрийского архива, неприятель потерял около 790 тыс. человек, в том числе не менее 450 тыс. безвозвратно⁶.

В целом, наступательная операция Юго-Западного фронта имела для Антанты важное военно-политическое значение. Она привела к крупному поражению австро-венгерских войск в Галиции и Буковине. Проведение данной военной операции оказало значительную помощь союзникам России, поскольку противник, перебросив на Восточный фронт значительные силы, вынужден был прекратить наступление в Трентино против Италии и в то же время ослабить давление на Верден. Под влиянием Брусиловского прорыва Румыния решила выступить на стороне Антанты. Наряду с боями на р. Сомма наступление Юго-Западного фронта положило начало общему перелому хода Первой мировой войны в пользу стран Антанты.

В годы Первой мировой войны главным источником информации служила периодическая печать. В ее задачи входило формирование патриотических общественных настроений. С первых дней наступление на Юго-Западном фронте в июне 1916 г. получило широкое освещение в официальном еженедельном иллюстрированном журнале «Летопись войны».

Информация о данном событии структурировалась согласно тематическим рубрикам. В них содержались сведения о продвижении армий Юго-Западного фронта, захваченных ими территорий и количества военных трофеев. На страницах «Летописи войны» нашло отражение восприятие русского наступления союзниками, материалы иностранной печати⁷. Примером значимости наступления для государства служили поздравительные теле-

⁵ Нелипович С.Г. Наступление русского Юго-Западного фронта летом-осенью 1916 г.: Война на самоистощение? // Отечественная история. 1998. № 3. С. 47.

⁶ Он же Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., 2006. С. 41.

⁷ Беседа с генералом Брусиловым // Летопись войны. 1916. 18 июня. № 96. С. 1531.

граммы от императора Николая II и членов Государственной Думы и мероприятия, организованные в честь «победы русского воинства»⁸.

Наряду со статьями, журнал был снабжен иллюстративным материалом: рисунками, фотографиями, картинами, картами, планами. В условиях малограмотности населения Российской империи иллюстрации облегчали восприятие текста, надолго запечатлеваясь в памяти.

Иллюстративное освещение событий Брусиловского прорыва можно разбить по нескольким тематическим направлениям:

1. официальные визиты на Юго-Западный фронт Верховного Главнокомандующего⁹;
2. деятельность армейского командования Юго-Западного фронтом¹⁰;
3. пленные и бегство врага¹¹;
4. захваченные территории¹²;
5. военные трофеи¹³.

⁸ Торжество в Царской Ставке // Летопись войны. 1916. 11 июня. № 95. С. 1512–1513.

⁹ На фронте генерал-адъютанта Брусилова. Государь Император принимает ординарцев. Справа от Его Императорского Величества Великий Князь Дмитрий Павлович и генерал-адъютант А.А. Брусилов. Май 1916 г. // Летопись войны. 1916. 25 июня. № 97. С. 1545; На фронте генерал-адъютанта Брусилова. Перед Его Императорским Величеством Государем Императором проходит конная батарея. (Весна 1916 г.) // Там же. 2 июля. № 98. С. 1561.

¹⁰ Генерал от кавалерии А.М. Каледин (рисунок художника Кравченко) // Летопись войны. 1916. 18 июня. № 96. С. 1529; Генерал П.А. Лечицкий, под командованием которого взят г. Черновцы // Там же. С. 1531; Ближайшие боевые помощники Верховного Главнокомандующего, Государя Императора, а Великой войне // Там же. 16 июля. № 100. С. 1593.

¹¹ Бегство австрийцев // Летопись войны. 1916. 11 июня. № 95. С. 1516; Пленные австрийцы // Там же. 25 июня. № 97. С. 1551; В Галиции. Пленные австрийцы // Там же. 2 июля. № 98. С. 1567; Преследование неприятеля нашей конницей на южном фронте // Там же. 23 июля. № 101. С. 1613.

¹² Российские войска в Бучаче // Летопись войны. 1916. 18 июня. № 96. С. 1533; Район наступления наших армий юго-западного фронта // Там же. 25 июня. № 97. С. 1550; Город Луцк // Там же. 2 июля. № 98. С. 1565; Черновцы. «В резерве» // Там же. 9 июля. № 99. С. 1579 и др.

¹³ Австрийские окопы в одной из деревень под Стрыем // Летопись войны. 1916. 11 июня. № 95. С. 1516; Австрийские орудия, взятые войсками генерала Брусилова на фронте Брыза-Фундул-Млодава, северо-западнее Кимполунга // Там же. 23 июля. № 101. С. 1615; Тяжелые орудия и пулеметы

При анализе материалов «Летописи войны» приходится констатировать, что основное внимание было сконцентрировано на публикации свидетельств о поражении противника (преследование врага, пленные). Принимая во внимание царившую в российском обществе ненависть к немцам и веру в их непобедимость на фронте, власть пыталась поколебать уже устоявшиеся представления, внушив веру в сокрушительную силу русской армии.

Однако успех русской армии на Юго-Западном фронте стимулировал интерес общественности к данному событию. Данная тенденция хорошо прослеживается при анализе материалов наиболее распространенных периодических изданий дореволюционной эпохи – журнала «Нива» и газеты «Русское слово». Данные издания имели не только постоянные рубрики, но и собственных корреспондентов на фронте К. Шумского (К.М. Соломонов)¹⁴ и М.С. Лембича¹⁵.

В популярном еженедельном иллюстрированном журнале для семейного чтения «Нива» хронику событий наступления юго-западного фронта освещал военный корреспондент К. Шумский, вошедший в десятку обозревателей, допущенных властью в действующую армию. В рубрике «Дневник военных действий К. Шумского» на протяжении с 4 июня по 16 июля освещались боевые действия русской армии, фиксировались территории продвижения, давалась информация о количестве трофеев¹⁶. Текстовый материал богатым визуальным рядом. Его составляли фотографии командующих армиями, солдат, отличившихся в сражениях, отбитых у противника территорий и захваченных пленных.

ты, взятые у немцев во время боев на южном фронте // Там же. 6 августа. № 103. С. 1644.

¹⁴ Соломонов Константин Маркович – военный корреспондент журнала «Нива». В 1914 г. вошел в состав группы из десяти обозревателей, допущенных властью в действующую армию (см.: *Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914–1915.* Минск, 2003. С. 176).

¹⁵ Лембич Мечислав Станиславович – военный корреспондент популярной в Российской империи газеты «Русское слово». Награжден Георгиевской медалью (См.: *Чжао Юнхуа. Русская эмигрантская газетная группа «Заря» и ее деятельность в Китае в первой половине XX в.* // Медиаскоп. 2012. Вып. 3 (URL: <http://www.mediascope.ru/node/1118> [дата обращения: 10.09.2014])).

¹⁶ Дневник военных действий К. Шумского // *Нива.* 1916. 2 июля. № 27. С. 417.

В Российской империи периода Первой мировой войны лидирующее место на рынке печати занимала газета. Среди них выделяются главный печатный орган русской интеллигенции, ежедневные газеты либеральной направленности «Русские ведомости» и «Русское слово». На всем протяжении наступления на Юго-Западном фронте работали военные корреспонденты газеты «Русские ведомости» Н. Каржанский (печатающийся под псевдонимом В. Качанов) и «Русское слово» – М. Лембич, которые каждодневно освещали ход военных событий.

Собственный корреспондент газеты «Русские ведомости» в действующей армии В. Качанов на протяжении с 25 мая по 21 июня 1916 г. вел каждодневный репортаж о продвижении войск Юго-Западного фронта. Детальная фиксация количества пленных и трофеев позволяла читателю представить масштабы и значимость наступления¹⁷, а оценка военных заслуг русских войск – поверить в боеспособность армии и в возможность разгромить врага. Обозреватель констатировал: «Необычное воодушевление царит в наших рядах. Волшебное слово «наступаем» сразу слило наши полки в одну мощную лавину, которую безусилен остановить растерянный противник»¹⁸.

Среди рассмотренных периодических изданий, пальма первенства среди освещения событий наступления на Юго-Западном фронте под командованием А.А. Брусилова, принадлежит газете «Русское слово». Самое доступное и многотиражное в Российской империи издание предоставляло читателю детальные, а порой и уникальные сведения о деятельности русских войск. Информация о «фронте генерала Брусилова» сообщалась вплоть до сентября 1916 года. Скрупулезно фиксируя события, корреспонденты М. Лембич и Н. Михайловский сообщали каждодневный маршрут наступления русских войск, фиксировали офицерские и солдатские подвиги¹⁹, впервые поведали о героической деятельности второочередных частей армий Юго-Западного фронта²⁰.

¹⁷ Восточный театр войны. Петроград // Русские ведомости. 1916. 26 мая. № 120. С. 3.

¹⁸ Качанов В. Наступление генерала Брусилова // Русские ведомости. 1916. 30 мая. № 123. С. 1.

¹⁹ Михайловский Н. Неожиданный удар // Русское слово. 1916. 5 июля. № 154. С. 1–2.

²⁰ Лембич М. На фронте генерала Брусилова. Берестечко // Русское слово. 1916. 12 июля. № 159. С. 3.

Все периодические издания не прошли мимо военных и организаторских заслуг командующего Юго-Западным фронтом. Успешные действия русских войск сделали генерала А.А. Брусилова национальным героем.

В Первую мировую войну до вступления в должность командующего Юго-Западным фронтом, Брусилов осуществлял руководство 8-ой армией. Вверенные ему войска достаточно успешно вели боевые действия в Галиции. «Генерал Брусилов – железный командующий армией, – восклицали офицеры Юго-Западного фронта, – и ведет себя идеально хорошо»²¹ За доблесть, проявленную в боях, и умелое руководство армией Брусилов был отмечен рядом наград. В мае 1916 г. армии Юго-Западного фронта, под командованием Брусилова, осуществили прорыв обороны противника. Данное наступление было наиболее успешной операцией Восточного фронта за всю историю Первой мировой войны. На Брусилова посыпались поздравительные телеграммы и письма²². Вышла книга, посвященная Брусилову²³. В сентябре 1916 г. вышел фильм Скобелевского комитета «Генерал – адъютант А.А. Брусилов, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, одержавший блестящие победы в начатом им с 22 мая с.г. наступлении на Австрию»²⁴. Не забыл отметить главнокомандующего очередной наградой император Николай II.

Периодика пестрила статьями с места событий: публиковались интервью с Брусиловым, его фотографии, рассказы о работе его штаба, военных подвигах, сводки²⁵, воспоминания о службе с ним²⁶. «Имя Брусилова гремит по целому свету, – вспоминал Дрейер, – он герой и величайший полководец Российской Импе-

²¹ Михайлова А. Из дневника Л.В. Ларионова о русско-германской войне // Звезда. 1943. № 5–6. С. 201.

²² Летопись войны 1914–1915 г. Пг. 1916. 18 июня. № 96. С. 1533.

²³ Андрианов П. Генерал Брусилов. Одесса, 1916.

²⁴ Летопись российского кино 1863–1929. М., 2004. С. 203.

²⁵ Среди них: Качанов В. В штабе Брусилова // Русские ведомости. 1916. 23 сентября; Лембич М. Бой на фронте генерала Брусилова // Русское слово. 1916. 27 мая; Шумский К. Дневник военных действий // Нива. 1916. 11 июня. № 24. С. 417; Генерал Брусилов // Марс. 1916. № 6. С. 9; Русское наступление // Летопись войны. 1916. 13 августа. № 104. С. 1659–1660.

²⁶ Патрон. Из воспоминаний о генерал-адъютанте Брусилове // Разведчик. 1916. 28 июня. № 1338. С. 411.

рии. Государь благодарит его рескриптом, посылает генерал-адъютанские вензеля и Георгия 3-й степени»²⁷.

Генерал был дружен с Великим князем Николаем Николаевичем, и как отмечают подчиненные, умел нравиться высшему начальству. Среди деловых качеств Брусилова современники отмечали его пунктуальность, работоспособность, требовательность, упорство. По свидетельству В.Н. Дрейера Брусилов был «способный человек, начитанный, порою остроумный»²⁸. При первом общении с императором Николаем II Брусилов произвел на него приятное впечатление. До сих пор бытует тезис о том, что заслуги Брусилова всячески замалчивались при дворе. Отнюдь нет, император с интересом следил за ходом наступления Юго-Западного фронта и молился за его успешное осуществление: «Благослови, Господи, наши доблестные войска дальнейшим успехом!»²⁹. За свои заслуги Брусилов получил от императора очередную награду. О значимости для Николая II событий лета 1916 года свидетельствует запись сделанная им 22 мая 1917 г.: «Сегодня годовщина начала наступления армии Юго-Западного фронта! Какое тогда было настроение и какое теперь!»³⁰.

Сведения о генерале появились и в иностранной печати. Внимание общественности стран-союзниц привлекали статьи с заголовками «Русская победа», «Россия наносит удар», «Русские начали первыми большое наступление союзников в 1916 г.»³¹. В Америке успехи армий генерала Брусилова породили о нем множество сенсаций и слухов, порой нелепых³².

Таким образом, главным источником информации в Российской империи в годы Первой мировой войны была периодическая печать. Широкое освещение на страницах журналов и газет получили героические события наступления армий Юго-Западного фронта в 1916 г. под командованием генерала А.А. Брусилова. Данное событие имело важное значение для поднятия патриотических настроений в русском обществе.

²⁷ Дрейер В.Н. На закате империи: Воспоминания. Мадрид, 1965. С. 107.

²⁸ Там же. С. 104.

²⁹ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 588.

³⁰ Там же. С. 643.

³¹ Отклики в Англии // Русское слово. 1916. 26 мая. № 120. С. 1.

³² Курьезы иностранной печати // Разведчик. 1916. 29 ноября. № 1360. С. 762.

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В РЕШЕНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОБЛЕМ В РОССИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ НА ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ И В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

В.В. Хасин

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: hasin1@rambler.ru

Российская империя в годы Первой мировой войны столкнулась с беспрецедентными миграционными процессами. Миллионы беженцев двинулись из западных территорий во внутренние губернии. Государственная система не смогла в полной мере дать адекватный ответ социогуманитарным вызовам эпохи, вследствие несогласованности действий гражданских и военных властей, бюрократической неповоротливости, ложных этноконфессиональных фобий. Все это привело к слабой реализации программ адаптации беженцев, разрушению социально-экономической инфраструктуры внутренних регионов, принимавших беженцев. В статье проводится и компаративный анализ российского и французского миграционного опыта.

Ключевые слова: Первая мировая война, беженцы, структуры помощи беженцам, Саратовская и Астраханская губерния, адаптация мигрантов, социальные страты.

GOVERNMENT, SOCIETY, SOCIAL INSTITUTIONS IN ADDRESSING MIGRATION ISSUES IN RUSSIA DURING WORLD WAR I AT THE NATIONAL LEVEL AND IN REGIONAL REFRACTION

V.V. Khasin

Russian Empire during the First World War has faced unprecedented migration. Millions of refugees moved from the western territories to the interior provinces. The state system was not able to give an adequate response to the challenges of socio-humanitarian era, due to lack of coordination of civil and military authorities, bureaucratic slowness, false ethno-religious phobias. All this has led to weak implementation of adaptation programs of refugees, destruction of social and economic infrastructure of inland regions which hosted refugees. The article presents a comparative analysis of the Russian and French immigration experience.

Key words: World War I, refugees, the structure of assistance to refugees, Saratov and Astrakhan Province, adaptation of migrants, social strata.

Прочность и жизнеспособность системы измеряется в первую очередь спецификой ее реакции на внешние и внутренние раздражители. Маркером измерения устойчивости внутрисистемных связей служит способность перцепции и положительной трансформации отрицательных функциональных перверсий. Таким системным маркером для Российской империи стала Первая мировая война. Действительно, можно справедливо восхищаться динамикой экономического роста, грамотностью реформ, стабилизацией политической системы и даже некоторым положительным моментам социальной миксации и унификации. Однако, неэффективность системы в кризисный период практически не оставила шансов положительного решения разнообразных вызовов военного времени. Глобальные миграционные процессы не стали исключением. Четырнадцатый год справедливо считается поворотным в истории России. Война внезапно ворвалась в размеренную жизнь страны, сломала привычные устои гражданского общества. Тяжелые поражения весны – лета 1915 г. привели к огромным людским, материальным и территориальным потерям. Массовое скопление беженцев в прифронтовых районах наблюдалось еще, с начала лета 1915 года. Однако неповоротливость бюрократической машины, нежелание ряда заинтересованных структур акцентировать на этой проблеме внимание привели к тому, что план эвакуации в «сыром» виде был разработан лишь 29 июля. То есть с опозданием на два месяца. Основывался он полученных от губернаторов, зачастую неточных данных¹.

Беспрецедентность миграций привела к необходимости регулирования процесса стихийного перемещения, а значит и появления структуры, способной это сделать.

В августе 1915 г. были заложены основы миграционной структуры – Особого совещания по устройству беженцев в Российской империи (ОСО). Председателем назначался министр внутренних дел². Проблема беженцев встала в один ряд с обороной, продовольствием топливу и перевозкам. Одновременно появился исполнительный орган в министерстве внутренних дел – отдел по

¹ См. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13273. Оп. 1. Д. 248. Л. 3.

² РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 18. Л. 9об.

устройству беженцев, который выполнял функции координирующего центра³.

Региональная государственная структура включала в себя 71 городской комитет, 42 губернских, 10 фронтовых ("Земгор" и МВД), 67 национальных и прочих⁴.

Появление в августе 1915 г. института Главноуполномоченных по устройству беженцев Юго-западного, Северо-западного фронтов⁵, а также во внутренних губерниях империи было продиктовано необходимостью хоть как то упорядочить хаос миграций⁶. Внутренние губернии были разделены на двенадцать районов по устройству беженцев. Управлять ими назначались в первую очередь губернаторы оккупированных районов, администрация была представлена эвакуированными чиновниками.

На момент Февральской революции около пяти процентов населения Российской империи были беженцами. Это больше, чем число фабричных рабочих в стране в то время. Количество мигрантов к 1916 г. достигло небывалого количества – около четырех с половиной миллионов человек. Поражение русской армии, широкомасштабное отступление и потеря территорий, в чем то, антигерманская пропаганда стали причиной этого массового исхода. Однако следует определить степень искусственности и естественности миграционных процессов.

Необходимо детерминировать категорию «беженец», столь расплывчато представленную в источниках и историографии. Она требует категориальной дивергенции. Следует обратиться к законодательству, точнее, к «Закону об обеспечении нужд беженцев в Российской империи от 30 августа 1915 года». Первая статья данного документа регламентировала статус беженца. Ими признавались, «выселившиеся из местностей, угрожаемых неприятелем, или им уже занятых, а также эвакуированные и выселенные из районов военных действий. К числу беженцев не относились лица, высланные во внутренние губернии на основании правил о военном положении и положении о полевом управлении войск и

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. л. 5.

⁴ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 615. Оп. Д. 64. Л. 5.

⁵ См.: Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1918 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 8.

⁶ РГИА, Ф. 1322. Оп. 1. Д. 11.

содержащиеся под надзором полиции на пайке»⁷. Вторая часть статьи носила во многом нечеткий характер. Высланные на основании правила о военном положении и положения о полевом управлении войск – это довольно многообразная смесь различных категорий населения: неприятельские подданные, лица неблагонадежных национальностей русского подданства (немцы и евреи) и смешанные семьи. Их количество, по сравнению с другими группами мигрантов было незначительно. Таким образом, термину «беженец» семантически соответствует категория «выселенные». Они составили по разным данным лишь 30–40 процентов мигрантов. Многие из них, по мнению специалистов, стали жертвами пропаганды. Однако, большая часть беженцев – это выселенные⁸. Во многом эта категория мигрантов предопределила катастрофический характер искусственных и естественных перемещений в империи.

На миграционные процессы в России оказала влияние традиционное противоборство различных ветвей власти, а также особенность их соподчинения. В первую очередь это касалось взаимоотношения гражданской и военной бюрократии. Недоверие императора к институтам гражданской власти, привело к засилью камарильи, министерской чехарде, и как достойное завершение всего процесса – объявление Николаем II себя Главнокомандующим и переезд в сентябре 1915 г. в ставку в Могилев. Сложно отрицать важность военных в период войны. Однако весь потенциал империи, способность функционирования в тяжелейших условиях зависели в основном от гражданской власти и тыла. Столь недвусмысленный выбор в пользу военных развязал им руки. Очевидная преференция со стороны верховной власти давала неограниченные возможности в решении как реальных, так и сильно мифологизированных проблем.

Военное командование. исходило из магистральной доктрины Первой мировой войны о максимально возможном причинении ущерба ресурсной базе противника. Однако, проводя политику «выжженной земли» они достигли обратного эффекта. Миграционные процессы, вызванные их действиями, привели к огромной трате уже российских ресурсов. Несогласованность действий армейских и гражданских чиновников привела к тому, что командование не счи-

⁷ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 27. Л. 15.

⁸ Беженцы и выселенцы. М., 1915. С. 54.

талось с тяжелым положением в прифронтовых губерниях, продолжая бессмысленно разорять прифронтовую полосу.

Излишнее усердие армейского командования привело к тому, что 20 августа Государственный совет «принимая во внимание опасность, грозящую государству от сплошного уничтожения имущества и от поголовного выселения жителей, выразил ряд пожеланий: 1) чтобы удалялось имущество, препятствующее нашему обстрелу, и могущее усилить боевое снаряжение противника; 2) чтобы при уничтожении властями имущества составлялись акты для оплаты вознаграждения; 3) чтобы население не выселялось принудительно и не лишалось необходимого запаса продовольствия; 4) чтобы добровольно покидающим свой кров облегчалась возможность выбора временного жительства; 5) чтобы члены одной семьи не расселялись бы по различным пунктам»⁹.

Тем не менее, не только благие мотивы руководили представителями интендантских служб. Объем статьи не позволяет подробно описать те злоупотребления, которые происходили в хаосе массового отступления. Схема была достаточно простой. Военные власти реквизировали имущество у выселяемых, выдавая взамен так называемые реквизиционные квитанции, которые впоследствии должны были быть оплачены. За «живые» деньги сумма в квитанциях могла быть завышена. После этого движимое имущество (в основном скот) продавались армии через конторы поставщиков. Остальное (немногое оставшееся после реквизиций) по бросовым ценам уходило в руки дельцам, близким к интендантским службам¹⁰. Таким образом, беженцы были не только следствием военных катастроф, но и хорошо отлаженной коррупцией, пронизывавшей хозяйственную часть русской армии.

Эшелоны вне расписания, в сумбурном хаосе передислокации воинских частей в период отступления, нескончаемой чередой направлялись осенью – зимой вглубь империи. Сотни тысяч больных и нетрудоспособных людей прибывали во внутренние регионы страны без учета экономически, социальных, этноконфессиональных особенностей регионов. Особое Совецание 25 сентября 1915 г. постановило производить отгрузку беженцев по «вагонному» принципу, т.е. не считаясь ни с чем, кроме количества людей в поезде¹¹. Направление беженцев в тот или иной район опреде-

⁹ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.

¹⁰ ГАСО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 2629. Л. 38.

¹¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.

лялось в соответствии с провозоспособностью путей¹². Следствием этого стала, глубокая деформация социально-экономического ландшафта, принимавших беженцев внутренних губерний. В течение четырех с небольшим месяцев более четырех с половиной миллионов человек, зачастую нетрудоспособных, «обрушились» на неподготовленные внутренние губернии, ломая и без того их слабую инфраструктуру. Ежедневные траты бюджета зимой 1915–1916 гг. превысили сумму в миллион рублей¹³. Это не считая одежды, проживания и содержания структуры помощи беженцам. Автохтонное население, находившееся за тысячи километров от непосредственных боевых действий, ощутило на себе дыхание войны.

Подавляющее число беженцев направлялось в города. Повлиял на этот процесс комплекс причин, как выдуманных, так и вполне обоснованных. К непонятным предположениям можно отнести прогнозируемую краткосрочность массовых перемещений и быструю ремиграцию (и это в августе сентября 1915 года). Вполне объяснимыми мотивами могут служить транспортная доступность городов и более развитая инфраструктура. Количество беженцев в городах внутренних губерний империй колебалось от 10–15 до 30 процентов¹⁴. Некоторые прогностические «аномалии» вызывают недоумение. И это не только теипоральные нюансы миграций. Как уже отмечалось выше, основу государственной миграционной системы во внутренних губерниях империи должно было составить руководство и бюрократия оккупированных районов. Беженцы должны были направляться вглубь страны в полном соответствии с прежним жительство, в районы эвакуации администраций «их» губерний. Нонсенс таких планов был очевиден в хаосе отступления, миграционным кризисом, несогласованности государственных органов, общественных организаций. Утопия благих намерений объяснима: создать «миграционное государство в государстве», максимально снизить негативное воздействие беженцев на структуру принимающих регионов, тем самым нивелировать большинство последствий стихийной миграции и откровенных ошибок. Привело это к весьма

¹² ГАСО. Ф. 615. Оп. 1. Д. 4. Л. 383.

¹³ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 2.

¹⁴ См.: Известия Всероссийского Союза Городов. 1916. Вып. 34. С. 29; ГАСО. Ф. 615. Оп. 1. Д. 21. Л. 29; Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 3. Д. 1478. Л. 25.

плачевным результатам, таким как потеря времени, хаотичность перемещения, первоначальный коллапс системы и общие негативные последствия миграций во всех сферах.

Отсутствие планов, эвакуации, неточность в прогнозировании количественных, качественных и темпоральных аспектов миграций привели к возникновению некоторого «ментального диссонанса» между приезжими и принимающей стороной. Крестьяне, составлявшие подавляющее число беженцев¹⁵, создали ряд социокультурных проблем. Интеграционный потенциал сельского традиционного населения, носителя аграрных стереотипов в городское пространство был относительно низок. Даже взяв в расчет весьма скромную культурную урбанизацию провинциальных российских городов, можно отметить серьезный дисбаланс между пришлым и местным населением. Идеи общинности, этатического патернализма, преобладали среди беженцев, требовавших всемерной заботы со стороны местных органов и относящихся к ней, как к абсолютно естественному и неограниченному темпорально действию. Таким образом, даже при гипотетической возможности получения работы в городе, как правило, неквалифицированной, беженцы ее игнорировали, полагая, что «справедливым» является забота о них государства, а не самостоятельный поиск пропитания и проживания. Все это привело к неестественно сильной нагрузке на местные страты и глубоким противоречиям с местным населением, которое не принимало откровенно, на их взгляд, паразитическую позицию мигрантов. Общинные стереотипы привели к резкому отторжению идеи расселения по квартирам в различных уголках города. Так называемые «беженские очаги», с их скученностью, эпидемиологическим неблагополучием, криминальной составляющей, так и оставались неременной иллюстрацией тыловой жизни военного периода.

Стоит отметить, что местное население неприязненно относились и к эвакуированным промышленным рабочим, работающим на оборону. Считалось, что правительство излишне заботится об них, «имевших «хороший заработок, отсрочку от фронта, да еще и продовольствие по твердым ценам»¹⁶.

¹⁵ Кищенко М.С. Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 61.

¹⁶ См.: Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014.

Прогнозируемая краткосрочность миграций (абсолютно неизвестно на чем основанная) ставила задачу минимальной интеграции беженцев в ландшафт принимающих регионов. С весны – лета 1916 г. при постепенном осознании длительности военных действий и, как следствия, продолжительности миграционных процессов задачи кардинально изменились. Не последнюю роль сыграла и нагрузка на бюджет, ежедневно тративший на нужды беженцев до полутора миллионов рублей, и моральная деградация мигрантов, ведущих паразитический образ жизни, и катастрофического положения принимающих регионов, социально-экономическая структура которых была серьезно деформирована мигрантами. Беженский паек составил 23–24 копейки на взрослого¹⁷. Практически во всех воюющих странах пособие были схожими. Так, во Франции это было около 60 сантимов (примерно 22,2 копейки)¹⁸. Очевидным стало переселение беженцев (по большей части крестьян) в сельские районы. Данная мера рассматривалась как панацея для решения всех проблем. В этом контексте отмечался и положительный эффект для устройства беженцев, снятие давления на внутренние регионы. Более того, теоретически представлялись и очевидные экономические выгоды от прибытия новых рабочих рук в сельскую местность, якобы обескровленную мобилизацией. Практика показала, сколь далеки были теоретические предположения от суровых реалий села средней полосы России и Поволжья.

Хаотическое перемещение летом-осенью 1915 г. привело к тому, что беженцы оказались в тех районах, где они были абсолютно не нужны. В районы, где новые рабочие руки были крайне востребованы, они не попали. Перебрасывать их из одного региона в другой не представлялось возможным из за отсутствия средств и физического состояния мигрантов.

По данным министерства земледелия в 1913 г. в 19 губерниях существовал недостаток в рабочих руках в размере 31%, в 1914 г. в 30 губерниях 50%, в 1915 г. в 43 губерниях в 70%¹⁹. С началом войны в результате усиленного найма рабочих в центре России отвлеклось еще около 20%. По докладу главноуправляющего земле-

¹⁷ ГАСО. Ф. 615. Оп. 1. Д. 1. Л. 23

¹⁸ См.: Archive departementale de Maine-et-Loire (ADML), 2R57; La France Nouvelle, 02.06.1916; Journal officiel de la Republique Francaise du 17 fevrier. 1918, P. 10.

¹⁹ Известия Всероссийского Земского союза. Пг., 1915. № 24.

делием и землеустройством, деревня дала для пополнения армии 5.500.000 человек (на начало 1915 года)²⁰.

Важной причиной кризиса сельского хозяйства стало нарушение естественного миграционного оборота. Юго-восточным районам ежегодно требовалось до 1,5 миллионов рабочих рук из центральных районов. Собственный запас работников убавился на юге на 2/3, а прилив рабочих рук в 1915 г. на 3/4. В 1916 г. общее число работников снизилось с 6.000.000 до 3.500.000. Все это привело к тому, что, если в целом по России посевная площадь сократилась на 20%, то на юго-востоке до 60%²¹.

Количество действительных работников не превышало, вероятно, 25–26 млн. человек²². вся дополнительная рабочая сила в сумме не превышала 1,5 миллиона человек (около 120 тыс. военнопленных, находившихся в России на начало лета 1916 г., 250 тыс. военнотружущих выделенных для полевых работ²³ и около 1 миллиона трудоспособных беженцев²⁴). Этого вполне было достаточно для обработки в 1916 г. уменьшенной посевной площади в 80 млн. десятин. Итак, можно говорить лишь об относительном недостатке рабочих рук и неравномерности их распределения.

На этом фоне абсолютно нелепой, с точки зрения экономической прагматики, представляется реализация «национальных фобий». Согласно указам от 2 февраля и 18 декабря 1915 г., ликвидации подлежали немецкие земли в 28 губерниях, а мобилизация земли коснулась 5–6 миллионов десятин. Все колонистские земли поступали в принудительную продажу в феврале 1916 г.²⁵. В самый разгар миграций, в ситуации хаоса перемещения 27 октября 1915 г. были разсланы телеграммы командующему 8-й армии генералу Щебеко, жиитомирскому, волынскому губернаторам. В них говорилось, что по военным обстоятельствам необходимо выселить всех немцев²⁶. Недвижимое имущество колонистов подвергалось реквизиции и передавалось в ведение главного управления землеу-

²⁰ См.: Доклад Главноуправляющего Земледелия и Землеустройства. Пг., 1915. С. 2.

²¹ См.: Отдел по устройству беженцев Всероссийского земского союза. Вып. 5. Трудоустройство. Ч. 2. С. 31.

²² Там же. С. 29.

²³ РГВИА. Ф. 2018. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

²⁴ Отдел по устройству беженцев Всероссийского земского союза. Вып. 5. Трудоустройство. Ч. 2. С. 27.

²⁵ Там же. С. 30.

²⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1771. Л. 15.

ройства и земледелия. Отмечалось, что в зависимости от местности, условий для эксплуатации земли могли бы быть привлечены беженцы из очищенных русской армией районов. Этого, естественно не произошло, в том числе и по техническим причинам.

Только из Херсонской, Екатеринославской и Волынской губерний в Астраханскую и Оренбургскую губернии переселили около 23.000 немцев-колонистов²⁷. Правительство в сложной экономической обстановке секвестрировало почти миллион десятин пахотной земли у колонистов в этом районе²⁸. Это происходило на фоне абсолютной нехватки рабочих рук в данном плодородном районе и переизбытком беженцев в Поволжье.

Сокращение посевов в крестьянских хозяйствах было в два раза меньше, чем в крупных латифундиях. Таким образом, наиболее заинтересованными в получении дополнительных рабочих рук были крупные хозяйства, обеспечивавшие львиную долю товарного хлеба в стране. Цена на труд батраков, в связи с тотальной мобилизацией резко возросла, что делало себестоимость продукции очень высокой, особенно в Предкавказье и Заволжье. В этих районах динамика роста заработной платы была следующая: в 1913 г. – 12, в 1914 г. – 14, в 1915 г. – 20, в 1916 – 35 рублей в месяц при полном пансионе²⁹.

В мелком крестьянском хозяйстве на мобилизацию мужчин в армию был дан достаточно четкий «гендерный» ответ: мужскую экономическую, а иногда и социальную, нишу заняли женщины. Атмосфера коррупции и бюрократического стяжательства, царившая вокруг распределения трудоспособных беженцев и военнопленных оставляла весьма эфемерные шансы сельским обществам и мелким хозяйствам. В основном трудовые ресурсы высокого качества распределялись именно в латифундии. Эта мера давала возможность понизить в целом цены на наемный труд. Скорее всего, любви к беженцам и военнопленным со стороны местного населения это не прибавляло.

Беженцы визуализировали военные поражения не только видом перенесенных страданий. Крайне интересен на наш взгляд ряд замечаний и высказываний ставших как достоянием полиции, так и прессы. «Откуда ж их столько, неужели немцам оста-

²⁷ ГААО. Ф. 95. Оп. 3. Д. 7. Л. 81.

²⁸ Отчет отдела по устройству беженцев Земского союза. Т. 4. Трудоустройство. Пг., 1917. С. 21.

²⁹ См.: Там же. Л. 17.

вить их было нельзя? Пусть бы их хлеб ели! У нас и так негде ногу поставить». Или: «Мы ж воюем, чтоб жить просторнее стало? А тут еще мало того, что самим тесно, так еще и гостей селить. А завтра они скажут делись землицей, наша тю тю... Вот и повоевали»³⁰. Объединяет их некая нотка разочарования властью и армией. По сути, пресловутый имперский комплекс, есть не что иное, как архаичный ответ традиционалистского общества на современные ему вызовы. Война, которая должна была принести новые территории, наоборот резко увеличила за счет мигрантов население старых. И это на фоне очевидного перенаселения центральных губерний, на долю которых и пришлось большинство беженцев. Перед нами пример аграрного восприятия экстенсивных форм увеличения национального богатства. Рассматривая последнее как константную величину (земля) увеличение личного благосостояния виделось посредством двух панацей: перераспределение и увеличение общенационального состояния за счет близлежащих территорий. В этом коренное отличие интенсивной экономики и динамичной ментальности от их экстенсивного и статичного аналогов.

Призыв в армию и война представлялись, сначала, некоей формой отходного промысла. Можно предположить, что вполне вероятно подсознательно, решение демографического кризиса в сельской местности, виделось, в том числе, в привычном и архаичном военном ответе. Степень сакрализации императора зависела от успешности и дееспособности реализации традиционного ответа на новые вызовы. Именно внешнего и военного ответа, а не непонятной для традиционалистской части социума, находящейся в ином историческом и темпоральном измерении, догоняющей прозападной внутренней модернизации. Наплыв беженцев в конце 1915 г. и логичная попытка переселения их в сельскую местность привели к визуальному усложнению демографической проблемы, а не к ее мифологизированному разрешению.

Серьезные проблемы возникли и с адаптации национальных меньшинств. Закон дифференцировал беженцев по национальному, а не по гражданскому признаку. К ним были отнесены все мигранты, за исключением иностранных подданных немецкой и венгерской национальности³¹. Национальный принцип идентификации мигрантов был российской правовой спецификой. Во

³⁰ ГАСО. Ф. 53. Д. 162.

³¹ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

Франции в 1918 г. появился аналогичный закон, где мигранты разделялись на различные категории по принципу гражданства – французского, союзнического, нейтрального или германского (для жителей Эльзаса и Лотарингии)³².

Следует, однако, признать, что пропагандистские и идеологические тенденции были присущи и миграционной политике Франции, особенно на региональном уровне. Фрагментация мотиваций приводила к диаметрально противоположной суггестивной практике отношения к мигрантам, лишённой рациональной рефлексии. С одной стороны, беженцы из Эльзаса и Лотарингии враждебные иностранцы, «les Boches du Nord», с другой стороны возвращённые граждане оккупированных территорий. Так, например, первыми беженцами, появившимися в департаменте Мен-и-Луара в сентябре 1914 г., стали эвакуированные жители Эльзаса и Лотарингии. Сразу же возникли сложности с определением их гражданства. В циркулярах Министерства внутренних дел, армейского командования и управления по делам иностранцев (Office des étrangers) сквозила путаница и растерянность³³. Они были помещены вместе с другими лицами немецкого, австрийского и турецкого подданства в специальные концентрационные лагеря (Camps de Concentration) в Авриле, в 4-х километрах от Анже³⁴. В самом начале сентября 1914 г. они были приравнены в правах французским беженцам³⁵. Однако, 8 сентября 1914 г. мэр Луары выразил беспокойство наличием представителей Эльзаса и Лотарингии, которые «по внешности и языку очень немецкие». В официальном рапорте он заявил: «Ожидались беженцы бельгийцы и французы, нам же прислали иностранцев. Они были отнесены к категории “нежелательных” и были размещены под присмотром жандармерии»³⁶. Такое положение сохранялось до 1917 года.

В национальном вопросе превалировал скорее эмоциональный подход, нежели чем рациональный. Военное командование руководствовалось в большей степени неприятием, мифологизированными страхами, фобиями, а не реальным положением вещей. Например, крайне усердное выселение евреев из прифрон-

³² ADML, 2R57.

³³ *Courier de l'Ouest*, № 10. 1914. P. 2.

³⁴ *Jacobson A. Loin du front*. Angers, 1996. P. 176.

³⁵ ADML, 2R57.

³⁶ *Le Courier du Maine*, 05.05.1915.

товой полосы³⁷ привело фактическому исчезновению черты оседлости. Абсолютно не ставилось в расчет то, что представителям экзотических для внутренних губерний национальностей, таким как евреи, поляки, литовцы будет весьма сложно адаптироваться. Более того, они лягут непосильным грузом на плечи внутренних регионов. Зачастую абсурдная ситуация в районах приема складывалась с выселенными немцами. Диспропорция местного и пришедшего населения не позволяла нормально функционировать ряду районов. Следует учесть, что немцы в подавляющем большинстве не были инициаторами переезда. Так, в поселке Эльтон, на 178 жителей приходилось более 250 переселенных немцев-колонистов³⁸. И это далеко не исключение, а достаточно характерная черта последствий эмоционально национальных мотивов российских миграций в Первую мировую войну.

Национальные проблемы воспринимались достаточно амбивалентно. С одной стороны, правительство относилось с серьезным подозрением к «неблагонадежным» национальностям, тем, которые не проявили полной лояльности в предвоенный или военный период. Иногда через призму гиперболизированных фобий, как с немцами и евреями. Не пользовались доверием и поляки, и латыши, и литовцы³⁹. С другой стороны, ресурсы помощи беженцам вскоре исчерпались, и правительство переложило заботу о беженцах на «национальные комитеты», которые поддерживали латышских, литовских, армянских, польских и еврейских мигрантов. Состояли они, в основном, их национально ориентированной интеллигенции, став прекрасным «полигоном» для обучения будущих национальных политических элит новых независимых государств⁴⁰.

Многие участники национального движения, широко представленные в системе помощи беженцам, боялись, что их народы будут рассеяны, их постигнет судьба евреев и армян, которые на

³⁷ Златина М.А. Организация помощи еврейским беженцам в Российской Империи в первые месяцы Первой Мировой Войны по материалам прессы (июль-октябрь 1914 года) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009. № 118. С. 30–35.

³⁸ ГААО. Оп. 2. Д. 1741. Л. 7.

³⁹ Бартеле Т., Шадда В. Латышские беженцы в России в годы гражданской войны // Отечественная история, 2000. № 1. С. 18–31.

⁴⁰ Гартелл П. Война, бегство и рождение нации. Драма беженцев в царской России и ее последствия. 1914–1920 // Уроки истории XX век (URL: <http://urokiistorii.ru/node/52181> [дата обращения: 07.02.2014]).

протяжении веков были обречены жить в диаспорах. Массовое переселение серьезно сократило местные сообщества. Каждый беженец должен был стать частью намного большей, национальной общности, которая укрепилась бы из-за общей для всех потери родины и попытки снова обрести ее. Лишь замкнутое, общинное проживание в местах временного поселения, по мнению представителей национальных комитетов, могло спасти от растворения в чуждом этносоциальном пространстве. В первую очередь это касалось поляков и латышей. Доходило до психозов. Так, представители польского комитета приглашали еврейского лектора, который должен был рассказывать беженцам об опыте еврейского народа по сохранению национальной идентичности в рассеянии⁴¹. Очевидно, что это не способствовало интеграции национальных меньшинств в местное пространство, равно как не снижало уровень ксенофобии местного населения.

Проблемы возникали не только между иноэтничными беженцами и местным русским населением. Бессистемное перемещение на национальные окраины империи привело к невозможности содержания в них мигрантов. Обострившиеся, к весне 1916 г., межнациональные отношения, вылились к лету в известное туркестанское восстание, привели к новому витку миграций. Все это происходило на фоне местных перемещений беженцев в сельскую местность в большинстве регионов империи, создав хаотичность вторичных миграций. 27 марта правительство решило отселить 60000 беженцев. Местом их нового водворения должны были стать Саратовская, Пермская и Вятская губернии⁴². Беженцы выселялись из Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областей⁴³. В мае 1916 г. транзитом через Астраханскую губернию проследовало 60000 туркестанских беженцев. Практически в течение месяца все организации, занимавшиеся миграциями, были оторваны от помощи местным беженцам и брошены на непосредственное попечение транзитных мигрантов⁴⁴. Очевидно, что эти действия никак не способствовали реализации планов адаптации беженцев во внутренних губерниях и улучшению состояния районов их приема.

⁴¹ ГАСО. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

⁴² Там же. Ф. 615. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

⁴³ Там же. Л. 8.

⁴⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 1511. Л. 1.

Российская империя столкнулась с беспрецедентными миграционными процессами. На их количественные характеристики повлияли как естественные причины, так и несогласованное действие имперского аппарата, отсутствие опыта, планов эвакуации и прогноза последствий перемещения. Все это привело к серьезной деформации инфраструктуры внутренних регионов. Более того, ряд непродуманных действий практически не оставил беженцам даже потенциальной возможности интегрироваться в социальное, культурное и экономическое пространство принимающих территорий. Косность миграционной структуры, консерватизм в мышлении, не позволили дать адекватный ответ новым и неизвестным вызовам эпохи. Региональные организации при отсутствии материальных возможностей, всесторонней поддержки вынуждены были «с колес» решать не только естественные задачи, связанные с адаптацией беженцев, но и нивелировать очевидные просчеты центральной имперской администрации, нюансы и последствия несогласованности во взаимоотношениях военных и гражданских элит.

**«ХЛЕБ, ТРУД, ЭПИДЕМИИ»: ПОЛОЖЕНИЕ ПЛЕННЫХ
РОССИЯН В ГЕРМАНИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ
В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОСТЕЙ**

Э.Г. Абдрашитов

Институт социально-гуманитарных знаний (г. Казань),
кафедра теории и истории государства и права
E-mail: b-el@rambler.ru

И.В. Крючков

Северо-Кавказский федеральный университет,
кафедра археологии и всеобщей истории
E-mail: igory5@yandex.ru

В статье показано отражение проблем питания, медицинского обслуживания и трудовой деятельности российских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии в контексте информационной войны России с Германией.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, эпидемии, сельское хозяйство, Германия, Австро-Венгрия, продовольствие.

**«BREAD, LABOUR AND EPIDEMICS»:
THE CONDITIONS OF RUSSIAN WAR PRISONERS
IN GERMANY AND AUSTRIA-HUNGARY
AS SEEN BY CONTEMPORARIES**

A.G. Abdrashidov, I.V. Kryuchkov

The article deals with the issues of food supply, health care and labour of Russian war prisoners in Germany and Austria-Hungary in the context of the information war between Russia and Germany.

Key words: World War One, War prisoners, epidemics, farming, Germany, Austria-Hungary, foodstuffs.

Повседневность лагерного сообщества военнопленных россиян становится темой пристального внимания общественности России. Описание быта и нравов военнопленных должно было дополнять образ солдата-героя. Даже жестокие условия содержания пленных не могли убить в них чувство юмора и попытки обустроить собственный быт.

Проблема продовольственного снабжения становится центральной в освещении положения пленных россиян в Германии и Австро-Венгрии. Она постоянно присутствует как в воспоминаниях самих военнопленных, так и в материалах российской прессы.

В России за всеми рассуждениями о тяжелом положении российских военнопленных с точки зрения снабжения их продовольствием, проскальзывали факты, несколько оправдывавшие противника в общем потоке сведений о чуть ли целенаправленном уничтожении россиян в Германии и Австро-Венгрии с помощью голода. Ряд российских изданий обращал внимание на существенные различия в структуре питания россиян и жителей Центральной Европы. В России хлеб играл большую роль в приеме пищи и получении необходимого количества калорий. В то время как в Европе хлеб играл вспомогательную функцию, поэтому его было, немного и он существенно отличался по составу ингредиентов от российского хлеба. Когда власти германских и австро-венгерских лагерей занялись проблемой организации питания военнопленных, то в вопросах приема пищи они в первую очередь ориентировались на традиции, сформированные в Центральной Европе. Россияне оказались полностью неподготовленными к такому повороту дел¹. Незначительные порции хлеба при приеме пищи не вели к их насыщению. К тому же выдаваемый хлеб был очень низкого качества².

Кроме этого в России признавали, что в результате блокады и кризиса сельского хозяйства в Германии и Австро-Венгрии, в этих государствах возник острый дефицит муки, что привело к значительному сокращению производства хлеба и ухудшению его качества. От этого процесса страдало гражданское население, армии среднеевропейских империй и, безусловно, военнопленные³.

Анализ воспоминаний и писем военнопленных, опубликованных в России, показывает, что рацион питания россиян во многих лагерях не выдерживал никакой критики. Утром они получали по 1-1,5 стакана чая, в обед 1-1,5 тарелки супа и на ужин 1-1,5 стакана чая. В 1916 г. мясо полностью исчезло из меню пленных. Сокращаются нормы выдачи хлеба; до Рождества 1916 г.

¹ В плену. О помощи находящимся в плену русским солдатам / сост. В.П. Оболенский. М., 1916. С. 5.

² Якушев Д. В плену у немцев. Письма русских военнопленных. Пг., 1916. С. 30.

³ В плену. О помощи находящимся в плену русским солдатам. С. 5.

пленные получали по 1 кг хлеба, а после всего 400–600 граммов в день⁴. Чай, кофе, выдаваемые военнопленным, практически не имели ничего общего с кофе и чаем в общепринятом смысле слова. Это был в лучшем случае кофе из ячменя или желудей и чай из сбора различных трав. «Утром давали кофе из желудей, вечером жидкость, где крупинка подгоняла крупинку», – так описывал дневной рацион питания один из военнопленных⁵. По мнению Н.И. Оржеховской, главной бедой пленных в Германии стал голод, так как 600 граммов хлеба в день пленным катастрофически не хватало для удовлетворения потребностей⁶.

Германская сторона постоянно подчеркивала, что норма выдачи хлеба пленным полностью соответствовали нормам выдачи хлеба солдатам, установленным в германской армии. Российские газеты отмечали, что Германия несколько искажала факты, т.к. гражданское и военное население страны кроме хлеба потребляло и другие виды продуктов, при этом хлеб в их рационе питания имел второстепенное значение⁷. Пленные же кроме хлеба, в большинстве случаев, не получали калорийную и качественную пищу, хлеб для них становился основным видом потребляемого продовольствия. Именно поэтому в письмах часто пленные просили присылать сухари.

Мясо пленные получали, как правило, два раза в неделю, которое по качеству не выдерживало ни какой критики⁸. Похлебки (супы) практически не содержали калорийных продуктов, поэтому пленным было трудно ими насытиться. К тому же не редко пленные отмечали факты, когда заканчивалась похлебка, в баки с супом добавлялась сырая вода, для того, чтобы еды хватило всем пленным⁹. В Германии россияне познакомились с брюквой. Данная кормовая культура стала постоянным атрибутом питания пленных. О брюкве пленные высказывали различные мнения. Одни полагали, что она спасла их от голода, другие отмечали, что российский желудок, абсолютно не воспринимал этот суррогат.

⁴ Северокавказский край. 1916. № 77.

⁵ *Кириш Ю.* Под сапогом Вильгельма. Из записок рядового военнопленного. 1914–1918 гг. М.; Л., 1925. С. 33.

⁶ Северокавказский край. 1916. № 107.

⁷ Русский инвалид. 1915. № 58.

⁸ Русские ведомости. 1915. № 164.

⁹ *Якушев Д.* Указ. соч. С. 30.

Пленные обращали внимание на ухудшение питания местного населения и охраны. Если в 1914 г. завтрак охраны и рабочих включал колбасу, сыр и белый хлеб, то в 1915 г. колбаса и сыр полностью исчезают, а к 1916 г. ухудшилось и качество, потребляемого германскими солдатами и рабочими хлеба.

Многие пленные одну особенность, связанную с организацией питания пленных в лагерях Германии и Австро-Венгрии: «...во время больших наступлений союзников или русских, немцы начинали вспоминать, что мы люди и улучшали пищу»¹⁰. Вызывает сомнение достоверность данного факта, но для пропагандистов он имел важное значение, так как данные замечания вполне вписывались в образ трусливого и лживого врага.

Большой интерес в России вызвали результаты поездки в Швецию и Данию летом 1915 г. представителя Московского городского комитета помощи русским военнопленным Д.С. Новашина, его оценки положения военнопленных многими журналистами и общественными деятелями считались объективными. Д.С. Новашин в духе либерального дискурса полагал, что пленные в Германии получали только минимум всего необходимого для жизни, но этого хватало только для убогого прозябания на грани жизни и смерти¹¹. По его мнению, пленные остро нуждались в одежде, обуви, предметах первой необходимости. Наличие денег не спасало пленных от нужды, так как в лагерных ларьках, они практически ничего не могли купить. Не меньше проблем, на взгляд агента, у пленных было с организацией культурной жизни, у них не было книг, газет и т.д. Поэтому Д.С. Новашин предлагал срочно организовать продовольственную помощь военнопленным, используя французский и британский опыт¹².

Ужасы российского плена в Германии и Австро-Венгрии в глазах россиян дополняла жуткая антисанитария, в которой содержались пленные. Эта тема регулярно обсуждалась российской общественностью. Наибольшие проблемы в данном плане возникали в виду отсутствия бань и прачечных в лагерях для военнопленных, что служило источником распространения различных заболеваний¹³. Вши стали настоящим бичом в лагерях: «если положить белье на один кирпич и прихлопнуть другим, то

¹⁰ Фомин В.Б. Среди культурных варваров – 14 месяцев в германском плену. СПб., 1916. С. 13.

¹¹ Русские ведомости. 1915. № 164.

¹² Там же.

¹³ Ужасы германского плена // Северокавказский край. 1916. № 2.

раздавался треск»¹⁴. По мнению одного из пленных: «Австрийские блохи кусаются сильнее русских, в чем я убедился...»¹⁵. Образованная часть российских читателей, скорее с иронией относилась к таким комментариям, реакция обывателей могла быть различной, вплоть до полной уверенности в том, что даже блохи в Австрии отличались особой кровожадностью. Все эти ремарки о блохах не были случайными в конструировании положения военнопленных. Они стали постоянными спутниками, сопровождавшими в окопах и в плену солдат, наряду с другими паразитами. Кроме источника физических страданий, они являлись разносчиками различных опасных инфекционных заболеваний.

Российские авторы полагали, что только когда ситуация начинала выходить из-под контроля и от вшей и заразных болезней начинала страдать охрана лагеря администрация предпринимала усилия по борьбе с паразитами, проводя дезинфекцию и другие профилактические мероприятия, но как правило, эффект от этих действий имел кратковременный характер. К тому же предпринимаемые меры, в последующем не использовались в полной мере: «в баню не ходили по три месяца; вши заедали...»¹⁶.

В России такую нерасторопность властей Германии и Австро-Венгрии объясняли несколькими причинами. Консервативная общественность видела в этих действиях противника попытку унижения и сознательного физического уничтожения врага. Либеральные круги, полагали, что как и в России, все объяснялось несколько иными причинами. В лагерях процветало элементарное воровство и коррупция, поэтому мыло и дезинфицирующие средства не попадали к пленным, уходя на сторону, служа источником обогащения лагерной администрации. Кроме этого, проявлялась общая неэффективность работы военной администрации в экстремальной ситуации. Свою роль сыграл экономический кризис, затронувший практически все воюющие страны, особенно в 1916 году.

Российские источники утверждали, что в лагерях не было ни одного человека, не перенесшего различные заболевания, ослабленный организм пленных не способен был сопротивляться даже легкой простуде. В число наиболее распространенных заболева-

¹⁴ *Базилевич М.П.* Положение русских пленных в Германии и отношение германцев к населению занятых ими областей царства польского и Литвы: материал собранный доктором Базилевичем М.П. в плену и среди 110 вернувшихся из германского плена русских врачей. Пг., 1917. С. 32.

¹⁵ Из австрийского плена в Галицию // В немецком плену. М., 1915.

¹⁶ *Базилевич М.П.* Указ. соч. С. 13.

ний входило малокровие, цинга, отек ног, кожные заболевания, дистрофия. У пленных обострялись практически все хронические заболевания, любое из них могло привести к летальному исходу.

Лечением больных занимались, главным образом русские доктора под контролем немецких врачей. По воспоминаниям практически всех врачей, к русским «коллегам» немецкие специалисты относились как к низшему сословию: «К слову сказать, за все время моего пленения, это был единственный немецкий врач, который относился к нам и военнопленным по-человечески»¹⁷. Однако и здесь встречались некоторые редкие исключения. В 1915 г. журнал «Нива» опубликовал фотографию австрийских сестер милосердия, в основном польских монашек, добросовестно ухаживавших за российскими ранеными военнопленными¹⁸.

В России были убеждены, что военнопленные россияне либо вообще не получали необходимой медицинской помощи, либо получали ее в недостаточном объеме. Кроме этого Н.И. Оржеховская и ряд других источников отмечали попытки препятствования работе российских врачей в лагерях со стороны германской администрации¹⁹.

По сведениям россиян, в лагерях медикаментов выделялось мало, ощущалась нехватка персонала, больничных палат, перевязочных комнат. Все помещения, предназначенные для больных, были забиты людьми в нарушение всех санитарных норм. Поэтому пленные просили власти России срочно оказать им помощь медикаментами, на что постоянно обращала внимание российская периодика.

Между русскими врачами и администрацией лагерей происходили конфликты по поводу определения численности больных военнопленных. Германские врачи, по данным М.П. Базилевича: «не хотели признавать, что русский человек может быть болен, и считали больных симулянтами...»²⁰. Особенно эта проблема проявилась в 1916 г., когда германская промышленность и сельское хозяйство, в условиях постоянных мобилизаций немцев в действующую армию, остро нуждались в рабочих руках. Каждый военнопленный, в глазах немецкой бюрократии, приобретал особое значение для экономики Германии.

В лазареты, как правило, попадали тяжелобольные пленные, имевшие все признаки серьезного заболевания, попасть в лазарет

¹⁷ Базилевич М.П. Указ. соч. С. 26.

¹⁸ Нива. 1915. № 17.

¹⁹ Северокавказский край. 1916. № 107.

²⁰ Базилевич М.П. Указ. соч. С. 14.

считалось большой удачей. Это гарантировало некоторое улучшение питания и проживание в хороших санитарных условиях. По свидетельству очевидцев, даже элементарное увеличение норм питания больных приводило к их быстрому выздоровлению. Кроме этого больные полностью освобождались от трудовой деятельности.

Дискуссии о том болен или не болен пленный, часто в условиях правового нигилизма приводила к варварским методам определения степени заболевания пленного. В частности таким критерием могло стать мнение барачного старосты: «больных он определял на глаз, и казавшихся ему здоровыми избивал тут же кулаками и палкой. Больными он считал имеющих раны»²¹. Охранники могли избить больного, чтобы проверить действительно ему плохо, или он симулирует болезни. Если человек пытался избежать побоев, то его принимали за симулянта и сажали в карцер. Действия администрации лагерей, отчасти имели под собой основания, так как военнопленные шли на любые ухищрения для того, чтобы попасть в лазарет, используя самые изощренные способы для имитации собственного заболевания, не останавливаясь и перед членовредительством, но об этом в России предпочитали не говорить.

Данные факты наложили существенный отпечаток на формирование в России негативного образа положения военнопленных в лагерях Германии и Австро-Венгрии. Весьма примечательной в данной связи является информация, опубликованная на страницах «Приазовского края». Это было письмо от группы русских пленных; оно попало в Россию с переданными по линии Красного Креста прапорщиками А. Глазья и В. Веденским. В письме отмечалось, что в лагерях Визельбург и Шпратцерн отмечалась высокая заболеваемость туберкулезом, что стало следствием непосильной работы пленных во время рытья окопов на итальянском фронте и работе на местном пороховом заводе²².

От состояния дел в медицинском обслуживании военнопленных, напрямую зависела оценка количества погибших в плену военнопленных, но на данную статистику влияли и другие факторы. В этом плане российская периодика приводила фантастические цифры, явно не отражавшие реальное положение дел. Зачастую в России опирались на данные приводимые авторитетными международными изданиями, в том числе лондонской «Таймс». В ноябре 1915 г. «Таймс» сообщила о расстреле 2 тыс. российских военнопленных

²¹ Базилевич М.П. Указ. соч. С. 9.

²² В австро-венгерском плену // Приазовский край. 1916. № 258.

в г. Дебрецене, поднявших бунт из-за плохого питания²³. По данным «Таймс» венгры списали эти жертвы на начавшуюся эпидемию холеры. К числу погибших в плену в России относили пленных покончивших жизнь самоубийством²⁴. По мнению российской периодике, число самоубийств в Германии и Австро-Венгрии постоянно росло с увеличением общей численности военнопленных в этих странах и в связи с ухудшением условий их содержания.

В России назывались самые невероятные данные о численности погибших в плену россиян. Постепенно в публицистике закрепились цифра в 500 тыс. погибших из 2 млн. чел., попавших в плен²⁵. Позже в советской историографии также приводились эти данные.

Необходимо отметить, что в прессе Германии и Австро-Венгрии также постоянно приводились огромные цифры, погибших в России военнопленных. В мае 1917 г. чешская газета «*Čech*» в своей статье выделяла самые страшные российские лагеря для военнопленных с указанием численности погибших в них людей: в Олонецкой губернии погибло 40 тыс. чел., 10 тыс. от цинги, а 30 тыс. замерзло во время сильных морозов, в Тоцком лагере (Самарская губерния) умерло 17 тыс. чел., в том числе 9 тыс. чел. от тифа, в Вержидинском лагере умерло 23 тыс. чел. и т.д.²⁶. Следовательно, использование нереальных цифр потерь военнопленных становится важным компонентом информационных войн в 1914–1917 годах.

Разноречивая информация публиковалась на страницах российских изданий об использовании труда военнопленных в Германии и Австро-Венгрии. В конце ноября 1914 г., когда война уже набрала обороты, в целом приходила нейтральная информация об использовании труда российских военнопленных. «Северокавказский край» в данной связи обращал внимание на положение около 15 тыс. пленных в лагере Герлиц, которых использовали на осушке болот и других земляных работах. В целом газета признавала, что пленные содержались в нормальных условиях, регулярно получая питание и по 20 пф. в день за работу²⁷.

О сильной зависимости Германии и Австро-Венгрии от труда российских военнопленных говорили и британские издания, вы-

²³ Из обзоров иностранной печати, составленных в отделе Генерал-Квартирмейстера Генерального штаба с 1 октября по 31 декабря 1915 г. Б.м., б.г. С. 9.

²⁴ Русские ведомости. 1915. № 164.

²⁵ Яблоновский А. Страшная правда (В германском плену). М., 1917. С. 5–6.

²⁶ *Čech*. 23. 05. 1917.

²⁷ Северокавказский край. 1914. № 104.

держки из которых перепечатывались в России. По данным газеты «Морнинг Пост», австрийские железнодорожные линии во многом держались на плаву за счет использования труда военнопленных, особенно в районе Вены²⁸. Сами пленные полагали, что германские власти проводили четкую дифференциацию при организации работ российских военнопленных. Сильных и здоровых пленных они направляли в промышленность, а истощенных в сельское хозяйство – на поправку²⁹.

По сведениям одного из пленных, сбежавшего из Восточной Пруссии сельское хозяйство региона находилось в тяжелом положении из-за постоянной мобилизации трудоспособного населения, реквизиций продовольствия и скота. Поэтому благополучие местного крестьянского хозяйства полностью зависело от наличия в нем военнопленных³⁰. В среднем на одно хозяйство в Восточной Пруссии приходилось по 1–2 пленным. Германские крестьяне были заинтересованы в использовании труда россиян, поэтому они в целом нормально к ним относились. Пленные, кроме питания за свой труд получали еще по 30 марок заработной платы. В тоже время в этой идеальной картине тоже не все так было просто. По сведению российской периодики, многие прусские аграрии выражали недовольство по поводу труда военнопленных, они подчеркивали их строптивость и нежелание выполнять многие их указания, что могло сорвать уборку урожая в Пруссии летом 1915 года. В результате власти Пруссии ужесточили наказания пленным, не выполнявшим распоряжения своих хозяев.

Когда в начале 1917 г. военное ведомство Германии издало предписание о том, что все пленным обязаны были вернуться в лагерь, это вызвало взрыв недовольства, как со стороны пленных, так и их хозяев³¹. Пленные не хотели возвращаться в голодные лагеря, а германские бауэры терять хороших работников, к которым они уже привыкли. Это явно напоминало ситуацию на Северном Кавказе, когда осенью 1916 г. правительство России решило вернуть почти всех пленным на зиму с сельской местности на промышленные объекты Донбасса. Аналогичная ситуация имела место и в Ка-

²⁸ Из обзоров иностранной печати, составленных в отделе Генерал-Квартирмейстера Генерального штаба с 16 по 24 января 1916 г. Б.м., 1916. С. 3.

²⁹ Якушев Д. Указ. соч. С. 30.

³⁰ Северокавказский край. 1916. № 184.

³¹ Ленцен И. Использование труда русских военнопленных в Германии // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 135.

занской губернии в 1916 г., когда разразилась настоящая «война» за пленных, – единственный источник рабочих рук в регионе. Данный факт также вызвал недовольство пленных солдат германской и австро-венгерской армий и их владельцев.

Постоянно, отмечалось, что пленные стремились из лагеря перебраться на работу в сельскую местность, хотя объем работ, производимый ими в селе, был не порядок больше, но зато они получали хорошее питание и небольшие деньги, столь необходимые многим российским военнопленным. Они прямо отмечали, что: «Наиболее хорошими работами считались крестьянские»³². Еще одной причиной согласия военнопленных на направление в сельскую местность являлась тяжесть ощущения замкнутого пространства, постоянное и ежедневное общение с одним и тем же кругом людей, полная изолированность от окружающего мира их раздражало³³. Прорыв за пределы лагерного пространства, расширение круга общения за счет местных жителей существенным образом отражались в лучшую сторону на моральном самочувствии пленных. В тоже время пленные любыми способами хотели избежать работы на шахтах и вредных промышленных производствах, что для них означало окончательное истощение³⁴.

В условиях войны и формирования образа врага эти сведения не очень соотносились с доминирующими оценками применения труда пленных. Поэтому пресса России была наполнена информацией о принудительном привлечении российских военнопленных к трудовой деятельности, но такие факты в основном касались отправки пленных на промышленные объекты и на линию фронта для строительства укреплений и другой военной инфраструктуры. В этой связи примечателен пример завода Шоллер (Австрия), когда пленные отказались выполнять работу. За это они были подвергнуты жестокому наказанию, включая подвешивание к столбам и угрозам расстрела³⁵.

По данным пленных россиян, к трудовой деятельности в Германии привлекались и военнопленные других стран. В этих очерках не встречаются комментарии, показывающие особое отношение немцев к пленным британцам или французам при организации их трудовой деятельности. У читателя газет и других из-

³² Фомин В.Б. Указ. соч. С. 4.

³³ Северокавказский край. 1917. № 146.

³⁴ Якушев Д. Указ. соч. С. 31.

³⁵ В плену // Северокавказский край. 1916. № 155.

даний складывалось мнение, что дифференциации в этом плане не было. Во время работ в плену по сведениям российской прессы проявились личные качества военнопленных россиян, которые в физическом плане превосходили своих коллег по плену из Франции и Великобритании. Сами пленные свидетельствовали, что при работе в тяжелых условиях россияне выдерживали трудности и невзгоды, а французы быстро начинали болеть и умирали. Тем самым, и в данном случае подчеркивалось мужество, стойкость русского солдата, его умение переносить все тяжести, в сравнении с «изнеженными» союзниками.

В тоже время многие пленные жаловались на отсутствие ограничений в определении длительности трудового дня и постоянные болезни, вызванные тяжелыми условиями труда: «Встаем на рассвете, работаем по 12–13 часов, с одним перерывом на обед. Слава богу, жив – здоров, а то вокруг все кашлем маются. Еще бы поработай весь день в холодной воде»³⁶. С полным основанием можно утверждать, что автор данного письма трудился либо на руднике, либо на строительстве дренажных систем, что особенно сказывалось на здоровье военнопленных в осенне-зимний период.

В сравнении с сельской местностью на промышленных объектах Германии и Австро-Венгрии питание пленных было хуже, особенно с 1916 г., когда противники Антанты столкнулись с острым дефицитом продовольствия, от чего страдали как пленные, так и местные рабочие. Е.М. Шуберская, посетившая в составе делегации Красного Креста Германию, отмечала в целом хорошие условия труда россиян в сельской местности, в тоже время, сравнивая их труд в промышленности с работой бесправных рабов³⁷.

В России складывается мнение, что в самом тяжелом положении с точки зрения снабжения продовольствием оказались пленные, задействованные на строительстве военных объектов в прифронтовой зоне. В этой связи приводилась ужасающая статистика смертности данной категории пленных и степени их истощения. По данным русских врачей, публикуемым российскими изданиями от 50 до 60% пленных, прошедших через работы в прифронтовой зоне получали анемию и потерю трудоспособности³⁸.

³⁶ Сборник писем наших солдат из плена. Пг., 1915. С. 97.

³⁷ Шуберская Е.М. Доклад о положении военнопленных в Германии. Пг., 1917. С. 7–8.

³⁸ Базилевич М.П. Указ. соч. С. 5.

В тоже время, представители РОКК в целом отмечали, что материальное положение и продовольственное снабжение военнопленных, трудившихся на различных объектах Германии и Австро-Венгрии, в целом отличалось в лучшую сторону по сравнению с положением пленников, находившихся в лагерях. Сюда не относились, так как называемые рабочие лагеря. В России приводились данные о тяжелом положении в них пленников. По данным Е.М. Шуберской голод в рабочих лагерях ощущался острее, так в них нормы питания пленников были такими же, что и в обычных лагерях, но там пленники не должны были заниматься изнурительной трудовой деятельностью³⁹.

Таким образом, в России предпринимаются попытки формирования картины тотального угнетения и ущемления прав военнопленных в Германии и Австро-Венгрии. Лагерная повседневность, система наказания, медицинское обслуживание, условия трудовой деятельности были направлены на моральное подавление и физическое уничтожение пленников. Это не мешало россиянам на страницах прессы и в воспоминаниях пленников фиксировать отдельные примеры гуманного отношения к пленным подданных стран Четверного союза, особенно в Австро-Венгрии. Сами пленники, в какой-то мере разрушали догмат о целенаправленном нарушении их прав, описывая нарастание масштабного экономического кризиса в Германии и Австро-Венгрии, что привели к ухудшению положения не только военнопленных, но и местных жителей, солдат германской и австро-венгерской армий. Все эти нестыковки мешали созданию единой системной картины положения военнопленных россиян, порождая сомнения у обывателя.

Нарастание экономического кризиса в России и рост внутриполитической напряженности в стране отвлекали внимание российской общественности от проблемы положения наших пленников в Германии и Австро-Венгрии. С 1916 г. пресса теряет интерес к публикации материалов о военнопленных. Всплеск интереса к этому вопросу периодически вызывался очередной кампанией по сбору средств в пользу пленников россиян.

³⁹ Шуберская Е.М. Указ. соч. С. 8.

**«НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО»:
К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ**

(на примере германской военной элиты)

Л.В. Ланник

Саратовская государственная юридическая академия,
кафедра истории, социологии политики и сервиса
E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Статья предлагает рассмотреть одно из перспективных направлений исследования, находящееся на стыке военной антропологии, собственно военной и политической истории. Существующая достаточно богатая историография по истории офицерского корпуса, истории повседневности на фронте и в тылу, а также мемуаристика позволили создать достаточно устойчивый, но зачастую предвзятый или неполный образ войны, в котором не хватает мнения командного состава среднего звена. При этом немногочисленные источники, оставленные офицерами Генштаба и обер-офицерами, зачастую раскрывают многие факты и явления, намеренно оставшиеся за пределами внимания генералов или неизвестные тем, кто провел войну в окопах. Именно этот пласт информации и составляет до сих пор своего рода "недостающее звено" в изучении истории тотальных войн.

Ключевые слова: Первая мировая война, Германская Империя, штабное офицерство, мемуары, фронт, повседневность, военная элита.

**«MISSING LINK»: TO THE PROBLEM OF THE HISTORY
OF EVERYDAY LIFE DURING THE GREAT WAR
(by example of the german military elite)**

I.V. Lannik

This article discusses one of the most promising areas of research at the interface between the military anthropology, the military and political history. There is a fairly rich historiography on the history of the officer corps, history of everyday life at the front and in the rear, as well as memoirs helped to create a sufficiently stable, but often biased or incomplete image of the war, which lacks the views of mid-level commanders. In this case, a few sources left by the officers of the General Staff and the chief officers often reveal many facts and phenomena, deliberately left outside attention generals or unknown to those who spent the war in the trenches. This layer of information is still remained a kind of "missing link" in the study of the history of total war.

Key words: Germany, World War One, staff officers, memoirs, front, everyday life, military elite.

Историческая память о масштабных событиях прошлого зачастую весьма неоднородна, а составляющие ее отбираются достаточно субъективно, порой совершенно без учета качества информации или ее достоверности. Это обстоятельство всегда и ставило перед историками и их коллегами в смежных дисциплинах одну из основных задач по реконструкции «истинного» хода событий или структуры явления. Разумеется, это оказалось процессом принципиально бесконечным, а главным препятствием, причем технического характера, оказалась временная или частичная нехватка источников того или иного рода.

Применительно же к событиям последних нескольких событий и эта проблема казалась решенной окончательно, а основные трудности теперь заключались в необходимости сохранить хотя бы минимальную целостность, в категорическом требовании увязать разнородную информацию в рамки более или менее общей версии, сколь многогранной она бы от этого ни становилась.

В увлечении историей повседневности, гендерной историей, исторической и военной антропологией¹, историей групп населения, ранее остававшихся на периферии внимания исследователей (военнопленные, беженцы, инвалиды и т.д.), охватившем научную общественность более 20 лет назад², можно усмотреть закономерную реакцию на явные пробелы в исторической картине таких событий, которые вполне поддаются максимально подробному описанию на основании существующих богатых источников.

Великая война, будучи самым описываемым событием в истории, в этом отношении, несомненно, наиболее показательна. Несмотря на громадные усилия в разных странах, так или иначе затронутых ею, сравнительно полной публикации всех имеющихся источников ждать не приходится, ибо это и не имеет практического смысла: охватить всю полноту информации в рамках сравнительно компактной версии все равно не удастся. Именно поэтому столь очевидны приоритеты в сфере научных изысканий, столь отчетливо проявляется увлечение лишь некоторыми

¹ См. в отечественной историографии труды Е.С. Сеньявской, в т.ч.: *Сеньявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России*. М., 1999.

² См. об историографии Первой мировой войны конца XX – начала XXI в., напр.: Prost; Higham R.D.S., Showalter D.E. *Researching World War I*. Westport, L., 2003; Winter J.M., Prost A. *The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to Present*. Cambridge, 2005.

сторонами военной действительности и отдельными воздействующими на нее факторами, в частности теперь сосредоточились на неизвестных доколе жертвах войны – беженцах, военнопленных, дезертирах, представителях социально незащищенных слоев общества. Тем не менее, к настоящему моменту можно констатировать и вполне естественный в данном случае обратный эффект, когда забвению были преданы казавшиеся вполне изученными аспекты истории, в частности истории военной. Конечно, изучение операций или исследования по военной стратегии и раньше были уделом преимущественно профессиональных военных, имели поначалу почти служебное назначение, однако есть и блестящие исключения³.

Представляется, что настало время для устранения и этого «перегиба», что можно продемонстрировать на примере распространения такого модного направления как история повседневности на объекты исследования, до сих пор ею не затрагивавшиеся.

Упорное акцентирование внимания профессионалов и любителей на так называемой «окопной правде»⁴, якобы раскрывающей всю полноту военного опыта в отличие от классических военно-исторических и мемуарных трудов, в действительности лишь создает второй полюс среди всего спектра различных образов войны. При этом априорное убеждение в том, что войну с точки зрения высшего командования и политического руководства историки представляют себе достаточно хорошо, верно лишь отчасти, ведь нет никакого сомнения в искажающей факты специфике написания аналитических работ и воспоминаний, отражающих их позицию. Характерно, что на «генеральском уровне» особенно сильно учитывается резонанс принятых решений или высказанных мнений не только для хода боевых действий, но и для взгляда историков, а потому искажение или ретуширование действительной картины начинается одновременно с событиями, претендующими на то, чтобы войти в историю⁵.

³ Из классиков можно назвать Г. Дельбрюка и Б. Лиддел-Гарта.

⁴ В нашей стране это особенно заметно в литературе о Великой Отечественной войне см., напр.: *Першанин В.* «Смертное поле». «Окопная правда» Великой Отечественной. М., 2008. Есть целая серия работ с тем же подзаголовком.

⁵ Попытка развенчать или дополнить созданные в общественном мнении и заранее подкрепленные пристрастным подбором материалов мифы со стороны их героя предпринята в биографии Ермолова: *Гордин Я.* Ермолов. М., 2012.

Нет никаких сомнений в том, что в ряде случаев выстраивание официальной, «генеральской» версии событий регулировалось высшими политическими соображениями, а не только учетом субъективного рвения к славе, в частности очередной вариант истории Второй мировой войны мог радикально отличаться от предыдущего в связи с продолжением карьеры того или иного военного и политического деятеля. Достаточно вспомнить об освещении заслуг или ошибок И. Сталина, Н. Хрущева или Г. Жукова⁶. Применительно к германской версии истории Первой мировой значительную эволюцию прошло освещение роли Гинденбурга, Людендорфа, кайзера Вильгельма II, Г. фон Секта, а также ряда фигур меньших масштабов. Поддерживавшаяся в Германии даже после Второй мировой войны традиция поручать офицеру, как правило из бывших адъютантов, написание биографии того или иного выдающегося военного деятеля, не успевшего или не пожелавшего в должном объеме поспособствовать укреплению складывающейся официальной версии военной истории, имела то преимущество, что вполне мемуарная литература дополнялась взглядом со стороны, однако почти всегда самым лестным или тщательно рафинированным под поставленную перед биографом задачу создания должного образа. Представляется, что перечисленные выше особенности характеризуют границы возможного и допустимого при исследовании военных событий и их восприятия на уровне высшего командования.

Обманчивое ощущение исследованности офицерского образа войны порождает не только «лейтенантская проза», при всех ее литературных и фактологических достоинствах, но и прекрасные работы по военной социологии, в особенности офицерского корпуса или генералитета той или иной страны⁷, действительно пре-

⁶ Показательным является очевидное различие между двумя официальными советскими версиями истории Великой Отечественной войны: 6-томной (История Великой Отечественной Войны Советского Союза 1941–1945 гг. / под ред. П.Н. Поспелова: в 6 т. М., 1960–1965) и более поздней 12-томной (История Второй мировой войны / под ред. А.А. Гречко: в 12 т. М., 1973–1982).

⁷ См., напр.: *Деметр К.* Германский офицерский корпус. М., 2007; *Bald D.* Der Offizier. Sozial- und Bildungsgeschichte des deutschen Offizierskorps im 20. Jahrhundert. München, 1982; *Untersuchungen zur Geschichte des Offizierkorps. Anciennität und Beförderung nach Leistung / hrsg. von W. Meier-Welcker.* Stuttgart, 1962; *Herwig H.H.* Das Elitekorps des Kaisers. Die Marineoffiziere im wilhelminischen Deutschland. Hamburg, 1977; *Mayzel M.* Generals and Revolutionaries. The Russian General Staff during the Revolution: A study in the trans-

доставляющие обширный статистический материал и порой неожиданные, но убедительно доказанные выводы. Появились исследования по «окопной правде» с точки зрения офицерства⁸, что позволяет компенсировать отсутствие фактически исчезнувшего жанра писавшихся кадровыми или отставными офицерами полковых историй, когда-то являвшихся основой для изучения многих кампаний германской⁹, русской, австрийской и других армий.

Однако последняя категория научной литературы, хотя и позволяет строить определенные предположения, не всегда может продемонстрировать именно те аспекты повседневности, за которые так ценят художественную и мемуарную литературу. При этом в ряде случаев последнюю справедливо рассматривают как второстепенный или сомнительный источник.

Порой доходит до контраста между сравнительно хорошо описанной довоенной повседневностью офицерства, в том числе штабного, его участия в светской жизни или превратностей службы в штабах, и полным игнорированием ежедневной жизни нефронтового офицера в период боевых действий, хотя пребывание в штабе могло вполне смениться командировкой на фронт, а то и переводом в строй, почему не следует полагать штабного офицера человеком, не учитывающим опасность участия в боевых действиях.

Образуется очевидная брешь между «окопной правдой», солдатской и обер-офицерской, и «правдой» высшего командования, раскрывающей точку зрения, положенную впоследствии в основу официоза, а потому с непременными лакунами и умолчаниями. Этот пробел может и должен быть закрыт с помощью сведения воедино имеющихся и частично опубликованных источников в рамках создания еще одной «правды» войны – «штабной». Опре-

formation of Military Elite. Osnabruck, 1979; *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988; *Айранетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003; *Гребенкин И.Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции 1914–1918 гг. Рязань, 2010 и др.

⁸ См., напр.: *Meteling W.* German and French regiments on the Western front 1914–1918 // *Untold war: new perspectives in First World War studies* / ed. H. Jones, J. O'Bryen, C. Schmidt-Supprian. Leiden, 2008.

⁹ Например, о германской военной историографии см.: *Brühl R.* Zur Geschichte der Militärgeschichtsschreibung des preußisch-deutschen Generalstabes 1816–1945. В., 1973; *Pöhlmann M.* Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik: Die amtliche Militärgeschichtsschreibung 1914–1956. Paderborn, 2002.

деленные попытки подобного рода уже предпринимались, существует целая литература о штабах и особенностях штабного офицерства¹⁰, но помимо раскрытия целого ряда принципиально важных деталей в таких работах редко раскрывают именно те аспекты, которые так интересуют исследователей истории повседневности.

Вряд ли в опубликованной штабной документации, в генеральских мемуарах, в официальной версии истории войны найдется место рассмотрению режима работы офицеров в штабах, условиям их быта, организации досуга, особенностям взаимоотношений не только друг с другом, но и с начальством, которому они давали уникальные по точности психологические портреты. Даже в работах, специально посвященных офицерам-генштабистам, их немедленно выводят в рамках обычных стереотипов – «полубоги», «моменты», «милитаристы» и т.д.¹¹, причем, как и всегда в случае стереотипов, никакого доказательства не приводится, а описания носят характер пересказа анекдотов.

В настоящий момент можно констатировать попытки заполнить описанный выше пробел, постепенно отходя от традиций восприятия Генерального штаба в первую очередь как инстанции в военной машине и стремясь к описанию его как особого интеллектуального и профессионального феномена, имевший совершенно особый и, как правило, иной взгляд на события, которые, казалось бы, вряд ли можно интерпретировать иначе, нежели уже было сделано¹².

Между тем, только «штабная правда» может дать ответы на целый ряд вопросов, поставленных исследователями при работе

¹⁰ См., напр.: Шапошников Б.М. Мозг армии. М., 1927; Bald D. Der deutsche Generalstab 1859-1939. Reform und Restauration in Ausbildung und Bildung. München, 1977; Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917-1922. М., 2010.

¹¹ См., подр.: Ланник Л.В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012. С. 76-78.

¹² В частности есть попытки исследования русско-японской войны с точки зрения анализировавших ее офицеров Генштаба, а также интересные монографии о морских штабных офицерах, в том числе в период весьма сложный для любого представителя командного состава – 1917-1921 гг. См.: Гуцин А.В. Русская армия в войне 1904-1905 гг. Историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб., 2014; Назаренко К.Б. Морское министерство в России 1906-1914. СПб., 2010.

на других уровнях военной иерархии, однако оставшихся там не разрешенными или раскрытыми довольно однобоко. Война глазами штабного офицера, возможно не имевшего большого фронтового опыта, но и далеко не чуждого боевым действиям, имеет совершенно иной вид, менее ретушированный и более аналитический, особенно по сравнению с генеральским. В то же время штаб-офицер вряд ли будет настолько сконцентрирован на бытовых проблемах, чтобы постепенно перестать анализировать более масштабные события, как это по понятным причинам происходит с солдатами или младшими офицерами.

Именно эта категория офицерства наблюдает за принятием важнейших решений со стороны, а потому более объективно оценивает вклад того или иного военного деятеля, а часто по мере сил и по возможности еще и воздействует на выбор оптимального с их точки зрения варианта. Для этого она обладает и образованием, и честолюбием, и энергией, однако лишена чинов и, почти всегда, статуса, а потому обречена на непрямые действия на грани субординации и интриганства. Штаб-офицеры более всех учитывают набор тех субъективных факторов, признавать которые генералитет в мемуарах осмеливается редко, ведь они справедливо надеются, что никто из бывших младших соратников не посмеет на опровержение просто в силу этики профессионального военного.

Не стоит недооценивать и тот факт, что офицеры Генштаба сами по себе представляют интеллектуальный феномен, интересный в том числе в рамках соответствующих направлений исторической науки. При этом необходимый научный анализ такого явления как литература, созданная генералитетом, с точки зрения ее ценности как источника и особенностей отраженного в ней образа действительности уже проведен¹³. Разумеется, вслед за должным объемом публикации личных записок офицеров-генштабистов¹⁴ должен последовать аналогичный этап их введения в научный оборот, для чего пока попросту нет предпосылок.

¹³ Специально о сравнительном анализе мемуаристики германских военных деятелей Первой и Второй мировых войн см.: *Breit G. Das Staats- und Gesellschaftsbild deutscher Generale beider Weltkriege im Spiegel ihrer Memoiren. Voppard/R., 1973.*

¹⁴ Одним из блестящих исключений подобного рода является публикация большевиками дневника офицера русской Ставки М.К. Лемке, содержащая массу важнейших сведений, в том числе политического характера.

Многочисленные стереотипы относительно уровня развития и духовных горизонтов профессиональных военных XIX столетия почти не учитывают тот уровень отбора, который приходилось проходить кандидатам в офицеры Генштаба, а зачастую только это и давало надежду на сколько-нибудь высокие темпы карьеры¹⁵. Причем это было характерно отнюдь не только для русского или германского Генерального штаба. Селекция была очень крутая¹⁶, а в финале процесса обучения получался специалист с высочайшими духовными запросами, весьма далекий от той повседневности, которая может быть описана «окопной правдой», но столь же чуждый и помпезной генеральской стороне военных будней – с приемами парадов и высочайшими аудиенциями.

Характерно, что интеллектуальная история редко обращается к категории людей, для которых смыслом жизни или базовым ее содержанием является будущая, а то и желаемая годами война, что гарантирует определенного рода прогнозирование, идейные искания, внутрикорпоративные конфликты, а, возможно, и радикальную переоценку ценностей по ходу войны или после ее завершения¹⁷. Причем эта сторона жизни штаб-офицерства не может и не должна быть отражена в тех многочисленных документах, к которым они прикладывают руку. В силу эксклюзивности имеющейся у них информации, а также особой ответственности перед родными они не всегда отражают свои размышления даже в переписке.

Кроме того, создание целостного образа войны среднего звена военной иерархии позволит развенчать многие стереотипы, в том числе те, что сложно опровергнуть данными статистики, или утверждения, основанные на декларациях и единичных примерах. Переоценке возможно подвергнуть устоявшиеся мнения об уровне профессионализма военных элит и их отдельных представителей, о

Издавая эти записки, большевики преследовали политические цели, однако никто не препятствует исследователям с другими приоритетами продолжить подобный опыт и переосмыслить уже изданное. См.: *Лемке М.К.* В царской Ставке. Мн., 2003.

¹⁵ Это отражено, например, в творчестве А.И. Куприна, в «Поединке».

¹⁶ Даже из уже отобранных для обучения в Генштабе офицеров заветной цели достигали лишь четверть. См., напр.: *Папен Ф. фон.* Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. М., 2005. С. 14–16.

¹⁷ Доходящую до перехода офицеров и генералов в стан принципиальных пацифистов. См., напр.: *Wette W.* Pazifistische Offiziere in Deutschland 1871 bis 1933. Bremen, 1999.

степени эффективности и автоматизма военного аппарата – исполняются ли приказы и кто их в действительности отдаёт, о безусловных преимуществах или недостатках той или иной армии, об эффекте взаимного влияния или намеренного копирования. На новый уровень выйдет и сравнительная характеристика воюющих армий, которая просто не может быть основана лишь на статистических данных снабжения или численности войск.

Отдельного внимания требует подмечаемая и остро воспринимаемая военной элитой схожесть, вплоть до копирования тех или иных установок или манер в вооружённых силах воюющих друг с другом государств. Солдат не всегда мог разглядеть общность принципов выучки или тактики противника, генералы вряд ли обращали на это внимание, будучи заняты иными вопросами, офицеры, сосредотачиваясь на оперативной работе, вероятно, более всех были увлечены учётом особенностей манеры действий противника, а потому и чаще всех отмечали различия или намеренные заимствования.

При изучении уцелевших после всех перипетий XX в., но редко публикуемых исследователями рукописей мемуаров и коллекций писем офицеров-генштабистов¹⁸ можно выделить целый ряд вопросов, базовых для создания более полного образа войны, но возможность для их анализа предоставляется только с привлечением выше указанного сегмента источников.

Именно штаб-офицеры при описаниях событий, в том числе сделанных по долгу службы, наиболее последовательно отражают истинный уровень информированности штабов и принимающих решения генералов, а также все те проблемы, которые встают при получении новых сведений с фронта и передаче приказов в отдельные части.

Очевидно, что в военной истории всевозможные задержки или неверные сведения порой имели огромное значение для судеб сражений, но ради последующего прославления победителей или, наоборот, для сокрытия позорных упущений в официальных версиях и мемуарах места этой проблеме не нашлось, а «окопная правда» может лишь зафиксировать недоумение оче-

¹⁸ См., напр.: *Thaer A. Generalstabdienst an der Front und in der OHL. Aus Briefen und Tagebuchaufzeichnungen / hrsg. von S. Kaehler. Göttingen, 1958; Teodor Ritter von Zeyneck: Ein Offizier in Generalstabskorps erinnert sich / hrsg. von P. Broucek. Wien, 2009; Снесарев А.Е. Письма с фронта 1914–1917. М., 2012.*

редным непонятным решением командования, но не основания для его принятия.

Применительно к Великой войне наиболее ярким примером роковых последствий организационных пороков связи является знаменитая миссия подполковника Хенча в ходе битвы на Марне, приведшая к отступлению германских армий правого крыла и последующему «бегу к морю», а затем и к позиционной войне на Западном фронте. Впоследствии именно его подвергли служебному расследованию, приведшему к оправданию офицера, но карьера его навсегда оказалась связана с этим трагическим инцидентом. Его начальник (Мольтке-младший), а также почти все причастные к событиям были вскоре сняты со своих постов, а затем многие из них опубликовали свою версию событий, перекладывая ответственность друг на друга¹⁹, что только добавляет ценности свидетельствам о событиях офицеров их штабов, но они, в том числе сам Хенч их опубликовать не смогли или не захотели²⁰.

Штаб-офицеры могли по-разному относиться к своему начальнику, однако вряд ли могли создать или опровергнуть его славу как боевого командира. Им приходилось воочию наблюдать как случаи неоправданного риска своей жизнью со стороны генералитета, так и доходящего до сомнительного нежелания выезжать на позиции, что, однако, в германской армии случалось существенно реже²¹, чем в русской или австро-венгерской²². Это

¹⁹ Основные выпущенные труды: *Bülow K.v. Mein Bericht zur Marne-schlacht*. В., 1919. Затем последовали мемуары командующего 1-й армией А. фон Клука и его начальника штаба и т.д.: *Kluck A.v. Der Marsch auf Paris und die Marneschlacht 1914*. В., 1920; *Kuhl H.v. Der Marnefeldzug 1914*. В., 1921; *Baumgarten-Crusius A. Deutsche Heerführung im Marnefeldzug 1914: Beiträge zur Beurteilung des Schuldfrage*. В., 1921; *Ludendorff E. Das Marne-Drama: Der Fall Moltke-Hentsch*. München, 1934. Сам Хенч умер еще весной 1918 г., ничего не опубликовав.

²⁰ Вероятно, лучшим исследованием многообразных факторов, воздействовавших на сражение на Марне является: *Галактионов М.Р. Темпы операций*. М., 2001.

²¹ Более того, приходилось даже одергивать генералов во избежание напрасного риска или случайных ранений, как это произошло с командующим 1-й армией А. фон Клуком, который был весной 1915 г. тяжело ранен в ходе рекогносцировки поблизости от передовой, хотя ему было уже 69 лет. В русской армии ни одного подобного случая с командармами не произошло.

²² При этом, разумеется, возможна и клевета, и предубежденность. В частности, весьма резкой взаимной критикой обменивались в мемуарах генералы союзных германской и австро-венгерской армий.

провоцировало офицеров Генштаба на размышления на одну из важнейших в военной науке тем – «где должен быть командир». Только в личном дневнике или в подготовленных к публикации спустя много лет и почти всегда уже после смерти бывшего начальника штаб-офицер мог дать некоторую волю своим сомнениям, возмущению или иронии. Особую роль для исследователя играют адъютанты, знавшие своего командующего как никто, сопровождая его годами, повторяя его карьерный путь, а потому в чем-то зная генерала лучше, чем его семья.

В германской военной элите были десятки примеров такого хода карьеры офицера, который был неотделим от пути крупного военачальника, что ставит перед исследователем проблему соотношения между полководцем и его соратниками, а на нее вряд ли могут ответить мемуары, где ближайшим помощникам почти всегда дается лестная характеристика, но повествование ведется от первого лица, а потому генерал приписывает многие решения себе, явно игнорируя то, что подготовлены они были, а то и внушены ему подчиненными. Разумеется, не следует полностью доверяться и свидетельствам противоположного характера от разнообразных денщиков и ординарцев, высмеянных еще Я. Гашеком²³.

Только через призму штаб-офицерских воспоминаний, чаще всего предназначавшихся, в отличие от трудов генералов, лишь для посмертной публикации, возможно разобраться в вечной проблеме соотношения лидера и его свиты, в данном случае роли того или командующего в одержанных им победах, истинные авторы которых могут оставаться в неизвестности, в том числе принципиально²⁴. Разумеется, если офицеры Генштаба делали головокружительную карьеру, они перестали мириться с ролью «теневых героев» и могли оспорить лавры, до того достававшиеся лишь командующему.

Хрестоматийным примером подобного конфликта самолюбий, имевшего огромное политическое значение в судьбах межвоенной Германии, является заочное противостояние Гинденбург – Людендорф относительно деталей сражения при Танненберге в

²³ «...денщики рассеяны по всей нашей республике и рассказывают о своих геройских подвигах. Они-де штурмовали Сокаль, Дубно, Ниш, Пиаву. Каждый из них - Наполеон. «Вот я и говорю нашему полковнику: пусть, мол, позвонит в штаб, что можно начинать». *Гашек Я.* Похождения бравого солдата Швейка. Гл. 14.2 (любое издание).

²⁴ Г. фон Секту приписывали фразу: «Офицеры Генштаба имен не имеют».

августе 1914 года²⁵. Характерно, что подобные острые разногласия могли иметь и чисто психологические причины, принимая форму конфликта поколений, о чем генералы вряд ли будут писать в мемуарах, а вот штаб-офицеры не преминут подчеркнуть в частной переписке или личных дневниках.

Видны в записях офицеров Генштаба и тонкие попытки манипулирования мнением выше- или нижестоящих, а также искусство ведения бюрократической переписки, со всеми ее недостатками в виде потери времени и маскировки истинного положения дел. Весьма интересно проявляются в офицерских записях и поколенческие аспекты взаимоотношений в штабах, а также специфика той или иной генерации в манере принятия и реализации принятых решений. В частности, в германской военной элите в годы Великой войны окончательно сложилась модель думвирата²⁶, состоящего из пожилого, но авторитетного командующего, бывшего ветераном войн за объединение Германии, и там получившего представление о боевых действиях, и средних лет начальника штаба, едва родившегося к моменту образования Германской империи, почти не имевшего боевого опыта, но прошедшего школу Шлиффена и совершенно иначе оценивающего возможности современной техники и масштабы сражений. Разумеется, уже в силу возраста, а также особенностей карьеры взаимодействие столь разных людей должно было в лучшем случае носить комплементарный характер, что порой удавалось блестяще²⁷.

Возраст командующих или большая разница в работоспособности между ними и их ближайшими советниками – весьма важный фактор, воздействовавший на принятие решений. Судя по массовому выходу в отставку генералитета на исходе Великой войны, 4 года большого нервного напряжения не могли не сказаться на их готовности и дальше исполнять свои обязанности,

²⁵ Споры относительно вклада обоих шли все 1920-е и 1930-е гг., постепенно обостряясь, хотя сложившийся культ никаких шансов на пересмотр мифа не оставлял. См., напр.: *Hoffmann M. Tannenberg, wie es wirklich war // Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann / hrsg. von K.F. Nowak. 2 Bde. B., 1929. Bd. 2. S. 233–312; General Ludendorff. Tannenberg. Geschichtliche Wahrheit über die Schlacht. München, 1939; Hoegen von J. Der Held von Tannenberg: Genese und Funktion des Hindenburg-Mythos. Köln; Weimar, 2007.*

²⁶ См.: *Ланник Л.В.* Указ. соч. С. 153–158; 176–179; 192–193.

²⁷ Гинденбург, бывший старше своего соратника Людендорфа на 18 лет, сравнивал их сотрудничество с «счастливым браком». См.: *Гинденбург П. фон.* Из моей жизни. М., 2013. С. 35.

причем даже формально, т. е. попросту подписывая доложенные им и подготовленные за них решения.

Нет ничего удивительного в том, что постоянный недосып, психическое напряжение²⁸, споры, выговоры сверху или зависть, ревность к молодым коллегам, тоска, разочарование и дурные предчувствия – все это преждевременно состарило тех генералов, кто мог бы сохранить бодрость духа и здоровье до весьма преклонных лет. Последнее доказывается тем, что как только невыносимое напряжение спало, многие командующие дожили до весьма почтенных лет – Гинденбург до 87, Макензен и вовсе до 96 лет. Напротив, те, кто нес на себе бремя подготовки решений и их отстаивание перед высшими инстанциями лично, ушли достаточно рано: Фалькенгайн не дожил до 61 года, М. Гофман и В. Рейнхардт скончались в 58 лет. Брели свое и эпидемии, распространившиеся к концу войны, в том числе грипп. Дополнительным фактором смертности стало тяжелейшее разочарование поражениями германской армии после приступа эйфории в начале 1918 г., хотя до эпидемии суицидов в военной среде не дошло.

Весьма перспективными с точки зрения истории повседневности являются и сведения о досуге и организации быта генералитета и его окружения. Насколько мог себе позволить свободное время генерал, во многом зависело от слаженности и ответственности работы его штаба, начальник которого мог настолько узурпировать основные обязанности, что у командующего находилось время для самых разнообразных развлечений: от устройства солдатских театров в тылу²⁹ до туристических экскурсий и любительской археологии³⁰.

Кайзер, формально отягощенный огромным объемом обязанностей по политическому и военному руководству считал возможным для себя посещать художественные выставки в Германии, что произвело бы в момент поражений на фронте самое тяжелое впечатление, но отговорить его от этой легкомысленной

²⁸ Пример подобных явлений см. в: *Незнамов А. Стратегия темперамента // Сборник статей по военному искусству. Пг., 1921.*

²⁹ См.: *Morgen C. Meinen Truppen Heldenkämpfe. В., 1920. S. 116–122; Litzmann K. Lebenserinnerungen: 2 Bde. Berlin, 1927. Bd. 2. S. 131ff.*

³⁰ Только один пример: в 1916 г. консультировался с археологами относительно обнаруженных им античных надгробий в Македонии один из лучших генштабистов Германии Г. фон Сект, бывший тогда на том участке фронта начальником штаба группы армий: *Seeckt H., Rabenau F. Aus meinem Leben 1866–1918. Leipzig, 1938. S. 358.*

затеи было весьма тяжело³¹. Хорошо известно и то, какое количество времени уделял семейным заботам, переписке и встречам с людьми, не имеющими ни малейшего отношения к профессиональным кругам император Николай II. Нет никаких сомнений, что подобные же примеры можно привести и относительно Георга V, Карла I и Мехмеда V, а закономерность этого явления вызывается не столько военной бездарностью монархов, сколько блестящей работой их штабов, взявших на себя чересчур много забот.

Чрезвычайно перспективна в рамках гендерных исследований тема семейных взаимоотношений в среде генералитета и штабного офицерства, ведь жены и дети военных с началом боевых действий переживали совершенно особую эволюцию, а при учете корпоративной этики и преемственности, встает проблема и восприятия офицерами и генералами войны вообще в связи с гибелью или ранением их сыновей, зачастую шедших в офицеры и в силу своего возраста оказавшихся, если отец строго придерживался правил чести³², на передовой лейтенантами и капитанами. Учитывая редкие командировки в тыл и эпистолярный характер общения, Великая война стала кризисом и в семейных отношениях, возможно не столь ярко проявившимся как в советской армии во Второй мировой войне, но безусловно важным для психологического состояния командующих³³ и их штаба, а значит и это необходимо учитывать при воссоздании данного аспекта военной истории, для чего нет иных источников, кроме дневников и переписки.

При этом в ходе Великой войны без сомнения возникали и такие ситуации, когда даже генералам, командующим корпуса-

³¹ См. дневник главы военного кабинета кайзера фон Линкера: *Kaiser Wilhelm II als Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg: Quellen aus der militärischen Umgebung des Kaisers 1914-1918* / hrsg. von H. Afflerbach. München, 2005. S. 500-501, 513.

³² Так было далеко не всегда. С горечью констатировали кумовство в штабах, желание отцов присматривать и беречь сыновей на неопасных постах. Борьба с этим было не так просто. См.: *Ibid.* S. 504.

³³ Любопытный пример диагностики психологического состояния и уровня оценки ситуации являет собой Г. фон Сект, накануне его отставки. Хотя он боролся против своего смещения, уже за неделю до финала этого конфликта он пошел на беспрецедентный для него поступок: отослал супругу в Лейпциг, что говорит о том, что исход он явно предвидел заранее, рассматривал перспективу военного путча, а рисковать нервами жены не хотел. См.: *Rabenau F., Seeckt H. Aus seinem Leben.* Leipzig, 1940. Bd. 2. S. 534-535.

ми³⁴, не могли обеспечить элементарных условий, и им приходилось спать на полу и на соломе, а то и не спать вовсе, что сказывалось в тяжелые моменты принятия решений. Общее физическое и психологическое напряжение, вряд ли посильное для немолодых людей, – а генералитет в германской армии был существенно старше 50 лет, выходя в командующие армиями уже за 60, – также вряд ли будет отражено кем-либо кроме тех, на ком оно отражалось прямо, вызывая сочувствие или, наоборот, раздражение и возмущение. Штаб-офицеры часто должны были принимать как должное обязанность компенсировать недостаток работоспособности своих командующих, без какого бы то ни было шанса на особое вознаграждение или льготы. При этом условия их работы были автоматически хуже тех, что им удавалось обеспечить своим командующим, а уж времени на отдых было меньше в любом случае.

Поэтому вряд ли могут удивить возможные нервные срывы начальников штабов, тем более, если речь идет о человеке с взрывным характером, каким был, например, Э. Людендорф³⁵. С той или иной долей скепсиса и сдержанности генштабисты должны были воспринимать психологические особенности начальства, устраняя неблагоприятное воздействие психологических, субъективных факторов, от депрессии, вызванной поражениями (случавшиеся, например, у Брусилова и Рузского) до рокового увлечения модным в начале XX в. мистицизмом (например, у Мольтке-младшего³⁶).

Из этих многочисленных деталей и складывается тот процесс принятия решений, который интересовал исследователей³⁷, однако воспринимался ими в основном на базе официоза или мемуаристики. Многие из этих решений были приняты слишком поздно или оказались неверно поняты, а порой в силу разных

³⁴ См., напр.: *Litzmann K. Op. cit. Bd. 1. S. 303; Morgen C. Op. cit. S. 6.*

³⁵ Например, В. Гренер: «Людендорф вполне созрел для сумасшедшего дома». См.: *Groener W. Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkrieg / hrsg. F. von Gaertringen. Göttingen, 1957. S. 540, 543–544.*

³⁶ Это даже стало предметом специального изучения: *Helmuth von Moltke. Dokumente zu seinem Leben und Wirken / hrsg. von A. Bracher, T. Meyer: 2 Bde. Basel, 1993.*

³⁷ Имеется в виду так называемый decision-making, см., напр.: *Snyder J. The Ideology of the Offensive. Military decision-making and the disasters of 1914. Cornell Univ., 1989; Hamilton R.F., Herwig H.H. Decisions for War, 1914–1917. Cambridge, 2004.*

причин не выполнены вовсе. Последнее ставит еще одну проблему, разрешить которую возможно, по-видимому, только в рамках «штабной правды»: насколько командующие адекватно воспринимали действительную обстановку в войсках на тот или иной момент, представляли ли они себе истинные возможности вверенных им частей и соотношение сил с неприятелем.

Разумеется, многое можно было бы объяснить неполной информацией, а то и намеренной дезинформацией высших кругов, вплоть до кайзера включительно³⁸, однако степень и причины подобных явлений достаточно легко диагностируются по метким замечаниям штаб-офицеров, остро воспринимавших недопонимание своих предложений или необходимость формулировать и передавать обреченные на невыполнение приказы³⁹. Крайне интересны заметки офицеров штаба о психологии принятия решений, о влиянии колебаний или споров между соратниками командующего, о той огромной доле сомнений, которая фиксируется в каждом решении, которая позднее кажется принятым холодно и без промедлений⁴⁰.

Для оценки событий революционной поры и анализа способности военной верхушки осознать происходящее весьма показательным являются события последних месяцев войны, когда престарелые генералы пытались по-отечески устыдить войска Западного фронта, побежавшие 8 августа 1918 г. под натиском Антанты, так как были совершенно обескровлены в предыдущих наступлениях⁴¹.

Недоумение, а затем горькое сожаление у офицеров Ставки, пытавшихся предупредить о нарастающей угрозе надлома в войсках вызывали меры по борьбе с разразившейся революцией, которую командующий столичным военным округом генерал Линцинген попытался просто «запретить»⁴². Разумеется, штабное

³⁸ Например, этим последовательно занимался комендант германской Ставки фон Плессен, что и предрешило неспособность кайзера сориентироваться в ситуации осени 1918 г. См.: *Kaiser Wilhelm II als Oberster Kriegsherr...* S. 615–618.

³⁹ См.: *Thaer A.* Op. cit. S. 188, 195–198; *Ланник Л.В.* Указ. соч. С. 267–269.

⁴⁰ Весьма интересно об этом рассуждал известный своей беспристрастностью Г. фон Сект. См.: *Seeckt H.v., Rabenau F.* Aus seinem Leben. Bd. 1. S. 78, 86–88, 148.

⁴¹ См. подр.: *Базаревский А.Х.* Мировая война 1914–1918 гг. Кампания 1918 года во Франции и Бельгии. Т. 1–2. М.; Л., 1927; *Zabecki D.T.* The German Offensives 1918. The case study in the operational level of war. L., N.Y., 2006.

⁴² См.: *Мюллер Р.* Мировая война и революция: В 2 т. М., 1924. Т. 1. С. 149.

офицерство не всегда исчерпывающе знакомилось с ситуацией в окопах, однако оно было мало подвержено иллюзиям верхов о несокрушимости германской армии или ее априорном превосходстве на фоне подавляющего количественного и технического перевеса противника.

Помимо особенностей процесса принятия решений и адекватности их исполнения, весьма интересным представляется и то, как реагировали на переданные приказы их непосредственные исполнители. Только за одну операцию германской армии в Восточной Пруссии, приведшей к блестящей победе при Танненберге 26–30 августа 1914 г., произошло несколько кризисов, связанных с нарушением субординации, прямым неисполнением приказов или попытками их истолковать по-своему, сознательно отклоняясь от избранного командованием решения⁴³.

Многое тогда списывалось на погрешности связи и недоразумения, однако были и случаи явного пренебрежения мнением вышестоящей инстанции, за которое полагался военный трибунал. Можно лишь предполагать, сколько в действительности было бы таких инцидентов, если бы не высочайший уровень взаимопонимания и корпоративного единства офицеров Генштаба, бравших на себя ведение переговоров между штабами, а то и разрешавших многие споры по собственной инициативе. Об этих скрытых кризисах вряд ли можно узнать из генеральских мемуаров, в том числе потому, что командующий так и не узнал о масштабах деятельности своего подчиненного.

Представляется, что перечисленные выше аспекты военной повседневности, тесно связанные с деталями важнейших перипетий войны, вполне оправдывают необходимость создания еще одного «этажа» военной истории с элементами истории повседневности – «штабной правды». Это потребует нового витка публикации источников, отобранных теперь по иному принципу, нежели прежде, когда они становились лишь фоном для официальных биографий крупных политических и военных деятелей.

Издания подобного рода выходят до сих пор, причем потенциал семейных архивов достаточно высок даже по сравнению с

⁴³ См., напр.: *Hoffmann M. Tannenberg, wie es wirklich war // Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann / hrsg. von K.F. Nowak. 2 Bde. B., 1929. Bd. 2. S. 249, 256–258? 262–264ff.; Elze W. Tannenberg. Das deutsche Heer von 1914. Seine Grundzüge und deren Auswirkung im Sieg an der Ostfront. Breslau, 1928. S. 100–102, 129, 138, 368–370.*

публикациями личных фондов из Военного федерального архива Германии (ВА – МА), где, несмотря на гибель огромного числа материалов при бомбардировках Потсдама, сохранилось большое количество уже подготовленных к публикации накануне Второй мировой войны воспоминаний офицеров Генштаба и военного министерства эпохи Великой войны, оставивших машинописные копии своих основных записей, но не дождавшихся пока своих исследователей⁴⁴. При этом не следует полагать, что речь идет лишь о мемуарах второ- и третьестепенных фигур. Более того, вероятно, лишь начинается процесс ввода в научный оборот воспоминаний такой особой категории участников войны как офицеры медицинской службы, от которых можно ожидать совершенно иного уровня информированности и восприятия военной действительности, а уж для истории повседневности свидетельства врачей попросту бесценны⁴⁵.

Не приходится говорить о том, что вполне отдан долг памяти и даже отечественным военным деятелям, хотя мемуаров российской военной элиты было издано много, как в эмиграции, так после 1989 г. и в нашей стране. Этот процесс продолжается солидными темпами, существенно ускорившись за последние годы, что обещает в ближайшем будущем возможность принципиально иного взгляда на целый ряд судьбоносных моментов и влиятельных фигур в российской истории. Но если в этом отношении можно ожидать достаточно радужной перспективы, то относительно мемуаров деятелей зарубежных даже к 100-летию Великой войны достаточных усилий не предпринято. Имевшиеся русские переводы базовых воспоминаний германских военных о 1914–1918 гг., подготовленные в 1920–30-е, реже в 1950-е гг., имели целый ряд особенностей, в том числе сокращения и искажения в угоду политической конъюнктуры. Переиздание их, а тем более исправление имевшихся версий, дополнение и комментирование интенсифицировались сравнительно недавно⁴⁶. Новых переводов

⁴⁴ См., например, базу данных личных фондов германских архивов // URL: <http://www.nachlassdatenbank.de> (дата обращения: 10.05.2015).

⁴⁵ См.: *Кравков В.П.* Великая война без ретуши. Записки корпусного врача / сост. и ред. Е.С. Сенявская. М., 2014.

⁴⁶ См.: *Гинденбург П. фон.* Из моей жизни. М., 2013; *Фалькенгайн Э.* Верховное главнокомандование в его важнейших решениях 1914–1916 гг. М., 2014.

пока так же крайне мало⁴⁷, хотя на русский до сих пор не переведены воспоминания некоторых весьма видных деятелей Великой войны, например, Леопольда Баварского, официально командовавшего Восточным фронтом более 2 лет. Машинопись его дневника хранится в фамильном архиве Виттельсбахов, работать с ней возможно лишь по специальному разрешению... Вероятно, в качестве аналогии можно было бы представить себе, что исследователями Второй мировой до сих пор не подготовлен выход на русском языке мемуаров Э. Манштейна или дневника Ф. Гальдера, которые в действительности менее, чем за 60 лет выдержали по нескольку, а то и более десятка изданий в нашем отечестве, являясь базовыми источниками для любого интересующегося советско-германским фронтом.

Несколько большее внимание необходимо уделить субъективным моментам, обычно уступающим место статистическим данным или проектам операций, но никогда не компенсирующимся объективными данными из-за специфики своего воздействия. Наконец, «штабная правда» позволит пересмотреть ряд положений, касающихся причин революционных выступлений в армии и на флоте, связанных с расколом внутри военного организма, часто принимающего форму политических выступлений, но вызванного, как правило, психологическими и бытовыми конфликтами и иллюзиями. Основания для таких страшных для любой армии явлений как те, что прокатились в русской армии весной-осенью 1917 г., и в меньшей степени в германской осенью 1918 г., могут быть оценены только при дополнении «правды окопной» и другой стороной, то есть «правдой штабной»⁴⁸.

Наконец, только учет всех выше перечисленных особых факторов, при всех их специфичности, возможно, даст новые варианты ответа на философскую дилемму о том, из чего складывается победа. Действительно ли исход событий может предопределяться самым различным стечением обстоятельств и психологических

⁴⁷ См., напр.: *Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе 1914–1917 гг.* / Пер. А. Андреева. М., 2014; *Гольц фон дер Р. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике* / Пер. и комм. Л.В. Ланника. СПб., 2015.

⁴⁸ Великолепные детали будней военного министерства в охваченном революцией Берлине в конце 1918 г. см. в дневнике адъютанта министра: *Adjutant im preußischen Kriegsministerium, Juni 1918 – Oktober 1919. Aufzeichnungen des Hauptmanns Gustav Böhm* / hrsg. von H. Hürten, G. Meyer. Stuttgart, 1977.

нюансов⁴⁹, насколько велика при этом роль блестящего полководца, или, наоборот, несмотря на громкие заявления, высмеянные еще Л.Н. Толстым в «Войне и мире»⁵⁰, их самомнение ни на чем не основано, а действует вполне объективный набор факторов, из которого и складывается равнодействующая, не подвластная мелким искажениям или помехам.

Подводя итог, уместно наметить возможные перспективы переструктурирования или дополнения исследований истории военной повседневности. Недаром маршал Людовика XIV Н. де Катина говорил, что «надо поистине быть героем, чтобы быть им в глазах своего камердинера». Слуга вряд ли сможет рассмотреть за повседневностью профессиональные черты хозяина, а офицер-генштабист, будучи посвящен во многие тайны своего генерала, все же оценивал его в первую очередь как потенциальный пример для подражания, а потому вряд ли повседневность высшего командования глазами их денщиков или же их самих сможет когда-либо сравниться с картиной, представленной офицерами-соратниками, при схожем уровне близости. Доля эмоций есть и в офицерском взгляде, однако это лишь доказывает необходимость последующего научного анализа, привлечения ученых к данному полю исследований, пока остающемуся в тени более популярных направлений, ждущему в пыли архивов или изложенному в полузабытых узкопрофессиональных публикациях.

⁴⁹ Пример подобного рассмотрения истоков поражения японцев в битве при Мидуэ см.: *Переслегин С., Переслегина Е. Тихоокеанская премьера*. М., 2007. С. 243–249, 288–289, 307–310.

⁵⁰ В особенности фразы Наполеона накануне Бородинского сражения.

**«СКАЖИ МНЕ, ГДЕ ТЫ СРАЖАЛСЯ, И Я СКАЖУ, КТО ТЫ»:
ОБРАЗ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ
КЛИМАТЕ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

А.В. Лучников

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: aluchnikov@mail.ru

Статья посвящена анализу восприятия образов ветеранов Восточного фронта Первой мировой войны в Веймарской республике. На основании широкого пласта веймарского политического нарратива делаются выводы о влиянии восприятия ветеранов на их радикализацию и вытеснение за границы республиканского политического поля.

Ключевые слова: Первая мировая война, ветеранство, Восточный фронт, стереотипы, политический климат, фрайкор, Веймарская республика.

**«TELL ME WHERE YOU FOUGHT, AND I'LL TELL
YOU WHO YOU ARE»: IMAGE OF THE EASTERN FRONT
IN THE POLITICAL CLIMATE OF WEIMAR REPUBLIC**

A.V. Luchnikov

This article analyzes the perception of images of veterans in the Weimar Republic. Veterans of World War I, first of all veterans of the Eastern Front, had a decisive influence on the political climate of the Weimar Republic. On the basis of a broad stratum of the Weimar political narrative concludes that the radicalization of veterans and their repression abroad Republican political field was due to the prevailing image of a soldier of the Eastern Front.

Key words: World War One, veterancy, eastern Front, stereotypes, political climate, Freikorps, The Weimar Republic.

В политическом архиве министерства иностранных дел ФРГ есть любопытный документ: Вильгельм Маркс, один из лидеров Партии Центра, впоследствии канцлер Германии, в письме к другу семьи в качестве одной из важнейших причин своего поражения на президентских выборах 1925 г. указывает следующее: «Его (Гинденбурга. – А. Л.) поддержали не за реальные политические заслуги, а за прошлое. Поддержали те, кто воевал. Пока над рес-

публикой парит «призрак Танненберга», ей не быть сильной. Эта вечная солдатчина еще наделает дел»¹.

Утверждения в духе того, что Первая мировая война и ее итоги определяли политический климат Веймарской республики, была важнейшим средством самоидентификации веймарских политиков и общества в целом, можно было бы считать неким трюизмом веймарской историографии, если бы не многогранность проблемы, открывающей все более занимательные стороны исследователю². Удивлялись этому еще современники. Такой проницательный и эрудированный наблюдатель социальных отношений в Веймарской республике как Франц Карл Эндрес, описал в 1927 г. сложившуюся обстановку так: «Милитаризм и память о боевом прошлом – это духовная конституция многих невоенных»³. Э. Канетти вообще называет германскую армию единственным универсальным массовым символом в веймарском обществе, кризис которого непосредственно повлиял на государство⁴. В смысле влияния политического самоощущения ветеранов, их самопозиционирования в веймарском политическом климате, электоральных ожиданий, отношения к ним со стороны различных сил политического спектра проблема отнюдь не исчерпывается декларированием антиреспубликанской природы ветеранов, частно становившихся заложниками особого их восприятия в весьма эклектичном с точки зрения убеждений и отношения к итогам Первой мировой войны веймарском обществе.

Не сама политическая реальность, а восприятие реальности определяет мнения и решения. Складывание противоречивых информационных блоков, постоянно перепроверяемых перцепционных структур в единую картину представляет собой непрерывный процесс. Селекция и структурирование поступающей извне информации через фильтр стереотипов значимо, но их значение – для отдельного человека или социальной группы –

¹ PA AA. NL Brockdorff-Rantzau. Bestand 30. H. 114032-021.

² См., напр.: *Ziemann B.* Veteranen der Republik. Kriegserinnerungen und demokratische Politik 1918-1933. Bonn, 2014; Ср.: *Gollbach M.* Die Wiederkehr des Weltkrieges in der Literatur. Zu den Frontomanen der spaeten Zwanziger Jahre. Kroberg/Ts, 1978.

³ Цит. по: *Kroener B.R.* Generationserfahrungen und Elitenwandel. Strukturveränderungen im deutschen Offizierkorps 1933-1945 // *Eliten in Deutschland und Frankreich im 19. und 20. Jahrhundert: Strukturen und Beziehungen* / Hrsg. von R. Hudemann, G.H. Soutou. München, 1993. S. 221.

⁴ *Canetti E.* Masse und Macht. Hamburg, 1960, S. 203.

находится в обратной зависимости от личного или группового опыта освоения действительности. Чем больше подобный опыт, тем меньше вероятность, что усвоенные стереотипы будут находиться в статичном состоянии. Когда же личный опыт невелик, процесс освоения информации сводится к усвоению и воспроизводству готовых стереотипов и стереотипных реакций⁵.

Но как получилось, что стереотипы стали основой для формирования образа ветерана восточного фронта, тем более для влияния данного образа на веймарские политические процессы, ведь речь идет не о мифических «иных», а о сотнях тысяч реальных немцев? Казалось бы, существование в веймарском обществе активной ветеранской среды должно было послужить основой для формирования вполне реалистичной картины, но не мифологизированного эклектичного, выдержанного в сумрачных тонах калейдоскопа, в рамках которого часто позиционировались себя и ветераны. А ведь еще в 1918 г. их по возвращении с фронта цветами встречали дома⁶, Ф. Эберт горячо заявлял берлинским ветеранам, что страда их беззаветного служения Родине только начинается⁷, а некий тюрингский чиновник заметил, что «духовный контакт между Отечеством и фронтовиками как никогда крепок»⁸. Проблема подобного восприятия ветеранов, особенно ветеранов Восточного фронта представляется небезынтересной и может быть рассмотрена через несколько исследовательских призм.

В первую очередь, необходимо рассмотреть характер формирования веймарских политических элит. В веймарском обществе процессы рекрутирования властных элит проходили под знаком традиционного для западной цивилизации, а в немецком обществе принявшего глобальные масштабы кризиса дворянства. Кризис имел как единые для западного общества причины – социальную демократизацию, изменения, характерные для индустриальных обществ эпохи модерна; так и специфические немецкие – стреми-

⁵ Голубев А.В. Советское общество 1930-х годов и формирование внешне-политических стереотипы // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 88.

⁶ См. подр.: Bessel R. Die Heimkehr der Soldaten. Das Bilder Frontsoldaten in der Oeffentlichkeit der Weimarer Republik // Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch... Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs / Hrsg. von G. Hirschfeld, G. Krumeich. Boppard a/Rhein, 2012. S. 221–240.

⁷ Die Deutsche Revolution 1918–1919. Dokumente / Hrsg. Von G.A. Ritter. Frankfurt a/M., 1983. S. 139–142.

⁸ Wermuth A. Ein Beamtleben. Erinnerungen. Berlin, 1922. S. 429–430.

тельную инфляцию дворянского статуса в общественном сознании вследствие революции и установления республиканского строя, переход основных властных функций к социал-демократическому большинству.

В подобных условиях возникает первая значимая грань образа ветерана – «ветеран-монархист». «Гипертрофия надежд и ожиданий, которые проецировались в поздней Империи на Вильгельма II, привела после 1918 года к гипертрофии разочарования», – пишет С. Малиновски⁹. В историографии утвердилось мнение, что большая часть германского социума разочаровалась в монархе (что позволило революции пройти относительно бескровно, без непоправимых социальных катаклизмов, гражданской войны, неизбежной, если бы чиновничество и армия «вступились» бы за Вильгельма II), но не в монархии (что обусловило отсутствие гражданского мира и социального баланса в республике, а также чрезвычайную гетерогенность властных элит, что и стало одной из причин недолговечности Веймарского государства). Однако «монархическое сознание» испытывало кризис, в массах же вообще проявлялось лишь в форме ностальгирующих сожалений о довоенном времени, что относилось гипотетическую реставрацию в область нереального¹⁰. Ветеранские же организации в общественном восприятии часто позиционировались как монархические (часто, хоть и далеко не всегда, так и было), что заставляло веймарских политиков скептически относиться к ветеранам как возможной опоре гражданской стабильности.

Также необходимо отметить такую важную особенность восприятия образа ветерана как четкое разграничение ветеранов восточного и западного фронтов по характеру политических пристрастий. В свое время первый посол Веймарской республики в СССР Ульрих фон Брокдорф-Ранцау много рассуждал об

⁹ *Malinowski S. Vom König zum Führer. Sozialer Niedergang und politische Radikalisierung im deutschen Adel zwischen Kaiserreich und NS-Staat. Berlin, 2003. S. 247.*

¹⁰ *Gaertringen F. v. Zur Beurteilung des Monarchismus in der Weimarer Republik // Tradition und Reform in der deutschen Politik / Hrsg. von G. Jasper. Frankfurt am Main, 1976. S. 138–185; Fehrenbach E. Wandlungen des deutschen Kaisergedankens (1871–1918). München; Wien, 1969; Sösemann B. Der Verfall des Kaisergedankens im Ersten Weltkrieg // Der Ort Kaiser Wilhelm II in der deutschen Geschichte / Hrsg. von J. C. G. Röhl. München, 1991. S. 145–172; Schreyer H. Monarchismus und monarchistische Restaurationsbestrebungen in der Weimarer Republik // Jahrbuch für Geschichte. 1984. № 29. S. 291–320.*

«общности судеб», которая в ее изначальной коннотации относилась, при всей их несхожести, к политическим элитам обеих стран, их военному прошлому, «бывшему тайным грехом, заставлявшим раз за разом доказывать чистоту помыслов перед новым миром»¹¹. Граф лишь выразил характерную для веймарских политиков мысль, что немцы, воевавшие против России, особенно в 1917 году, когда боевых действий стало заметно меньше, не могли не «подразложиться», так долго взаимодействуя с разагитированными большевиками войсками. В представлениях веймарских политиков ветеран восточного фронта просто обязан быть радикалом, либо большевистского, либо национал-социалистического толка. Любопытно, что данное убеждение будут разделять и деятели Коминтерна, возлагавшие такие надежды на пресловутых «ветеранов с Востока» во время событий Германского октября 1923 года¹².

Ярким же примером восприятия ветерана с востока как ультраправого является образ фрайкора в Веймарской республике, как крайнего проявления проимперских политических рецидивов, воплощающего в себе все негативные стороны ветерана. Устойчивым речевым оборотом в политической риторике стало именно «ветеран с Востока», а не «ветеран восточного фронта», поскольку образ включал в себя и солдат фрайкора, проявивших себя в Прибалтике и Польше в 1918–1919 гг., хотя известно, что значительная их часть набиралась как раз из демобилизованных с Западного фронта немцев¹³.

Разумеется, свою роль играло и то, что военные успехи на востоке, особенно если говорить о последнем периоде войны, были более значительны, да и снабжение за счет реквизиций было качественнее, поэтому Ноябрьская революция стала для тех, кто там воевал, значительно большей неожиданностью, чем для «западников». Легенда о социал-демократическом кинжальном ударе в спину Германской империи родилась и развивалась именно в этой среде¹⁴. Э. Людендорф, один из активных творцов этого ми-

¹¹ Brockdorff-Rantzau U. v. Dokumente. Charlottenburg, 1920. S. 122.

¹² См. подр.: Angress W.T. Die Kampfzeit der KPD 1921–1923. Dusseldorf, 1973; Das Krisenjahr 1923. Militär und Innenpolitik 1922–1924/ Bearb. von H. Hürten. Düsseldorf, 1980.

¹³ См. подр.: Schulze H. Freikorps und Republik 1918–1920. Boppard a/Rhein, 1969; Krueger G. Die Brigade Ehrhard, Hamburg, 1971.

¹⁴ Barth B. Dolchstoßlegenden und politische Desintegration. Das Trauma der deutschen Niederlage im Ersten Weltkrieg 1914–1933. Düsseldorf, 2003.

фа, полагал, что социал-демократическое учение должно быть глубоко чуждо солдатам, столкнувшимся с подобного рода агитацией со стороны русских¹⁵. Партийные списки СДПГ не позволяют согласиться с прославленным ветераном, столь любимым околополитической веймарской прессой за перченость высказываний о республике, но, повторимся, важна не реальность, а ее отражение, в силу чего мнение Э. Людендорфа разделялось и считалось объективным многими немцами.

Своеобразным социально-экономическим маркером восприятия ветеранов Восточного фронта опорой Веймарской республики, пресловутым «городским средним классом», представителями мелкого и среднего бизнеса, работодателями, служат данные об их занятости. Можно обнаружить даже проведение конкретной зависимости судьбы ветерана в веймарском обществе от того, с какой стороны Империи он воевал. Герман Геринг, один из 12 депутатов-нацистов в 1928 г., заявлял в Рейстаге, что в Берлине ветераны вынуждены стыдиться прошлого, но если солдаты Марны, Соммы и Вердена могут заесть и запить свой стыд (подразумевалось, что они как-то устроились в жизни и зарабатывают), то «танненбергцы» прозябают¹⁶. В 1930 г. на фоне экономического кризиса и сокращений в Гамбурге прошел митинг уволенных работников частных пекарен и продовольственных магазинов. В заметке, посвященной этому событию, были приведены три интервью с участниками. Все три были восточными ветеранами¹⁷. Разумеется, и официальная веймарская статистика начала 1930-х гг., и социоскопические исследования западногерманских исследователей 1960–1970-х гг. подтверждают, что экономический кризис, увольнения и безработица «не выбирали», ветеран какого фронта станет их жертвой, здесь важен сам факт восприятия веймарской прессой характера данной жертвенности. Комплекс вины, возвращенный в немецком обществе в двадцатые годы двадцатого столетия, был ориентирован на ветеранов Восточного фронта и неизбежно заставлял распространять ответственность за происходящее на них самих. Если

¹⁵ Ludendorff E. Weltkrieg droht auf Deutschem Boden. München, 1931. S. 41–42.

¹⁶ Quellen zum politischen Denken der Deutschen im 19. und 20. Jahrhundert. B. VIII: Die Weimarer Republik / Hrsg. von K.-E. Lönne. Darmstadt, 2002; См. также: The Great War in German memory: The soldiers of the First World War, demobilization and Weimar political culture // German History. 1988. № 1. P. 20–34.

¹⁷ Hamburger Anzeiger. 1930. 02. November.

прочие жители веймарского государства – одного из наиболее социальных своей эпохи, провозвестника идеи государства всеобщего благоденствия – могли перекладывать ответственность за свои трудности на внешний фактор (не выполняющую социальные обязательства страну, великие державы, условия Версальского мира *et cetera*), то ветераны Восточного фронта (и парадоксальным образом те, кто по каким-то причинам, в силу ли здоровья или других факторов, не принимали участия в Первой мировой войне) не могли преодолеть комплекс личной ответственности за происходившее. Не о них ли вспоминал ополченец-ландштурмист 1914 г. и будущий член НСРПГ Мартин Хайдеггер, рассуждая об экзистенциальной вине?

В современной германской историографии также достаточно популярно изучения девиантного социального поведения среди бывших участников Первой мировой войны. Еще один характерный пример: в 1927 г. в Берлине состоялся суд над участниками ОПГ Уля Титцке, рэкетировавшего всю розничную торговлю в районе Берлинер Зоо. Титцке, бывший лейтенант, уволенный из рейхсвера во исполнение версальского договора, подводил весьма своеобразный идеологический базис под свою банду, формируя ее исключительно из ветеранов Танненбергских событий, «которые его никогда не подводили». Косвенно вторят ему и статистические данные, вернее их интерпретация в веймарский период. Так, одна из ежедневных тюрингских газет в 1925 г. провела крупное «исследование» и «выяснила», что до половины сотрудников полиции и всевозможных охранных агентств в прошлом воевали на Западном фронте, большинство тех, кого они ловят, воевало против русских¹⁸. Разумеется, это был лишь миф, не выдерживавший серьезной проверки. Но он был устойчив.

Еще одной особенностью образа ветерана восточного фронта было стремление к его полной унификации. Любая сторона образа ветеранов обладала вполне четкой модальностью, базовый императив которой формировался, в том числе и на основе восприятия анализируемого объекта, исходя из того, как себя по отношению к республике позиционирует его носитель. Страх, испытываемый большинством политически активного немецкого населения перед опасностью инвазии большевизма в Германию,

¹⁸ *Asmuss B. Republik ohne Chance? Akzeptanz und Legitimation der Weimarer Republik in der deutschen Tagespresse zwischen 1918 und 1923. Berlin, 1994.*

sine qua non веймарского политического климата, приводил в том числе к тому, что ветераны с Восточного фронта, знавшие «врага в лицо» воспринимались единой массой, готовой встать на защиту... Но на защиту чего? Деятель Немецкой народной партии Густав Штресеман, тогда министр иностранных дел Веймарской Германии, сказал в 1924 г., что «ветераны Восточного фронта безусловно надежные люди для тех, кто замышляет недоброе по отношению к республике, ибо имеют весьма сомнительное для республики прошлое»¹⁹. Ему вторил Адольф Гитлер, в одном из воззваний 1928 г. призвавший ветеранов восточного фронта отбросить ту грязь, которую бросает на их прошлое республиканцы²⁰. В итоге ветераны восточного фронта, потенциально социальная опора республики, в начале веймарской эпохи воспринимавшаяся обществом весьма позитивно, были отброшены на периферию политики, что не могло не толкнуть их к радикальным оппонентам веймарского государства.

¹⁹ *Stresemann G. Reichstagsreden/ Hrsg. von G. Zwoch. Bonn, 1972. S. 82–83.*

²⁰ *Berghahn V.R. Der Stahlhelm, Bund der Frontsoldaten 1918–1935 / Hrsg. von der Kommission für Geschichte des Parlamentarismus und der politischen Parteien, Düsseldorf, 1966.*

ПОНЯТИЕ «НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛИЗМ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М.В. Калашников

Саратовский государственный технический
университет имени Гагарина Ю.А.,
кафедра истории Отечества и культуры
E-mail: kalash.mv@mail.ru

В статье исследуется смысл понятия «национал-либерализм» («национальный либерализм») в политическом дискурсе России 1914–1918 гг. на основе анализа значения слов национал-либерализм (национальный либерализм) в текстах данного периода. В статье использован метод историко-семантического анализа. К началу XX в. понятие «либерализм» утрачивает проективность и используется инструментально-терминологически. На фоне патриотического подъема конца 1914 – первой половины 1915 гг. происходит временная смысловая реанимация понятия «либерализм». Реанимировать и «национализировать» его попытался член ЦК кадетской партии П.Б. Струве. Однако доктринерские опыты П.Б. Струве по соединению понятий «либерализм» и «национализм» в единую понятийную конструкцию означали не более чем попытку перенести на русскую почву немецкие смыслы. В русском общественном сознании семантика понятия «либерализм» оказалась, в отличие от опыта Германии, несовместима с семантикой понятия «национализм». На уровне социально-политической практики в России не сложилось соответствующего явления. На уровне теоретического умозрения также не удалось создать целостную конструкцию определяемую понятием «национал-либерализм» («национальный либерализм»). Данное понятие, не имея в качестве референта соответствующего явления в социально-политической практике, оказалось в русском общественном сознании симулякром – пустым знаком, то есть знаком без означаемого и семантической химерой.

Ключевые слова: Первая мировая война, понятие «национал-либерализм» («национальный либерализм»), П.Б. Струве, конституционно-демократическая партия, историко-семантический анализ.

THE CONCEPT OF «NATIONAL LIBERALISM» IN THE POLITICAL DISCOURSE OF RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR

M.V. Kalashnikov

The article examines the meaning of the concept of «national liberalism» in the political discourse of Russia during the 1914–1918 period basing on the meaning of the concept of «national liberalism» in the texts of this period. The article uses the methods of the historical semantics. By the beginning of the XX century the concept of «liberalism»

loses projectivity and starts to be used instrumentally and terminologically. Following the rise of the patriotism in the late 1914 and in the first half of the 1915, there happens a temporary reanimation of the meaning of the concept of «liberalism». An attempt to reanimate and "nationalize" it was made by P.B. Struve, a member of the Central Committee of the Kadet party. The doctrinarian experiments of P.B. Struve, which attempted to combine the concepts of «liberalism» and «nationalism» into a single conceptual construction, weren't however anything more but an attempt to bring the German meanings into the Russian surroundings. As opposed to how it was in Germany, in Russia the semantics of the concept of «liberalism» happened to be incompatible with the semantics of the concept of «nationalism». The socio-political practice in Russia haven't developed a corresponding phenomenon. On the level of the theoretical speculation, a consistent concept of the «national liberalism» didn't emerge either. In the Russian social consciousness, this concept, not having a reference in a corresponding socio-political practice, appeared to be a simulacrum – an empty sign, i.e. a mark without anything to signify, and a semantic chimera.

Key words: First World War, the concept of «national liberalism», P.B. Struve, Kadet party, historical semantics.

В развернутой рецензии на три монографии российских авторов о либералах и бюрократах в годы Первой мировой войны¹ американский историк Дж. Санборн пишет: Ф.А. Гайда и Н.И. Дедков «...не в состоянии донести до читателя преданность либеральному делу во всей ее сложности. Отчасти причиной этому является определенная статичность, присущая всем трем книгам, – неспособность выявить органическое развитие российского либерализма в годы войны»².

Оставим в стороне сентенцию автора о «преданности либеральному делу». Какой либерал исповедующий идею безусловного превосходства «прав личности» будет жертвовать личными интересами во имя «преданности либеральному делу»? – Нонсенс, «сапоги всмятку». Обратим внимание на второе утверждение Дж. Санборна, который полагает, что можно «выявить органическое развитие российского либерализма в годы войны». Очевидно, что это не более чем метафора, но американскому историку либерализм представляется как органическая целостность, развитие которой можно выявить. То есть для него либерализм – это

¹ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003; Дедков Н.И. Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005; Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

² Санборн Дж. Либералы и бюрократы на войне // Русский Сборник: исследования по истории России. М., 2012. Т. 13. С. 409.

некая реально существующая позитивность. Либерализм, однако, не существует как некая органическая целостность. Это не более чем совокупность как реальных, так и проективных действий и событий в сфере политического объединяемых в представлении человека в некое явление, которому на феноменологическом уровне сознания соответствует феномен описываемый понятием «либерализм». Понятно, что «выявить» органическое развитие российского либерализма, который является мнимой, кажущейся предметностью в принципе невозможно, но попытки продолжаются³. А вот описать изменение явления через изменение семантики соответствующего ему понятия – возможно.

Цель настоящей статьи – проанализировать семантику понятия «национал-либерализм» («национальный либерализм») в политическом дискурсе России в годы Первой мировой войны. Статья продолжает исследование автора о семантике понятия «либерализм» в русском общественном сознании XIX века⁴. В статье использован метод историко-семантического анализа⁵.

К 1914 г. бури и грозы революции 1905–1907 гг., как казалось современникам, остались в прошлом. Представитель купеческой династии и известный издатель начала века Г.А. Леман, вспоминая в начале 1960-х гг. предвоенное время, писал: «Все помнили крылатое слово Бердяева: “смысл жизни потонул в успехах жизни”»⁶.

³ В последнем по времени историографическом обзоре патриарх отечественной либералистики В.В. Шелохаев констатирует: «Как показал длительный историографический опыт изучения российского либерализма, он оказался “твердым орешком”, который, образно говоря, пытается “раскусить” уже не одно поколение отечественных и зарубежных философов, социологов и историков» (Шелохаев В.В. К проблеме генезиса и периодизации русского либерализма (Заметки на полях монографии К.И. Шнейдера «Между свободой и самодержавием: История раннего либерализма». Пермь, 2012) // Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской конституции. Орел, 2013. С. 7).

⁴ Калашников М.В. Понятие либерализм в русском общественном сознании XIX века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 464–513.

⁵ Об особенностях авторского понимания метода см.: Калашников М.В. Историко-семантический анализ в историческом исследовании: от истории понятий к истории общественного сознания // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. М., 2011. С. 368–390.

⁶ Леман Г.А. Воспоминания / публ. Е.В. Ивановой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. М., 2010. [Т. 19]. С. 637.

В январе 1914 г. историк и публицист В.Н. Сторожев однозначно писал: «...термины “либерализм” и “реакция” <...> ненужные и непонятные»⁷. В первом январском номере журнала «Пробуждение» за 1914 г. Вл. Новоселов в очерке «Новогодние мечтанья» назвав современность порой «оскудения общественных сил, измельчания общественных интересов, <...> дряблости и утраты общественных идеалов», констатировал: «Такое упадочное время мы и переживаем теперь. Великие идеалы прошлого не волнуют, не зажигают. Будущее – туманно и неясно. Настоящее прозаично и серо; оно порвало связь с прошлым и в будущее глядит с тоской отчаянья, с подавленностью и апатией. Жизнь обратилась в какую-то кинематографическую ленту,двигающуюся по воле механизма и отражающую смену пестрых событий, без всякой логической и причинной связи между собой. Все свалено в кучу, а разбираться и некогда и лень»⁸.

В начале XX в. понятие «либерализм» и связанные с ним «либерал» и «либеральный» в русском общественном сознании носили не содержательный, а инструментально-терминологический характер. В официально-бюрократическом и политическом дискурсах их использовали для маркировки определенных политических сил. Использовали, по выражению Вяч.И. Иванова, «...Линнеи нашей идеологической флоры <...> в принятой ими классификации, которая для самой флоры безразлична...»⁹.

В феврале 1914 г. министр внутренних дел П.Н. Дурново в знаменитой записке Николаю II призывая «восстановить испытанные дружественно-союзные» отношения с Германией, предлагал сделать это так, чтобы не давать почву «для противогерманской агитации со стороны наших конституционно-либеральных партий, по самой своей природе вынужденных придерживаться не консервативно-германской, а либерально-английской ориентации»¹⁰. И здесь, прежде всего, имелись в виду кадеты во главе с

⁷ Сторожев В.Н. Пятидесятилетие земских учреждений // Заря. 1914. 5 января. № 1.

⁸ Новоселов Вл. Новогодние мечтанья. Очерк // Пробуждение. 1914. № 1. С. 38.

⁹ Иванов Вяч. Переписка с о. Павлом Флоренским // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 117. Из неопубликованного ответа Н.В. Устрялову на его статью «Славянофильство и самодержавие» (Утро России. 1917. 9 февраля. № 40). Написано 21 февраля 1917 года.

¹⁰ Дурново П.[Н.] «Россия будет ввергнута в беспроектную анархию...». Записка государю, 1914 год // Свободная мысль. 2006. № 11-12 (1571). С. 172.

их лидером П.Н. Милюковым, которые, впрочем, сами себя либералами не считали¹¹. Также отметим, что для П.Н. Дурново ориентация русских «конституционно-либеральных партий» однозначно «либерально-английская», то есть западная, европейская.

Война России против Германии независимо от ее исхода, по мнению П.Н. Дурново, неизбежно приведет к революции, причем «...потрясения будут носить <...> социальный, а не политический характер...». Именно в России, как полагал П.Н. Дурново, наиболее вероятны социальные потрясения, так как «...народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма. Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких слоев населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно выродится [в] социалистическое». «...наша оппозиция, – писал П.Н. Дурново, – не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет. Русская оппозиция (кадеты. – М. К.) сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость <...> социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населе-

¹¹ В начале 1940-х гг. вспоминая 1905 г., П.Н. Милюков писал: «Говоря в общих чертах, мои взгляды были ближе к либеральному мировоззрению; но в области политической деятельности либерализм представлялся настолько неопределенным, колеблющимся и быстро отживающим течением, что отождествить себя с ним было просто для меня невозможно. К тому же, с самого начала меня отделяло от него более определенное отношение к социальным вопросам, где либерализм сталкивался с демократизмом» (*Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 154). В России начала XX в. понятие «либерализм» было настолько непопулярно, что Конституционно-демократическая партия, учрежденная в октябре 1905 г. (а с января 1906 и Партия Народной Свободы), не использовала его ни в программных документах, ни тем более в названии. «В условиях России начала XX в. они [кадеты], – как заметил Т. Шанин, – отказывались называть себя “либералами”, и использовали вместо этого термин “конституционалисты”...» (*Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917 – 1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 331). В представлении кадетов «либеральные картонные носы» надели, как на маскараде, октябристы (члены Союза 17-го Октября) (*Кизеветтер Е.Я.* Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов: (Из дневников) // Российский Архив. М., 1994. Т. 5. С. 354. Из записи 4 февраля 1906 года. Слова из речи кадеты Н.Н. Баженова, главврача Преображенской психиатрической больницы).

ния, сначала черный передел, а засим и общий раздел всех ценностей и имуществ»¹².

С началом войны экзистенциально жизнь вновь обретает смысл. Патриотический подъем вполне демократично охватил практически все социальные слои и группы населения России. 11 августа 1914 г. Л.Н. Андреев писал брату: «Настроение у меня чудесное, – истинно воскрес, как Лазарь <...>. Подъем действительно огромный, высокий и небывалый: все горды тем, что – русские <...>. Ненавижу тех узких и мертвых, что не видят ни себя, ни всего народа из-за старых партийных мозолей»¹³.

В тот же день 11 августа 1914 г. А.В. Амфитеатров, вполне в духе П.Н. Дурново, но с несколько иным акцентом, писал М. Горькому из Италии: «...не бывает и быть не может социальных революций в стране, не выдавшей революции национальной, с того времени как революция найдет слово “отечество”, найдет она и силу, и успех. А вась, война поможет сделать эту великую находку. И я думаю, что всякая война – с победою ли, с поражением ли, потому что зовет она с неслыханною силою к великому единству. <...> общий национальный подъем сейчас необходим. Надо дать свободу национальному инстинкту и превратить его в сознательность»¹⁴.

На фоне национального подъема конца 1914 – начала 1915 гг. происходит и временная смысловая реанимация понятия «либерализм». Реанимировать и «национализировать» его попытался, практически в одиночестве, перманентный оппортунист и ренегат П.Б. Струве¹⁵, который в отличие от П.Н. Дурново считал, что в России нет опасности революции. 14 ноября 1914 г. на заседании ЦК кадетской партии во время обсуждения вопроса о возможности революции во время войны, П.Б. Струве заявил: «Если

¹² Дурново П.[Н.] «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию...». С. 168–170.

¹³ Цит. по: Цехновицер О.В. Литература и мировая война 1914–1918. М., 1938. С. 103–104.

¹⁴ Горький и журнал «Современник»: Переписка с А.В. Амфитеатровым // Литературное наследство. Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М., 1988. С. 455.

¹⁵ В.В. Шульгин писал о П.Б. Струве: «История его примечательна. Как убежденный сторонник марксизма, он был автором манифеста I съезда партии социал-демократов в 1898 году и участником Лондонского конгресса II Интернационала» (Шульгин В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 61).

бы мы видели, что взрыв действительно назревает, невозможно было бы молчать и сидеть – но в стране ничего подобного нет»¹⁶.

Будучи апологетом «Великой России», П.Б. Струве начал с патриотизма. В ноябре 1914 г. в только что созданном «народном» еженедельнике «Отечество», который определял себя как иллюстрированная летопись народной войны, он писал: «Война ужасна тем горем, которое она несет бесчисленным сердцам. Война прекрасна тем душевным строем, который она вселяет в множество людей, тем беззаветным подчинением всего личного и ничтожного какой-то общей и великой задаче». Отвечая на вопрос о том, чему учит война, П.Б. Струве, забыв о собственном кредо – безусловном превосходстве «прав личности», однозначно утверждал: «Война сильнее всяких проповедей учит нас патриотизму. Мы ощутили себя в войне нацией и государством, русскими и Россией». Проективный имперский идеал «Великой России» П.Б. Струве не просто соединяет с патриархальной традицией. Он как творец, который одушевляет свое творение, пытается вдохнуть тысячелетний «русский дух», дух традиции в созданную им умозрительную конструкцию. «Для множества душ, потерявших всякое ощущение святости, – писал П.Б. Струве, – Россия вновь стала “Святой Русью” <...> теперь нет двух Россией, старой и новой, а есть единая Великая Россия, новая и в то же время древняя Святая Русь»¹⁷.

Заметим, что в том же четвертом номере «Отечества» было опубликовано стихотворение Н.С. Гумилева «Война». В «неизъяснимом наслажденье» от «упоения в бою» поэт в унисон политику писал:

¹⁶ Цит. по: Шелохаев В.В. Теоретические представления российских либералов о войне и революции (1914–1917 гг.) // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 132.

¹⁷ Струве П.Б. Чему война учит и к чему она обязывает // Отечество: Иллюстрированная летопись: Народная война. 1914. № 4. 23 ноября. С. 65–66. Ср: В 1908 г. П.Б. Струве в конце своей программной статьи писал: «Только если русский народ будет охвачен духом истинной государственности и будет отстаивать ее смело в борьбе со всеми ее противниками, где бы они ни укрывались, – только тогда, на основе живых традиций прошлого и драгоценных приобретений живущих и грядущих поколений, будет создана – Великая Россия» (Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 63).

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны¹⁸.

В декабрьском номере «Русской мысли» П.Б. Струве, обращаясь уже к более интеллигентной публике, заявил: «Великая Россия есть государственная формула России как национального государства-империи. <...> Великая Россия есть факт, но не только факт. Это идея и идеал, нечто не только осуществившееся, но и осуществляющееся...»¹⁹.

6 декабря 1914 г. П.Б. Струве, обращаясь в «Биржевых ведомостях» к своим однопартийцам кадетам, уже в рамках политического дискурса писал: «Русский либерализм всегда будет осужден на слабость до тех пор, пока он не сознает себя именно русским и национальным»²⁰.

Для П.Б. Струве казалось принципиально важным донести идею о соединении национализма и либерализма²¹. Ведь он ещё в начале января 1909 г. со всей определенностью заявлял: «Национализм? Но теперь уже ясно, что русский либерализм гораздо национальнее и, если живое отстаивание национального быта во всей его полноте мы условимся называть национализмом, гораздо националистичнее реакции. <...> Направо от последовательного либерализма (или конституционализма) нет в России никаких идейных сил»²². Именно это имел в виду В.И. Ленин, когда весной 1914 г. писал: «Национализм великорусский, как и всякий национализм, пережив[а]ет различные фазы, смотря по главенству тех или иных классов в буржуазной стране. До 1905 года мы знали почти только национал-реакционеров. После революции у нас

¹⁸ Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1999. Т. 3. С. 53.

¹⁹ См.: Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12. С. 176–180.

²⁰ Струве П.Б. Ответ моим оппонентам // Биржевые ведомости. 1914. 6 декабря. № 14538. С. 3.

²¹ Это было исходной точкой определения политических взглядов П.Б. Струве ещё в ранней юности. 30 августа 1884 г. в возрасте 14 лет в первой же записи своего дневника он провозгласил: «...я уже имею сложившиеся политические убеждения. Я последователь [И.С.] Аксакова, Юрия Самарина и всей блестящей фаланги славянофилов. Я национал-либерал, либерал почвы, либерал земли» (Колеров М.А. Юношеский дневник П.Б. Струве (1884) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год [8]. М., 2009. С. 350).

²² Струве П.Б. Поверх текущего момента // Струве П.Б. Patriotica. С. 89.

народились *национал-либералы*» (выделено в публикации. – М. К.). Более того, находясь седьмой год за границей, В.И. Ленин считал, что «Великорусский национал-либерализм восторжествовал среди кадетов». Само понятие «национал-либерализм» В.И. Ленин использовал инструментально-терминологически для определения позиции кадетов по самому *националистическому* из всех вопросов – вопросу о «праве наций» на самоопределение. В том, что кадеты «никогда и не брались защищать право отделения наций от русского государства», В.И. Ленин и увидел одну из основ их национал-либерализма²³.

7 декабря 1914 г. все в тех же в «Биржевых ведомостях» П.Б. Струве резко выступил против положения кадеты Ф.Ф. Кошкина, ведущего партийного теоретика по национальному вопросу, о том, «что либерализм не может сочетаться с национализмом, что национальный либерализм невозможен». П.Б. Струве писал, что современная эпоха характеризуется «слиянием или спайкой, которая в ней происходит, между началом национальным и либеральным». Он полагал, что в современной России «Национальное начало неудержимо внедряется в либерализм, и тем самым последний сближается с глубинными истоками исторической жизни народа». Вследствие этого, по мнению П.Б. Струве, «...обозначаются новые возможности образований в политической области. Русский либерализм станет национальным, не только фактически, но и сознательно опирающимся на русскую национальную стихию <...> Россия есть Империя с национальным ядром (русским), неоспоримо первенствующим. Россия не просто национальное государство вроде Франции и Германии, а именно национальная Империя <...> Русская национальность в этой национальной Империи есть не только первенствующий, но и скрепляющий элемент, волевой центр. Вот почему в России либерализм для того, чтобы быть сильным, не может не быть национальным. В национализации русского либерализма есть историческая необходимость»²⁴.

²³ Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд-е. М., 1969. Т. 25. С. 318, 284, 282.

²⁴ Струве П.Б. Национальное начало в либерализме // Биржевые ведомости. 1914. 7 декабря. № 14540. С. 2. То же см.: Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 235–236.

17 декабря 1914 г. все в тех же «Биржевых ведомостях» П.Б. Струве вновь обращается к этому вопросу²⁵.

Отметим, что своей концепцией национализации либерализма П.Б. Струве как будто отвечал М.И. Туган-Барановскому, который в 1910 г. в известной статье «Интеллигенция и социализм» писал: «Идеал либерализма уже давно потерял свою действительную силу и ни в ком энтузиазма не вызывал[ет?]; уже давно никто не верит, что политическая и гражданская свобода, как бы широка она ни была, могла сама по себе привести к удачному разрешению социальных вопросов нашего времени и общему благополучию. Идеал мощного национального государства не мог находить ни малейшего отклика в душе интеллигента, ведущего с этим самым государством упорную борьбу. Таким образом, только для идеала социализма душа русского интеллигента была открыта»²⁶.

Конечно, П.Б. Струве понимал либерализм как политическую практику конституционализма. И, как ему представлялось, соединение такого либерализма с национализмом, понимаемым как эмоционально окрашенное чувство и настроение (патриотизм), вполне возможно. Вместе с тем для П.Б. Струве понятие «либерализм» означало и идею либерализма. Он совершенно по-марксистски полагал, что отвлеченные, абстрактные идеи, по крайней мере, когда они «овладевают массами», могут быть материальными силами. В 1908 г. он писал: «Отвлеченные идеи всегда повторяются. Но для общественной функции идей их отвлеченное происхождение, их абстрактная филиация не имеет значения. Как общественная сила, идеи и внушаются, и перерабатываются жизнью»²⁷ (выделено в публикации. – М. К.).

Заметим, что понятия «национализм» и «либерализм» не только описывают феномены сознания, которые соответствуют явлениям из разных сфер человеческой деятельности, но и являются абстракциями разного уровня. Попытаться соединить их конечно можно, но синтезировать на уровне гомогенной абстракции – нельзя. Патриотизм несовместим с идеей безусловного

²⁵ Струве П.Б. Заметки. Еще раз о национальном начале в либерализме. Против полемических безобразий // Биржевые ведомости. 1914. 17 декабря. № 14560. С. 3.

²⁶ Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм // Вехи; Интеллигенция в России: Сборники статей. 1909 – 1910. М., 1991. С. 423.

²⁷ Струве П.Б. Синдикализм и махаевщина (по поводу статьи Н.М. Минского). К спору о «Великой России» // Струве П.Б. *Patriotica*. С. 226.

превосходства «прав личности». Национальное чувство подчиняет себе личность отдельного человека, поэтому сторонники «права нации» ставят его выше «прав личности». Именно это понимали однопартийцы П.Б. Струве. И тем более никто из них не считал, что в России 1914 г. идея либерализма овладела массами и стала материальной силой.

С другой стороны, соединяя национализм с либерализмом в умозрительную конструкцию, П.Б. Струве, будучи классическим доктринером, предполагал ее использовать как политическую технологию. Соответственно национализм – это живое чувство и настроение, в рамках политического дискурса превращался у него в технический инструмент. И это при том, что в 1909 г. он сам писал: «Национальное чувство <...> есть начало иррациональное...»²⁸.

П.Б. Струве, провозгласивший себя «метафизическим идеалистом», совершенно по-позитивистски оперировал абстрактными понятиями как действительно существующими предметностями. И современники понимали ложность такого подхода. 30 апреля 1915 г. В.В. Розанов записывает: «В Струве живет идея честного порядка. Он очень любит Россию. Но отчего же он “неудачен на Руси”. Он любит Россию нерусскою любовью»²⁹ (выделено в публикации. – М. К.).

Еще в 1903 году С.Л. Франк в рецензии на первую книгу П.Б. Струве «На разные темы» характеризовал автора как мыслителя, в котором «до известной степени воплотилось резкое и оригинальное сочетание мечтательно-идеалистической русской души с чисто немецким трезвым и глубоким умом». В целом же основа «миросозерцания» П.Б. Струве, по мнению его ученика и соратника С.Л. Франка, – «последовательное и решительное западничество»³⁰ (выделено в публикации. – М. К.). Впрочем, сам П.Б. Струве никогда и не скрывал своего западничества. Его национализм имел те же нерусские истоки, что и национализм славянофилов – столь любимых им в ранней юности. В 1908 г.

²⁸ Струве П.Б. «Вехи» и «Письма» А.И. Эртеля. По поводу статьи кн. Д.И. Шаховского // Струве П.Б. *Patriotica*. С. 263. Впервые: «Русская Мысль». 1909. № 5.

²⁹ Розанов В.В. Мимолетное. 1915 год // Розанов В.В. Мимолетное. М., 1994. С. 97.

³⁰ Франк С.[Л.] П. Струве. На разные темы. (1893–1901 гг.). Сборник статей. СПб., 1902 // Вопросы философии и психологии. 1903. № 1. (66). С. 97, 102. (Вторая пагинация). То же см.: Франк С.Л. О книге П.Б. Струве «На разные темы» // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.

П.Б. Струве писал: «Я западник и потому – националист. Я западник и потому – государственный»³¹.

В этом отношении следует сказать, что понятие «национал-либерализм» («национальный либерализм») имело нерусские корни. Более того, в то время оно было характерным маркером в европейском политическом дискурсе и имело вполне определенный смысл.

В 1909 г. П.Б. Струве, охваченный идеей государственности, опубликовал статью «Интеллигенция и национальное лицо». В ней, затронув «еврейский вопрос», он подверг критике космополитизм «российской» интеллигенции и, выступив против «оброссиивания» русских, заявил: «Я и всякий другой русский, мы имеем право на эти чувства, – право на наше национальное лицо»³². Статья П.Б. Струве вызвала волну критики. Автором одного из резко критических отзывов был известный «беллетрист» П.Д. Боборыкин, который, обвинив в итоге «недавнего марксиста» в «преклонении перед идолом “государственности”», не преминул напомнить, что ещё в самом начале 1880-х гг. в журнале «Слово» он опубликовал статью «Нашим национал-либералам». В частности, П.Д. Боборыкин писал: «Тогда <...> после торжества немцев над Францией и всеобщего поклонения “великому” канцлеру, возвестившего царство “железа и крови” в прусской палате и в общегерманском рейхстаге, громче всех выступали так называемые “национал-либералы”. Вот эту популярную кличку я и попытался приложить, *mutatis mutandis*³³, к нашим патриотам нового тогда оттенка...»³⁴ (выделено в публикации. – М. К.). Д.С. Мережковский, с которым П.Б. Струве ещё в 1908 г. устроил публичную полемику, в статье с симптоматичным названием «Головка виснет» не назвав фамилии своего оппонента, походя бросил: «...бывший марксист, теперешний “национал-либерал”...»³⁵.

В апреле 1916 г. меньшевистский публицист, а впоследствии известный советский дипломат В.В. Майский, находившийся тогда в лондонской эмиграции, писал о будущем Англии, как оно

³¹ Струве П.Б. Ответ Д.С. Мережковскому // Струве П.Б. *Patriotica*. С. 74. Впервые: Речь. 1908. 24 февраля.

³² Он же. Интеллигенция и национальное лицо // Национализм. Полемика 1909–1917. 2 изд. М., 2015. С. 49. Впервые: Газета «Слово». 1909. № 731. 10 марта.

³³ Устойчивое латинское выражение. В данном контексте – “с оговорками”, “с учетом соответствующих различий”.

³⁴ Боборыкин П.[Д.] «Национальное лицо» // Национализм. С. 166. Впервые: Русское Слово. 1909. № 73.

³⁵ Мережковский Д.[С.] Головка виснет // Мережковский Д.[С.] «Большая Россия». Л., 1991. С. 143. Впервые: Речь. 1909. № 79. 22 марта.

ему представлялось: «...вместе с старой Англией умер <...> и старый английский классический либерализм, фритредерский, антимилитаристский и пацифистский. То течение, которое идет ему на смену и формирование которого совершается сейчас на наших глазах, обещает быть, наоборот, в большей или меньшей степени протекционистским, милитаристским и воинственным, и вполне заслуживает наименования либерал-империализма или, пользуясь установившейся немецкой терминологией, национал-либерализма. Процесс формирования пока еще далеко не закончен, но основные линии его достаточно наметились. И делая небольшое усилие воображения, мы можем уже теперь с значительной долей приближения нарисовать себе образ этого английская брата знаменитого германского образца...»³⁶.

Таким образом, в представлении современников доктринерские опыты западника и империалиста П.Б. Струве по соединению понятий «либерализм» и «национализм» в единую понятийную конструкцию означали не более чем попытку перенести на русскую почву давно известные немецкие смыслы.

Уже 8 декабря 1914 г. бундовский и меньшевистский активист Д.И. Заславский, впоследствии автор известной статьи «Сумбур вместо музыки!» (1936 г.), в газете «День» выступил с резкой критикой русской версии немецкого «национал-либерализма». Он писал: «...его (П.Б. Струве. – М.К.) нынешняя защита нового либерализма, либерализма националистического, чисто- (истинно?) русского ужасно напоминает какую-то немецкую книжку. Недаром национал-либерализм родился в Германии». Проповедуя «национализацию либерализма», П.Б. Струве, по мнению Д.И. Заславского, попал «в смешное положение», ибо это не что иное, как «та же национализация кредита, национализация промышленности и т. д., но только в применении к либеральной идее»³⁷.

Конечно, Д.И. Заславский утрировал мысль П.Б. Струве, трактуя ее буквально как национализацию абстрактной идеи, чего сделать в принципе невозможно. Вместе с тем действительно в русском общественном сознании семантика понятия «либерализм» оказалась, в отличие от опыта Германии, несовместима с семантикой понятия «национализм». В России не только не сло-

³⁶ Майский В.В. [Ляховецкий И.М.] Английский либерализм и война // Майский В. Энзис и Velox. Марксизм и вопросы войны и мира. Пг.; М., 1916. С. 70.

³⁷ *Notunculus* [Заславский Д.И.] Неистовый Петр // День. 1914. 8 декабря. № 334. С. 3.

жилося соответствующего явления на уровне социальной практики, но даже и на уровне теоретического умозрения, несмотря на доктринерские опыты П.Б. Струве, не удалось создать целостную конструкцию определяемую понятием «национал-либерализм» («национальный либерализм»).

З.Н. Гиппиус эстетически почувствовала семантическую неясность, расплывчатость понятия «национал-либерализм» («национальный либерализм»), когда попыталась дать определение группе «славянофильствующих» москвичей³⁸. В январе 1915 г. находясь под впечатлением от декабрьского номера «Русской мысли» с публикациями «группы нео-славянофилов (?), которую мы кратко привыкли называть группой “москвичей”», она писала: «Ничего не определяет это название, но тем оно и хорошо. По совести, назвать “москвичей” славянофилами нельзя, не вполне точно; национал-либералами – тоже; “славянофильствующими либерало-националистами” скорее, но уж очень это длинно и в конце концов смутно»³⁹.

Однако в обстановке патриотического подъема и националистической агитации конца 1914 – начала 1915 г. на короткое время показалось, что концепция П.Б. Струве жизнеспособна.

Технологические эксперименты с национал-либерализмом в недрах кадетской оппозиции не остались незамеченными в рядах правых. 17 декабря 1914 г. шталмейстер Н.С. Нечаев-Мальцов с тревогой писал члену Государственного совета старику С.Д. Шереметеву: «Война эта, вместо отрезвления от либеральных бредней, будет иметь для нас последствия совершенно противоположные. Левые (т. е. кадеты. – М. К.) очень хорошо это сознают; поэтому-то они и возгорелись столь несвойственным им патриотизмом; а правые простаки любят эту метаморфозой, считая ее чистосердечной, и указывают с восхищением на совершившееся под влиянием войны чудо. Они потом увидят это чудо! А пока всякая дрянь лезет под покровом войны вперед; сначала к ним попривыкнут, а

³⁸ С.И. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн, Вяч. И. Иванов, Г.А. Рачинский. К ним З.Н. Гиппиус отнесла и П.Б. Струве, «хоть он и не “москвич”», так как в этом номере «Русской мысли» была опубликована его статья «Великая Россия и Святая Русь».

³⁹ Гиппиус З. Статьи военных лет (1914–1917) / подгот. текста и коммент. М.В. Козьменко // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014. С. 649. Впервые: Скажите прямо! // Голос жизни. 1915. № 3. 13 января. С. 5–6. Подпись: Антон Крайний.

потом, при столь известном у нас „умении“ разбираться в людях, найдут их годными и на более высокие должности»⁴⁰.

В начале 1915 г. уже казалось, что национальный либерализм в России становится большой силой. Во втором январском номере журнала социал-демократической ориентации «Современник» Р.И. Выдрин писал: «Межнациональный мир в России зависит от признания принципа национально-культурного самоопределения. Но на пути к осуществлению данного принципа мы встречаемся с мощным ростом национального либерализма, становящегося крупным фактором русской жизни»⁴¹.

Меценатка и владелица религиозно-философского издательства «Путь» М.К. Морозова 22 марта 1915 г. писал Е.Н. Трубецкому: «...национализм святой <...> не Бернгардовичи (П.Б. Струве. – М. К.) и Францевичи (В.Ф. Эрн. – М. К.) <...> сочиняют, а он у нас есть, и давно нам дан, только надо его воскресить и освятить по-новому. <...> с безличным либерализмом я не примирюсь <...>. Надо, чтобы было сказано настоящее слово для общественного сознания <...> и я глубоко благодарна Струве, что он подымает этот вопрос...»⁴².

На новации П.Б. Струве откликнулся и Н.А. Бердяев. В июле 1915 г. он писал: «Либеральный империализм являет у нас опыт положительного, созидательного сознания, и в нем есть обращение к исторически-конкретному». При этом Н.А. Бердяев не преминул заметить: «Но либеральный империализм слишком уж создается по образцам западно-европейским, слишком уж мало русский и национальный по духу. Душа русской интеллигенции отвращается от него и не хочет видеть даже доли правды, заключенной в нем»⁴³. Обратим внимание, что после опытов по соединению понятий «либерализм» и «социализм» и под влиянием практики революции 1905 г. Н.А. Бердяев пришёл к выводу о несовместимости «идейного либерализма» с целями и средствами

⁴⁰ Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013. С. 97. Примечание.

⁴¹ Выдрин Р.[И.] Русская публицистика под знаком национального вопроса // Современник. 1915. № 2. С. 145.

⁴² Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. М., 1997. С. 632.

⁴³ Бердяев Н.А. Война и кризис интеллигентского сознания // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М., 2007. С. 57.

государственной политики. В конце 1906 – начале 1907 г. он писал: «Настоящий, идейный либерализм всегда антигосударствен, анархистичен по своей основной тенденции <...> Чистый и честный либерализм <...> никогда не загрязнит и не опозорит себя общением с государственным насилием и внутренне тождествен с анархизмом»⁴⁴. Однако война меняет ракурс представлений Н.А. Бердяева. В июне 1915 г. он пишет: «Социальный вопрос, борьба классов, гуманитарно-космополитический социализм и пр., и пр., все, что недавно еще казалось единственно важным, в чем только и видели будущее, отходит на задний план, уступает место более глубоким интересам и инстинктам. На первый план выдвигаются вопросы национальные и расовые, борьба за господство разных империализмов, все то, что казалось преодоленным космополитизмом, пацифизмом, гуманитарными и социалистическими учениями»⁴⁵.

В 1915 г. многим современникам казалось, что само «время славянофильствует»⁴⁶. В начале августа 1915 г. Н.А. Бердяев пишет: «Западничество совсем не признавало ценности национальности, и славянская идея была окончательно чужда и русским либералам, и русским революционерам. <...> Только во время войны в русских либеральных и радикальных кругах начало просыпаться национальное сознание. Мысль начинает работать над национальным самоопределением и национальным призванием России и наталкивается на славянскую идею»⁴⁷.

Однако националистический угар затронул не всех и не все впали в «ересь славянофильства». Уже 26 октября 1914 г. на первом же заседании нового сезона Санкт-Петербургского (Петроградского) Религиозно-философского общества Д.С. Мережковский выступил с докладом «О религиозной лжи национализма». С позиций религиозно-метафизического идеализма он заявил: «С патриотизмом, с

⁴⁴ Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 194. Первая публикация: Бердяев Н.А. Анархизм // Русская мысль. 1907. № 1. С. 26–45.

⁴⁵ Бердяев Н.А. Конец Европы // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства. С. 111–112.

⁴⁶ Эрн В.Ф. Время славянофильствует. М., 1915. О «неославянофильском» философско-политическом движении начала Первой мировой войны см.: Хеллман Б. Когда время славянофильствует // Хеллман Б. Встречи и столкновения. Хельсинки, 2009. С. 12–26.

⁴⁷ Бердяев Н.А. Славянофильство и славянская идея // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства. С. 131.

чувством родины, национализм не совпадает метафизически. <...> Неизбежный метафизический предел государственности – “великодержавность”, империализм, нация, утверждающая свою частную, относительную правду, как абсолютную и всечеловеческую. <...> Нет национализма без империализма». Вполне традиционно Д.С. Мережковский выдвинул лозунг: «Борьба с национализмом – главная задача русской интеллигенции». Однако «окончательное преодоление славянофильского национализма», «окончательно выродившегося в “зоологический патриотизм”», возможно, как полагал Д.С. Мережковский, только в религиозной плоскости⁴⁸.

Узость и односторонность национализма с позиций христианского универсализма подверг критике молодой богослов и философ В.А. Беляев. Летом 1915 г. в журнале «Христианское чтение» он писал: «В настоящее время мы имеем дело с замечательным фактом “славянофильства” почти всего нашего общества. Общее настроение настолько сказывается, что “славянофильские” тенденции находят себе выражение в самых ортодоксальных, самых доктринерских органах западничества». Подвергнув рационально-логической критике понятие «национализм», В.А. Беляев заявил: «...научное отношение к национальности ведет, по-видимому, к ее преодолению, – к универсализму. К тому же, как будто приводит и религиозное сознание вообще и христианское в частности. Христианская религия в своем принципе универсальна: она обращена не к определенной национальности, а к человеку вообще». Исходя из этого, молодой богослов пришел к выводу о том, что с точки зрения религии национализм «должен, по-видимому, рассматриваться, как ниспадение с духовных высот христианства на естественно-языческий уровень жизни». Обратил внимание В.А. Беляев и на изменение в середине 1915 г. общественных настроений. В частности, он писал: «...против столь усилившегося в настоящее время националистического настроения уже раздается протест; причем этот протест исходит как раз со стороны наиболее культурных, наиболее тонко развитых людей»⁴⁹.

⁴⁸ Мережковский Д.С. О религиозной лжи национализма // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: в 3 т. М., 2009. Т. 3: 1914–1917. С. 18–19, 23–24. Впервые: Записки петроградского Религиозно-философского общества. 1914–1915. Пг., 1916. Вып. 6. С. 8–14.

⁴⁹ Беляев В.А. Национализм, война и христианство. Пг., 1915. С. 4, 7. Впервые: Христианское чтение. 1915. № 7–8. С. 887–908.

И действительно, уже весной 1915 г. стало ясно, что идея «национализации либерализма» не нашла поддержки в руководящих кругах кадетской партии. Коллеги, хотя и в шутку, называли П.Б. Струве «черносотенцем»⁵⁰. Национальный вопрос и, в частности, украинский стали для него камнем преткновения. «Вступив в острый публичный идейный конфликт с украинцами в русском либеральном движении, которые в нем составляли львиную долю активных сил <...> Струве, – как отмечает М.А. Колеров, – остался в своей среде практически в одиночестве»⁵¹. В итоге из-за разногласий с большинством ЦК кадетской партии по национальному вопросу 8 июня 1915 г. П.Б. Струве вышел из его состава⁵². «Петр Бернгардович, – пишет Ф.А. Гайда, – не был ни реальным политиком, ни способным к организации лидером. Наиболее свободный внутренне из всех кадетов, он остался на обочине партийной стратегии»⁵³.

В июле – августе 1915 г. В.И. Ленин пишет и издает в Женеве брошюру «Социализм и война», в которой вождь большевизма констатировал: «Партия российской либеральной буржуазии – кадеты – целиком и безоговорочно поддержала царское правительство. В области иностранной политики кадеты уже давно являются правительственной партией». Вследствие этого В.И. Ленин полагал: «Русский либерализм выродился в *национал-либерализм*. Он состязается в “патриотизме” с черной сотней, всегда с охотой вотирует за милитаризм, маринизм и т. п. В лагере русского либерализма наблюдается приблизительно то же явление, что в 70-х годах в Германии, когда “свободомыслящий” либерализм разложился и выделил из себя национал-либеральную партию. Русская либеральная буржуазия окончательно стала на путь контрреволюции. <...> Разбит

⁵⁰ *Тесля А.* Единственный Премьер Российской империи // Тесля А. Первый русский национализм... и другие. М., 2014. С. 225.

⁵¹ *Колеров М.А.* Петр Струве как мыслитель: вводные замечания // Петр Бернгардович Струве. М., 2012. С. 89. То же см.: *Колеров М.А.* Пётр Струве как мыслитель: историографические итоги // Русский Сборник. М., 2012. Т. 9. С. 208–231.

⁵² *Шелохаев В.В.* Разработка кадетами национального вопроса в годы первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 357.

⁵³ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 374.

жизнью тот взгляд наших оппортунистов, будто русский либерализм является еще движущей силой революции в России»⁵⁴.

Возможное создание широкой коалиции в поддержку царского правительства означало для В.И. Ленина полный крах его политической стратегии захвата власти основанной на концепции поражения России в войне⁵⁵. Поэтому он так остро реагировал на малейшие признаки такой коалиции. Однако выводы В.И. Ленина не оправдались политической практикой. В том же августе 1915 г, когда печаталась брошюра В.И. Ленина «Социализм и война», кадеты, под впечатлением от поражений русской армии на фронтах мировой войны, переходят в оппозицию самодержавию. В августе 1915 г. в Государственной думе создается «Прогрессивный блок», потребовавший создания «ответственного министерства» или, как минимум, «министерства народного доверия».

7 сентября 1915 г. в газете «Биржевые ведомости» Н.А. Бердяев запоздало констатирует: «В последние месяцы русское либеральное движение проявило большую энергию, истинный патриотизм и политический разум»⁵⁶. Однако уже в начале сентября 1915 г. в недрах оппозиции появляется конспиративный проект «Комитета народного спасения», который, как показали дальнейшие события, далеко отстоял от целей «истинного патриотизма», а если и был плодом «политического разума», то явно антигосударственного.

8 сентября 1915 г. за подписью «Комитета» создается документ под названием «Диспозиция № 1». В этом документе говорилось, что в России ведется две войны, одна – против немцев,

⁵⁴ Ленин В.И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 329–330.

⁵⁵ Ещё в конце сентября (начале октября) 1914 г. В.И. Ленин написал манифест «Война и российская социал-демократия» ставший первым официальным документом ЦК РСДРП, в котором была определена позиция большевиков по отношению к войне. В манифесте, опубликованном 1 ноября 1914 г. в газете «Социал-демократ», однозначно декларировалось: «...для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии» (Ленин В.И. Война и российская социал-демократия // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 21).

⁵⁶ Бердяев Н.А. О «радикализме» // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства. С. 346.

другая – против «внутреннего врага». Победа над немцами не может быть достигнута без предварительной победы над врагом внутренним, т. е. над реакционными силами, которые поддерживают самодержавие. По сути, в «Диспозиции № 1» признавалась невозможность компромисса с царским правительством. Эмигрантский историк Г.М. Катков писал: «Историческое значение “Диспозиции № 1” состоит <...> в том, что направление ее идей было известно <...> большевистскому революционному движению за границей, с Лениным во главе, а также германскому генеральному штабу и германскому правительству, которые позаботились препроводить документ Ленину»⁵⁷.

Вероятно, так и было, потому что после августа 1915 г. понятие «либерализм», а тем более «национал-либерализм» практически не употребляется в текстах В.И. Ленина. То есть он перестал использовать понятие «либерализм» инструментально-терминологически, как это было ранее, для определения политических сил враждебных пролетариату. Такое впечатление, что после сентября 1915 г. либерализм как идеология и политическое течение в пределах политического горизонта В.И. Ленина вообще перестал существовать. Не потому ли, что «русский либерализм» в это время стал «движущей силой революции в России»?

В начале марта 1916 г. Н.А. Бердяев пришел к выводу, что «...традиционный запас либеральных и радикальных идей <...> не отличается уже свежестью и достаточной силой, чтобы воодушевить...». Либерализм и демократизм он называет отвлеченной религией, в которую «уже мало кто верит, и мало кто способен по-настоящему ею вдохновляться». «Либеральные политические идеи в России, – по его мнению, – перегорели до своего практического осуществления в жизнь, да и никогда не были они сильны у нас, всегда осложнялись идеями социальными». Идеи либерализма и социализма Н.А. Бердяев называет старыми и в значительной степени выветрившимися абстрактными идеями, на которых «политическое и социальное освобождение не может уже быть обосновано». Национальную идею Н.А. Бердяев уже не связывает с понятием «либерализм». «Социальное творчество, – по его мнению, – предполагает духовное возрождение личности и нации, организацию народной души и подъем ее внутренней культуры»⁵⁸.

⁵⁷ Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 167.

⁵⁸ Бердяев Н.А. Идеи и общественное движение // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства. С. 401–402, 404.

Характерно, что в полемике о национализме, которая шла в 1916–1917 гг., само понятие «либерализм» не упоминается ни одной из сторон. Его нет ни в статьях самого П.Б. Струве, ни в статьях Н.А. Бердяева, Д.Д. Муретова, Н.Е. Трубецкого и Н.В. Устрялова⁵⁹. В октябре 1916 г. Н.А. Бердяев однозначно пишет: «Меры государственной и общественной социализации хозяйства, которые не стоит смешивать и отождествлять с классовым социализмом, вполне согласуются с современным правосознанием, давно преодолевшим старый доктринерский либерализм»⁶⁰.

В начале ноября 1916 г. в консервативном салоне члена Государственного совета шталмейстера А.А. Римского-Корсакова была составлена записка о внутреннем положении России. Автором записки был, вероятно, М.Я. Говорухо-Отрок. В том же месяце председатель Комитета помощи русским пленным кн. Н.Д. Голицын передал записку Николаю II⁶¹.

Записка, вышедшая из кружка А.А. Римского-Корсакова, явно перекликалась с запиской П.Н. Дурново 1914 года. В ней говорилось, что от «умеренно-либеральных партий, кадетов и октябристов» не стоит ждать реальной угрозы власти, так как «...сами эти элементы столь слабы, столь разрознены и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно». «Наиболее сильной и деятельной», по мнению автора записки, является «партия кадетов, ведущая в поводу все остальные», однако, сильна она «лишь своей слабостью». «Нося название демократической, – говорится в записке, – а сама по себе в составе своем чисто буржуазная, она должна была, не имея собственной почвы, принять навязанные ей слева лозунги народопрательства и отрицания собственности». То есть, по мнению автора записки, партия кадетов не признав права собственности священным, не может считаться либеральной. В записке однозначно утверждалось: «...без этого сочувствия слева, без этих козырей из чужой <...> колоды карт, кадеты есть не более как многочисленное сообщество либеральных адвокатов, профессоров и чиновников разных ведомств – и ничего более». Партии октябристов в записке вообще отказывалось в праве называться политиче-

⁵⁹ См.: Национализм. Poleмика 1909 – 1917. 2 изд. М., 2015. С. 179–288.

⁶⁰ Бердяев Н.А. Государство и собственность во время войны // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства. С. 449.

⁶¹ Гайда Ф.А. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков: политическая карьера русского Полиньяка // Русский Сборник. Т. 9. С. 203–205.

ской партией, так как «у нее нет вовсе» никаких политических лозунгов – ни чужих, ни своих. Так называемый центр и либеральные националисты, по мнению автора записки, «...являют <...> убедительный пример того, сколь смешны и ничтожны деления русских людей на политические партии. Сколь еще младенческая страна Россия в политическом отношении». Объявление действительной конституции, по мнению автора записки, привело бы сначала к власти партию кадетов, а затем «...выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник». «Поэтому, – делал вывод автор записки, – все надежды на то, что с объявлением действительной русской конституции все успокоится» наивны⁶².

События февраля 1917 г. в русском общественном сознании оказались никак не связаны с понятием «либерализм». В апреле 1917 г. Н.А. Бердяев, чутко улавливавший «дух времени», писал: «Политическая революция в России совсем не означает торжества старого “буржуазного” либерализма, который давно уже идейно разложился и не может никого вдохновить. И менее всего такой резко антисоциалистический тип либерализма подходит к русскому душевному складу»⁶³. На уровне символов это было очевидно. Так либеральная символика отсутствовала, то символами революции сразу становятся символы, связанные с понятием «социализм» – красные флаги и «Марсельеза»⁶⁴.

В апреле – мае 1917 г. П.Б. Струве как классический доктринер на вопросы «о том, какие, по его мнению, нам предстоит пережить этапы революции», неизменно отвечал: «Нет больше места революции. Мыслима только эволюция»⁶⁵. Однако события нарастали с ужасающей быстротой.

⁶² Приложение III. Объяснительная записка к пункту II предыдущей записки, составленной в кружке Римского-Корсакова. [Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г.] // Блок А.А. Последние дни императорской власти. Пб., 1921. С. 127–132.

⁶³ Бердяев Н.А. О политической и социальной революции // Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. СПб., 1998. С. 22.

⁶⁴ См.: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001.

⁶⁵ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2009. С. 298–299.

В августе 1917 г. Н.А. Бердяев, уже совершенно в духе Ф.М. Достоевского и К.Н. Леонтьева, писал: «Русскому народу необходимо здоровое и крепкое национальное чувство <...> Чисто либеральные идеи – тепло-прохладные идеи, в них нет огня. <...> поверхностное просветительство и поверхностный позитивизм, <...> разлагают духовную жизнь и подрывают веру в духовные реальности. Бескрылый русский либерализм сделался национально настроенным лишь во время войны <...> Но национальная идея не имеет в нем глубоких корней, для русских либералов в массе патриотизм есть вопрос политической тактики. Они патриоты через силу»⁶⁶.

П.А. Сорокин в середине 1917 г. относительно перспектив национализма пришел, однако, к совсем другим выводам. В частности, он писал: «1) Если теперь всюду трубят о национальности в форме существительного, прилагательного и глагола, – то нельзя не видеть здесь некоторого недоразумения. Данная война не есть война наций <...> Война есть борьба государств, каждое из которых включает различные, с обычной точки зрения, нации. 2) Война не привела и к торжеству “национализма” в ущерб интернационализму, как думает, напр., П.Б. Струве. Уж если можно что противопоставлять интернационализму как сверхгосударственности, то не нацию, а государство. Но весьма спорно еще, что даст эта война. Я весьма склонен думать, что она немало поспособствует росту интернационализма в форме создания международного суда, а в дальнейшем, быть может, и сверхгосударственной федерации Европы»⁶⁷.

Октябрьский переворот и начало гражданской войны в России исключают понятие «либерализм» из актуальной политической повестки. Летом 1918 г. Н.А. Бердяев выносит вердикт: «Не время теперь и для бесхарактерного, лишенного глубокой духовной основы либерализма. Ваше время прошло, всех вас – и социалистов, и радикалов, и либералов, и консерваторов старого типа, колеблющихся и сидящих между двух стульев. Ныне наступает страшное, ответственное время. И лишь более огненные, более глубокие идеи могут победить тьму, которой мы объяты»⁶⁸.

⁶⁶ Бердяев Н.А. Кто виноват? // Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. СПб., 1998. С. 149–150.

⁶⁷ Сорокин П.А. Проблема социального равенства. Национальность, национальный вопрос и социальное равенство // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 250–251.

⁶⁸ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 2012. С. 44–45.

Доктринерски сконструированное и технологически спроецированное П.Б. Струве на русскую реальность понятие «национал-либерализм» («национальный либерализм») уходит из политического дискурса русского общественного сознания гораздо раньше, чем это могло бы показаться на первый взгляд. И это лишний раз подтверждает его эфемерность, искусственность его семантической конструкции. Понятие «национал-либерализм» («национальный либерализм») не имея в качестве референта соответствующего явления в социально-политической практике, оказалось в русском общественном сознании 1914 – 1918 гг. симулякром – пустым знаком, то есть знаком без означаемого и семантической химерой, которая распалась, не успев стать символом.

200 ЛЕТ КАМПАНИИ 1814 ГОДА ВО ФРАНЦИИ

УДК 94(4)

ПОД САНСОМ ЗИМОЙ 1814 ГОДА

А.В. Гладышев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового и новейшего времени
E-mail: Gladav2002@mail.ru

В статье рассматривается рейд отряда атамана М.И. Платова по тылам французов в конце января – начале февраля 1814 года. Французские историки весьма невысоко оценивали военные таланты казачьего атамана, обвиняя его в нерешительности, медлительности, безынициативности. Российские, наоборот, всячески восхваляли славу русского оружия, впрочем, умалчивая, о личном вкладе атамана в ход кампании 1814 года. Реконструируется история передвижений этого казачьего отряда и его отдельных партий в междуречье Марны, Об, Йонны, Луана. Отдельное внимание уделено захвату казаками переправ через Йонну в момент наступления Главной армии союзников и занятию ими Труа. Показано взаимодействие отряда под командованием М.И. Платова с другими частями и корпусами. Помимо освещения чисто военной стороны событий – стычек, перестрелок, разведок – затрагивается вопрос взаимоотношений военных и гражданского населения, проблема грабежей и насилия, сопротивления гражданских, противостояния наполеоновской пропаганды и пропаганды союзников.

Ключевые слова: История Франции, кампания 1814 года, казаки, М.И. Платов, Ж.А.Ф. Алликс, В. Вюртембергский, грабежи и насилия, сопротивление гражданских, наполеоновская пропаганда, пропаганда союзников.

UNDER SENS OF WINTER 1814 YEAR

A.V. Gladyshev

The article discusses the events of winter 1814, associated with the entry of the Russian army into the territory of Napoleonic France. The author focuses on the figure of the famous General M. I. Platov, who commanded the Cossack regiments. French historians a very low score for the military talent Cossack chieftain, accusing him of indecision, slowness, lack of initiative. Russian historians, on the contrary, strongly praised the glory of Russian arms, however, says nothing about personal contribution chieftain in the campaign in 1814. Reconstructed the history of the Cossack troop movements in the area between the Marne, Aube, Yonne, Luana. Special attention is paid to the capture of the Cossacks crossings Yonnu at the time of the main Allied offensive and occupation of Troyes. Along with lighting the purely military aspects of history, raised the issue of relations between military and the civilian population, the problem of looting and violence, civil resistance, confrontation Napoleonic propaganda and advocacy of allies.

Key words: History of France, History of Russia, foreign campaigns of the Russian army, Campaign 1814 in France, the Cossacks, M. I. Platov, J.A.F. Allix E. Württemberg, Napoleonic propaganda and advocacy of allies.

После перехода Главной армии союзников через Рейн отряд под командованием атамана М.И. Платова действовал впереди IV-го корпуса кронпринца Вюртембергского, совместно с частями которого овладел г. Эпиналь, откуда направился на Нёфшато (Neufchâteau)¹. Судя по донесениям М.И. Платова, его отряд², получив предписание командующего Главной армией союзников К. Шварценберга идти из Нёфшато на Жуанвиль (Joinville), Бар-сюр-Об (Bar-sur-Aube) и Бар-сюр-Сен (Bar-sur-Seine), сумел выйти из города, переправиться через разлившийся Мёз (или Маас) и двинуться на Жуанвиль только 8 (20) января³. Авангард под командованием его сына, М.М. Платова 6-го, прибыл в Жуанвиль утром 10 (22) января⁴. Вечером 10 (22) января сюда же прибыл и сам М.И. Платов. В этот же день 10 (22) января М.И. Платов пору-

¹ См.: *Гладышев А.В.* Сибирские «монстры» и французские «мраморные сердца» в Нёфшато в 1814 году // *История и историческая память.* Саратов, 2014. Вып. 9.

² А.И. Сапожников насчитал в отряде М.И. Платова 6 полков: Атаманский, Грекова 8-го, Иловайского 10-го, Костина 4-го, Желтоножкина 1-го, 1-й Черноморский и 1-я рота донской конной артиллерии. См. *Сапожников А.И.* Платова рейд к Фонтенбло // *Заграничные походы российской армии 1813–1815 годы:* в 2-х т. М., 2011. Т. 2. С. 274. Полк П.Я. Желтоножкина 1-го в кампанию 1814 г. 23 декабря (4 января) был откомандирован в корпус генерала от кавалерии Н.Н. Раевского для осады Бельфора, 20 января (1 февраля) был под Бриенн-ле-Шато, а с 30 января (11 февраля) поступил под команду военного генерал-полицимейстера генерал-лейтенанта Ф.Ф. Эртеля и выполнял функции военной полиции.

³ Рапорт от 8 (20) января М.И. Платов М.Б. Барклаю де Толли из Домреми-ла-Пюсель (Domrémy-la-Pucelle). См.: *Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.:* сб. док. Ростов н/Д, 2012. С. 534.

⁴ *Донское казачество...* С. 534. Полковник Матвей Матвеевич Платов в кампании 1814 г. был прикомандирован к Атаманскому полку. Через Жуанвиль устанавливалась связь с отрядом Щербатова. Как писал Вейль, Щербатов 9 (21) января перешел Мёз в Совиньи (Sauvigny) и оттуда последовал через Гондреккур (Gondrecourt) до Бонне (Bonnet), откуда, в свою очередь, отправил партии налево на Жуанвиль и направо на Вокулер. *Weil M.-H.* La campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre à Vienne: la cavalerie des armées alliées pendant la campagne de 1814. 4 т. Paris, 1891–1896. Т. 1. P. 160.

чил Платову 6-му выступить из Жуанвиля через Дулеван (Doulevant-le-Château) до деревни Бервиль (Beurville), откуда тот должен был послать партии к Коломбе-ле-дез-Эглиз⁵ (Colombey-les-deux-Églises) и Бар-сюр-Об (Bar-sur-Aube)⁶. При этом предварительно следовало выслать партию разведчиков вправо на Васси (Wassy), чтобы она поддерживала связь с отрядом князя А.Ф. Щербатова. Полковнику Платову 6-му предписывалось занять Бар-сюр-Об либо в этот же день вечером, либо поутру. После чего отправить разведку на Бар-сюр-Сен⁷.

В донесении К. Шварценбергу из Жуанвиля 10 (22) января М.И. Платов писал, что, продолжая идти на Бар-сюр-Об, он предполагает 11 (23) января быть в расположенном на пути из Жуанвиля в Бриенн Дулеване: его авангардные части (вероятно, имеется в виду отряд в 500 казаков под командованием Платова 6-го) уже перед этой коммуной и одна из них даже попыталась перекрыть дорогу из Бар-сюр-Об на Бриенн (Brienne), чтобы перехватывать курьеров⁸. Это движение подразделений М.И. Платова не укрылось от внимания маршала А.Э.К.Ж. Мортье, чьи части имели стычку с казаками под Тремильи (Tremilly)⁹. Тотчас же после этой стычки он направил в Тремильи 500 пехотинцев с 2 пушками и 50 кавалеристов, так как эта коммуна занимала важное место на коммуникациях между Жуанвилем и Бриенном¹⁰.

11 (23) января М.И. Платов рапортует командующему русско-прусским резервом М.Б. Барклаю де Толли: «сей же час и я последовал с полками на город Дулеван (вслед за сыном – А.Г.) и далее к Бар-сюр-Обу». Отряд М.И. Платова, судя по этому рапорту, на-

⁵ Находится в 20 км к северо-западу от Шомона на реке Блез. Здесь будет похоронен Шарль де Голль. 7 (19) января, оставляя Шомон, А.Э.К.Ж. Мортье отправил в Коломбе-ле-дез-Эглиз отряд генерала Л.М. Летора, для наблюдения за противником в Шомоне.

⁶ В 50 км к югу от Труа.

⁷ Донское казачество... С. 534.

⁸ См.: Weil M.-H. Op. cit. Т. 1. Р. 164. Когда Ф. Бувье писал, что «казаки Платова» отправились из Нёфшато по дороге на Дулеван и оттуда на Бар-сюр-Об, «где были соответственно 10 (22) и 11 (23) января», то под «казаками Платова» нам надо понимать авангард отряда М.И. Платова под командованием его сына Платова 6-го. См.: Bouvier F. Les Premières combats de 1814: prologue de la campagne de France dans les Vosges. Paris, 1895. Р. 149.

⁹ Эта коммуна находится в 37 км. от Шомона и в 26 км. от Жуанвиля.

¹⁰ См.: Weil M.-H. Op. cit. Т. 1. Р. 164. Эта коммуна находится на дороге из Бриенн-ле-Шато в Дулеван-ле-Шато и Жуанвиль.

считывал 5 полков или 2 000 человек¹¹. Из Дулевана планировалось идти на Бар-сюр-Об и, если враг не задержит, далее на Бар-сюр-Сен.

11 (23) января М.И. Платов, находясь в Дулеване, приказал Платову 6-му идти немедленно на Бервиль, куда планировал прибыть сам 12 (24) января к полудню. В связи с этим Платов 6-й рано утром 12 января должен был оставить Бервиль и идти по маршруту Сольси (Saulcy), Рувр-ле-Винь (Rouvre-les-Vignes) к дороге из Коломбе-ле-дез-Эглиз¹² в Бар-сюр-Об. Для перехватки курьеров предписывалось рассылать партии на дорогу из Парижа к Бар-сюр-Об. Поскольку Платов 6-й обнаружил под Бервилем противника, М.И. Платов в тот же день дал ему предписание выполнять прежний план, но с осторожностью. На всякий случай в подкрепление Платову 6-му в деревню Сольси отправлено два полка (Костина 4-го и Грекова 8-го) под общим командованием полковника Г.А. Костина 4-го¹³. Если же неприятель будет «азартен», то предписывалось заманивать его дальше на Бервиль, где с оставшимися полками и артиллерией в 10 утра 12 (24) января планировал быть сам М.И. Платов. Соответствующее предписание было направлено и Г.А. Костину: оставить коши и запасных лошадей в Бервиле и налегке идти на Сольси¹⁴. Таким образом, отряд М.И. Платова двигался как бы тремя группами: впереди отряд Платова 6-го, за ним два полка Г.А. Костина, а за ними уже сам М.И. Платов с артиллерией.

12 (24) января М.И. Платов, как и планировал, занял Бервиль, послав партии наблюдать за дорогой Бриенн – Жуанвиль и поддерживать связь с отрядом А.Ф. Щербатова в районе Васси (Wassy). Отряд Платова 6-го располагался неподалеку от Рувр-ле-Винь, а две его партии вели наблюдение за противником под Коломбе-ле-дез-Эглиз и соседней коммуной Лавильнёв-о-Френ (Lavilleneuve-aux-Frenes). Г.А. Костин 4-й с двумя полками находился в Сольси. М.И. Платов осторожен, в Коломбе-ле-дез-Эглиз, по его сведениям, от 7 до 8 тыс. французов с 4 орудиями, а в Лавильнёв-о-Френ – от 5 до 6 тыс. с 12

¹¹ Донское казачество... С. 534.

¹² Сольси находится в 7 км. от Коломбе-ле-дез-Эглиз, Рувр-ле-Винь – в 5 км. от Коломбе-ле-дез-Эглиз.

¹³ Григорий Андреевич Костин 4-й. За отличия в Отечественной войне 1812 г. его именем назван полк казачьего ополчения Усть-Медведицкого округа Войска донского. С 13.10.1813 – полковник.

¹⁴ Донское казачество... С. 536.

орудиями... Он просит А.Ф. Щербатова, если у него нет иных приказов, сблизиться с ними на случай совместных действий против врага, если тот будет «турнировать от стороны Шамона» (Chaumont)¹⁵. В этом предписании М.И. Платов указывал, что противнику не следует «давать случая идти на нас, ибо малейшее отступление может встревожить жителей, и для виду нашего войска это неприятно»¹⁶.

Бар-сюр-Об – окруженный холмами город на берегу реки Об, известный центр производства шампанского и торговли зерном, насчитывал в те времена около 4 000 чел. населения. Некогда город пал от рук варваров Атиллы, и краевед Л. Шевалье, описывая события 1814 г., просто криком кричал: «Через 14 столетий Франция вновь увидела Гуннов и Вандалов!»¹⁷. 12 (24) января здесь произошел арьергардный бой. Пожалуй, это был первый раз в ходе кампании 1814 г., когда французская армия оказала частям Главной армии союзников серьезное сопротивление. Как подсчитал Альфонс Бошан, в сражении участвовало до 30 000 союзников против 16 000 тыс. французов!¹⁸ Сражение разгорелось к полудню, и шло несколько часов: только под покровом ночи французы в полном порядке отступили, а наутро 13 (25) января союзники вошли в Бар-сюр-Об через ворота Сен-Мишель.

¹⁵ Отряд А.Ф. Щербатова 9 (21) января из местечка Гондрекур-ле-Шато (Gondrecourt-le-Château) пошел в западном направлении, т.е. несколько севернее маршрута отряда М.И. Платова. См.: Донское казачество... С. 534. Шомон 7 (19) французами был оставлен. Город занят вюртембергцами. М.И. Платов, судя по его рапорту от 11 (23) января, об этом прекрасно знал. Опасения М.И. Платова объясняются тем, что Коломбе-ле-дез-Эглиз и Лавильнёв-о-Френ находятся на дороге из Шомона в Бар-сюр-Об, куда А.Э.К.Ж. Мортье стягивал войска.

¹⁶ Донское казачество... С. 536.

¹⁷ *Chevalier L. Histoire de Bar-sur-Aube. 1851. P. 260.* См. так же статью Жильбера Делаландра: *Delalandre G. L'invasion de 1814 Les deux combats de Bar-sur-Aube // La Vie en Champagne. 2012. № 70.* Сравнение нашествия Атиллы с вторжением 1814 г. – лейтмотив исследования еще одного краеведа Густава Лаперуза о предполагаемом месте битвы с гуннами в округе Бар-сюр-Об. См.: *Laperouse G. Etude sur le lieu de la défaite d'Attila // Société académique du département de l'Aube. Mémoires de la société d'agriculture, des sciences, arts et belles-lettres du departement de l' Aube. 1862. T. XIII. P. 128 et suiv.*

¹⁸*Beauchamp A. Histoire des campagnes de 1814 et de 1815: comprenant l'histoire politique et militaire des deux invasions de la France. Paris, 1817. P. 161.*

Один из местных краеведов и современников событий Пьер Беро, ссылаясь на А. Бошана¹⁹, писал относительно жителей Бар-сюр-Об, что они в 1814 г. не оказали сопротивления интервентам, уповая на святую Жермену, покровительницу этого города, которая, впрочем, не спасла в свое время их от нашествия гуннов и была по преданию обезглавлена братом Атиллы²⁰. Не вникая в иронию А. Бошана, каким же образом горожане Бар-сюр-Об могли оказать сопротивление такому войску союзников, перед которым отступала даже Старая гвардия, от себя П. Берро добавил сожаление, что излишняя доверчивость местных жителей к декларациям союзников привела к тому, что они не предприняли необходимых мер предосторожности (не попрятали все, что можно), и в итоге, были разорены²¹.

Вскоре город был заполнен обозами, артиллерией, войсками различных соединений: «У каждого жителя было размещено по 15, 20 или даже 30 солдат, которые, обнаружив полные винные погреба, почти всегда были в состоянии опьянения и предавались грабежу и всяческим бесчинствам, не принимая во внимание ни возраст, ни пол»²². О казаках писавший предыдущие строки кра-

¹⁹ П. Беро не стал вникать в детали первого сражения под Бар-сюр-Об, а просто отослал любознательного читателя к известному сочинению А. Бошана. См.: *Bérault P. L'Empereur Alexandre à Bar-sur-Aube en 1814*. Paris, 1816. P. 9. (Переиздано: 1814: résistance et occupation des villes françaises. Paris, 2001).

²⁰ *Bérault P. Op. cit.* P. 30.

²¹ *Ibid.* P. 10.

²² *Chevalier L. Op. cit.* P. 261. После Шатильонского конгресса (24.1 (5.2) – 7 (19).3. 1814) здесь останутся три императора: у господина Роберта-Берольта – император России, у Лаперрьера – король Пруссии, у Мона – император Австрии. Но Л. Шевалье так и не обмолвился о том, установился ли в городе порядок хотя бы в связи с приездом государей. Из его изложения читатель мог понять, что нет: «Такое плачевное состояние вещей длилось до 26 февраля». См.: *Chevalier L. Op. cit.* P. 262. П. Беро рассказал историю о том, как один местный житель имел беседу с Александром I, в ходе которой русский император в ответ на жалобы буржуа обмолвился: «Я могу, по меньшей мере, отвечать за поведение моих русских. Так называемые варвары Севера дисциплинированы. Они не были испорчены, участь войне в школе Наполеона». Много рассуждающий о грабежах и прочих бедах, выпавших на гражданское население Шампани, П. Беро в конце книги заявил, что размышления русского императора относительно «испорченности» и недисциплинированности войск больше подходят к солдатам бывшей Рейнской конфедерации. «Но местные жители жаловались на немцев вообще, так же, как на казаков. Регулярные русские войска, надо отдать им должное, не заслужили тяжких упреков». См.: *Bérault P. Op. cit.* P. 16–17, 42.

вед Л. Шевалье в этой связи вообще не упоминает. Не упоминает о казаках и описывающий сражение, Бошан...

Между тем, в рапорте из Бар-сюр-Об от 13 (25) января М.Б. Барклаю де Толли М.И. Платов так характеризует свое движение: «следуя по данному мне направлению на Бар-сюр-Об, передовыми моими отрядами теснил я неприятельские кавалерийские гвардейские отряды от Жуанвиля до Бервиль»²³. Здесь же он рапортовал и о вкладе казаков во взятие Бар-сюр-Об: «неприятель, будучи в течение двух суток денно и ночью тревожим казаками, посланными от меня во фланги и в тыл, и партии его гвардейской кавалерии всякий раз разбиты с потерянением пленных, а вместе с тем атакованы австрийскими и вюртембергскими войсками, в минувшей ночи вынужден был оставить Бар-сюр-Об, бросив в сем городе 200 человек, и отступил по дороге к Труа (Troyes). Куда партии мои преследуют его до сих пор». На следующий день отряд М.И. Платова должен был выступить от Бар-сюр-Об на Бар-сюр-Сен. Пленные казаками французы переданы в корпус И. Гиулая²⁴.

Еще накануне 12 (24) января Александр I предписывал М.И. Платову через К.Ф. Толя (Toll), чтобы тотчас же по прибытии в Бар-сюр-Об, он отправлялся на Оксон (Auxon) и далее на Санс (Sens) и установил контроль над левым берегом Сены и над дорогой Париж – Дижон через Фонтенбло (Fontainebleau). М.И. Платов должен был, заняв Море-сюр-Луан (Moret-sur-Loing) и Немур (Nemours), а также ключевые мосты, отрезать Париж от юга Франции²⁵. После занятия Бар-сюр-Оба М.И. Платов решил сообщить о своем

²³ Донское казачество... С. 537.

²⁴ Там же С. 538. Этот рапорт повторит «Журнал военных движений и действий»: «Генерал граф Платов, следуя с корпусом своим на Бар-сюр-Об, теснил от Жуанвиля до Бервиль неприятельские отряды, коими прикрываем был левый фланг маршала А.Э.К.Ж. Мортье, находившийся в Бар-сюр-Обе. Между тем корпус сей, атакованный с правого фланга австрийским корпусом под командованием генерал-фельдцейхмейстера графа Гиулая и корпусом Наследного принца Вюртембергского, принужден был в ночь на 13 число, оставя г. Бар-сюр-Об и в нем до 200 своих больных, отступить по дороге к г. Труа». См.: Журнал военных движений и действий российско-императорских и королевско-прусских армий: со времени прекращения между ими и армиями французскими последнего перемирия т.е. с 5/17 августа 1813 года. Б.м., б.г.

²⁵ См.: *Weil M.-H.* Op. cit. Т. 1. Р. 170. Море-сюр-Луан находится на южной окраине леса Фонтенбло, недалеко от впадения Луана в Сену. Немур расположен относительно Море-сюр-Луан выше по течению Луана, к югу от Фонтенбло.

дальнейшем движении командующему 4-м корпусом кронпринцу В. Вюртембергскому. В ответ же Вюртембергский разразился саркастической эскападой в адрес М.И. Платова; 14 (26) января кронпринц написал неофициальное послание К.Ф. Толлю, в котором в довольно жестких выражениях охарактеризовал поведение атамана за 12 (24) января: на сей раз, как заметил Вейль, он был «менее склонен прощать, чем под Эпиналем» (Epinal)²⁶.

Как следует из этого письма, еще 11 (23) января, когда Вюртембергский комбинировал с И. Гиулаем (Игнац Дьюлаи фон Марош-Немет и Надашка) совместную атаку на Бар-сюр-Об, М.И. Платову также предложили принять в ней участие, для чего он должен был выдвинуться на Бар-сюр-Об, с целью отрезать противнику пути отступления и атаки с тыла. М.И. Платов поздним утром 12 (24) января ответил согласием и выразил готовность пройти с тылам неприятеля в направлении Коломбе-ле-дез-Эглиз. Сражение началось, французы отступили ближе к Бар-сюр-Об, заняли новую позицию и, оцетинившись 20 пушками, оказали упорное сопротивление. В. Вюртембергский надеялся увидеть, как в этот момент в тылах французов дебушируют казаки со своей артиллерией и атакуют противника в спину. Но единственными казаками, которых в тот день видели вюртембергцы и австрийцы, были несколько человек, появившихся на некоторое время в тылу не у французов, а у союзников. От М.И. Платова в момент боя также не было никаких известий.

М.И. Платов, как мы видели, рапортовал, что он в сражении под Бар-сюр-Об должен теснить левый фланг А.Э.К.Ж. Мортье, что один из его отрядов (Платова 6-го) вел наблюдение за противником под Коломбе-ле-дез-Эглиз и соседнем Лавильнёв-о-Френ, и послан он туда был именно для взаимодействия с вюртембергцами²⁷. Кронпринц же сетует как раз на отсутствие такого взаимодействия. Не случайно М.И. Платов 13 (25) января выразит свое неудовольствие действиями сына и отправит Платову 6-му предписание активнее взаимодействовать с вюртембергскими войсками: «дабы они не обвиняли за то нас, что мы им не помогаем»²⁸.

Только уже после сражения 13 (25) января В. Вюртембергский получил от М.И. Платова из Бервилля, что в 15 км. от Бар-сюр-Об,

²⁶ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 169.

²⁷ По крайней мере, так писал сам М.И. Платов 13 (25) января (видимо, утром) И.В. Васильчикову. См.: Донское казачество... С. 536–537.

²⁸ Донское казачество... С. 537.

послание, из которого явствовало, что это оказывается казаки изгнали французов из города и потому теперь атаман со свободными руками может идти на Фонтенбло. Письмо Вюртембергского заканчивалось так: «мы можем только смеяться над бесстыдством этого обманщика»²⁹.

13 (25) января М.И. Платов из Бервиля перебирается поближе к Бар-сюр-Об, в деревушку Мезон-ле-Сулен (Maisons-lès-Soulaines). В связи с направлением его корпуса на дорогу Фонтенбло – Париж М.И. Платов просил у К. Шварценберга (через К.Ф. Толя) поддержки еще 2 казачьими полками. Подкреплений не дали: М.И. Платов и 20 января (1 февраля) рапортовал, что у него только 2 тыс. чел., что он за 3 марша от основных сил и боится отправлять курьеров малыми партиями, а большими просто не может, ибо людей и так мало³⁰.

14 (26) января командующий III-м австрийским корпусом граф И. Гиулай сигнализирует К. Шварценбергу из Бар-сюр-Об о неподвижности отряда М.И. Платова, который все еще в Бар-сюр-Об, в то время как он должен идти на Бар-сюр-Сен, занятый частями австрийцев уже четыре дня³¹.

14 (26) января М.И. Платов выступил от Бар-сюр-Об на Бар-сюр-Сен, а оттуда, обойдя с юга Труа, на Оксон³²: «в проследовании моем через Бар-сюр-Сен до Оксона неприятеля я нигде не нашел, кроме посланными от меня партиями направо к г. Труа»³³. В рапорте М.Б. Барклаю де Толли от 16 (28) января М.И. Платов сообщал, что его отряд «прибыл вчерашнего числа» (т.е. 15 (27) января)³⁴ в Оксон, где авангард под командованием Г.А. Костина

²⁹ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 170.

³⁰ Донское казачество... С. 541.

³¹ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 363. В этой связи Вейль заметил, что М.И. Платов и его люди «совершали такие злодеяния», что ген.-квартирмейстер из штаба Блюхера Карл Мюффлинг не мог удержаться, чтобы не написать 13 (25) января: «Люди Платова ведут себя скандальным образом и компрометируют наши дела». См.: Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 363, note.

³² «Что касается Платова, то наконец-то смогли заставить его выйти из неподвижности <...> Пройдя Бар-сюр-Сен, он направился в Оксон». См.: Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 369.

³³ Донское казачество... С. 539.

³⁴ В рапорте от 20 мая (1 июня) 1814 г. М.Б. Барклаю де Толли И.М. Платов писал: «16-го числа января прибыл я в местечко Оксон...» См.: Донское казачество... С. 540. Вейль указывал, что М.И. Платов был в Оксоне 15 (27) января, а в Керизьер 17 (29) января. См.: Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 436.

4-го³⁵ захватил 100 конскриптов, гвардейского капитана и 30 солдат³⁶. М.И. Платов послал партии вперед по направлению к Сансу, направо к Труа и налево к Эрви-ле-Шатель (Ervy-le-Chatel)³⁷. Но противник, как было выше сказано, был обнаружен только у Труа: здесь имела место перестрелка с французскими разъездами, и 10 человек неприятеля удалось взять в плен³⁸. М.И. Платов сетует на

³⁵ Так указал в рапорте сам М.И. Платов. В бригаде П.С. Кайсарова состояли полки Грекова 18-го и Костина 4-го. В других рапортах командиром авангарда указан П.С. Кайсаров.

³⁶ Донское казачество... С. 539. «Журнал военных движений и действий российско-императорских и королевских...» указывал: «Генерал граф Платов прибыл 15 числа в г. Оксон, где авангардом его захвачено 100 человек конскриптов при 1 капитане и 30 рядовых старой французской гвардии». См.: Журнал военных движений и действий российско-императорских и королевско-прусских армий: со времени прекращения между ими и армиями французскими последнего перемирия, т.е. с 5/17 августа 1813 года. Б.м., б.г. В рапорте от 20 мая (1 июня) 1814 г. М.И. Платов писал: «неприятель и по двоекратной с оным схватке прогнан с поражением и взятием в плен довольно большого числа». В этом рапорте сообщается только о 100 пленных конскриптах. См.: Донское казачество... С. 568. Авангард отряда Платова, видимо, был в Оксон 14 (26) января. См.: *Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 370.*

³⁷ Даже малочисленные казачьи патрули могли привести запуганное местное население в трепет. В Аваллоне (в 34 км к юго-востоку от Осерра и в 85 км от Оксона) 15 (27) января стало известно, что казаки дошли до Кюсси-де-Форж (Cussy-de-Forges), что в 9 км. к юго-востоку от Аваллона. Как отмечал Андре Россиньо, ужас был такой, что отправленные на разведку жандармы покинули Аваллон, а мэр опубликовал обращение к жителям с призывом не появляться с оружием и вообще не делать ничего такого, что могло бы разозлить противника. Более того, в ожидании оккупации города в соседнем департаменте подкупили табака... См.: *Rossigneux A. L'invasion de 1814 dans l'Avallonnais // Bulletin de la Société des sciences historiques et naturelles de l'Yonne. 1917. T. 20. P. 3.*

³⁸ Донское казачество... С. 540. Чем такие разведки оборачивались для мирных местных жителей, в официальных в рапортах, естественно, не пишут... Мэр коммуны Тилё (Thilleux) писал 16 (28) января мэру коммуны Монтьер-ан-Дер (Montier-en-Der), расположенной посередине пути из Бриенна в Сен-Дизье: «Наша деревня была после полудня сего дня оккупирована казаками, которые забрали у нас подводу хлеба, овса, сена, взяли у одного земледельца лошадь, обидели (maltraité) несколько жителей и поломали двери». Эти самые казаки постоянно рыскают вокруг деревни: не проходит и получаса, чтобы кто-нибудь из них не появился у меня на пороге». См.: *Steenackers F.-F. L'invasion de 1814 dans la Haute-Marne. Paris, 1868. P. 180.* Что касается казаков из отряда М.И. Платова, то заставы в район Васи и Монтьер-ан-Дер посылались 12 (24) января, а 13 (25) января отряд начал переход в другой район.

плохую дорогу, усталость казаков, необходимость подчинить разбитую на ухабах артиллерию и подковать лошадей...³⁹.

Эти жалобы вызвали у Вейля очередной приступ *платовофобии*: прибыв в Оксон, М.И. Платов вместо того, чтобы идти немедленно вперед, начал подготавливать К. Шварценберга к своим очередным проволочкам. Рапорт М.И. Платова К. Шварценбергу от 16 (28) января Вейль назвал «курьезным»: «Платов продолжал сочинять и множить тексты, чтобы оправдать в глазах командующего свою неуместную вялость»⁴⁰.

16 (28) января К. Шварценберг пишет М.Б. Барклаю де Толли два письма относительно дальнейших действий отряда М.И. Платова. В первом письме, он указывает, что авангард И. Гиулая занял Бар-сюр-Сен и поэтому необходимо предписать М.И. Платову как можно быстрее идти вперед перед войсками И. Гиулая. Во втором письме среди прочего указано: атаман М.И. Платов «в большой ущерб войску и без всякой пользы для нас» находится в округе Бар-сюр-Об между III-м и IV-м корпусами. К. Шварценберг просил М.Б. Барклая де Толли приказать М.И. Платову принять, наконец-то, влево на дорогу на Санс и Фонтенбло⁴¹.

Вейль, комментируя эти письма, полагал, что К. Шварценберг «с этого момента уже понял, в какую игру играет казачий атаман и решил покончить с вечными извинениями, которые Платов изобретал, чтобы оправдать свое бездействие»⁴².

³⁹ Донское казачество... С. 539. На плохие дороги в этом районе будет жаловаться 25 января (6 февраля) и И. Хардегг, который писал К. Шварценбергу, что дороги настолько разбиты и ухабисты, что у двух пушек поломались колеса, и ему пришлось пожертвовать усилиями массы людей, чтобы сохранить их. См.: Weil M.-H. Op. cit. T. 2. P. 29.

⁴⁰ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 395.

⁴¹ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 396. Если принять во внимание расстояние, пройденное от Мезон-ле-Сулен до Оксона, специфику маршрута, пролежавшего не по основным, связывающим крупные города дорогам, а, пересекая их, по проселкам, погодные условия, то определение «вялость» едва ли подходит для характеристики именно этого перехода отряда М.И. Платова. С другой стороны, Оксон находится, действительно, близко от Бар-сюр-Сен, да и части М.И. Платова двигались не компактной группой, а растягиваясь: авангард занимал, например, тот же Оксон, а артиллерия с обозами могла прибыть туда только на следующий день.

⁴² Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 396.

Из Оксона⁴³ М.И. Платов разослал партии наблюдать за дорогой из Труа в Санс: первую к Виллемор (Villemaur), вторую – к Сен-Льебо (Saint-Liébaut) и третью – к Вильнёв-Ляршевик (Villeneuve-l'Archevêque). 16 (28) января отряд Г.А. Костина 4-го в составе двух полков, направлен немного вперед Оксона в Вильнев-о-Шмен (Villeneuve-au-Chemin)⁴⁴.

От Труа и Оксона к югу находился Осерр, защищенный на тот момент весьма слабо. Генерал Ж.К. Моро (Moreau) располагал несколькими конными жандармами и резервной ротой под командованием капитана Лорена (Laurent). Несмотря на это префект Р. Дефермон еще 30 января полагал, что они смогут отбиться от вражеских патрулей, которые начали появляться в округе, и дожидаться прихода подкреплений⁴⁵.

Из Оксона М.И. Платов двинулся на Санс – некогда главный город галльского племени санонов, от которых в 390 г. н.э. гуси спасли Рим. Санс выгодно расположен с торговой точки зрения, здесь соединяются важные речные и сухопутные пути. На юго-

⁴³ Оксон будет занят французами 20 января (1 февраля), когда сам М.И. Платов будет уже по другую сторону леса От, в Вильнёв-ле-Руа. Командир другого летучего отряда Август Турн унд Таксис (Thurn und Taxis), подполковник 12-го австрийского гусарского полка «Палитината» рапортовал К. Шварценбергу, что неприятель «захватил 4 зарядных ящика и 4 казаков, которые были заняты грабежом Оксона». Это А.Э.К.Ж. Мортье отправил в Оксон отряд под командованием генерала Л.О.В. Бурмона де Гене (Bourmont), что стало «большим сюрпризом для нескольких казаков из корпуса Платова в Оксоне». Этот демарш Л.О.В. Бурмона имел целью настигнуть летучий отряд подполковника графа А. Турна, который, однако, успел во время переместиться в соседнюю Эври (Ervy-le-Chatel). Между тем, А.Э.К.Ж. Мортье докладывал из Труа 20 января (1 февраля), не упоминая, в отличие от А. Турна, ни о каких грабежах: «Экспедиция генерала Бурмона в Оксон прекрасно удалась. Рота 4-го батальона 82-го полка овладела городом; захвачено 6 зарядных ящиков, 4 казака вместе с офицером убиты, 4 взяты в плен, много ранены. Этим вечером генерал Бурмон остановится в Сен-Фал (Saint-Phal) или Шамуа (Chamoüy), а завтра отправится на Труа». См.: *Weil M.-H.* Op. cit. Т. 1. Р. 496-497. Те же данные о пленных и убитых 1 февраля 1814 г. в Оксоне казаках см.: *Journal de l'Empire*. 1814. 7 fevrier. Р. 2. Чтобы воодушевить малодушных в конце газетных «новостей из Труа» сообщалось: «жители соседних деревень ежедневно пленят вражеских кавалеристов».

⁴⁴ Донское казачество...С. 540. Этот рапорт М.И. Платова использован в книге Ж. Перрена. См.: *Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne et campagne du général Allix: 1814. Sens, 1901. Р. 32.*

⁴⁵ *Rossigneux A. Un chapitre de l'Histoire d'Auxere. L'année 1814 // Bulletin de la Société des sciences historiques et naturelles de l'Yonne. 1911. Т. 15 (65). Р. 103.*

западной окраине города находится место слияния рек Ванн (Vanne) и Йонны (Yonne), сам город пересекают две важнейшие дороги: из Парижа в Лион и Дижон (через Фонтенбло, Немур, Пон-сюр-Йонн) и из Труа в Орлеан (Orléans).

17 (29) января М.И. Платов, «решительно двигаясь к Сансу», прибыл в старинное прибежище тамплиеров XII в. деревню Керизьер (Cerisiers), что расположена к юго-востоку от Санс по дороге на Сен-Флорентен (Saint-Florentin). Его передовые части, дебушировав из леса д'От (Othe)⁴⁶, заняли и другую дорогу – на Вильнёв-Ляршевек (Villeneuve l'Archeveque), что расположен в 20 км к востоку от Санса: «но впереди них летел тот ужас, что внушало их имя»⁴⁷. Узнав о приближении казаков, комендант Санса срочно послал тревожную депешу в Пон-сюр-Йонн.

Как уверял своих читателей А. Бошан, Наполеон не любил Санс и никогда не хотел в нем останавливаться: он не мог простить жителей за то религиозное рвение, с которым они сохраняли память об отце и матери Людовика XVIII⁴⁸. Знал он и то, что его правительство не было здесь в почете: в течение года не могли никого найти, кто бы согласился исполнять обязанности мэра. Если верить Бошану, именно из-за нелюбви Наполеона к Сансу защищать его был назначен генерал Ж.А.Ф. Алликс, чье упрямство и настойчивость просто не могли не навлечь на город все беды войны⁴⁹.

Генерал Жак Александр Франсуа Алликс де Во, граф де Фреденхаль⁵⁰. Как потом он сам писал⁵¹, 16 (28) января в полночь им был

⁴⁶ «Страна От» – природный лесистый регион во Франции: частью находится в департаменте Об, частью – в департаменте Йоны.

⁴⁷ Perrin J. *Sièges de Sens, défense de l'Yonne...* P. 32. Вейль цитирует письмо Э.Ж.Б. Мийо Бертье от 6 февраля: «жители этого региона повергнуты в ужас». См.: Weil M.-H. *Op. cit.* T. 1. P. 397.

⁴⁸ Наполеон быстро проехал через Санс 30 марта 1814 г., только поменяв здесь лошадей. В 1815 г. прибыв в Санс и обзрев ворота Дофин, он спросил, что за арка их украшает. Когда ему сообщили, что арка эта – дань уважения родителям Бурбонов, он в ответ бросил: «Верно, я и забыл, что Санс – город аристократов». См.: Rossigneux A. *Napoleon I à Joigny, Sens et Pont-sur-Yonne 19-20 mars 1815 // Bulletin de la Société des sciences historiques et naturelles de l'Yonne. 1911. T. 15 (65). P. 11.*

⁴⁹ Beauchamp A. *Op. cit.* P. 295.

⁵⁰ Jacques Alexandre François Allix de Vaux, comte de Freudenthal (1768–1836). Ж.А.Ф. Алликс сам настаивал, что его фамилия должна писаться с двумя буквами «л», а не с одной. См.: Lioret M.G. 1814–1815 à Moret et dans les environs; 1re partie (Invasion de 1814) // *Annales de la Société historique et*

получен приказ от военного министра герцога Фельтрского оставить Париж и немедленно принять командование 18-й дивизией, штаб-квартира которой находилась в Осерр (Auxerre). На следующий день 17 (29) января в три часа пополудни он прибыл в Пон-сюр-Йонн (Pont-sur-Yonne), что ровно в 100 км от Парижа на левом берегу Йонны. Даже в середине XIX в. население этого городка не превышало 2000 чел. и самым знаковым событием того времени станет проезд через город 18 мая 1814 г. Наполеона, отправляющегося на о. Эльба. В Пон-сюр-Йонн Ж.А.Ф. Алликс совершенно неожиданно обнаружил генерал-лейтенанта графа Луи Лижер-Белэра⁵², у которого он должен был принять дивизию. Тот для начала передал под командование Ж.А.Ф. Алликса отряд в 500 человек жандармов и конскриптов⁵³, которые должны были добраться до Пон-сюр-Йонн по реке в ночь с 29 на 30 января. Ж.А.Ф. Алликс решил дожидаться их прибытия. Той же ночью он получил известие, что голова неприятельской колонны показалась в Керизьер (Cerisiers)⁵⁴. Ж.А.Ф. Алликс свою главную за-

archéologique du Gâtinais. 1904. Т. 22. Р. 13, note. Удовлетворим его просьбу. С 1808 г. Ж.А.Ф. Алликс находился на службе у короля Вестфалии. В кампании 1812 г. заменил Жюно во главе 8-го корпуса. Во французской армии с 28.11.1813 бригадный генерал и с 26.02.1814 дивизионный генерал. Как писал сам Ж.А.Ф. Алликс, пересказывая свою дискуссию с членами артиллерийского комитета о калибрах, он «участвовал в четырех компаниях, 23 сражениях и 4 осадах». Меряясь военным опытом с оппонентами, он задавал с своей книге риторический вопрос: «Кто я или они защищали с двумя кавалерийскими полками переправу через Неман у Гродно 27 июня 1812 г. от 12000 русских? Кто я или они защищали со 150 конскриптами, впервые держащими в руках ружье, 27 сентября 1813 г. мост через Фульду в Касселе от 5000 отряда Чернышова? Я или они защищали с 500 солдатами в течение 13 дней, с 29 января по 11 февраля, Санс, открытый со всех сторон, против корпусов Платова и Вюртембергского и при отступлении не оставив противнику ни одного пленного?». Он также ссылается на свой научный авторитет: в 1817 г. Ж.А.Ф. Алликс издал свою «Теорию вселенной», споря с И. Ньютоном о всемирном тяготении. См.: *Allix J.A.F. Système d'Artillerie de Campagne*. Paris, 1827. Р. 183-190.

⁵¹ В обширном примечании к своей «Артиллерийской системе» он опровергает вымыслы некоей просвещенной мемуаристки из Санса, представительницы полу-политической полу-женской салонной партии; он приводит «факты». См.: *Allix J.A.F. Op. cit.* Р. 183.

⁵² Louis Liger-Belair (1772-1835). 16.09.1813 он был назначен командовать 18-й дивизией.

⁵³ Так у Ж. Перрена. Вейль называл этот отряд «депо 18-й дивизии». См.: *Weil M.-H. Op. cit.* Т. 1. Р. 497.

⁵⁴ *Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...* Р. 32-33.

дачу понимал в поддержании связи между Парижем, Лионом и Дижоном, что было, по его признанию, «вещью не простой с 500 человек»⁵⁵. При выполнении этой задачи стратегическим пунктом, вокруг которого должны были строиться все его передвижения, он полагал Санс⁵⁶. Оставив в Пон-сюр-Йонн генерала Александра Монбрена (Montbrun) «с очень ограниченными средствами»⁵⁷, Ж.А.Ф. Алликс во главе 500 кавалеристов и пехотинцев с двумя пушками прибыл в Санс 18 (30) января к 9 утра⁵⁸.

Французские и генералы, и большая часть историков непременно подчеркивали, что Санс хотя и был окружен древней стеной и рвом, но регулярную осаду он выдержать не мог. Как писал сам Ж.А.Ф. Алликс, город был «открыт со всех сторон». Ж. Перрен описывает готовность города к отражению атаки эмоционально и метафорично. Весь город, расположенный на правом берегу реки и

⁵⁵ Вейль полагал, что отряд Ж.А.Ф. Алликса насчитывал от 600 до 800 человек. См.: *Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 436.*

⁵⁶ *Allix J.A.F. Op. cit. P. 183.*

⁵⁷ Генерал А. Монбрен с 8 (20) января 1814 г. командовал бригадой в центральном кавалерийском депо в Версале. Что касается «весьма ограниченных средств», то уже на следующий день Ж.А.Ф. Алликс будет просить прислать ему в Санс «один батальон». У Вейля же указано, что в распоряжении А. Монбрена осталось «два батальона национальной гвардии». См.: *Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 524.* К тому же К.П. Пажоль (Pajol), чей отряд расположился на тот момент в Ножан-сюр-Сен, поручит «приглядывать» за Пон-сюр-Йонн находившемуся в Монтеро-фо-Йонн генералу М.М. Пакто, который с 12 (24) января 1814 г. командовал дивизией национальной гвардии, сформированной в Шампани. К.П. Пажоль в своей депеше военному министру из Ножана от 20 января (1 февраля) писал: «Враг намеревается идти на Париж через Фонтенбло, оставив Монтеро-фо-Йонн справа от себя; так как мне нужно укрепить Пон-сюр-Йонн и Море-сюр-Луан, я написал генералу Пакто наблюдать за этими пунктами и заставил разрушить арочный мост в Брей (Bray-sur-Sein)». См.: *Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 498.* Лиоре, со своей стороны, определил, что А. Монбрен располагал в Пон-сюр-Йонн всего «200 таможенниками и несколькими национальными гвардейцами», поэтому К.П. Пажоль и пошлет ему в поддержку сотню драгун. См.: *Lioret M.G. Op. cit. P. 13.* То же мнение, что у Лиоре выражает и Андре Россиньо. См.: *Rosigneux A. Un chapitre de l'Histoire d'Auxere... P. 103.*

⁵⁸ *Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne... P. 33.* См. так же: *Allix J.A.F. Op. cit. P. 183-184.* М.И. Платов в своем рапорте о генерале Алликсе де Во писал: «тот самый, который пришел из Жуаньи в Санс прежде туда до моего прихода за 3 дня». Также М.И. Платов упоминает, что в Сансе находился «дивизионный генерал Апликей», который должен был заниматься набором конскриптов и нацгвардейцев. См.: *Донское казачество... С. 540.*

как бы прикрывающий собой мост через Йонну, представлял собой со всеми фабургами, шестью башнями, девятью воротами и давно не отремонтированными каменными стенами времен Генриха IV легкую добычу для врага. Главная ценность городских укреплений была чисто декоративная – для исторического антуража. С точки же зрения инженерии н. XIX в. это были не латы, а простая рубашка, едва способная остановить кавалерийский отряд⁵⁹.

Санс, как мог, готовился к приходу неприятеля. Перед лицом надвигавшейся опасности горожане⁶⁰ могли рассчитывать главным образом на собственные силы. Управление городом находилось в руках двух помощников мэра – Сула (Soulas) и Биллебо (Billebault). Центральную власть представлял супрефект Латур дю Пен (La Tour du Pin)⁶¹. Еще 7 (19) января министр полиции приказал ему срочно принять надлежащие меры по обороне города: он торопил супрефекта построить заградительные палисады на главном городском мосту, отобрать в городскую национальную гвардию людей, способных обращаться с оружием, выставить лесные и сельские караулы, чтобы заранее узнать о приближении врага⁶².

Один из первых исследователей событий 1814 г. в этом регионе Антуан Жюль Дюмениль был склонен видеть проблему французов той поры главным образом в снабжении: все сельские коммуны были начеку, организована национальная гвардия, вооруженная пиками и плохими ружьями за неимением ничего другого. Национальная гвардия состояла почти исключительно из бывших солдат, демобилизованных по ранению и мужчин старше сорока лет. Боеприпасов, не было никаких, за исключением пороха и в небольших количествах свинца. Монтаржи (Montargis) был единственным городом, который охранял отряд ли-

⁵⁹ Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne... P. 22–23. См. также: *Heuré P. La Verité sur Sens en 1814–1815. Sens, 1906.*

⁶⁰ Население города в то время насчитывало от 8 до 9 тыс. чел. См.: *Koch Fr. Mémoire pour servir à l'histoire de la campagne de 1814. 2 v. Paris, 1819. T. 1. P. 284.*

⁶¹ Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne... P. 22–23.

⁶² Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne... P. 21–22. «Мероприятия по приведению Санса в обороноспособное состояние начались приблизительно с 13 (25) января, когда у Санса появились первые казачьи отряды». См.: *Чиняков М.К. Санс // Заграничные походы...Т. 2. С. 403.* Это Ж. Перрен весьма расплывчато оговорился, что отряды казаков были замечены «в округе Жуани, Бар-сюр-Сен и Санса» еще 13 (25) января. Под самим Сансом казаков в этот день еще не было, а подготовка к обороне началась раньше.

нейных войск⁶³. Выполнены были и предписания относительно наблюдений за врагом. Мэры коммун организовали из добровольцев наблюдательные отряды, которые следили за передвижениями врага и поддерживали связь между населенными пунктами. Т.е. организовали «эстафеты». Составили списки всех жителей возрастом от 20 до 40 лет, способных носить оружие, а затем и второй список – тех, кому от 40 до 60. Состоятельные граждане должны были обеспечивать себя оружием сами⁶⁴.

Особое внимание уделялось состоянию умов, общественному духу. Так, министр полиции Ф.Ж.М.Р. Савари приказал еще 23 декабря 1813 г. префекту Йонны Р. Дефермону пристальнейшим образом наблюдать за разнообразными ораторами в масонских обществах, задерживать их печатную продукцию и вообще всякие прокламации. Следовало в этом отношении озадачить командиров жандармерии, мэров и даже кюре, чтобы максимально расширить круг поднадзорных. Самому же префекту следовало в своих заявлениях дать всем понять, что он будет рассматривать как врагов всех тех, кто будет «пугать робкие души» и отговаривать от вооруженного сопротивления. Таковых разрешалось арестовывать, хотя министр и напоминал в конце о необходимости пользоваться такими методами «разумно»⁶⁵.

Супрефект 14 (26) января, за 4 дня до появления у стен Санса казаков, отправил министру полиции оптимистическое послание, выжимка из которого будет опубликована в «Journal de l'Empire».

⁶³ *Dumesnil A.J.* Les Cosaques dans le Gatinais en 1814. Paris, 1880. P. 13. В 1809 г. все население города насчитывало чуть более 6500 чел.

⁶⁴ *Dumesnil A.J.* Op. cit. P. 13.

⁶⁵ *Rossigneux A.* Un chapitre de l'Histoire d'Auxere... P. 88. Недостаток информации от представителей власти или из официальной прессы породил многочисленные слухи: население все равно знало да еще в гипертрофированной форме о приближении войск союзников или их успехах. На изоляцию, отсутствие новостей жаловались многие горожане, оказавшиеся на территории подконтрольной войскам союзников. Как свидетельствовал Жак Бенжамен Делагюпьер (*Delaguepière*) из Тоннера, их город находился в изоляции и жители ничего не знали: Шабли, Жуани – оккупированы, ни один курьер из Парижа не мог сюда добраться. См.: *Rouyer C.* Episode de l'invasion de 1814 à Tonnerre // *Bulletin de la Société des sciences historiques et naturelles de l'Yonne.* 1914. T. 18. P. 265. Дневник Ж.Б. Делагюпьера, который он вел с 16 января по 28 февраля 1814 г., Франсуа Руйе издаст под названием «Казачи в Тоннере» с примечаниями Камила Дормуа. См.: *Rouyer F.* 1814, les Cosaques à Tonnerre: D'après le journal de M. Delaguepiere et les notes de M. Camille Dormois. S.p.,1999.

В нем он обещал при приближении врага лично возглавить роту в 300 стрелков, набранную им из горожан: «Наши жители полны рвения»⁶⁶. Ж. Перрен, сильно сомневаясь, что состояние духа саннонцев было столь патриотично, как об этом высокопарно повествовал супрефект, в этой связи даже вспомнил поговорку тех времен: «Врет как бюллетень!»⁶⁷. Да и сенатор граф Ф.П. Сегюр, назначенный чрезвычайным комиссаром в 18-ю дивизию⁶⁸ и побывавший в Сансе с 14 (26) по 16 (28) января, докладывал, что здесь много печали и страха, совсем нет войск и очень слабая национальная гвардия, намеренная отказаться от защиты города из-за боязни подвергнуть его разграблению. Супрефект же сумел вооружить только 40 лесников: это его единственный ресурс⁶⁹. При таких условиях больших проблем с занятием Санса у казаков не должно было быть.

20 января (1 февраля) из Вильнёв-ле-Руа М.И. Платов рапортует М.Б. Барклаю де Толли, что по пути из Оксона к Сансу 18 (30)

⁶⁶ Journal de l'Empire. 1814. 30 janvier. P. 2. Настроения части парижан, да и усилия наполеоновской пропаганды характеризует маленькая заметка, появившаяся на следующий день в этой же газете: «Позавчера в театре "Варьете" давали "Денек Гарнизона", в конце же исполнялись прекрасные куплеты Бразьера (Braziers) о казаках, башкирах и прочих бандрах, что пришли во Францию, чтобы способствовать процветанию искусств». См.: Journal de l'Empire. 1814. 31 janvier. P. 4.

⁶⁷ Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne... P. 23-24.

⁶⁸ Чрезвычайные комиссары выбирались из числа сенаторов, наделенные чуть ли не абсолютной властью, они должны были активизировать сбор налогов, набирать рекрутов и национальных гвардейцев, экипировать их, координировать усилия различных властей, поднимать общественный дух, принимать все решения, не терпящие промедления. О чрезвычайных комиссарах Наполеона см.: Benaerts L. Les Commissaires extraordinaires de Napoléon Ier en 1814. Paris, 1915. Ф.П. Сегюр оставил Париж 30 декабря, чтобы посетить Труа, Шомон, Дижон, Шалон и Оксон. 20 января он в сопровождении сенатора Пасторе и аудитора Государственного совета Шапелье прибыл в Осерр. В Дижоне он, якобы, делал устные заявления о невозможности сопротивления и предлагал в этой связи отступить из этого города, за что население провожало его карету криками: «Доброго пути, господин Делать Ноги!». См. также: Gaffarel P. Dijon en 1814 et 1815. Dijon, 1897 (переиздание - 2014).

⁶⁹ Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne... P. 27. Ср.: «Гарнизон Санса насчитывал несколько сотен необученной и плохо-вооруженной национальной гвардии при нескольких пушках с ветеранами-артиллеристами. Однако комендант Санса офицер Жанвье предпринял ряд энергичных мер по укреплению города, добившись больших успехов». См.: Чиняков М.К. Санс // Заграничные походы...Т. 2. С. 403.

января авангард под командованием П.С. Кайсарова встретил 300 кавалеристов противника и гнал их до пригородов Санса, где засевавшая в форштадте и виноградниках французская пехота встретила казаков огнем. Но вот подошли основные силы отряда М.И. Платова, казаки спешились и при поддержке шести орудий выбили к ночи французских пехотинцев из форштадта. При этом в плен захвачен был 1 офицер и 32 рядовых гвардейца, а освобождено 20 пленников: 1 испанский офицер с 16 солдатами и 4 австрийца, которых и отправили к ближайшим австрийским войскам⁷⁰. Форштадт был взят, но французы укрылись за городскими стенами и не собирались сдаваться. С ходу город занять не удалось, казаки опоздали всего на пару часов, к саннонцам подошло подкрепление.

В самом городе события развивались драматично и стремительно. 18 (30) января в 8 утра в Санс пришел один крестьянин из Керизьер, который принес послание от казаков к мэру. До прибытия из Пон-сюр-Йонн отряда Ж.А.Ф. Алликса оставался час, но кто бы тогда мог об этом знать? Те слова, что М.И. Платов готовил для членов муниципалитета, простым горожанам остались неизвестны, но до них все же дошла информация об ожидаемом прибытии к полудню большого отряда казаков. Исполняющему обязанности мэра Сула был передан пакет миролюбивых деклараций, с которым он заперся у себя в кабинете и, якобы, сжег все бумаги, не читая⁷¹. О прокламациях союзников, переданных в Санс через мэра Керизьер упоминал в своих воспоминаниях сам Ж.А.Ф. Алликс⁷².

⁷⁰ Донское казачество... С. 540. «Журнал военных движений» пересказывает этот рапорт. Авангард М.И. Платова под командованием П.С. Кайсарова 30 января встретил у Санс 300 французских кавалеристов, которых гнали до стен города. Но при приближении к городу по казакам открыла огонь неприятельская пехота, засевавшая в виноградниках. Пока шла перестрелка, подоспел с главным отрядом сам М.И. Платов, французы отступили за крепостные стены, потеряв только пленными 1 офицера и 32 рядовых. См.: Журнал военных движений... С. 103. То же см.: *Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 497.*

⁷¹ *Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...* P. 34. По другим сведениям, они были посланы в «*Journal de l'Empire*». Упомянуты у Лиоре: 21 января (1 февраля) «400 казаков привезли в Санс прокламации, которые обещали французам счастье». См.: *Lioret M.G. Op. cit. P. 13.*

⁷² Конкретное содержание этих прокламаций неизвестно, но общий смысл понятен: подобные прокламации были далеко не редкостью. Напротив, командирам отрядов *предписывалось* вести агитацию среди местного населения и распространять миролюбивые заявления. А. Россиньо писал, что

Колебания членов муниципалитета были понятны: город оборонять было нечем и некому, супрефекту было самое время собирать бумаги. Но тут в Санс вошел отряд Ж.А.Ф. Алликса.

Прибывший генерал повел себя весьма решительно, если не агрессивно. Едва успев осмотреться, Ж.А.Ф. Алликс разругался с супрефектом, которого объявил дезертиром, и и.о. мэра, которого предлагал вообще расстрелять. Первым делом он предпринял с частью своего отряда разведку в сторону Керизьер. Либо из-за подозрительности, либо из-за желания добиться поддержки гражданского населения, Ж.А.Ф. Алликс пригласил Латур дю Пена сопровождать его при рекогносцировке и даже предложил ему ехать впереди отряда. По дороге из Санса в Керизьер есть деревня Малай-ле-Гранд (Malay-le-Grande), здесь французы наткнулись на казаков. Ж.А.Ф. Алликс писал потом, что как только враг был обнаружен, французы отступили и без боя вернулись в город (преследуемые до ворот, как мы видели, по рапорту М.И. Платова, кавалерией Кайсарова). По возвращении этого отряда, обнаружилось, что один человек пропал без вести: это был неподготовленный к таким опасностям войны супрефект⁷³.

Как писал Ж. Перрен, мы никогда не узнаем, что произошло между генералом и супрефектом во время этой рекогносцировки, но логика Алликса была суровой: он решил, что супрефект перешел к врагу и в тот же вечер 18 (30) января написал военному мини-

дерзость врагов императорского режима дошла до того, что они послали в «*Journal de l'Empire*» обзор вражеских прокламаций, представлявших союзников как «друзей человечества». Он привел образчики подобных прокламаций: «Французы не дайте себя обмануть клеветническим слухам, распространяемым недоброжелателями, смотрите на армии союзников как на друзей человечества, которые враги только для врагов мира. Ваши родители, ваши друзья, ваши братья, ваши дети сидят на чужбине за решеткой, присоедините их голоса к нашим во имя мира, первым результатом которого будет возвращение заключенных к семьям». Еще пример прокламации, имеющей заголовок: «Один француз французам»: «Я вижу эту долгую войну, я вижу, как ее боевой цеп опустошает страну, сельское хозяйство, искусства, а отеческое правительство изображает население счастливым; <...> Можно ли надеяться на мир, когда вы сделали все для того, чтобы затянуть войну, чтобы ожесточить армии, чьи суверены взяли на себя священное обязательство покинуть ваши территории тотчас же после того, как они достигнут благородной цели установить в Европе прочный и долговременный мир? Разве ваша родина в опасности, когда сюда пришли, чтобы положить конец несчастьям?» См.: *Rossigneux A. Un chapitre de l'Histoire d'Auxere... P.106-107.*

⁷³ *Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne... P. 35.*

стру А.-Ж.-Г. Кларку: «Враг направил мне парламентария, которого я не принял. Супрефект же этим утром дезертировал, состояние общественного духа слабое, хотя есть и brave граждане. Мэр Санса заслужил быть расстрелянным⁷⁴. Я хочу его арестовать и отправить в Монтеро (Montereau-fault-Yonne): он этим утром общался с врагом. <...> Я имею честь доложить Вашему Сиятельству, что линия Йонны будет удержана»⁷⁵.

Супрефект, как выяснилось, не сдался в плен, а бежал в Пон-сюр-Йонн. Мало того, что его самолюбие было глубоко ранено, он был вынужден 19 (31) января живо оправдываться перед министром полиции. Ж. Перрен опубликовал рапорт супрефекта о событиях того утра под Сансом⁷⁶.

Супрефект писал этот рапорт, допуская многочисленные неточности: «Алликс прибыл в полдень» (?), «с пехотой» (?), «двенадцать вражеских улан» (?), «забаррикадированные моими заботами ворота» (?) и т.п. Он уверял, что во время утренней рекогносцировки это сам Ж.А.Ф. Алликс отправил его вперед, что он наткнулся на двух казаков, которые неожиданно его атаковали и бросились преследовать, вынудив бежать через поля в Пон-сюр-Йонн, куда он попал только к вечеру. Только утром супрефект сумел вернуться из Пон-сюр-Йонн на свой пост в Санс, и ему пришлось изворачиваться: «В силу властных обстоятельств я оказался не на своем посту, но я же не вышел за пределы своего округа⁷⁷ и постарался сделать мое присутствие в Пон-сюр-Йонн полезным с точки зрения обеспечения провиантом отряда генерала А. Монбрена. Я старался, как мог воодушевить жителей на защиту города»⁷⁸. Другое оправдательное письмо Латур дю Пен 18 (30) января послал А.-Ж.-Г. Кларку. В нем он также уверял, что именно по приказу Ж.А.Ф. Алликса направился навстречу врагу, а вернулся на свое место, про-

⁷⁴ Мэра Санса Алликс в своих мемуарных набросках именуется «один медик, адъютант, который выполнял тогда функции мэра». См.: *Allix J.A.F. Op. cit.* P. 183.

⁷⁵ Цит. по: *Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...* P. 35–36.

⁷⁶ *Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...* P. 36.

⁷⁷ Префектам и супрефектам по повелению Наполеона запрещалось покидать территорию вверенного им департамента до тех пор, пока в этом департаменте будет оставаться хотя бы одна деревня незанятая неприятелем. См.: *Михайловский-Данилевский А. Поход во Францию...* Ч. 1. С. 59–60.

⁷⁸ *Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...* P. 36, note.

бравшись через вражеские отряды, уже через двенадцать часов⁷⁹. 19 (31) января вечером Ж.А.Ф. Алликс писал А.-Ж.-Г. Кларку из Санса, что супрефект, «которого я объявил дезертиром, со страху бежал в Пон-сюр-Йонн, а теперь вернулся и хочет занять свое прежнее место»⁸⁰. Инцидент был исчерпан, но неприятный осадок остался...

Но вернемся к событиям у стен Санса, свидетелем которых Латур дю Пену быть не довелось (отсюда и неточности в его описании).

18 (30) января в 11 часов утра, как писал Ж. Перрен, враг появился на дороге из Труа в количестве около 400 кавалеристов (в рапорте М.И. Платова – 300). Взяв вправо, они захватили фабург Нотр-Дам и внезапно бросили одну команду (как напишет супрефект, около «двенадцати улан») на штурм ворот Нотр-Дам. Но гарнизон встретил их ружейной пальбой, сходу взять ворота не удалось. Тот же прием был оказан казакам у ворот Дофине и у Парижских ворот: их также успели закрыть и забаррикадировать. Французы, оставив пригород и прячась за каменными стенами, вели непрерывную стрельбу, чтобы не подпускать противника близко и, несмотря на ответный огонь, чинили поврежденные ворота. У французов, если верить рапорту Алликса от 29 января (9 февраля), в этот день был ранен один сапер, других потерь не было. Казаки же, по подсчетам Ж.А.Ф. Алликса, потеряли от 12 до 15 человек убитыми, не считая раненых⁸¹.

М.И. Платов, рапортовал что он расставил в округе посты и дозоры, разместил стрелков в фабурге, т.е. не оставил намерений занять Санс: перестрелка продолжалась и ночью.

Ж.А.Ф. Алликс тем временем не дремал⁸², он был неутомим и всю ночь трудился над укреплением города. Решительный генерал приказал строить баррикады и предписал некие другие связанные с насилием меры, которые, как отмечал А. Бошан, предсказывали для горожан большие бедствия. Он был намерен держаться до последнего: «какая ужасная перспектива для жите-

⁷⁹ Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne... P. 36, note. Ж. Перрен полагал, что ночевал супрефект все же в Пон-сюр-Сен.

⁸⁰ Ibid. P. 37.

⁸¹ Ibid. P. 33–34.

⁸² Как он писал А.-Ж.-Г. Кларку: «с часу ночи я на ногах». См.: Ibid. P. 38.

лей!»⁸³. Велено открыть шлюзы на Ванне и затопить на южной окраине города болотистую равнину, простирающуюся от предместья Майо (Maillot), что к югу от Санса на берегу Ванны до правого берега Йонны. Приказано разрушить все мосты на Ванне вниз по течению до впадения ее в Йонну.

Поведение жителей Санса вызывало у Ж.А.Ф. Алликса в целом разочарование и даже приступы социально-философской и политической рефлексии. Ж.А.Ф. Алликс, как это можно судить из его письма А.-Ж.-Г. Кларку от 23 января (4 февраля), разуверился в буржуазии, он полагал, что только в крестьянах еще осталась энергия: «это самое большое несчастье, что те, у кого больше всего собственности, менее всего готовы ее защищать»⁸⁴. Словно наперекор этой оппозиции буржуа, Ж.А.Ф. Алликс развил бурную деятельность по защите Санса...

Обеспокоенный численностью противника, которого Ж.А.Ф. Алликс насчитал от 1 500 до 1 600 чел., он посвятил часть дня тому, чтобы склонить власти города и его жителей к активной защите. Некоторых, как это следует из того же письма от 19 (31) января А.-Ж.-Г. Кларку, ему даже удалось уговорить взяться

⁸³ *Beauchamp A. Op. cit. P. 296.* Генерал Баньоль, который в кампании 1814 г., будучи еще полковником, выполнял функции начальника штаба вюртембергских войск, написал ответ на сочинение Алликса «*Système d'Artillerie de Campagne*» с целью исправить некоторые неточности, касающиеся штурма вюртембергцами Санса. Среди прочих возражений он писал, что по «некоторым сведениям» гарнизон Санса был не 500, а 1000 человек и, что город вовсе не был так уж беззащитен, и «открыт со всех сторон», как это хотел представить Алликс. См.: *Bagnold de. Observations sur la relation de la défense de la ville de Sens en 1814 // Spectateur Militaire. 1827. T. 3. P. 626.* (Переиздано: 1814: *résistance et occupation des villes françaises. Paris, 2001*). Гарнизон Санса, по разным данным, к тому времени, когда 28 января (9 февраля) под его стены подошли вюртембергские войска, насчитывал от 1 тыс. до 2,4 тыс. человек.

⁸⁴ *Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...P. 40.* Вопрос о «состоянии духа» французской нации в начале 1814 г. – много раз обсуждаемый и требующий отдельного внимания. И это только наблюдения за санонцами заставили Ж. Перрена посетовать, что на тот момент император не мог рассчитывать на единодушный патриотический подъем нации: массы слишком долгое время подавлялись, сдерживались «Действительно, в условиях этого величайшего кризиса главная беда императора заключалась в том, что он был не в состоянии рассчитывать, как Людовик XIV, на единодушный порыв нации. Он пережил обычное наказание деспотических правительств: в час опасности слишком долго сжимаемые массы оборачиваются против самих этих правительств» (*Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne... P. 22*).

за оружие⁸⁵. Одновременно велись переговоры с бравыми гражданами Жуаньи, которые обещали оказать сопротивление, а бригадному генералу Ж.К. Моро (Moreau) было поручено воодушевить на борьбу Осерр⁸⁶.

Ж.А.Ф. Алликс был убедителен: он обещал «расстрелять двадцать трусливых санонцев» – городскую гвардию, исполняющему обязанности мэра Сула заявил, что отправит его в Венсенский замок, а супрефекта публично обещал арестовать и отдать под военный трибунал. Так поднимался моральный дух горожан! Правда, как посчитал, Ж. Перрен, следствие было прямо пропорционально цели: поведение Ж.А.Ф. Алликса не только не воодушевило горожан на вооруженное сопротивление, а свело на нет даже тот порыв, что первоначально проявляли национальные гвардейцы или супрефект. Конечно, вывод Ж. Перрена может быть оспорен. Это упавшие духом и струсившие жаловались: «Генерал Алликс разрушил все!». Это супрефект и мэр, обвиненные в измене, защищаясь, нападали на генерала. Это интриговали скрытые роялисты... Так или иначе, Ж.А.Ф. Алликс настроил общественное мнение горожан (точнее выразителей этого «общественного мнения») против себя⁸⁷. Даже министр внутренних дел, видимо, в ответ на жалобы из Санса, в письме от 3 (15) февраля А.-Ж.-Г. Кларку заявил, что игнорировать подобные заявления не следует, и если эти факты подтвердятся, то следует признать ошибочность поведения Ж.А.Ф. Алликса⁸⁸. Но победителей не судят, а Ж.А.Ф. Алликс Санс не сдаст.

⁸⁵ Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne... P. 38. Алликс позднее напишет, что когда он был вынужден сдать Санс, с ним уходило людей в два раза больше, чем пришло. См.: *Allix J.A.F.* Op. cit. P. 190.

⁸⁶ Ф.П. Сегюр, проезжавший Осер в 20-х числах января, писал, что в Осере «никто не хочет и не может защищаться» (*Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne... P. 27*).

⁸⁷ Уже когда все закончилось, в «*Journal de Paris*» было опубликовано «Письмо из Санса», в котором корреспондент называет Ж.А.Ф. Алликса «свирепым генералом» (*farouche général*) или «непреклонным Алликсом» и сетует на нелегкую судьбу: «эта наша фатальная звезда принесла нам Алликса», «всеми тяготами, которыми мы были обременены, мы обязаны необузданности и тупоумию кровожадного человека, чье имя всегда будет вызывать у нас омерзение» (*Journal de Paris. 18.04.1814*).

⁸⁸ Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...P. 38. Позднее Ж.А.Ф. Алликс все же попытается оправдаться, хотя и сделает это довольно небрежно и даже брезгливо: «Я позволил некоей политической партии (роялистам) говорить вздор так, как они того хотели, хотя я очень хорошо понимал, что эта

Ж. Перрен отметил, что весь следующий день 19 (31) января «защитники Санса были заняты стычками и улучшением баррикад на глазах у врага»⁸⁹. Как писал сам Ж.А.Ф. Алликс А.-Ж.-Г. Кларку от 31 января, его адъютант и одновременно шурин был легко ранен в голову⁹⁰. Был момент, когда Ж.А.Ф. Алликсу показалось, что казаки готовы отказаться от своего предприятия и направиться в Пон-сюр-Йонн, однако вскоре они вернулись на свои позиции. Вейль же писал, что 19 (31) января М.И. Платов, как и накануне без большого успеха, возобновил атаки на Санс; в этот день он предпринял также «безуспешную демонстрацию» против Пон-сюр-Йонн⁹¹. Судя по рапорту М.И. Платова, это была вовсе не «демонстрация» и вовсе не «безуспешная». Он заранее послал отряд Костина 4-го с 2 орудиями перекрыть дорогу из Санса на Пон-сюр-Йонн, Брей-сюр-Сен (Bray-sur-Seine) и Ножан-сюр-Сен (Nogent)⁹². В результате подкрепление, спешившее на помощь из Пон-сюр-Йонн, было атаковано казаками и вынуждено вернуться в Пон-сюр-Йонн⁹³.

М.И. Платов также рапортовал, что 19 (31) января французы пытались делать вылазки, но артиллерия и засевшие в домах фабурга казачьи стрелки вынудили их ретироваться. По рапорту М.И. Платова М.Б. Барклаю де Толли, 19 (31) января около 2 часов дня по левому берегу Йонны в Санс все же прошло около 2 000 пехоты с орудиями. Так же были атакованы партии казаков, направленные им в Сен-Клеман (Saint-Clement) – к северу от Санса и Сен-Дени-ле-Санс (Saint-Denis-les-Sens) – еще немного севернее. Жители, оставившие Санс, показывали, что ночью французами ожидается подкрепление по Орлеанской дороге⁹⁴. М.И. Платов

партия отражает интересы лишь нескольких дам Санса, которые обвинили меня в преступлении на том основании, что я отказался проводить время на их кушетках и глубоких креслах, полностью посвятив себя своей профессии» (Allix J.A.F. Op. cit. P. 183).

⁸⁹ Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne. P. 37.

⁹⁰ Ibid. P. 38.

⁹¹ См.: Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 455.

⁹² Мосты в двух последних городах играли важную стратегическую роль: отсюда можно было уже беспрепятственно идти на Париж.

⁹³ Ср.: «На помощь Сансу из городка Пон подходили неприятельские кавалерийские отряды, но не были допущены к городу, отражены от него и прогнаны» (Венков А. От Дона до Парижа М., 2013).

⁹⁴ Прибытие в Санс днем подкрепления в 2000 человек пехоты ничем не подтверждается. Ничего не известно и о прибытии подкрепления ночью.

обращает внимание М.Б. Баркляя де Толли, что его казаки сделали против неприятельской пехоты «более чем можно требовать от кавалерии». Убитых и раненых со стороны казаков в результате этого дела под Сансом было, по рапорту М.И. Платова, 20 человек⁹⁵.

Быстрый марш казаков, по мнению М.И. Платова, «к удовольствию местных жителей» сорвал планы по набору конскриптов. «Видя чистосердечную к нам преданность жителей»⁹⁶, атаман не стал сжигать город, чтобы выкурить оттуда гарнизон. Сил же для штурма не было⁹⁷, поэтому от города решено отступить и найти другое место для переправы через Йонну. Ночью с 19 (31 января) на 20 января (1 февраля) казаки, оставив отряд наблюдать за Сансом, ушли вверх по течению Йонны через Розуа (Rosoy), Верон (Veron), Пасси (Passy) и заняли переправу на другой берег Йонны в Вильнёв-ле-Руа (Villeneuve-le-Roi) (современное название – Вильнёв-сюр-Йонн).

Вид отступающих около 9 вечера от Санса казаков вызвал у Ж.А.Ф. Алликса приступ кровожадности. Он даже бросился преследовать казаков, но его войско было слишком слабое, чтобы вступить в бой: кавалеристы просто немножко погарцевали. Он тут же обвинил своих подчиненных в невыполнении приказов, пожаловался командиру 2-й резервной дивизии генералу К.П. Пажоллю, у которого находился в подчинении, что, тот не дал ему вовремя драгун⁹⁸,

Оно подойдет лишь поздно вечером 1 февраля из Пон-сюр-Йон. Тем не менее, в научно-популярном изложении, рассчитанном на некритично настроенного отечественного читателя, эти события выглядят так: «19 января противник предпринял попытку сделать вылазку, но, встреченный огнем донской артиллерии, вынужден был вернуться назад. Кавалерия, высланная на помощь осажденным, также получила отпор. Зато прорвалась к своим пехота числом до 2 тысяч человек. А еще жители «по доброхотству» своему сообщили, что ночью ожидается большое подкрепление со стороны Орлеана. Атаман понял, что ему не справиться с такой силой». См.: *Лесин В.И. Атаман Платов*. М., 2005.

⁹⁵ Донское казачество...С. 540.

⁹⁶ Что имел в виду М.И. Платов под «преданностью жителей» конкретно неизвестно. Но, то ли от них, то ли от пленных ему стало известно о движении против него крупных сил неприятеля.

⁹⁷ Как писал Бошан, Санс мог быть взят только с помощью пехоты и посредством регулярной атаки. *Beauchamp A. Op. cit.* P. 296. Это не так быстро удастся, как мы увидим ниже, и корпусу кронпринца Вюртембергского.

⁹⁸ К.П. Пажоль, как писал Ж. Перрен, внимательно наблюдал за всем происходящим под Сансом. Он просто ждал прибытия бригады Ш.И.С. Дю Куэтлоске в Пон-сюр-Йон и намеревался отправить отряд в 100 человек в

пустился во взаимные обвинения с А. Монбреном (Montbrun) и Ш.И.С. Дю Куэтлоске (Ducoëtlosquet). Ж.А.Ф. Алликс горел желанием и торжественно обещал, как он писал 19 (31) января А.-Ж.-Г. Кларку, «задать урок казакам», как только получит подкрепление⁹⁹. Приписывая заслугу в отступлении казаков от Санса исключительно себе, он думал только о том, как бы развить этот успех. Он приказывал А. Монбрену направить ему батальон от 400 до 500 чел., защищавший Пон-сюр-Йонн, он торопил ночными депешами Ш.И.С. Дю Куэтлоске, который вообще не должен был подчиняться его приказам, чтобы тот поддержал его драгунами. Он вообще намеревался, как это следует из письма Ж.А.Ф. Алликса А.-Ж.-Г. Кларку от 20 января (1 февраля), если Ш.И.С. Дю Куэтлоске так и будет опаздывать, то атаковать собственными силами даже превосходящего противника: как ему казалось, тот настолько изнурен, что не сможет биться¹⁰⁰. Одним словом, Алликс был в полной эйфории и рвался бой, рассыпая громы и молнии на головы жителей Санса и кляня за медлительность всех французских генералов...

М.И. Платов рапортовал вечером 20 января (1 февраля) К. Шварценбергу: «слишком слабый для того, чтобы охотиться на врага в Сансе я продолжу свое движение в направлении Фонтенбло через Куртене». Вейль, комментируя рапорт М.И. Платова К. Шварценбергу из Вильнёв-ле-Руа от 20 января (1 февраля), язвительно писал, что «всегда умеющий представить факты тем способом, который ему лучше всего был выгоден» М.И. Платов морально подготавливал К. Шварценберга к оправданию неудачи под Сансом, «неудачи, которая проистекала единственно из его медли-

Вильнёв-ле-Руа для поддержания связи между дорогами на Тоннер и Осерр. 21 января (1-го февраля) префект Йонны уведомил Ф.Ж.М.Р. Савари, герцога Ровиго, что все коммуны от Тоннера до Осерра заняты врагом; что вследствие отступления генерала Белэра в Осерре вообще нет регулярных частей; что Алликс обещал подойти еще вчера, но враг удерживает его в Сансе, а других источников помощи просто нет. Коммуникации с Парижем заняты противником; если Санс падет, останется мало надежды». См.: *Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...P. 40.*

⁹⁹ *Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...P. 40.*

¹⁰⁰ Ж.А.Ф. Алликс писал 1 февраля Ш.И.С. Дю Куэтлоске, что имеет информацию от К.П. Пажоля о данном ему приказе идти на Санс с выдвижением авангарда на Вильнёв-ле-Руа: «я вас жду уже больше трех дней; медлительность вашего движения мешает мне преследовать отступающего врага» (*Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...P. 42.*)

тельности, из его колебаний, из его неготовности идти вперед и удаляться от основной армии»¹⁰¹. «Журнал военных движений», наперекор французским краоведам и полковникам-историкам предпочел версию самого атамана о хорошо укрепленном и защищенном городе: «Поскольку Санс был неплохо укреплен и имел сильный гарнизон, Платов отказался от штурма и продолжил движение на Фонтенбло»¹⁰².

Заняв без единого выстрела Вильнёв-ле-Руа и получив таким образом переправу на левый берег Йонны, М.И. Платов стал дожидаться подхода других отрядов союзников, чтобы укрепиться в этом важном стратегическом пункте. Так же необходимо было уточнить, что за подкрепления отправлены против него и, каковы будут намерения противника. Для наблюдения за Сансом был оставлен отряд¹⁰³.

20 января (1 февраля) М.И. Платов рапортует М.Б. Барклаю де Толли о конфликте его казаков с жителями Жуаньи (Joigny)¹⁰⁴. Местные захватили курьера М.И. Платова вместе с сопровождавшим его казаком; их «били кулачем и кричали». Только после вмешательства «благонамеренного нам мэра» курьера отпустили. Атаман расценил это происшествие как большую «дерзость», тем более что только три дня назад в Жуаньи была команда в 50 казаков с сотником Грековым, и никаких протестов местные не выказывали. М.И. Платов полагал, что возможно, все дело в какой-нибудь прокламации французских властей, подбивающей население на сопротивление союзникам. Но для острастки, атаман отправил в Жуаньи И.Я. Шперберга с 500 казаками и 2 орудиями, чтобы он наказал виновных «военной рукою». О результатах этой

¹⁰¹ I Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...P. 42.

¹⁰² См.: Журнал военных движений... С. 103.

¹⁰³ У Вейля встречается упоминание, что это в ночь с 20 января (1 февраля) на 21 января (2 февраля) М.И. Платов покинул свою позицию у Малай-ле-Гранд (Malay-le-Grande), поднявшись вверх по течению Йоны к Вильнёв-ле-Руа и затем перейдя с правого берега на левый. См.: Weil M.-H. Op. cit. Т. 1. P. 523. Видимо, речь должна идти об арьергарде отряда М.И. Платова.

¹⁰⁴ Жуаньи расположен выше Вильнёв-ле-Руа по течению Йонны в сторону Осерра и примерно на таком же расстоянии, что из Вильнёв-ле-Руа до Санса. С этими «бравыми жителями Жуани», как мы видели выше, имел накануне пылкие патриотические беседы Алликс.

экспедиции должен был устно доложить М.Б. Барклаю де Толли хорунжий Лапатин...¹⁰⁵

Пока казаки отдыхали в Вильнёв-ле-Руа и чинили правосудие в Жуаньи, Ж.А.Ф. Алликс разрабатывал план атаки на них. Он, наконец-то получил подкрепления! «Перед таким напором и самый благоразумный ступается» – прокомментировал реакцию К.П. Пажоля на поведение рвущегося в бой Ж.А.Ф. Алликса Ж. Перрен¹⁰⁶.

К.П. Пажоль полагал, что отступление казаков – следствие не столько успеха Ж.А.Ф. Алликса, а сколько присутствия Наполеона в Труа, где концентрировались французские войска¹⁰⁷, но все же уступил ему и отправил Ш.И.С. Дю Куэтлоске предписание действовать осторожно, но все же идти со своей кавалерией в Санс. А, чтобы поддержать это движение из Монтеро-фо-Йонн К.П. Пажоль отправил во Флерины (Fleurigny) – деревушку под

¹⁰⁵ Донское казачество...С. 542. Вейль пересказывает рапорт М.И. Платова К. Шварценбергу от 1 февраля, и в этом пересказе интонации казачьего атамана еще более суровы: И.Я. Шперберг отправлен в Жуаньи, чтобы найти и наказать жителей этой местности, которые хотели забить одного из курьеров М.И. Платова, когда тот проезжал через их город. И.Я. Шпербергу приказано расстрелять виновных и разоружить национальную гвардию. См.: *Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 497-498.* Случай в Жуаньи не был реакцией исключительно на казаков. Конфликт с местными жителями городка Эври (d'Ervy) практически в то же время (2 февраля) произошел и у соседнего летучего отряда под командованием графа Турна. Как Турн докладывал К. Шварценбергу вечером 23 января (4 февраля) из Шамуа (Chamois), он пытался установить связь с дивизией И. Хардегга, но жители Эври встретили его авангард ружейными выстрелами. Турн вынужден был тотчас же после вступления в коммуны предупредить мэра, что тот будет расстрелян, если жители проявят еще хоть какую-то агрессивность в отношении его отряда. «Эта угроза, а также организация патрулирования подействовали, – рапортовал Турн, – спокойствие восстановилось». Однако на ночлег Турн предпочел остаться не в городке, а разбить бивуак на некотором от него расстоянии, на холме, с которого просматривалась дорога на Сен-Флорентен. См.: *Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 523.* У К. Руйе есть упоминание о совершенном шестнадцатилетним юношей в начале февраля под Оксоном убийстве офицера – командира патруля и убийстве рядового того же отряда, которого крестьянин заперол вилами. Мстить за это нападение противник направился в Иври. Удивительно, но, по данным К. Руйе, оксонцы фактически откупились 300 франками. См.: *Rouyer C. Episode de l'invasion de 1814 à Tonnerre...* P. 265. По-видимому, у Руйе и Турна мы встречаем разные интерпретации одного события.

¹⁰⁶ *Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...* P. 43.

¹⁰⁷ *Lioret M.G. Op. cit. P. 14.*

Ториньи-сюр-Орèз (Thorigny-sur-Oreuse) – 300 конных егерей генерала Ж.-А.-А. Делора (Delort). Партии этого генерала, дойдя утром до Вильнèв-Ляршевек, докладывали, что видели несколько казаков двигавшихся от Санса¹⁰⁸.

В 11 часов вечера 20 января (1 февраля), через пару часов после отхода отряда М.И. Платова от Санса туда прибыла кавалерия Ш.И.С. Дю Куэтлоске. Ж.А.Ф. Алликс должен был быть доволен, его мечты начали осуществляться. Наступление намечено по обоим берегам Йонны с целью вернуть мост в Вильнèв-ле-Руа и восстановить тем самым линию защиты.

На следующий день 21 января (2 февраля) французы атаковали в юго-западном направлении от Санса части М.И. Платова на правом и левом берегу Йонны.

План Ж.А.Ф. Алликса был, по мнению Ж. Перрена, скорее уверенной, нежели глубокой комбинацией. Один отряд кавалерии должен был отвлечь внимание противника на правом берегу, в то время как другой отряд зашел бы по левому берегу ему в тыл у Вильнев-ле-Руа.

Ш.И.С. Дю Куэтлоске, ознакомившись ночью с этим планом и следуя инструкциям Ж.А.Ф. Алликса, который рекомендовал ему не вмешиваться, а только отвлекать внимание казаков, наутро, оставив в Сансе часть своей кавалерии, отправил отряд в 300 драгун на правый берег Йонны с тем, чтобы они одной партией заняли селение Розуа (Rozoy), чье расположение позволяло контролировать дорогу из Вельнèв-ле-Руа на Санс. Отсюда силами отряда в 50 человек он сделал демонстрацию в сторону Вильнèв-ле-Руа: две партии, согласно плану, отправлены еще выше по течению Йонны: 25 драгун – на Верон (Véron), а еще 25 – занять высоты у замка Пасси (Passy) и наблюдать за перемещениями противника.

Однако эти партии позволили себя окружить и пленить, даже не выстрелив из карабина. Оставшаяся часть отряда драгун Ш.И.С. Дю Куэтлоске вынуждена была отступить к Сансу, так и не приняв серьезного участия в деле. Казаки преследовали французскую кавалерию до Санса, точнее, до моста Брюан на Ванне. В результате этого демарша драгуны потеряли около 60 человек¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 498.

¹⁰⁹ Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...P. 44. Ср.: «Однако Дю Куэтлоске, приняв незначительные казачьи разъезды за крупные подразделения, отступил к Пон-сюр-Йон под давлением казаков, без единого выстрела,

Другим отрядом, предназначенным для атаки позиции М.И. Платова с левого берега, командовал лично генерал Ж.А.Ф. Алликс. В 6 утра он перешел мост через Йонну во главе 600 пехотинцев и 300 кавалеристов, имея при себе одну пушку. Этот отряд двигался по левому берегу Йонны вверх по ее течению на Вильнёв-ле-Руа через Парон (Paron), Грон (Gron), Марсанжи (Marsangis). В коммуне Парон Алликс отрядил 25 человек разведчиков направо и вперед к Колемье (Collemiers) и к Эгрисель-ле-Бокаж (Egriselles-le-Bocage), а из Грона – еще 12 кавалеристов к Русмо (Roussemeau), что на дороге от Эгрисель-ле-Бокаж в Марсанжи. Но этот отряд наткнулся на казаков, которые стояли по соседству в Марсанжи: в результате 8 рядовых и 1 офицер попали в плен. Ж.А.Ф. Алликс же, из-за снега ничего не видя, продолжал идти вперед, но в 3 часа дня он вынужден был начать отступление, так ничего и не сделав. Более того, отступая от Марсанжи, его арьергард из 80 драгун и двух рот пехоты был внезапно атакован казаками. Драгуны были опрокинуты, и только пехота не позволила их преследовать. Вернувшись в Санс, Ж.А.Ф. Алликс объявил, что ими убито множество казаков, включая их командира¹¹⁰. По «аутентичным же источникам» (по сообщению Ф.П. Сегюра), это французы в этот день потеряли в общей сложности подполковника, трех младших офицеров и до 80 рядовых (по большей части – пленными)¹¹¹.

Эти же цифры приводятся в рапорте М.И. Платова М.Б. Барклаю де Толли от 22 января (3 февраля) из Вильнёв-ле-Руа: атаки и по левому и по правому берегу Йонны были с успехом отражены, пленены подполковник, капитан, еще два младших офицера и 80

потеряв 60 человек, в основном пленными». См.: *Чиняков М.К.* Санс // *Заграничные походы...* Т. 2. С. 403.

¹¹⁰ В «*Journal de l'Empire*», видимо, пересказываются победоносные репортажи из Санса. Ж.А.Ф. Алликс и Ш.И.С. Дю Куэтлоске «преследовали врага» и не позволили ему «безнаказанно присоединиться к главной армии». Появляются жалобы на поведение казаков, которые «нанесли тяжелый урон»: они требуют «вина и фуража», плохо обращаются с крестьянами, «заставляют их возить за собой то, что не могу унести сами». И последняя информация в заметке по законам наполеоновской пропаганды воодушевляющая: жители Пон-сюр-Йонн (коммуны с населением 1000 чел.) «взялись за оружие». См.: *Journal de l'Empire*. 1814. 7 fevrier. P. 2.

¹¹¹ *Weil M.-H.* Op. cit. Т. 1. P. 524. *Perrin J.* Sièges de Sens, défense de l'Yonne...P. 43–44.

драгун, гусар и егерей¹¹². Ж Перрен повторил сухие интонации Вейля: «такова была цена за эту бесполезную стычку»¹¹³.

М.И. Платов, сохраняя за собой Вильнёв-ле-Руа как оперативную базу, теперь действовал в междуречье Йонны и Луана. Вектор его дальнейшего давления – через Куртене (Courtenay) к переправам на Луане. В том же рапорте М.И. Платова сообщается еще об одном успехе казаков, который имел место накануне. Партия гвардейского капитана Бергмана (Bergmann)¹¹⁴, посланная от Вильнёв-ле-Руа по дороге на запад, в ночь с 20 на 21 января (с 1 на 2 февраля) была в Куртене, а на рассвете 21 января (2 февраля) выдвинулась до окрестностей Монтаржи. Здесь казаки обнаружили конвой, охраняемый 200 французскими жандармами. Жандармы были рассеяны, а пленные освобождены. Как значится в рапорте М.И. Платова: освобождены 405 пленных испанских офицера и еще 43 рядовых, отправленных через Монтаржи и Жьен (Gien) в Бурж (Bourges)¹¹⁵.

У Вейля более точный список: 405 офицеров, 15 унтер-офицеров, 82 испанских солдата, 49 женщин и 4 ребенка. Партия капитана Бергмана затем направилась от Монтаржи немного севернее к Феррьер-ан-Гатине (Ferrières-en-Gatinais)¹¹⁶.

¹¹² Донское казачество...С. 542. Богданович датировал это событие 22 января (3 февраля). *Богданович М.* История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I, по достоверным источникам. СПб., 1865. Т. 1. С. 134. Но это дата, когда М.И. Платов составил рапорт.

¹¹³ *Perrin J.* Sièges de Sens, défense de l'Yonne... Р. 45. У Андре Россиньо стычка у Вильнёв-ле-Руа, выгладит со стороны Ж.А.Ф. Алликса не столько как преследование М.И. Платова, сколько как попытка оказать помощь Моро: «Алликс пытался идти на поддержку Осерра, но у Вильнёв был разбит и потерял 80 кавалеристов». См.: *Rossigneux A.* Un chapitre de l'Histoire d'Auxere... Р. 107, note. И далее эти события Россиньо будет именовать «неудачей у Вильнёв» (надо полагать – у Вильнёв-ле-Руа).

¹¹⁴ Из лейб-гвардии Преображенского полка.

¹¹⁵ Донское казачество...С. 542. Богданович указывал, что отряженный с партией из отряда Палена к Монтаржи капитан Бергман освободил 450 испанцев (из них – 400 офицеров), истребив весь конвой, сопровождавший пленников в Бурж. См.: *Богданович М.* Ук. соч. Т. 1. С. 134. А. Бошан писал, что это в Куртене гвардейский капитан Бергман освободил испанских военнопленных: 400 офицеров и 40 солдат, которых везли из Эперне в Бурж. См.: *Beauchamp A.* Op. cit. Р. 296. От Монтаржи до Орлеана примерно 60 км., а до Буржа 120 км.

¹¹⁶ *Weil M.-H.* Op. cit. Т. 1. Р. 524. Вейль ссылается на рапорт Ж.А.Ф. Алликса А.-Ж.-Г. Кларку от 22 января (3 февраля) из Санса, на рапорт М.И. Платова К. Шварценбергу от 22 января (3 февраля) из Вильнёв-

Некоторые подробности действий партии Бергмана, интересные детали этого первого появления казаков на равнине Гатинне отражены в письме от 23 января (4 февраля) из Немура помощника мэра Дарси (Darcy) мэру соседнего городка Пюизо (Puisseaux) месье А.-П.-Ж. Дюменилю (Dumesnil). В этом письме, ускользнувшем, кстати, от внимания Вейля, в частности говорится: «Спешу сообщить вам, что все наши опасения полностью рассеяны. Враги, которые были столь близко к нашему городу, отступили». 21 января (2 февраля) из Немура в Монтаржи были отправлены испанские заключенные, но примерно посередине дороги, у Фонтене-сюр-Луан (Fontenay-sur-Loing), что находится рядом с Ферьер-ан-Гатинне по дороге из Немура в Монтаржи по правому берегу Луана, повозка с пленными была остановлена казаками, которые освободили пленных, захватили возницу, повозку и лошадь¹¹⁷. Затем все они отправились в Куртене (Courtenay), которая стала их штаб-квартирой. На следующее утро казачий командир зачитал жителям Куртене (Courtenay) бумагу (видимо, прокламацию – А.Г.), которая всех озадачила: в ней говорилось, что французы ранее заблуждались, а теперь должны быть счастливы. После чего, получив известие от посыльного, казаки вскочили на своих лошадей и быстро ускакали: «Больше о них ничего не было слышно»¹¹⁸. Конечно, Дарси рано радовался, 27 января (8 февраля) отряды М.И. Платова и Сеславина двинутся к переправам на Луане через Куртене.

Несмотря на то, что 21 января (2 февраля) атаки французов были отражены, как рапортовал М.И. Платов 22 января (3 февра-

ле-Руа, на рапорт коменданта Монтаржи майора Легро (Legros) А.-Ж.-Г. Кларку из Монтаржи от 25 января (6 февраля).

¹¹⁷ Повозка упоминается в единственном числе: несколько сотен офицеров никак не могли в ней разместиться. И все же речь идет, видимо, о том же случае, что и в рапорте М.И. Платова.

¹¹⁸ В письме нет ни жалоб на насилия со стороны казаков, ни даже на тяжесть реквизиций. Самая сильная эмоция, которая просматривается сквозь текст – пожалуй, удивление. *Dumesnil A.J.* Op. cit. P. 12. А.Ж. Дюмениль в свое время предположил, что это отступление связано с маневрами французских корпусов. Опасаясь оторваться от своих главных сил, казаки отступили, но имели приказ при каждом удобном случае оказывать давление в направлении Монтаржи и Немура. Мы же видели, что это была лишь отдельная «партия»; потеря Вильнёв-ле-Руа, в случае успеха атаки Ж.А.Ф. Алликса 21 января (2 февраля), отрезала бы все отряды казаков, находившиеся на тот момент на левом берегу Йонны.

ля), он находился в весьма «затруднительном положении»: его курьеры уже не могут прорваться до М.Б. Баркляя де Толли, в тылу в районе Осерра видны неприятельские партии. Таким образом, М.И. Платов находился, как он сам выразился, «с горстью людей между французской нацией и наполеоновскими войсками»¹¹⁹.

Действительно, отряд М.И. Платова был не только самым крайним на левом фланге Главной армии, но и шел впереди других; те городки и коммуны, которые он проходил совсем недавно, были перезаняты французами, отряды кавалерии плели паутину рейдов и контр-рейдов, даже на подконтрольных частям союзников территории правительственные агенты вели всяческую агитацию, а еще недавно безразличные ко всему крестьяне начали проявлять агрессивность¹²⁰.

22 января (3 февраля) войска должны были отдохнуть после стычки¹²¹. Вечером этого дня Ш.И.С. Дю Куэтлоске, не желая слушать никаких новых инструкций от Ж.А.Ф. Алликса, вернулся со своей бригадой в Пон-сюр-Йонн¹²². Вейль даже назвал 22 января (3 фе-

¹¹⁹ Донское казачество...С. 542.

¹²⁰ Как рапортовал 23 января (4 февраля) граф Турн К. Шварценбергу из Шамуа (Chamoу), 22 января (3 февраля) он из Эрви, где стоял лагерем, переместился в соседний Оксон. Сюда он прибыл в полдень и арестовал одного подозрительного субъекта, которого отправили к Хардегту в Шаурс (Chaource), что посередине пути из Эври-ле-Шатель в Бар-сюр-Об. Однако по дороге на этот небольшой конвой в ночь с 22 января (3 февраля) на 23 января (4 февраля) напали вооруженные крестьяне, которые освободили пленника. Узнав об этом утром, Турн, прежде чем возобновить свое движение, занялся тем, что разоружал местных жителей в Оксоне. *Weil M.-H. Op. cit. T. 2. P. 5.* Кровавопролития, судя по рапорту Турна К. Шварценбергу, не было. 23 января (4 февраля) отряд Турна присоединиться в Шамуа к дивизии И. Хардегга.

¹²¹ По стечению обстоятельств это «перемирие 3 февраля» имело отношение и к Главной армии в целом. 22 января (3 февраля), полагая, что Наполеон намеревается идти через Бар-сюр-Сен на Лангр и, боясь обхода своей армии с левого фланга, К. Шварценберг приказал корпусам Главной армии изменить направления своих движений: сдвинувшись в лево, они теперь должны были идти на Труа по дороге из Бар-сюр-Об в Вандевр-сюр-Барс. Такая чрезмерная осторожность привела к тому, что в этот день союзники на этом участке французские войска вообще не тревожили. См.: *Weil M.-H. Op. cit. T. 2. P. 4-5, 9.* 22 января (3 февраля) противник испарился, наступило спокойствие, писал Лиоре. См.: *Lioret M.G. Op. cit. P. 13.*

¹²² Конечно, теплоты во взаимоотношениях Ж.А.Ф. Алликса и Ш.И.С. Дю Куэтлоске это не добавило. Ж.А.Ф. Алликс полагал, что поведение последнего было «непростительно». У него в Сансе, по подсчетам

враля) с точки зрения военных действий «ничтожным». День 23 января (4 февраля) так же, по оценке Вейля, «не отмечен никаким военным действием, имеющим хоть какую-то важность <...> Под Сансом имели место совершенно незначительные столкновения»¹²³. Столкновения, действительно, имели место.

Около 2 часов дня 23 января (4 февраля) казаки внезапно появились у южных ворот Санса. Они привезли с собой две пушки, из которых сделали несколько выстрелов ядрами и картечью. При занятии форштадта у ворот Дофине в этот день отличился подполковник Карпов 3-й (из полка О.В. Иловайского 10-го). Ответные залпы обороняющихся и вылазка, организованная Ж.А.Ф. Алликсом, заставили казаков отступить до Розуа (Rosoy). В 5 вечера последовало продолжение, но дело так и закончилось ничем¹²⁴. Потери Алликса: 5 раненых, один из которых потом скончается от ран¹²⁵. На память об этой атаке в стене под карнизом ближайшего к воротам Дофине дома остались два застрявших ядра и надпись: «Эти ядра были выпущены казаками 4 февраля 1814 года»¹²⁶.

У А.Ж. Дюмениля описание этой атаки имеет нюансы, на которые не обратили внимания ни Вейль, ни Ж. Перрен. 25 января (6 февраля) мэру Немура месье Дорэ (Doré) поступили новости от мэра коммуны Шеруа (Chéroy) о происшествии третьего дня под Санс. Противник прислал в этот город парламентария с предложением о сдаче. Когда же это предложение отвергли, от 400 до 500 человек заняли фабург Сен-Пригт (Saint-Prigts), установили три пушки и сделали несколько выстрелов картечью и ядрами по во-

А. Россиньо, осталось: 600 пехотинцев, 80 кавалеристов и две пушки без канониров. Утром 4 февраля в Пон-сюр-Йонн у А. Монбрена было 200 кавалеристов, 140 мобилизованных таможенников, 4 пушки и отряд Ш.И.С. Дю Куэтлоске в 470 сабель. См.: *Rossigneux A. Un chapitre de l'Histoire d'Auxere...* P. 109.

¹²³ Weil M.-H. Op. cit. T. 2. P. 9, 17.

¹²⁴ М. Богданович отвел в своей работе этим событиям под Сансом весьма скромное место, он писал (без указания даты): «пытался Платов атаковать и Санс, что на правом берегу Ионы при впадении в нее реки Ванн, но был отбит и вернулся на орлеанскую дорогу к Куртене и Монтаржи». См.: *Богданович М. Ук. соч. Т. 1. С. 134.*

¹²⁵ Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne... P. 47.

¹²⁶ Затем после ряда реставраций по ошибке появилось вместо «4 февраля» – «13 февраля». См.: *Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...* P. 47. Виктор Гюймар так же упомянул о двух небольших ядрах застрявших в стене дома у ворот Дофине после обстрела казаками 4 февраля... См.: *Guimard M.V. La Grande disette de 1817 à Sens // Bulletin de la Société des sciences historiques et naturelles de l'Yonne. 1918. T. 21. P. 3.*

ротам Дофине. Они выпустили не менее сотни выстрелов, убив двоих и ранив одного защитника. Но ответный огонь егерей вынудил противника отступить. Атакующие, якобы, потеряли до 40 человек убитыми и ранеными, которых они погрузили на телеги и увезли. Противник удалился в Шамберtrand (Chambertrand), что в три четверти лье от Санса¹²⁷.

Отступление казаков опять крайне воодушевило Алликса. Он даже почему-то решил, что после неудачи 23 января (4 февраля) М.И. Платов откажется от Вильнёв-ле-Руа и отступит на Тоннер и Бар-сюр-Сен. В письме 23 января (4 февраля) А.-Ж.-Г. Кларку, генерал, объясняя сложившуюся под Сансом диспозицию, уверял, помимо прочего, что достаточно и 50 человек, чтобы удержать мост «против всех казаков мира». Санс по-прежнему представлялся ему как главный узел дорог на Осерр, Монтаржи, Труа. Но, по его мнению, и 400 человек было бы достаточно для обороны Санса, если бы к тому же организовать местных жителей на самооборону». Алликсу, застрявшему в Сансе в общем-то в силу стечения обстоятельств, не терпелось идти вперед и преследовать казаков. Он просил, чтобы ему позволили вытеснить врага из Вильнёв-ле-Руа и идти на Осерр, где местные жители проявляли враждебное отношение к генералу Моро (Moreau), и куда он гарантировал прибыть целым и невредимым¹²⁸. Алликса не куда не отпустят, тем более, что у ворот Санса уже 28 января (9 февраля) появится авангард корпуса вюртембергцев.

На следующий день после того, как Ж.А.Ф. Алликс давал А.-Ж.-Г. Кларку прекрасные обязательства, быстро упавший духом префект Йонны Р. Дефермон (Defermon)¹²⁹ отправил в Париж А.-Ж.-Г. Кларку

¹²⁷ *Dumesnil A.J.* Op. cit. P. 14. В тот же день мэру Немура пришло еще одно сообщение – письмо с новостями от мэра Монтаржи Обепена (Auberin): «Утром из Куртене пришли письма, из которых следует, что враг расположился лагерем частично на левом берегу Йоны, частично на правом; что недавно (la journée d’hier) на равнине Шампваллон (Champvallon) была стычка наших войск с противником, что до 40 убитых было с нашей стороны и до 60 – со стороны врага. Санс еще держится». См.: *Dumesnil A.J.* Op. cit. P. 14.

¹²⁸ *Perrin J.* Sièges de Sens, défense de l’Yonne... P. 45–46, 49. Силы, которыми Ж.А.Ф. Алликс мог действовать от Санса к Осерру, оценены А. Россиньо в 2 800 чел. См.: *Rossigneux A.* Un chapitre de l’Histoire d’Auxere... P. 103.

¹²⁹ Рене Дефермон до этого был префектом Верхних Альп. 12 мая 1813 сменил на посту префекта Йонны Ружье де ла Бержери. Еще 21 января (1 февраля) он плакался Ф.Ж.М.Р. Савари, что задержка Ж.А.Ф. Алликса в

пугающую депешу: «Ситуация в департаменте представляет собой душераздирающую картину». Враг в Жуаньи и Тоннере, откуда он совершает набеги на соседние коммуны. Он хозяйничает в Басу (Bassou), он у ворот Осерра. Он проник уже в округу Осерра – Сен-Флорентен (Saint-Florenlin) и Шабли (Chablis). Генерал Моро находится в Осерре в очень ненадежном положении: ему удалось сконцентрировать здесь только роту национальных гвардейцев и двадцать жандармов. Все коммуникации с Сансом прерваны¹³⁰. 24 января (5 февраля) в Осерре узнали, что от 25 до 30 казаков, направлявшихся в Жуани, были атакованы жителями Сен-Жорж (Saint-Georges), которые одного из них убили, другого ранили и захватили двух лошадей¹³¹. Подобная смелость, возможно, вызвана слухом о победах Наполеона и скором подходе регулярных войск. Да и настроения жителей городов и деревень отличались. Раненого казака отвезли в Осерр, где он сначала был помещен в частный дом, а с 29 января (9 февраля) – в военную тюрьму.

В течение тех нескольких дней, что последовали за атакой казаков на ворота Дофине 4 февраля, Санс к удовлетворению На-

Сансе лишает их последней надежды на сопротивление. См.: *Rossigneux A. Un chapitre de l'Histoire d'Auxere...* P. 80.

¹³⁰ *Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne...* P. 46. Как писал Р. Дефермон 21 января (1 февраля) Ф.Ж.М.Р. Савари, разведывательные партии противника грабят деревни, опустошая их, и «переходят к крайним мерам по отношению к молодежи». См.: *Rossigneux A. Un chapitre de l'Histoire d'Auxere...* P. 104. Префект департамента Кот-д'Ор Ф.М.П.П. Тимолон Косе-Бриссак (Timoléon de Cossé-Brissac) писал из Жуани министру внутренних дел 10 (22) января, т.е. когда М.И. Платов января был в Жуанвиле, что в 2 часа пополудни он по приказу Ф.П. Сегюра покинул Осерр и направился в Жуани. Пока он здесь дожидался лошадей, до него дошли неприятные слухи (bruits fâcheux). Он встретился в Жуани с префектом Тоннера, который был вынужден оставить этот город. Дело в том, что, со слов этого префекта, позавчера до 2000 солдат противника вошли в Шатильон (Châtillon), а 500 направились в Лэне (Laignes), что в 4 лье от Шатильона, заночевали там, а к вечеру их ожидали в Тоннере. Говорят, что их цель – овладеть депо в Жуани и, может быть, в Аваллоне. Таким образом, Осерру угрожает перспектива остаться без поддержки. Ф.М.П.П. Косе-Бриссак рекомендовал префекту Тоннера, не теряя ни минуты, известить об этом Ф.П. Сегюра и Л. Лижер-Белэра, а сам поспешил написать министру внутренних дел. Это письмо опубликовано в приложении к статье Виктора Девеле. См.: *Develay V. La France devant les deux invasions 1814–1845 d'après des documents officiels et inédits.* Paris, 1864. P. 280.

¹³¹ *Rossigneux A. Un chapitre de l'Histoire d'Auxere...* P. 108.

полеона больше не беспокоили. М.И. Платов отказывается от попыток захватить этот город.

Ж. Перрен вслед за Вейлем преувеличивал неудачу М.И. Платова в захвате Санса: «Чтобы понять ту огромную ошибку, какую совершил Платов, позволив Ж.А.Ф. Алликсу укрепиться в Сансе, надо вспомнить о деликатной миссии, которую ему поручил 12 (24) января Александр I»¹³². Речь идет, во-первых, об «освобождении» Римского папы из Фонтенбло¹³³, и во вторых, о том, чтобы отрезать Париж от связей с Югом Франции. Ж. Перрен, видимо, полагал, что для решения этих двух задач М.И. Платову было бы лучше всего находиться именно в Сансе. Вслед за Вейлем повторяются обвинения М.И. Платова в медлительности и нерешительности: атаман только 16 (28) января прибыл в Оксон, боясь оторваться от армии, теряя драгоценное время, что в конечном итоге и привело к тому, что ему не хватило каких-то двух часов, чтобы опередить Ж.А.Ф. Алликса и захватить прочный плацдарм на правом берегу Йонны: «В неудаче под Сансом виноват сам Платов, чья штаб-квартира продолжала проявлять лишь вялость и множить промахи и бахвальство»¹³⁴. Вейль упоминал о желании русского императора заменить М.И. Платова во главе летучего отряда на П.С. Кайсарова, когда описывал события под Эпиналем 28 декабря (9 января)¹³⁵. Перрен это делает, когда описывает события под Сансом: за эти ошибки Александр I, который хоть и любил М.И. Платова, все равно был вынужден заменить его на П.С. Кайсарова¹³⁶.

¹³² Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne.... P. 48.

¹³³ 11 (23) января Наполеон разрешил Пию VII покинуть Фонтенбло. Ср.: «Однако первая попытка пробиться в Фонтенбло оказалась неудачной. В то время союзники еще не знали, что 12 (24) янв. Папу Римского перевезли из Фонтенбло в Лимож». См.: Сапожников А.И. Платова рейд к Фонтенбло // Заграничные походы... Т. 2. С. 274. 11 (23) января после утренней мессы и завтрака Пий VII выехал из Фонтенбло через Мальзерб на Питивье, где и был уже в 6 вечера. 12 (24) января из Питивье в 9 утра он выехал в Орлеан. 8 февраля он был уже в Ницце. См.: Midol M. Le pape Pie VII traverse à nouveau le Loiret, mais c'est comme prisonnier // Bulletin Société d'émulation de l'arrondissement de Montargis. 1974. № 27. P. 20.

¹³⁴ Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne.... P. 48.

¹³⁵ Weil M.-H. Op. cit. T. 1. P. 81.

¹³⁶ Perrin J. Sièges de Sens, défense de l'Yonne.... P. 48. Видимо, «любовь была крепка»: сама замена произойдет больше, чем через месяц – 24 февраля (8 марта).

Насколько действия отряда М.И. Платова под Сансом были успешными и полезными? С одной стороны, очевидна неудача – Санс захватить не удалось, пришлось довольствоваться Вильнёв-ле-Руа. С другой стороны, демонстрации М.И. Платова в сторону Пон-сюр-Йонн, появление казачьих разведчиков к северу от Санс у Торињи-сюр-Орѐз и даже к северу от Пон-сюр-Йонн у Сержене (Sergines)¹³⁷, угроза проникновения казаков на операционные линии французов в районе Провена и Нанжи, – все это нервировало К.П. Пажоля, заставляя его тратить силы на поддержание А. Монбрена в Пон-сюр-Йонн и Ж.А.Ф. Алликса в Сансе. М.И. Платов все же получил возможность переправы через Йонну пусть и не в Сансе, а чуть выше по течению, в Вильнёв-ле-Руа. Ж.А.Ф. Алликса никак не устраивал этот прорыв в линии обороны по Йонне, который он хотел как можно скорее ликвидировать.

Захват переправы через Йонну (как и общее начавшееся движение союзников к Сансу) вызвал обеспокоенность даже в Париже. 23 января (4 февраля) Жозеф обратил внимание К.П. Пажоля на необходимость защиты переправ через Луан на отрезке от Мор-сюр-Луан (Moret-sur-Loing) до Супп-сюр-Луан (Souppes-sur-Loing), куда собственно и устремлялся отряд М.И. Платова. Переправы через Луан здесь охраняли исключительно национальные гвардейцы и мобилизованные таможенники, и Жозеф просил послать им в помощь опытного офицера. К.П. Пажоль отвечал том смысле, что у него у самого не хватает опытных офицеров. Однако эта проблема решена: полковник Лавинь (Lavigne) из военной школы в Фонтенбло был специально направлен с несколькими своими учениками присматривать за оборонительными приготовлениями на переправах через Луан¹³⁸.

Наконец, с отходом отряда М.И. Платова от Санса к Вильнёв-ле-Руа, а от Вильнёв-ле-Руа к Эгревиль (Egreville) и Супп-сюр-Луан борьба за столицу саннонцев не закончилась и казакам еще будет отведена в ней своя роль.

Вюртембергцы, как и казаки не смогли взять город сходу: их авангард предпринял такую попытку еще 28 января (9 февраля). 29 января (10 февраля) авангард вюртембергцев (бригада Л.Ф. Штокмайера) появился у ворот Санса. Вечером легкая пехота вюртембергцев без боя захватила фабург, городу предложена капитуляция. Ж.А.Ф. Ал-

¹³⁷ Weil M.-H. Op. cit. T. 2. P. 61.

¹³⁸ Lioret M.G. Op. cit. P. 14-15. В этот же день принято решение о переводе папы Римского из Фонтенбло.

ликс посчитал, что Санс сможет сопротивляться и решительно отказался от сдачи. Начался артобстрел города. Вюртембергские артиллеристы упорно пытались разбить ворота, баррикады, стены. Несколько зажигательных снарядов вызвали пожар. Напрасно жители умоляли Ж.А.Ф. Алликса прекратить защиту, которая грозила превратить весь город в руины: генерал пообещал расстреливать за такие предложения. После двух дней бомбардировки вюртембержцы так и не смогли пробить ни одной брешии!¹³⁹ В конце концов, был обнаружен потайной ход, через который атакующие проникли в город. Только после этого бывшая столица саннонцев пала.

Описывая штурм вюртембержцами города, Алликс представил дело в героическом свете для себя и в несколько унижительном для вюртембержцев, которые, например, по его уверениям, начав штурм Санса еще ночью 10 февраля, просидели 10 часов в каком-то винном погребе и потом, выбравшись наружу, столпились «как стадо баранов» под огнем французских стрелков и т.п. Подобные пассажи и вызвали возражения Баньоля, который свидетельствовал, что штурм начался не 10-го, а 11-го февраля в 11 утра и никто, ни в каком винном погребе не сидел и, как бараны, не толпился¹⁴⁰.

¹³⁹ «Но после двух часов бомбардировки, не смогли ни брешь пробить, ни ворота сломать, ни даже подорвать моральный дух защищавших город горожан и солдат, которые оказывали отчаянное сопротивление и отбивали все атаки». См.: *Weil M.-H.* Op. cit. Т. 2. Р. 76. Подробнее см.: *Perrin J.* Bombardement de la ville de Sens en 1814. Dégâts à la cathédrale // *Bulletin de la Société archeologique de Sens.* 1908. Т. 23. О бесчинствах вюртембержцев в Сансе, изложенных 5 марта в рапорте депутаций от Санса, Жуани, Пон-сюр-Йонн и Брей-сюр-Сен также см.: *Guimard M.V.* La Grande disette se 1817 à Sens // *Bulletin de la Société des sciences historiques et naturelles de l'Yonne.* 1918. Т. 21. Р. 181.

¹⁴⁰ См.: *Bagnold de.* Op. cit. Р. 627. Сан будет в руках союзников с 30 января (11 февраля) по 7 (19) февраля, а затем снова с 21 февраля (5 марта) по 8 (20) марта. Отход союзников из Санса в ночь с 7 (19) на 8 (20) марта будут прикрывать казаки Сеславина. 29 марта (10 апреля) Санс будет занят казачьим отрядом генерала Ф.К. Тотенборна, который штурмовал город с 22 марта (3 апреля). «11 февраля, в тот день, когда австрийцы грабили Осерр, вюртембержцы грабили Санс; казаки же проследовали через город и окрестности в ночь с 9 на 10 апреля, и без какой-либо провокации со стороны местных жителей также учинили грабеж: сумма похищенного достигала 13 550 франков». См.: *Régnier (l'abbé Edmond).* Villefranche-Saint-Phal de la Révolution à nos jours // *Bulletin de la Société des sciences historiques et naturelles de l'Yonne.* 1914. Т. 16 (68). Р. 194. О поведении французских войск в Сансе накануне подхода казаков Ф.К. Тотенборна см.: *Guimard M.V.* Op. cit. Р. 183–184.

Ж.А.Ф. Алликс мог гордиться своей преданностью военному делу, а, вот, жители города...

В отместку за сопротивление вюртембергцы, как указывал А. Бошан, несколько часов грабили город¹⁴¹. Об оккупации вюртембергцами Санса напишут с большим опозданием (но для пропаганды лучше поздно, чем никогда) в газетах. 7 (19) февраля союзники город оставят, а 21 февраля (5 марта) Санс будет вновь занят вюртембергцами. На этот раз кронпринц во избежание эксцессов, подобных тем, что произошли здесь 30 января (11 февраля) издаст специальную прокламацию, гарантирующую горожанам неприкосновенность имущества и сохранение жизни. Но на следующий день «Moniteur», а 19 февраля (7 марта) и «Gazette de France» опубликуют донесения членов муниципалитета Санса о *первой* оккупации. А. Уссэ, ссылаясь на эти газетные публикации, не дает никаких критических комментариев, констатируя, вопреки даже мнению А. Бошана: Санс грабили 9 дней – с 11 по 20 февраля. «Эти фурии, – рапортовал помощник мэра, – бегали по городу днем и ночью, проникая во все дома, взламывая шкафы, секретеры, комоды, забирая себе деньги, украшения, постельное белье, разбивая зеркала и ломая мебель. Разнообразные профессиональные инструменты отнимались у владельцев, ломались, разбивались, разбрасывались. Церковнослужители фактически были взяты в заложники, храмы осквернены, дарохранильницы взломаны, священные урны украдены. Женщины и едва достигшие половой зрелости девочки были изнасилованы на глазах у их мужей и родителей. Эти ужасные сцены повторялись каждый день вплоть до самой их эвакуации из города». А. Уссе добавляет еще один штрих к этой картине: красивый, как молодой бог, Наследный принц Вюртембергский, покидая Санс, чье разграбление он возглавлял, реквизировал 24 пары белых перчаток¹⁴².

Ж.А.Ф. Алликс отступил из Санса на Пон-сюр-Йонн, где объединился с отрядами А. Монбрена и Ш.И.С. Дю Куэтлоске и занял позицию позади города, к которому вечером уже подтянулся

¹⁴¹ См.: *Beauchamp A. Op. cit. P. 297.*

¹⁴² Об этом упоминается в письме одного ученика лицея из Санса в «Journal de l'Empire» от 1 марта. О кронпринце Вюртембергском, чья сестра Екатерина была замужем за Жеромом Бонапартом, Наполеон писал в своей «Корреспонденции»: «он крал и грабил везде, где проходил». См.: *Houssaye H. 1814. Paris, 1900. P. 53, note.*

авангард вюртембержцев¹⁴³. Впрочем, та вялость, с какой вюртембержцы, хотевшие остаться на правом берегу Йонны, преследовали Ж.А.Ф. Алликса, заставила К.П. Пажоля подумать, что корпус вюртембержцев на следующий день последует за М.И. Платовым и будет продвигаться на Париж через Немур¹⁴⁴.

Если поверить Ж.А.Ф. Алликсу, то свою роль в занятии вюртембержцами Санса сыграли и передвижения отряда М.И. Платова. Перед тем как покинуть поле боя 29 января (10 февраля) Ж.А.Ф. Алликс писал военному министру, и, указывая на трудность своей позиции перед лицом решительных приготовлений вюртембержцев к штурму и «продвижением корпуса Платова справа к Немуру», предупреждал, что завтра будет вынужден оставить город¹⁴⁵.

¹⁴³ В. Вюртембергский писал К. Шварценбергу из Санса 11 февраля: «Я в городе, а мой авангард в Пон-сюр-Йонн». См.: *Weil M.-H. Op. cit.* Т. 2. Р. 77. В ночь на 31 января (12 февраля) или рано утром французские части отошли из Пон-сюр-Йонн на Монтеро-фо-Йонн, куда, как писал Кох, «казаками атамана Платова» была отброшена кавалерия Ж.-А.-А. Делора. См.: *Koch Fr. Op. cit.* Т. 1. Р. 86. Выражение «казаки атамана Платова» не обязательно означает, что казаки эти были из отряда М.И. Платова...

¹⁴⁴ К.П. Пажоль 31 января (12 февраля) отправит А. Монбрена в Моресюр-Луан и Немур с приказом защищать мосты в этих городах и держаться до последнего. См.: *Weil M.-H. Op. cit.* Т. 2. Р. 88.

¹⁴⁵ См.: *Allix J.A.F. Op. cit.* Р. 184. У Ф. Коха, напротив, действия казаков под Сансом едва достойны упоминания: авангард вюртембержцев появился 29 января (10 февраля) перед Сансом, «блокированным в течение нескольких дней 3 или 4 полками казаков». См.: *Koch Fr. Op. cit.* Т. 1. Р. 84.

ОТ ПОЛИТИКИ ЗАБВЕНИЯ К ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ: НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА

УДК 94(47)072

ВРАЧЕБНЫЕ ОБЩЕСТВА ПЕТЕРБУРГА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ОТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВО ВЛАСТИ К САМООРГАНИЗАЦИИ*

Е.А. Вишленкова

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики,
Институт гуманитарных историко-теоретических
исследований им. А.В. Полетаева
E-mail: evishlenkova@mail.ru

Во второй половине XIX века общества российских врачей представляли собой общественные организации с отличающимися от государственных ведомств интересами. В начале XIX века ученые врачи состояли в научных обществах, представляющих собой клубы экспертов при правительстве или структурную часть учебных институций. Их члены доказывали правительству свою благодарность и предлагали советы по «правильному» управлению империей. Между этими двумя периодами в истории профессии остался неизученным фрагмент, когда у врачебного сословия стала формироваться элитная солидарность, а государство делегировало профессиональной верхушке право на управление медиками. Автор анализирует декларации Петербургских врачебных обществ о намерениях и о статусе профессионального сообщества.

Ключевые слова: история медицины, Общество русских врачей, Общество немецких врачей, медицинская профессия.

MEDICAL ASSOCIATIONS IN PETERSBURG DURING THE FIRST HALF OF THE XIX-TH C.: FROM REPRESENTATION TO SELF-ORGANIZATION

E.A. Vishlenkova

During the second half of the XIX century Russian physician's associations were public organizations with interests rather different from the state departments. At the beginning of the XIX century learned physicians were gathered together into the scientific organizations representing clubs of experts at the government or structural part of educational institutions. Their members proved to the government the gratitude and offered

* Данное научное исследование № 14-01-0041 выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

councils for the "correct" management of the empire. Between these two periods in the history of a profession there is a fragment when at medical estate elite solidarity began to be formed, and the state delegated to a professional top the right for management of physicians. The author analyzes declarations of intention by the Petersburg medical associations and representations of professional community.

Key words: history of medicine, Russian physicians Association, German Physicians Association, medical profession.

В статье рассматриваются условия возникновения и назначение врачебных объединений в Петербурге в первой половине XIX века. Для меня важно прояснить статус этих организаций. Вся современная зарубежная литература про постреформенное движение российских медиков рассказывает о том, что они осознавали себя независимой общественной и профессиональной силой, о том, как важна была для них самоорганизация и отстаивание перед лицом государства целей корпорации¹. Изучая дореформенный период, время пред-медиализации в Российской империи, я пытаюсь определить, были ли появившиеся тогда объединения врачей чем-то подобным или хотя бы моделью для формирования общественной медицины? Иными словами, для изучения врачей как профессии мне важно выявить трансформацию их объединений.

Петербургские общества немецких (1819–1914, 1923–1929) и русских врачей (1833–1918) еще не привлекли внимания историков медицинской профессии. Хотя в XIX в. в печати появлялись юбилейные обзоры деятельности этих обществ², о них не упомянуто в фундаментальной коллективной монографии по истории российских общественных организаций³. Об Обществе немецких врачей писали историки русско-немецких культурных связей, изучавшие карьеры и вклад в Россию немецких ученых⁴. Иссле-

¹ Пример тому: *Fieden N.M. Russian Physicians in the Era of Reform and Revolution, 1856–1918. Princeton, 1981; Hutchinson J. Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918. Baltimore, 1990.*

² Медицинские общества России. М., 1897; *Die Feier des 50-jährigen Bestehens des deutschen ärztlichen Vereins in St.-Petersburg // St.-Petersburger Medicinische Zeitschrift. 1869. Band XV. S. 351; Die medicinischen Gesellschaften St.-Petersburgs // St.-Petersburger Medicinische Zeitschrift. 1862. Band II. S. 268.*

³ Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XIX в. / отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011.

⁴ *Zieger Kr. Der St.Petersburger Verein deutscher Aerzte und seine philanthropischen Bemuhungen // Deutsch-Russische Beziehungen in der Medizin des*

дователи же общественных движений и инициатив ведут начало истории медицинских объединений с Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова (1883). Минуя первую половину XIX в., его предшественниками называют «Вольное экономическое общество» (ВЭО, 1765–1918), которое занималось вопросами санитарии, гигиены, медицинской полиции, обсуждало вопросы детской смертности и оспопрививания. Вторым предтечей истории считают основанное в 1804 г. «Общество соревнования врачебных и физических наук при Московском университете» (ОСВФН). В 1845 г. оно было переименовано в «Физико-медицинское общество»⁵.

С точки зрения интересов и служебной принадлежности их членов, действительно, можно обнаружить некую преемственность. Однако сопоставление принципов их организации, рекрутинга и характера публикаций обнаруживает больше различий, чем сходства. ВЭО и ОСВФН создавались либо как просвещенные клубы специалистов при правительстве, либо как структурная часть государственного учреждения (Московского университета). Оба Общества создавались по инициативе заинтересованных правительственных сановников и поддерживались их патронажем. Другое дело, что впоследствии они, наряду с медицинскими кафедрами, стали площадками для обсуждения индивидуального исследовательского опыта врачей и выполняли роль трансфера для распространения западных знаний среди российских медиков. Но само по себе это не делает их общественными организациями.

О «Вольном экономическом обществе» существует обширная научная литература⁶, в основном сфокусированная на сельскохо-

18. und 19. Jahrhundert. Deutsch-russische Beziehungen in Medizin und Naturwissenschaft / Hrsg. D. von Engelhardt und J. Kastner. Aachen: Shaker Verlag, 2000. Band I. S. 108; *Schrader T.* Deutsche Aerzte in St. Petersburg in der zweite Halfte des 19. Jahrhunderts // Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Russlanddeutschen zur Entwicklung des Russischen Reiches von der zweiten Halfte des 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. B. Meisner und A. Eisfeld. Koln. Verlag Wissenschaft und Politik, 1999.

⁵ *Зёрнов Д. Н.* Очерк деятельности Физико-медицинского общества, учрежденного при Императорском Московском университете в 1804 году, за сто лет его существования. М., 1904.

⁶ *Ходнев А.И.* История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб, 1865; *Орешкин В.В.* Вольное экономическое общество России, 1765–1917. М., 1963; *Туманова А.С.* Формирование социокультурных и правовых основ для общественной самоорганизации в имперской России // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX века / отв. ред. А.Н. Туманова. М., 2011. С.166–216; *Bradley J.*

зайтвенной проблематике и на его инициативах. Есть обзорные публикации и об ОСВФН при Московском университете⁷. Для раскрытия данной темы его опыт интересен, прежде всего, в качестве контрастного фона. Общество было учреждено в 1804 году по инициативе попечителя Московского учебного округа М.Н. Муравьева. Судя по спискам, в него вошли российские профессора, а также приглашенные профессора из университетов Австрии и Германии⁸. Через три года (1808) Общество стало выпускать сразу два издания «Медико-физический журнал или Труды высочайше утвержденного при Императорском Московском университете Общества соревнования врачебных и физических наук» на русском языке и «Commentationes Societatis Physico-medicae» или «Acta» на латинском, французском и немецком языках.

«Журнал» предназначался для широкой читательской аудитории. В нем публиковались обзоры западной естественнонаучной литературы, описание открытий и доминирующих концепций, труды и речи членов Общества. В «Acta» помещались известия о заседаниях Общества, медико-топографические описания российских городов, статьи российских ученых медиков. Их прочтение позволяет отметить одну особенность. Российские натуралисты XVIII в. жаловались в своих описаниях путешествий на предубеждение россиян против научной медицины⁹. Несмотря на это, а также на то, что многие из членов ОСВФН были выпускниками германских и австрийских университетов, авторы «Журнала» и «Acta» избегали писать о культурном конфликте между западной и местной народной медициной. Напротив того. Ради укоренения научного воззрения на природу здоровья и болезни они ткали единую ткань развития лечения от времен древней Руси и повивальных бабок до себя.

Сановники Александровской эпохи одобрили такую стратегию идентификации приглашенных на русскую службу врачей. Для разработки медицинской истории Российской империи

Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society. Cambridge, 2000.

⁷ Суровцева Т.И. Создание первого научного медицинского общества в Московском университете // История медицины. 2014. № 1. С. 125–134.

⁸ Председателем был выбран профессор хирургии Франц Францович Керестури.

⁹ См. об этом: Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя российского государства (первая половина XIX века) // Ab Imperio. 2011, № 2. С. 47–82.

профессор В.М. Рихтер и его помощники даже получили доступ к правительственным архивам¹⁰. На основе найденных исторических источников, профессор сделал в ОСВФН следующие доклады: «Первые начертания по истории врачебной науки в России от древнейших времен до Петра Великого»; «История повивального искусства в Москве»; «Историко-хронологическое рассуждение о чумных болезнях, опустошавших Россию неоднократно от начала IX даже до XVI столетия»; «История состояния после родов, болезни за сим последовавшей, лечения и удаления великой княгини Софии, супруги великого князя Алексея Петровича в 1715 году»; «Рассуждение о связях древних Россиян с Греками, и о несправедливости мнения, якобы врачебное искусство вместе с врачами перешло в Россию из Греции»; «Замечания о состоянии аптекарского искусства в России»; «Первая часть истории медицины в России даже до X века».

В данной тематике явно просматривается претензия на то, чтобы история медицины стала новым средством репрезентации России как цивилизованной страны, где есть научное отношение к телу. Соединившиеся в Общество ученые медики изобретали местную медицинскую традицию, утверждая «естественность», всегдашнее существование врачебного сословия в данной культурной среде. Тем самым они легитимировали собственное право «внутреннего взгляда» на империю, представляли себя как «сберегателей» местных жителей, знатоков их недугов и тягот. Эта позиция совпадала с интересами и желаниями политической власти. Получившие привилегии медики взаимодействовали с ней, поддерживали и развивали ее инициативы и не высказывали критических суждений об управлении.

Действительно, административные и политические власти разных уровней нуждались в помощи врачей – в их знаниях и профессиональном опыте. С каждым годом полномочия ученых медиков, которые после основания медико-хирургических академий и медицинских факультетов готовились в России, расширялись. Уездные, городские, губернские врачи и члены врачебных управ занимались не только излечением болезней, но и осмотром рекрутов, учащихся, трупов, душевнобольных, заключенных и ссыльных, организацией работы больниц, клиник, госпиталей, сбором статистических, топографических и метеорологических

¹⁰ История Московского Физико-Медицинского Общества от 7 ноября 1810 года до 6 ноября 1815 // Медико-физический журнал. 1815. С. 7.

данных. В связи с этим медики ощущали свою сопричастность к решению социальных проблем империи, однако долгое время видели единственную форму гражданской активности в виде участия предприятиям правительства.

Вплоть до середины 1830-х гг. во всех тех случаях, когда медицинская элита заявляла о потребности в обсуждении и обобщении опыта диагностики и лечения, когда настаивала на том, что служебный опыт врачей особый и ценный для эффективного управления империей, она не проявляла общественной или корпоративной инициативы, выходящей за пределы государственных запросов. Напротив того, сами дискуссии и обсуждения мыслились высокопоставленными медиками возможными только внутри правительственных ведомств и при покровительстве государственных сановников. Такой статус имели все врачебные комитеты, советы и комиссии при Министерстве внутренних дел, Министерстве народного просвещения, военном министерстве.

В связи с этим даже просветительские инициативы этих объединений опирались на административные ресурсы, а не на профессиональную мотивацию. Например, когда в 1823 г. медицинский департамент военного министерства стал издавать журнал для военных лекарей, то по решению начальства из жалования каждого медика стали вычитать на подписку этого издания 10 руб. ассигнациями¹¹.

По всей видимости, для правящей власти всё население империи делилось на «военное» и «гражданское». Соответственно, медицинская часть делилась на неравные части: военные лекари, гражданские лекари и частнопрактикующие врачи. Каждой частью руководил комитет или совет при соответствующем ведомстве, в который входили наделенные высшими чинами медики.

В 1834 г. при Главной квартире действующей армии был создан особый Военно-медицинский комитет. Открывающий его первое заседание «Рассуждением о Военной медицине вообще и в каком состоянии находится она в России» (1834), главный медик действующей армии Р.С. Четыркин так определил цель его учреждения: «чтобы сосредоточить так сказать опытность многих в одно целое, чтобы практические наставления частными медицинскими начальствами сообщаемые молодым врачам сделать удовлетворительнейшими и более общими, и чтобы, наконец, собирать мате-

¹¹ Предуведомление // Военно-медицинский журнал, издаваемый медицинским департаментом военного министерства. 1823. Ч. 1., № 1. С. VI.

риалы к составлению со временем полной военной медицины для России»¹². То есть назначение Военно-медицинского комитета виделось в том, чтобы оптимизировать государственное управление «медицинской частью». Предполагалось, что в Комитет будут «стекаться все опыты и наблюдения, делаемые военными медиками по всем отраслям их науки»¹³, что позволит проводить экспертизу и рассылать рекомендации практикующим лекарям от лица правящей власти.

Управление знаниями в военном ведомстве предполагалось осуществлять таким образом: рукописи лекарей должны были обсуждаться в комитете, затем отдаваться на проверку главному по армии медицинскому инспектору и на утверждение главнокомандующему действующей армии (не-медику). После согласования тексты рассылались к армейским и госпитальным врачам в виде циркуляров военно-медицинского комитета или в виде статей «Военно-медицинского журнала»¹⁴. Такая селекция должна была защитить российских врачей «от погрешностей, коими подверглись иноземные врачи, прилепляясь слепо к нововведениям».

Вхожей во власть врачебной элите русская медицина (сообщество) виделась молодой и неопытной, а потому нуждающейся в руководстве опытного правительства. «Подобно юношам, которых члены еще не совершенно укрепились в силах, – утверждал Р.С. Четыркин, – мы остаемся пока простыми зрителями сей борьбы умов; и управляемые мудрым правительством, не допускающим никаких нововведений прежде опытного удостоверения в их пользе, сохраняем дух умеренности и благоразумной усмотрительности»¹⁵. Подразумевалось, что у правительства есть средства проверить истинность и эффективность медицинских теорий и знаний.

Подобные же функции при Министерстве народного просвещения выполнял Временный медицинский комитет. В 1830-е гг. его возглавлял лейб-медик М.А. Маркус. Медицинский совет при МВД также занимался «рассмотрением получаемых из России и из заграницы донесений и наблюдений, как русских, так и иностранных врачей, консулов и других лиц, о заразительных и вообще – в каком-

¹² Новые книги // Друг здравия, народно-врачебная газета. 1834, № 40. С. 316.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 317.

¹⁵ Там же.

либо отношении особенно замечательных болезнях»¹⁶. Он же давал разрешения на открытие клиник и водолечебниц, рецензировал иностранные труды и принимал решения об их публикации на русском языке, лицензировал новые фармакологические препараты. Члены совета выясняли причины и принимали решения о способах правительственной борьбы с возникающими эпидемиями, распределяли выпускников медицинских факультетов по губерниям и уездам империи. В 1834 г. при МВД был создан еще и Комитет для «начертания полного Устава об управлении лечебной части»¹⁷.

Союз государственных ведомств и врачебного сословия в России был настолько тесным, что правительственные чиновники оказывались инициаторами даже таких начинаний, которые в германских княжествах и Великобритании, например, относились к области корпоративной самоорганизации. Я имею в виду кассы взаимопомощи. В 1829 г. в Берлине профессор К.В. Гуффеланд основал Общество вспомоществования нуждающимся врачам, а в 1836 г. – Общество помощи вдовам врачей. В России это сделал император. В 1833 г. Николай I подписал Положение о попечительстве для вспоможения неимущим врачам и фармацевтикам и их семействам в Москве. А в 1836 г. в Риге была создана такая же касса взаимопомощи «в пользу нуждающихся в пособии рижских врачей, их вдов и сирот»¹⁸. В 1842 году император утвердил их устав, учредив в империи новую форму профессиональной самоорганизации. Ссылаясь на опыт экономически развитых стран, правительство потребовало, чтобы штатские врачи создавали кассы взаимопомощи¹⁹.

Долгое время автономное от государственной системы объединение представлялось российским врачам не столько невозможным, сколько ненужным. «Где в русской литературе, – скорбел издатель первой частной медицинской газеты, педиатр К.И. Грум-Гржимайло, – приют врачебным предметам – предметам о жизни и здоровье человека? Наша врачебная словесность подобна сироте. О ней ис-

¹⁶ Извлечение из Отчета Управляющего МВД за 1838 год // Журнал МВД. 1839. № 5. С. 207.

¹⁷ Распоряжения. О улучшении больниц в губерниях // Журнал МВД. 1834. Ч. XIV, № 10. С. IV.

¹⁸ Правительственные распоряжения // Медикостатистические известия. 1842. Март. С. 13.

¹⁹ Новейшие медицинские известия // Друг здравия. 1834. № 5. С. 33.

тинно печется одно правительство. Медицинское сословие – только и можем при сем случае высказать: горе тому, кто пытается для врачебной словесности нашей жертвовать и здоровьем и достоянием! Все отзывы – глас в пустыне!»²⁰ Заваленные заботами и обязанностями трудной службы, медики, кажется, не имели сил и времени для объединения. А между тем собранные в силу центричности российской жизни в столице, ученые врачи и медицинские писатели мечтали создать профессиональное сообщество, подобное тому, какое они видели у английских, французских или немецких коллег.

Объединить разбросанных по огромной территории империи врачей могла бы общая газета – издание, интересное для любителей медицины, а также для молодых и опытных медиков; издание, в которое мог написать любой интересующийся и прочитать любой заинтересованный. Издавать его с нуля было делом нелегким, но взявшегося за это педиатра К.И. Грум-Гржимайло поддерживали преподаватели Петербургской военно-медицинской академии.

И не случайно, что именно профессора. Академические преподаватели постоянно контактировали с полевыми и полковыми врачами, получая от них сведения о вспышках эпидемий, о численности больных и умерших, о медико-топографических особенностях мест их службы и, наконец, знакомились с ними в ходе экзаменов и обсуждения диссертационных исследований, поданных на ученые звания²¹. Столь тесное общение побуждало профессоров переживать изоляцию и разъединение своих воспитанников и коллег как негативное явление.

Судя по некоторым высказываниям, в 1830-е гг. представители врачебного сообщества (которое тогда определялось понятием «сословие») уже хотели иметь связи со своими коллегами. После посещения очередного заседания ОРВ инспектор провинциальной врачебной управы Иванченку писал в письме к Груму: «Много еще требуется времени, чтобы в губернских городах согласить дух врачей, хотя на последней стоят ступеньке у подобного благотворного жертвенника, воздвигнутого славе отечественной ме-

²⁰ Новейшие медицинские известия // Друг здравия. 1834. № 6. С. 44.

²¹ Подр. об этом см: Вишленкова Е.А. Рецензирование как механизм саморегулирования медицинской профессии в России 1830-1840-х годов // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 170-200.

дицины»²². Выпускники медицинских кафедр ощущали себя представителями существующей общности врачей не столько благодаря привилегиям службы, сколько через противопоставление себя не-учам, местному населению, нелицензированным лекарям, а иногда и местным властям. Это ощущаемое отличие порождало проговариваемое и прописываемое чувство элитной солидарности.

Практическим же примером объединения и отстаивания групповых интересов для российских врачей служили организации и издания, созданные немецкими врачами. С начала века общества *Deutsche Arzliche Verein* действовали в Петербурге (1817), Москве и Риге (1823). В 1819 г. Петербургское общество немецких (ОНВ) врачей состояло из одиннадцати человек, в 1830-е гг. из девятнадцати, а к середине века – из 25 влиятельных медиков, прибывших на русскую службу из германских княжеств и Остзейского края. Во время пятидесятилетнего юбилея (1869) члены Общества шутливо называли себя «палатой пэров». Только смерть одного из членов открывала возможность вступления в Общество нового врача.

Почти аристократическое положение и высокие доходы членов обеспечивали Общество материально. Каждый врач приносил в общественную кассу довольно большие вступительные и ежегодные взносы, позволявшие издавать труды и поддерживать служебные интересы коллег. Директором ОНВ в Петербурге был основатель хирургической школы, доктор медицины и хирургии, профессор медико-хирургической академии И.Ф. Буш. Члены Общества собирались каждые две недели с сентября по май для того, чтобы в узком кругу обменяться сведениями о новых мировых открытиях в специальности, полезной информацией о настроениях при дворе, поделиться опытом операций и наблюдений. В Уставе говорилось о коллегиальных встречах без формальностей и принуждения.

У Общества немецких врачей не было своего периодического издания, поскольку его члены не ставили задачи популяризации своих знаний. Их труды выходили в виде малотиражных научных сборников на немецком языке под названием «Смешанные сочинения из области медицины» («*Vermischte Abhandlungen aus dem Gebiete der Heilkunde*»). Ежегодные отчеты ОНВ публиковало в гер-

²² Из письма издателя к г. Инспектору врачебной управы Иванченку // Друг здравия. 1834. № 34. С. 353.

манских медицинских журналах, заботясь о научной репутации и конкурентоспособности своих членов в мировой медицине. Так, пятнадцатый отчет был издан в 1834 году в «Гуфеландове» журнале. Так российские ученые врачи называли «Journal der practischen Arzeikunde und Wundarz» («Журнал практической медицины»), с 1775 г. издаваемый профессором Берлинского университета, знаменитым терапевтом и писателем Кристофом Вильгельмом Гуфеландом (H.W. von Hufeland, 1762–1836).

Возникшее в сентябре 1833 г. в Санкт-Петербурге Общество русских врачей (1833) сначала не воспринималось влиятельными немецкими коллегами всерьез. Его инициатором и главным двигателем был лейб-медик С.Ф. Вольский. Спустя годы он вспоминал: «На предпринятое мною намерение основать Общество русских врачей, иностранные, находящиеся в русской службе и многие отечественные врачи, в особенности баронет Я.В. Виллие, смотрели с неблагоприятием до такой степени, что военные врачи, чтоб не потерять по службе, должны были оставить Общество; а доктор Нагумович и лейб-медик Мандт письменно отказались от данного ими обещания принять участие в основании Общества». Имелся в виду Я.В. Виллие – директор медицинского департамента военного министерства, президент медико-хирургической академии, лейб-хирург Николая I и всего императорского двора, основатель «Военно-медицинского журнала». И в данном случае речь шла, конечно, не об этнических противоречиях, а о профессиональной конкуренции подросших в чинах и окрепших в знаниях выпускников российских медицинских кафедр.

В 1833 году председателем ОРВ был избран Е.И. Андреевский, а секретарем А.Н. Никишин. Покровительствовал Обществу в правительственных верхах генерал-штаб-доктор С.Ф. Гаевский. Никишин в то время имел звание штаб-лекаря и чин надворного советника. Он был член-корреспондентом Императорской медико-хирургической академии и прославился своими научными публикациями. Первыми членами ОРВ были лейб-хирург, главный лекарь Артиллерийского госпиталя Д.К. Тарасов, ставший в 1836 г. директором военно-медицинского департамента, а также И.Т. Спасский – профессор медико-хирургической академии по кафедре зоологии и минералогии.

В связи с основанием ОРВ Грум, который вступил в него, написал в газете «Друг здравия»: «Итак, в С.-Петербурге существуют теперь два врачебных общества: одно давнее – немецких вра-

чей, другое новое – русских врачей!»²³. На тот момент и то, и другое были островками элитарного знания и профессионализма. Оба, правда, в силу разных причин (одно – по желанию, другое – по необходимости) были эзотеричными. Как в своё время ОСВФН, Общество немецких врачей ощущало себя элитарным клубом, сообществом высших медицинских чиновников империи, а ОРВ позиционировало себя как представителя всего врачебного сословия России, выразителя интересов русской медицины. В этом качестве оно болезненно переживало свою изолированность, старалось преодолеть ее. «Общество наше, – заверял его секретарь Е.А. Смельский, – только при единодушном действии членов и при постоянном их усердии может заслужить должную признательность и уважение от своих соотечественников, тем более, что оно основано *не на личных отношениях членов* между собою, но на одном всеобщем стремлении к изучению и исследованию медицины, как науки тесно связанной с общественным благосостоянием»²⁴.

Многие из тысяч русских «врачей, рассеянных по обширнейшей в свете империи..., – сетовал Грум, – не знают о существовании сих обществ, а еще большая часть не пользуются учеными трудами оных»²⁵. Его подозрения подтверждали письма провинциальных врачей, сообщавших о трудностях достать профессиональную литературу, обменяться опытом, спросить совета. Эти же трудности подтверждаются изучением прошений на ученую степень, содержащие описания условий врачебной службы в империи²⁶. Распределенные на службу выпускники университетов жаловались профессорам на невозможность заниматься наукой, читать и писать, завершить начатое в университете диссертационное исследование.

Созданное не по инициативе сановника, а в результате желания объединиться, ОРВ культивировало широкий обмен опытом, локальными знаниями и ревизию западных медицинских теорий.

²³ Новая книга // Друг здравия, народно-медицинская газета. 1834. № 41. С. 324.

²⁴ Годичный отчет Общества русских врачей, читанный секретарем онаго доктором Е. Смельским 12-го сентября текущего года // Журнал МВД. 1838. Ч. XXIX, № 9. С. 375.

²⁵ Новая книга // Друг здравия, народно-медицинская газета. 1834. № 41. С. 324.

²⁶ Вишленкова Е.А., Гатина З.С. «Изложить предмет сциентифически»: русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX века) // Российская история. 2015. № 3. С. 154–169.

Рассказывая в 1834 г. в «Друге здравия» о деятельности Общества, Грум восхищался: «Описание болезней, употребление лекарств, новые сочинения, новые открытия, необыкновенные случаи и т.д. предлагаются членами для общего обсуживания. Как часто, в безмолвии следую я за предметом, переходящим из уст в уста, замечаю, как из рождающихся новых вопросов рождаются новые мысли, возникают новые суждения... Если я чего недоразумеваю, в чем сомневаюсь, то тут же предлагаю вопросы, тут же отвечает мне совокупная опытность и ученость»²⁷.

Члены Общества не имели политических интересов. Более того, они утверждали свою бескорыстную связь с родным просвещенным правительством. «Нас соединяет не форма постановлений общества, – объяснял читателям издатель «Друга здравия», – но сильное чувство благодарности к правительству, и благородное соревнование в ученых занятиях для блага страждущего человечества. Мы также искренно желаем быть полезными и нашим собратьям врачам»²⁸. Во всех этих заверениях сквозит вера в просвещенную власть, с которой нужно сотрудничать не за корысть, а за совесть, которую надо обогащать профессиональными врачебными знаниями для улучшения жизни в империи.

Для такой цели членам врачебного сообщества, которые начинали ощущать себя национально мыслящими агентами модернизации, был нужен общепонятный хотя бы в пределах образованного слоя россиян язык для обсуждения социальных проблем империи. В связи с этим одним из первых предприятий ОРВ было составление словаря медицинских терминов. Это потребовало ревизии всех используемых в медицине научных языков. В результате перевода на русский язык, заключения семантических конвенций должен был родиться «врачебный словарь, изъясняющий греческие и латинские названия и термины, принятые в медицине и наиболее встречающиеся в естественной истории, патологии, терапии, хирургии, материи медике, акушерстве и проч.»²⁹. Его создание предполагалось сделать общим делом всего врачебного сословия.

Давая объявление о подписке на это издание, секретарь ОРВ Александр Никитин писал: «Имея на русском языке многие оригинальные медицинские сочинения и переводы, при чтении их

²⁷ Из письма издателя к г. Инспектору врачебной управы Иванченку // Друг здравия. 1834. № 34. С. 354.

²⁸ Там же. С. 355.

²⁹ Там же.

встречаем затруднения в названиях и терминах, искони введенных во врачебную науку. Облегчением в сем случае должен служить особый словарь. Перебирая весь скарб русской медицинской литературы, находим два словаря (1785 и 1788) неполные, недостаточные в наше время»³⁰. Члены ОРВ признавались, что изучив имеющуюся русскоязычную литературу и получив консультации специалистов в медико-хирургической академии, они познали «скудость нашей русской терминологии». Только по некоторым специальностям ее можно было признать удовлетворительной (анатомия, физиология благодаря академику П.А. Загорскому, хирургия – усилиями И.Ф. Буша, ботаника благодаря сочинениям профессора Я. Петрова и И.И. Мартынова).

Впоследствии этот словарь стал каноническим языком для описания и обсуждения медицинских проблем внутри врачебной профессии и с чиновниками.

Несмотря на трудности и изоляцию первых лет, усилия членов ОРВ по расширению его влияния и вовлечению в орбиту его интересов максимально большого числа врачей увенчались успехом. Спустя десять лет Общество стало массовым. В почетные члены вступили даже члены Общества немецких врачей, в том числе сам профессор Буш. В 1843 г. ОРВ избирало не только президента, но и вице-президента. Им стал старший лекарь Пажеского корпуса, доктор медицины и хирургии, статский советник (в том же году ставший действительным статским советником) Е.А. Смельский. Он же был членом Военно-медицинского ученого комитета. Члены ОРВ платили ежегодные и вступительные взносы, создав возможности для корреспонденции с коллегами по всей империи.

На заседаниях ОРВ звучали научные доклады и обзоры новейшей литературы. Естественные (память детства, проведенного в разных социальных средах и локальных сообществах) и приобретенные (в университете, на стажировке и на службе) знания предлагались для улучшения жизни и сохранения населения империи. «Сие да послужит средством (для врачей. – Е. В.), – взывал К.И. Грум-Гржимайло, – пред лицом Монарха и Отечества представлять отчет о своих занятиях и успехах, обнаруживать свое рвение к общей пользе, и с признательностью воздавать то, чем они

³⁰ Объявление // Друг здравия, народно-медицинская газета. 1834. № 47. С. 371.

обязаны правительству»³¹. Литературная активность представляла в этих воззваниях способом оказать органам государственной власти содействие от лица всего врачебного сообщества. Грум ссылался при этом на позитивный опыт британских врачей. «Подумайте только, – обращался он к рассеянным по империи коллегам, – что в обширнейшей империи, где благое просвещение гигантски шествует к своему совершенству, где несколько тысяч врачей, облагодетельствованных и обеспеченных правительством, имеются только два врачебных периодических издания»³².

По всей видимости, лояльность профессиональной верхушки высоко ценилась властями. Частная газета «Друг здравия» получила финансирование правительства. В начале 1850-х гг. у газеты «Друг здравия» были уже не только издатель, но появился целый редакторский штат: ответственный редактор, специальные сотрудники для ведения тематических разделов. Издание перестало ориентироваться на массового читателя и предназначало свои публикации только для профессиональной аудитории. «Врачебная газета, вступая в двадцатый год своего существования и второй год управления новой редакцией, – писал в обращении к ней Грум, – считает первой обязанностью свидетельствовать признательность свою всем господам русским врачам, коих постоянным участием поддерживалось и совершенствовалось это единственное у нас еженедельное медицинское издание»³³.

В эти годы его назначение виделось уже не в том, чтобы овладеть западными знаниями и технологиями, а в том, чтобы «способствовать преимущественно распространению отечественной учено-медицинской деятельности»³⁴. Судя по всему, газета и ОРВ добивались национализации медицинской науки. В середине 1830-х гг. обретение русскости виделось как освобождение от культурной гегемонии Запада. Грум призывал коллег преисполниться национальным достоинством и перестать «раболепно представлять свои труды на суд иноземной расправы и благоговейно принимать надменные отзывы неродных нам Аристархов»³⁵.

³¹ Взгляд на состояние медицины в России // Друг здравия. 1833. № 3. С. 18.

³² К читателям газеты Друг здравия // Друг здравия. 1834. № 50. С. 396.

³³ От редакции // Друг здравия. 1852. № 1. С. 1.

³⁴ Там же.

³⁵ К читателям // Друг здравия. 1835. № 2. С. 11.

А двадцать лет спустя, в 1850-е гг., классики западной медицины перестали быть для элиты российской медицинской профессии референтными экспертами. Грум писал о короткой научной генеалогии русской медицины как о ее преимуществе. Отсутствие этого бремени позволяло русским медикам занять позицию оценщиков. «Пользуясь всеми данными уже подготовленными, [мы] сортируем и выбираем из них более положительные, действуя, следовательно, эклектико-критически и не увлекаясь ни системами, ни личностями, ни тщеславным упрямством, столь вредным по своим последствиям. Направление, которое принимает наша медицина, – высокомерно заявлял Грум, – есть казуистическое, то есть основанное на оценке положительных клинических опытов и наблюдений, при посредстве всех возможных пособий, доставляемых естественными науками»³⁶.

В такой интерпретации Запад предстал в виде интеллектуального сырьевого ресурса для России. А жизнь русской медицины виделась ее творцам своеобразной химической лабораторией, где «в руках дельных, образованных клиницистов всякий случай проходит сквозь фильтру этой научной ткани, оставляя на ней весь сор прежней схоластической пыли, и попадая в предварительно подготовленные пробирные сосуды, обрабатывается и испытывается всеми возможными реагентами»³⁷. Такая метафора снимала с российских медиков комплекс вторичности.

Конечно, тексты и утверждения членов ОРВ еще не дают оснований говорить о прочной самоидентификации российского врача как общественного и научного деятеля или национально мыслящего эксперта. Для многих провинциальных врачей эти настроения профессоров и столичных издателей были экзотическими и ни о чём. Более актуальной для них оставалась проблема доступа к профессиональным знаниям и физического выживания в трудных условиях службы.

Тем не менее, деятельность ОРВ и направление «Друга здоровья» были явным шагом врачебного сообщества в сторону общественной по своим интересам и национальной по своей идеологии медицины. Вероятно, это Общество и издания его членов могут быть рассмотрены в качестве прототипа современных объединений такого рода. Во всяком случае, они культивировали среди российских врачей чувство профессиональной солидарности.

³⁶ От редакции // Друг здоровья. 1852. № 1. С. 1.

³⁷ Там же.

Выросшая за исследуемый период и на описываемой почве самоидентификация врачебного сообщества как автономного от власти и имеющего собственные профессиональные интересы впервые проявилась в текстах 1850-х годов. В них медики говорили о себе от имени «врачебного сословия, рассеянного по обширному пространству России»³⁸. А между тем правительство по-прежнему обращалось к ним как к «медицинским чиновникам» или «медицинским чинам»³⁹.

Итак, по всей видимости, 1830–1840-е гг. – это переходный период в истории российской модерности. За это время произошло, с одной стороны, формирование нового понимания государственной власти и оформление соответствующих ему запросов; с другой стороны – появился слой экспертов, говорящих языком западной науки, но выполняющих задачи, поставленные имперским государством в российском контексте. Естественно, что наряду с этим врачи пытались воплощать в жизнь собственные взгляды, влиять на государство, повышать экспертный статус своего сообщества и формировать образ медицинского знания как основы рационального правления.

За исследуемое время врачебное сословие стало самым массовым из интеллектуальных сообществ Российской империи. В 1827 г. по ведомству МВД 157 медиков служили во врачебных управах, 523 были уездными, городскими и полицейскими врачами, 51 врача служили на карантинах. Кроме этого имелось 549 повивальных бабки и 15 врачей при заведениях приказов. При этом по гражданской службе 76 должностей были вакантными. Это был небольшой дефицит. Для сравнения назову следующие цифры. По официальным данным в 1810 году дефицит врачей в армии составлял 609 человек⁴⁰. Такую динамику Грум прокомментировал так: «Недостаток во врачах по гражданскому ведомству вообще ныне приметно уменьшается, и не стоит надобности в вызове в российскую службу врачей иностранных»⁴¹. По Высочайшему повелению 20 октября 1828 г. вызов иностранных врачей был прекращен⁴². В 1846 г. на

³⁸ Юбилей доктора Громова // Друг здоровья. 1852. № 40. С. 183.

³⁹ Правительственные распоряжения // Медикостатистические известия. 1843, Январь. С. 1.

⁴⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733 Оп.99. Д. 38 «Выписка из журнала Комитета Министров» 1812. Л. 3об.

⁴¹ О делах департамента медицинского // Журнал МВД. 1819. Кн. 3. С. 520.

⁴² Там же. С.507.

государственной службе было более восьми тысяч лекарей, треть из которых служили по военному ведомству⁴³. В силу их языковой и культурной близости (в медико-хирургические академии и на медицинские факультеты университетов рекрутировались выпускники российских духовных семинарий и гимназий), а также общих условий службы они должны были испытывать потребность в объединении для решения служебных проблем.

Полученное в университетах и обретенное на службе знание, а также признание правительством государственной значимости их деятельности были главными гарантиями социального престижа русского врача. Выросшие на этой почве мессианские настроения со временем подтолкнули врачей к выходу за пределы служебных обязанностей и преодолению профессиональной разрозненности. «Необходимы только порывы энергии и общее единодушие, – призывали коллег петербургские собратья, – К этому взывают отечественная слава и благо человечества. Сокровища опытов и наблюдений и самое поприще уже готовы», – убеждали они⁴⁴.

Такие настроения «дружественных» лекарей побуждали правительственных сановников заключать с верхушкой врачебного сословия своего рода «регулятивное соглашение», по которому передоверялись права управления, то есть допускать профессиональное самоуправление и самоорганизацию.

⁴³ Ханьков Я.В. История медицинской полиции в России. СПб, 1851.

⁴⁴ Взгляд на состояние медицины в России // Друг здравия. 1833. № 3. С. 18.

УДК 94(=161.3)

ПРОБЛЕМЫ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИИ В ПРИЗМЕ ЛИЧНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

В.В. Яновская

Институт истории Национальной академии наук Беларуси,
отдел историографии и методов исторического исследования
E-mail: janval@mail.ru

О.А. Яновский

Белорусский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: helgoleg@mail.ru

На примерах творческих судеб некоторых белорусских историков XX в. (В.И. Пичеты, В.Н. Перцева, В.Н. Михнюка и др.) авторы проводят мысль о том, насколько важными являются профессионализм и личная позиция (кредо) исследователя для всестороннего объективного прочтения белорусской истории в контексте истории сопредельных государств. Многочисленные исторические экскурсы сопрягаются с анализом современного состояния белорусистики и россиеведения, преподавания в высшей школе истории восточнославянских народов и подготовки новых кадров историков.

Ключевые слова: История Беларуси, Академия наук Беларуси, историография, преподавание истории Беларуси и России в школе.

PROBLEMS OF BELARUSIAN HISTORY IN THE CONTEXT OF THE RESEARCHER'S PERSONALITY AND PROFESSIONALISM

V.V. Yanovskaya, O.A. Yanovsky

Based on the examples of the career paths of selected Belarusian historians of the 20th century (V.I. Picheta, V.N. Pertsev, V.N. Mikhniuk and others), the authors show the importance of the researcher's professionalism and personal attitude (credo) for a comprehensive and non-biased understanding of Belarusian history in the context of the neighbouring countries' history. Various historical examples are combined with the analysis of the current state of Belarusian Studies, Russian Studies, university courses on the history of East Slavic nations, and personnel training of historians.

Key words: Belarusian history, The Academy of Sciences of Belarus, historiography, teaching of history of Belarusia and Russia in schools.

История каждого народа исключительна, отлична от других. С другой стороны, сама история в значительной степени определяет исключительность того или иного этноса, народа, нации. Как и язык. Как и некоторые черты культуры, этнического характера, менталитета и др. Общество заинтересовано знать свою историю – правдивую, объективную. Власти же видят в истории один из важнейших рычагов управления современными политическими, образовательными, научными, культурными и иными процессами. И с летописных времен существует «заказная» история с «приглаженными углами», умышленно сохраняемыми «белыми пятнами» и т.д. Однако в большинстве случаев те, кто непосредственно занимается научным творчеством – историки – в меру своей компетентности и внешних обстоятельств, стремятся к объективному прочтению прошлого, представлению результатов своего труда по итогам выявления существенных параметров исторических сюжетов и коллизий. При этом они остаются людьми своего времени, «своих» политических систем, в которых живут. Так или иначе, они вовлечены в реалии политики. Разумеется, и индивидуальность историка, особенности его мировоззрения всегда накладывают свой, порой значительный отпечаток на создаваемый творческий продукт. В связи с этим существует определенное недоверие общества к индивидуальным работам, а со стороны коллег по «цеху» – завышенный критический подход. Это же относится и к коллективным работам, хотя многие из них нередко «прикрыты» как бы неким консенсусом, а то и заказным характером.

В целом все субъекты – заказчики (общество, государство) и создатели исторических трудов – действуют не по отдельности, а в единстве. В единстве совместного проживания в конкретное время, которое всегда сопряжено с определенной гармонией и дисгармонией прав и обязанностей. И все же, вопреки довлеющей над историком необходимости придерживаться некой «политкорректности» (конечно, в разном ее понимании и прочтении), профессиональным кредо является создание совершенной с научной точки зрения, объективной (в отношении к общественным требованиям и ожиданиям), толерантной, но в тоже время наступательной при отстаивании национальных приоритетов отечественной истории.

На белорусских землях попытки написания такой истории на протяжении последних почти ста лет предпринимались не единожды. К ней подступались (и не безрезультатно) представители первой волны профессиональных белорусских историков, кото-

рые вынуждены были в своем научном творчестве воспринимать и учитывать революционные сдвиги начала XX-го столетия и эйфорию его 20-х годов. И почти тут же приспособляться к политическим обстоятельствам годов 30-х. Создавались (чтобы сразу лечь на долгое время на полки «спецхранов») как индивидуальные, так и коллективные работы по белорусской истории. И только некое «эхо» от них и о них в 1950–1980-е гг. доходило до заинтересованного белоруса. Обучение в школах и даже на истфаках вузов велось как бы по «мумиям» тех работ, которые реально были написаны, но находились вне досягаемости даже специалистов-историков. И до сих пор многое из созданного в те годы недоступно, правда, уже по причинам иным: из-за нашей суетливости и небрежности по отношению к «гигантам, на плечи которых мы взобрались», выражаясь словами средневекового ученого-монаха Бернарда Шартрского¹.

Мы постепенно разучиваемся читать работы коллег-современников и оценивать их хотя бы в виде рецензий. Не говоря уже о том, чтобы обращаться к творчеству предшественников для расширения своего профессионального кругозора. К слову, абсолютно не потеряли своей научной и общественно-политической актуальности многочисленные научные и публицистические статьи В.И. Пичеты по различным сюжетам белорусской истории (хотя бы его оценки исторического пути и значения белорусского национального движения)². И поныне не находит своих издателей коллективная работа по отечественной истории академических и университетских историков Беларуси, созданная в конце 1930 – начале 1940-х годов³. А ведь уже в мае 1940 г. президент АН БССР К.В. Горев констатировал, что «проведена значительная работа по подготовке учебника по истории Белоруссии». Он же в 1942 г., в условиях войны, заявил о завершении столь важного обобщающего интеллектуального труда (хотя по-прежнему ведущей темой историче-

¹ Гофф Ж.Л. Интеллектуалы в Средние века / пер. с фр. А.М. Руткевича. 2-е изд. СПб., 2003. С. 13.

² См.: Пичета У. Формы нацыянальнага й опозыцыйнага руху на Беларусі // Польшыя. 1924. № 2 (10).

³ Королюк В.Д. Рукописное наследство академика В.И. Пичеты // Ученые записки Института славяноведения. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 29.

ских исследований белорусских историков оставалась «история Великой Октябрьской революции в БССР»)⁴.

В планы восстановленного академического Института истории на 1944 г., наряду с изданием «серии политических брошюр, имеющих военно-оборонное, политико-воспитательное значение и направленных к целям мобилизации всех сил нашего народа на борьбу против гитлеровской тирании»⁵, была включена однотомная коллективная работа «Краткая история БССР с древнейших времен до наших дней»⁶. Концептуальный подход изложения истории Беларуси досоветского периода и даже «целевая установка» – согласно плану НИР Отделения общественных наук АН БССР – заключались в необходимости подчеркнуть «самобытность белорусского народа и внутреннюю преемственность отдельных этапов развития его истории, независимо от того, в состав какого государства входили белорусские земли». Правда, одновременно были определены границы этой самобытности: «Основной мыслью всего издания должно быть доказательство, что народ, живший на территории Белоруссии, мог достигнуть объединения и приобрести государственность лишь при Советской власти». А при изложении фактов, связанных с революционными движениями, необходимо было отметить: «во-первых, руководящую роль белорусского пролетариата и, во-вторых, совместную борьбу против царизма со стороны белорусского народа в союзе с русским и украинским народами»⁷.

В 1943 г. академик-секретарь Отделения общественных наук АН БССР В.Н. Перцев в своей докладной записке в отдел пропаганды ЦК КП(б)Б смело утверждал, что «Общественная задача нашей научной литературы заключается в том, чтобы защищать способность белорусского народа на самостоятельное духовное и социально-политическое развитие...». И, думается, вряд ли первое академическое издание истории белорусов не состоялось из-за военного лихолетья или «В связи с отсутствием собственной типографии...»⁸. Скорее здесь свою определяющую роль сыграли

⁴ Национальная академия наук Беларуси: историко-документальная летопись, 1928–2008 гг. / сост. Г.В. Корзенко [и др.]. Минск, 2008. С. 57, 59.

⁵ Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 7.

⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 2.

⁸ Национальная академия наук Беларуси: историко-документальная летопись. С. 70, 83.

общая объективно-идеологическая атмосфера тех лет и вызванные ею субъективно-творческие разногласия в среде историков. Так, даже ставший после ссылки донельзя сдержанным, В.И. Пичета не удержался и с укоризной буквально отчитал в письме от 12 мая 1943 г. Президиум АН БССР за неспособность «ценить работу и знания академиков» (в связи с написанием им «Истории Белоруссии 1861–1914 гг.»)⁹

В.И. Пичета нашел в себе силы отказаться от продолжения работы над коллективным «прочтением» белорусской истории в условиях очередных «уточнений» идеологических парадигм. А вот его коллегам из Института истории АН БССР вкупе с сотрудниками Института партии при ЦК КП(б)Б потребовалось в 1948 г. в очередной раз переосмыслить свои тексты и принять руководящий документ – «Тезисы об основных вопросах истории БССР»¹⁰. Они и стали основой для «доработки» написанного ранее и создания другими авторами «нового прочтения» отечественной истории¹¹. И лишь в марте 1954 г. Бюро ЦК КП(б)Б приняло решение издать первый том «Истории Белорусской ССР». Он тут же был подписан к печати (11 мая 1954 г.) и огромным тиражом (в 20 тыс. экземпляров) напечатан¹².

В написании тома приняли участие 15 белорусских историков, а в предисловии была отмечена «большая помощь в работе» со стороны восьми известных российских историков (А.М. Панкратовой, М.Н. Тихомирова, М.В. Нечкиной, В.Т. Пашуто и др.). Однако второй том появился только через четыре года. От первоначальных текстов в этом издании мало что осталось. В процессе работы над ними из авторского коллектива выводились авторитетные историки, не «вписавшиеся» в концептуальные установки «Тезисов» и перманентно менявшиеся политические установки. Этот двухтомник так и не смог стать «основополагающим» ни для ученых-белорусистов, ни для системы высшей школы. Уже вскоре один

⁹ Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С.М. Ходзін, М.Ф. Шумейка, А.А. Яноўскі. Мінск, 2011. С. 338.

¹⁰ См.: Тэзісы аб асноўных пытаннях гісторыі БССР. Частка I. Гісторыя беларускага народа да Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі // Большэвік Беларусі. 1948. № 8.

¹¹ Наука Беларуси в XX столетии / НАН Беларуси. Комис. по истории науки. Минск, 2001. С. 76.

¹² См.: История Белорусской ССР. Т. I / под ред. действ. чл. АН БССР В.Н. Перцева, канд. ист. наук К.И. Шабуни и Л.С. Абецедарского. Минск, 1954.

из его авторов и редакторов – Л.С. Абецедарский – буквально искоренял из памяти студентов-историков Белорусского госуниверситета даже сам факт его наличия в библиотечных фондах. Более того, использовал чуть ли не репрессивные меры по отношению к «продвинутым студентам» в случае озвучивания ими на семинарах или экзаменах малейшей смысловой и фактографической информации из данного издания. Она расценивалась в одном ряду с информацией из первых, 1920-х гг., текстов по белорусской истории, которые имели властную идеологическую оценку как «нацдемовские».

Тем не менее, даже в 1960–1970-е гг. особо смелые студенты стремились найти альтернативу выхолощенному до предела школьному учебнику по «истории БССР» за авторством того же Л.С. Абецедарского и его двух коллег из БГУ и Минского пединститута – М.П. Барановой и Н.Г. Павловой. Не было полностью забыто, что задолго до этой работы, «на заре советской власти», в распоряжении белорусской системы образования был целый ряд замечательных, фундаментальных работ, системно отражавших белорусскую историю. И тогда, и теперь сложно кому-либо из авторов отдать предпочтение, определить приоритетность концептуальности их осмысления всех исторических вех, сюжетов, событий, судеб: М.В. Довнар-Запольскому, В.М. Игнатовскому, В.Ю. Ластовскому, В.И. Пичете. Так или иначе, но последнее слово за исследователем, который обращается к работам предшественников. Тем более что многие из них были изданы в первые два десятилетия XX в. и переизданы только в последние два десятилетия рубежа XX–XXI столетий¹³.

Таким образом, и сегодня приходится констатировать, что свободы, которые принес белорусскому обществу 1861 г., общест-

¹³ См.: *Пичета В.И.* История белорусского народа // Курс белорусоведения: Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 г. М., 1918–1920; *Ластоўскі В.Ю.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Вільня, 1921; *Ігнатоўскі У.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Выданьне 4-е, пераробленае. Менск, 1926; *Ігнатоўскі У.* Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя. Лекцыі, чытаныя студэнтам Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту. Выданьне трэцяе, стэрэатыпнае. Менск, 1928; *Доўнар-Запольскі.* Гісторыя Беларусі / пер. з рус. Т.М. Бутэвіч, Т.М. Кароткая, Е.П. Фешчанка. Мінск, 1994; *Ігнатоўск У.М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / Уступ. арт. А.П. Грыцкевіча; Камент. і заўвагі Э.Н. Гнеўкі. 5-е выд. Мінск, 1991; *Ластоўскі В.Ю.* Кароткая гісторыя Беларусі. Мінск, 1993; *Пичета В.И.* История белорусского народа. Минск, 2003; *Пічэта У.І.* Гісторыя Беларусі. Мінск, 2005.

ву придавленному, но не омертвевшему за годы польской, а затем российской унификации, и в последующие 150 лет так и не были в полной мере освоены, не восприняты историческим профессиональным сообществом. Все еще не расставлены по местам, по степени восприятия и значимости дефиниции таких политически заангажированных понятий (как их обозначил еще В.И. Пичета), как «национальный и оппозиционный», «национализм», «патриотизм», «историзм».

В данном случае многое зависит от профессионализма историка, его понимания дефиниции, наличия или отсутствия некоего внутреннего кредо, которым он руководствуется в конкретике научных штудий. Примеров с диаметрально противоположными характеристиками предостаточно, как в исследуемом далеком прошлом, так и в личном опыте общения в профессиональной среде. В первом случае, как представляется, классическим примером можно считать кредо, даже некую глубоко личную исповедь, написанную в условиях тюремного заточения ректором-историком В.И. Пичетой. Это кредо-исповедь было дополнено и как бы перечеркнуто через многие годы в его «дневниковых записях», которые велись с целью некоего материального воплощения мучительных внутренних раздумий¹⁴. Однако в сумме достаточно противоположные по смыслу тексты представляют собой цельный, хотя и противоречивый внутренний мир историка, всеми обстоятельствами внешней среды принуждаемого к лавированию между научной истинностью и общественно-политической необходимостью.

На другом временном полюсе, но далеко не смысловом, находимся все мы, историки XXI столетия. И каждый, обращаясь к предмету своих исследований, почти всегда сопрягает его с реалиями времени настоящего, будучи повязанным сотнями условностей, лично осознанных и корпоративных. Более того – неким общественно-властным пониманием «ответственности» за достоверность выводов и оценок в переложении на современные реалии, как бы далеко не отстоял от них предмет научного изучения со столь трудно достижимой объективностью его прочтения.

¹⁴ См.: Пичета В.И. Мое общественно-политическое кредо // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 147. Оп. 2. Д. 11. Л. 20–22; Пичета В.И. «Дневниковые записи 1944–1946 гг.» / сост., предисл., науч. коммент. Л.И. Уткиной // Российские и славянские исследования. Минск, 2009. Вып. 4.

Данная ситуация может быть проиллюстрирована сотнями творческих биографий коллег «по цеху». И всегда найдется «пища для ума», для размышлений о предназначении историка. Проще же в морально-этическом плане обратиться к жизненным и творческим перипетиям тех, кто долгое время был с рядом тобой, был подобен и не подобен тебе и многим, но, к сожалению, уже покинул этот суетливый мир. Проще, но не легче. Одним из неординарных историков Беларуси был Владимир Николаевич Михнюк – доктор исторических наук, профессор. Прошло уже достаточно много времени со дня его неожиданной для всех нас смерти. Вскоре после нее, как-то спешно был организован некий «круглый стол», за которым собрались те, кто чувствовал необходимость отдать должное памяти историка-коллеги. Вот только материалы-воспоминания, а все говорили о Владимире Николаевиче, может, излишне эмоционально, но искренне, так и не были опубликованы. Наверное, опять же в силу необходимости преодолевать очередные и всегда «первоочередные» интеллектуальные и житейские «баррикады»? Однако по-настоящему мы еще и не смогли оценить масштабность фигуры этого ученого, так много сделавшего для реанимации научного понимания событий бурного XX столетия, для фиксации всех – значимых и не очень – работ белорусских историков в единой историографической обработке и подаче.

В данном случае, чтобы не «растекаться мыслью по древу», осмелимся представить свои, все еще «скороспелые» (в силу поверхностного прикосновения к исследованиям Владимира Николаевича), а потому и достаточно эмоциональные оценки личности и творчества нашего коллеги.

Яновский О.А.: «Сегодня трудно воспринимать трагическую действительность – Владимиру Николаевичу 27 сентября 2007 г. могло бы быть только 60. Но его нет среди нас. И только творческое наследие историка по-прежнему в нашем распоряжении, позволяет вспоминать неординарность личности ее творца. Хотелось бы обратить внимание на то, что мы еще так и не научились по-настоящему ценить память своих ушедших из материального в духовный мир коллег. Как и делать о них и их творчестве основательные научные доклады, писать «историю через личность». Вроде бы, думаем мы, нет в этом нужды, ведь важнее заниматься «глобальными» вопросами постижения вечности и величия каких-то там «выдающихся» деятелей от разного уровня власти. И лишь время от времени мы спохватываемся, пытаясь отдать должное тем, кто рядом с тобой продвигает продукт ремесла историка в общественные и властные пространства. В большинстве случаев это происходит, когда теряем

коллег. И то ненадолго, ибо поток повседневных забот быстро подхватывает, и стремление осмыслить творческие достижения умершего, проникнуть в какие-то философские и точные обстоятельства его работ заканчиваются сразу после столкновения с первыми личными проблемами.

Разумеется, было бы очень хорошо, чтобы мы имели возможность и стремление делиться своими личными впечатлениями от встреч и о совместной работе с неординарными личностями не только по случаю завершения их земного пути. А если и в таком случае, то основательно и всесторонне, уважительно и заинтересованно. Фигура Владимира Николаевича возникает всегда, когда сам собираешься в который раз проследить тот или иной сюжет белорусского истории через жизнедеятельность конкретного лица, интеллектуала-гуманитария. Ранее к этому подталкивала неудовлетворенность результатами своей работы над сбором и редактированием книги о профессорах и докторов наук нашего университета, которая была издана в 2001 году. К слову, среди более 565 фамилий выдающихся интеллектуалов нашей *alma mater* – нашего БГУ – за 80 лет ее деятельности на благо родной Беларуси рассказывается и о жизненном и творческом пути Владимира Николаевича. Но все статьи в пылу предъюбилейной подготовки получились очень схематичными. Они содержат определенный набор данных, но нет личности, нет тепла и «живинки». А интеллектуальная элита не только университета, но и всей нашей страны не может восприниматься «в целом», каждый ученый и преподаватель высшего звена – это исключительное явление, это, по большому счету – эксклюзив в развитии нации, ее гордость. И не надо стесняться называть вещи своими именами.

Не последнее место среди творцов-интеллектуалов занимает В.Н. Михнюк. Только теперь мы все более начинаем это осознавать. Владимир Николаевич был одним из самых талантливых, творчески работающих историков, который всегда с большим уважением относился к авторам предмета своего изучения – будь ими то ли создатели капитальных монографии или же авторы совсем «сырых» статей и материалов. Им по-настоящему научно стала разрабатываться тема качества диссертационных защит, ибо Владимир Николаевич практически первым подошел к оценке диссертационных работ как определенной квинтэссенции исторических взглядов не только самих диссертантов, но и их научных руководителей, консультантов, оппонентов, а также научных сообществ, представленных советами по защите, оппонирующими организациями, научно-методологическими семинарами и т.д.

Именно на этом поприще и случилось первое знакомство с В.М. Михнюком, который до этого воспринимался совершенно зрелым,

даже пожилым историком, занимающимся историей исторической науки. Первое же «виртуальное» знакомство с ним произошло гораздо раньше, когда с чувством удовлетворения нашел свое имя в анналах системного представления защищенных в начале 80-х гг. диссертаций. Тогда показалось, что автор статьи – это человек, который знает все и вся что делается на «ниве» белорусской исторической науки. А потому он представлялся не просто опытным, но и почти что седовласым человеком. И таким Михнюк воспринимался долгое время, когда звучала его фамилия, но не было личного знакомства. Только когда в начале 1990-х гг. исторический факультет БГУ стал все шире открывать свои двери для историков новой генерации, среди них как-то органично возникла фигура Владимира Николаевича. И было большим удивлением, что это был молоджавый, очень статный и красивый мужчина. Красивый не только внешним обликом, но своей энергичностью, деловитостью, своей очевидной заинтересованностью в деле, которым он занимался. Он, что самое главное, воплотил новый тип национального белорусского историка, хотя, как и мы многие, всеми «нитями» был привязан к советскому научному наследию. Но выйти на новый уровень осознания своего профессионального и человеческого назначения Владимиру Николаевичу, казалось, было легко. Его творческая мобильность уже тогда по-хорошему удивляла.

Потом посчастливилось в течение почти семи лет работать вместе с Владимиром Николаевичем в совете по защите диссертаций при БГУ. Его страсть «охотника» за диссертациями только увеличивалась. Помню, как он постоянно допытывался у меня, ученого секретаря совета, о различных почти мелочах, связанных с прохождением в совете всех без исключения диссертаций. И его интересовали не какие-то обстоятельства, а именно научное сопровождение работ. Это ему было нужно не только для их более глубокого осмысления для фиксации в своих научных анналах, а прежде всего для основательной подготовки к обсуждению в ходе самой защиты. Не было того, чтобы Михнюк не выступил со своим мнением, своей оценкой той или иной диссертации. А его интересовали почти все темы. Он стремился понять диссертанта, определить, разумеется, на уровне концептуальных подходов, его научную зрелость. И поспорить! Культура споров Михнюка не всех могла удовлетворить. Прежде всего коллег его уровня. Здесь можно было перешагнуть через определенный «профессорский» барьер в применении лексических приемов и словосочетаний. И даже обидеть. Что же касалось молодежи, диссертантов, то здесь профессор оставался всегда на высоте. Более того, если предмет обсуждения для диссертанта был слишком тяжел, его оппонент всегда находил возможность подвести молодого коллегу к явному, бросить ему «спаса-

тельный» тезис. А как Владимир Николаевич стремился «почистить» заключительные документы по диссертациям! Его они волновали так, как будто это был результат личной работы, работы его учеников.

Если суммировать эти короткие воспоминания, дать максимально лапидарное обозначение своему восприятию Владимира Николаевича, то приходит на ум слово-символ как выражение сути этого человека: Факел! Он горел ради поиска научной истины. Горел для того, чтобы повести в мир Науки тех, кто хотел и мог называться Историком!»

Яновская В. В.: «В вечность ушел, пожалуй, один из самых энергичных, целеустремленных историков Беларуси. Как теперь принято говорить, креативность Владимира Николаевича Михнюка всех поражала. Он мог одновременно заниматься десятками научных проектов, заряжать интересом к ним своих коллег и учеников и всегда работал на конечный результат в виде то ли книги, то ли статьи или же яркого и запоминающегося выступления на научной конференции. Одновременно историк оставался совершенно приземленным, любившим жизнь во всех ее проявлениях. С ним было интересно обсуждать и вчерашний сериал, и феномен современных молодежных тусовок, и зигзаги внешней политики постсоветских стран, и качественные параметры ювелирных изделий – и многое другое, находившееся далеко за пределами научных интересов историка.

Круг же научной увлеченности Владимира Николаевича был довольно широк, что было обусловлено самой исследовательской проблематикой, которой он занимался – развитие исторической науки в Беларуси и историография. На протяжении многих лет, год за годом историк всесторонне изучал эти вопросы, несмотря на то, что они напрямую затрагивали «научную кухню» и позиции конкретных коллег. Он не боялся давать оценки (причем не всегда те, какие бы они желали слышать) их деятельности, их взглядов. Сейчас трудно выделить какой-то узкий хронологический период или проблематику, чему Владимир Николаевич отдавал свое предпочтение. Жизненный и научный опыт подсказывали ему необходимость исследовать проблемы не только в широком аспекте, во взаимосвязи и взаимозависимости со многими факторами, но идти вглубь, искать корни того или иного явления, искать причинно-следственные связи в фактах, процессах, в побудительных мотивах деятельности конкретных исторических личностей.

С историографией в своем научном творчестве сталкивается каждый исследователь. Нет и не может быть диссертации, монографии и даже отдельной проблемной статьи без историографического анализа. Но далеко не каждый умеет (или отважится) дать полноценную аналитическую

оценку взглядов своих предшественников, в особенности тех, кто продолжает работать рядом и даже слышет «мэтром». Причины могут быть разные – элементарная нехватка эмпирических знаний или неумение пользоваться ими для конструкции научной концепции, использования их в качестве доказательной базы при отстаивании своих взглядов. Иногда сказывается научный авторитет маститого ученого или срабатывает фактор страховки. Ну и, естественно, политическая конъюнктура. Все это лично понимал Владимир Николаевич. Понимал, но не шел на сделку с научной совестью и учил этому своих учеников. Может быть, именно поэтому он был не всегда и не для всех «удобен».

Конечно, он был органичным представителем, так сказать, «позднесоветской» и «раннепостсоветской» генерации белорусских историков. Да, мы вышли из советского времени, более того – мы в нем сформировались как личности, как историки. И нам труднее, чем молодым, тем, кого мы сегодня учим, кого учил Владимир Николаевич, оценивать без излишней эмоциональности, а тем самым – субъективности, историческое прошлое, прожитое нами вместе с той огромной нашей страной, которая называлась СССР. Ведь это не столько наше прошлое (а может ли оно быть у живущего дееспособного человека?), а время нашего становления, наших побед и потерь. И мы в нем не без оснований выделили и теперь, уже с высоты дней сегодняшних и своего научного опыта, продолжаем видеть много положительных черт. Все это отражается в сущностных параметрах нашего научного «кредо», является составляющей наших исторических трудов. Трудно найти в истории исторической науки Беларуси еще одно такое десятилетие – 90-е годы XX столетия – которое бы вызывало столь огромный противоречивый всплеск мыслей и рассуждений об историческом прошлом белорусов. В результате – в целом в историографии вырисовывается как бы пессимистический «диагноз», поставленный многими отечественными и зарубежными историками, о глубоком кризисе белорусской исторической науки, якобы малоспособной расставить обоснованные научные акценты по основополагающим проблемам «своей» истории.

Но никогда в числе пессимистов не был В.Н. Михнюк. Выбирая проблемы для научного анализа (для себя и для своих учеников), он старался отталкиваться от их научной, а не политической составляющей. Хотя, понятно, полностью преодолеть политизацию при обсуждении научных проблем еще никому не удавалось. И всегда находились и будут находиться оппоненты, которые ищут и «находят» в научных сочинениях «политику», в то время как автор умышленно стремился в своих научных изысканиях ее избегать. А уж у Владимира Николаевича их, таких «оппонентов», было немало.

Главное, на наш взгляд, к чему стремился историограф и историк исторической науки Владимир Николаевич Михнюк, это не пытаться стать «последней инстанцией» в решении научной проблемы и не считать свое мнение самым правильным и окончательным, а определить проблемные области, попытаться вовлечь других исследователей в научную дискуссию. Но дискуссию именно научную, а не в zaangażированный политический спор с навешиванием оскорбительных ярлыков, с делением историков на группы и категории – типа «пропрезидентских», «национальных», «памяркоўных» и т.п. Главное для него было, чтобы все, а прежде всего его многочисленные ученики, исходили из непреложной данности – есть у белорусов и всегда была своя история, свои исторические, в том числе и научные, традиции.

Историки уходят. Но их идеи остаются в научных трудах, памяти коллег, в их учениках. В отношении Владимира Николаевича это все представляется сияющей россыпью, не способной поблекнуть с ходом времени».

Столь долгая преамбула и личные эмоциональные воспоминания позволяют более отчетливо очертить так и не снятую с повестки дня белорусской исторической науки проблему осмысления истоков и развития белорусской государственности. В какой только плоскости не разворачиваются о ней дискуссии, проводятся всевозможные конференции и «круглые столы», пишутся индивидуальные и коллективные работы. Перспектив нахождения консенсуса так и не видно. Однако сегодня, как и ранее, никуда не исчезли наши и сложные, и плодотворные связи с соседями, из которых Россия, Польша и Литва очевидно являлись и являются наиболее значимыми хотя бы в контексте понимания путей и смысла развития белорусской государственности. Уже не раз отмечалось, что ее судьба, характер и перспективы являлись предметом исследований и историков-белорусистов, и историков-россиеведов. В принципе, эти проблемы можно считать некой особенностью академического изучения и университетского преподавания истории белорусской, российской, украинской, да и всей славянской. Опять же, не ссылаясь на самих себя, отметим, что историки-россиеведы (в том числе уроженцы Беларуси, но сформировавшиеся профессионально в императорских университетах России) как основатели и «интеллектуальные меценаты» Белорусского государственного университета и Белорусской академии наук, будучи зачинателями в Беларуси системных исследований истории России, на первый план своих научных интересов

все же ставили проблематику белорусской истории (В.И. Пичета, Д.А. Жаринов, М.В. Довнар-Запольский, А.А. Савич, А.П. Пьянков и др.). Можно даже «выстроить» как бы хронологически-смысловую ленту *системного изучения и преподавания истории России в высшей школе Беларуси*:

- **1920-е гг.:** обозначение в структуре БГУ некоего подобия кафедр – истории России, истории права и хозяйства России (точнее, чтение студентам-обществоведам с такими названиями общих и специальных лекционных курсов профессорами В.И. Пичетой, А.А. Савичем и Д.А. Жариновым, «занимавших» эти кафедры);

- большая общественная деятельность университетских россиеведов по популяризации истории России и по исторической интеллектуализации широких масс белорусов.

- **1930-е гг.:** начало не только системной подготовки историков в Беларуси, но акцентированное внимание к российской истории через деятельность с 1936 г. одной из трех кафедр созданного в 1934 г. исторического факультета – истории народов СССР (при совмещении на ней преподавания и изучения конкретно белорусской истории). В данном случае нельзя удержаться, чтобы вновь не вспомнить имя В.И. Пичеты, во второй раз востребованного в Беларуси – теперь уже в связи с подготовкой учебника по ее истории. Он после тяжелого периода гонений как крупнейший знаток белорусской и российской истории был приглашен в Минск. Тогдашний директор Института истории АН БССР Н.М. Никольский, с которым Владимира Ивановича связывали многолетние теплые отношения, в личном письме убеждал коллегу забыть прошлые обиды и вновь поработать на благо белорусской исторической науки и образования: *«Дорогой Владимир Иванович!.. Академия наук БССР считала бы огромным приобретением для обеспечения успеха ее работы, если бы вы согласились вернуться в среду научных работников Академии. Конкретно мы желали бы, чтобы Вы взяли на себя руководство секцией истории СССР и БССР Института истории <...>. Кроме того, мы хотели бы, чтобы взяли на себя также руководство аспирантурой по истории СССР и БССР <...>. Для Вашего сведения сообщаю, что сейчас секция заканчивает составление 1 части учебника истории Белоруссии для средней школы, а на 1939 г. запланировано составление 2 части этого учебника и составление 1 части учебника для вузов»¹⁵;*

- подготовка в Перми и защита в Минске весной 1939 г. первой на белорусской земле кандидатской диссертации по проблеме исто-

¹⁵ Архив Российской Академии наук. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 171. Л. 15.

рии древней Руси (тема: «Феодальное общество Верхнего Поволжья XII–XIII веков») – деканом и заведующим кафедрой истории народов СССР истфака БГУ, уроженцем Перми Алексеем Петровичем Пьянковым, который одновременно активно включился в исследование проблем собственно белорусской истории¹⁶.

- **1940-е гг.:** неоднократные неудачные попытки создания в БГУ отдельной кафедры истории БССР. Так, центральная союзная «Учительская газета» еще военным летом 1943 г. опубликовала статью ученого секретаря Совет БГУ В.И. Шевченко о возобновлении работы белорусского университета на станции Сходня под Москвой, в которой писалось, что «Создается новая кафедра – истории Белоруссии, руководителем которой будет Т.С. Горбунов, секретарь ЦК КП(б) Белоруссии по пропаганде»¹⁷. Однако и на Сходне, и в первые послевоенные годы в Минске даже столь высокий властный уровень заведующего так и не позволил кафедре национальной истории утвердиться на университетском истфаке в своем самостоятельном учебно-научном статусе¹⁸. Белорусская история преподавалась и исследовалась только исключительно в рамках кафедры истории СССР и с точки зрения доминирования научных парадигм «векового единения двух братских народов – русского и белорусского». Отдельная кафедра истории БССР была создана в БГУ лишь в 1959 году.

- **1950–1980 гг.:** долговременное творческое сотрудничество кафедр истории СССР БГУ, Минского пединститута и других вузов республики с российскими коллегами. Проведение в БГУ в 1968 г. IV международного славистического конгресса.

- **1991–1993 гг.:** радикальное изменение учебных планов подготовки специалистов-историков в вузах Республики Беларусь, в которых изучению белорусской истории было уделено особое внимание. В Белорусском государственном университете это потребовало разделения кафедры истории Беларуси на две самостоятельные – истории Беларуси древнего времени и средних веков и истории Беларуси Нового и Новейшего времени.

- **1993–1997 гг.:** проведение историками БГУ и Института истории НАН Беларуси двух всебелорусских конференций, которые продемонстрировали стремление ученых к объединению уси-

¹⁶ Архив Белорусского государственного университета. Ф. 205. Оп. 1. Д. 890. Л. 13.

¹⁷ См.: Учительская газета. 1943. 16 июня.

¹⁸ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 5. Д. 62. Л. 109.

лий для полноценного изучения как отечественной, так и всемирной истории.

- **1998 г.:** создание в БГУ самостоятельных кафедр – истории России и истории южных и западных славян, что стало данью исторической традиции, заложенной В.И. Пичетой, и для обеспечения реализации учебных планов и проведения конкретных научных исследований в русле истории России и истории славянского мира. Сохранение на исторических факультетах других белорусских университетов кафедр общеславянского-российского синтетического направления.

- **1990-е гг - начало XXI в.:** поиск оптимальных организационных решений при переходе от преподавания истории СССР к истории России и славянских народов путем образования в белорусских вузах кафедр истории славянских стран, российской и славянской истории, истории восточных славян (в том числе и с разбивкой на исторические периоды).

Параллельно с организационными проблемами решались вопросы формирования новых научных и педагогических подходов в преподавании истории России в учебно-научном поле Беларуси:

- осмысление территориально-государственных параметров в конкретных временных рамках именно российской истории (под углом зрения великорусской истории с государственно-политическим центром в Москве);

- определение «белорусского взгляда» и подходов к изучению и преподаванию временных исторических отрезков, наполненных позитивными и негативными сюжетами отдельной и совместной политической, экономической, социальной, культурной и духовно-религиозной жизни белорусского, русского и украинского народов;

- очевидная необходимость осмысления по-белорусски уникального и общего восточноевропейского единства украинской истории с учетом ее отношения к общерусской, российской и белорусской истории;

- выход в 2003 г. на преподавание сначала в БГУ единого курса «История России и Украины», а затем и на внедрение в высшей школе Беларуси типовой программы этого курса;

- необходимость (при условии использования возможностей слабо разработанной источниковой базы Беларуси в русле истории России, преодоления финансовых и временных затруднений

при работе в архивах России и др.) акцентированного изучения «включенности» белорусской истории в общий восточнославянский контекст и конкретно в контекст истории России, как и истории Украины;

- попытка выхода на подготовку докторских диссертаций хотя бы, в большей степени, в «белорусской оболочке» (состоявшиеся удачные и не совсем защиты диссертаций в принципе по российско-имперской истории XIX – начала XX в. А.М. Лютым, З.В. Шибко, О.Г. Буховцом, Н.И. Полетаевой, А.П. Житко, Н.М. Забавским, Д.В. Каревым, В.Е. Козляковым, Г.В. Корзенко, А.А. Горбацким, С.В. Морозовой, В.В. Шведом, Д.С. Лавриновичем, Е.К. Анищенко и др.);

- повышенное внимание к истории именно XIX в. как возможность «наложить» белорусскую составляющую на российскую историю, используя доступные архивные фонды (в первую очередь – Минского и Гродненского исторических архивов, а более всего – Санкт-петербургских и московских);

- преодоление определенной боязни исследовать сюжеты советской истории (может быть, исключая проблематику Великой Отечественной войны), а тем более постсоветской, которую прочно «захватили» представители политической науки (о чем свидетельствуют защиты подобных докторских диссертаций);

- восприятие как данности наметившегося вхождения на «поле» российской истории представителей иных кафедр всеобщей истории, в особенности по кафедрам истории Нового и Новейшего времени, а также кафедр истории международных отношений (главным образом по проблемам участия России в европейской политике второй половины XIX – начала XX в.);

- осмысление очевидной увлеченности исследователями историографической тематикой, в том числе советского периода истории; пересмотр ими ключевых проблем и терминологического обеспечения (типа – «сталинизм», «тоталитаризм», «РПЦ и советская власть» в научном освещении и др.).

Все вышесказанное не только констатирует круг очевидных научных и образовательных проблем, но и очерчивает возможные пути их решения, перспективы и надежды на научную эффективность и общественную востребованность труда историка. А они-то несбыточны без налаживания, а скорее – восстановления прочных и взаимозаинтересованных творческих связей между россиеведами Беларуси, Украины и России и других стран.

Пока что можно говорить о достаточно хорошем уровне творческих связей лишь с «провинциальными» российскими университетами – Иваново, Брянск, Псков, Тула, Кострома и некоторыми иными (с недавних пор – и Саратова). Здесь непреложной данностью, двигателем были и остаются личные контакты, а возможность виртуального общения через Интернет значительно расширяет их (в том числе при организации и проведении совместных научных мероприятий в условиях скромных финансовых возможностей всех сторон). В БГУ, к примеру, такого рода общение ученых в последнее десятилетие концентрируется вокруг научного журнала истфака БГУ «Российские и славянские исследования», являющего собой пример интеграции славистов, белорусистов и россиеведов многих стран.

В русле постижения важнейших этапов белорусской истории, форм ее государственности, векторов политического и цивилизационного развития никак не обойтись без наращивания творческих контактов со всеми историками «ближнего и дальнего зарубежья». Одним из возможных направлений могло бы быть реальное (а не неоднократно продекларированное на самом высоком уровне) сотрудничество в написании учебников и пособий по истории России, Беларуси, Украины, Польши, Литвы с тем, чтобы добиться наиболее объективного прочтения и острых, и совершенно сопряженных периодов, процессов, сюжетов в истории соседних народов и государств. Можно сказать, что это важно для того, чтобы не было необходимости на политическом уровне заниматься проблемой противоборства «фальсификациям истории» с какой угодно стороны, а заодно, – чтобы минимизировать одностороннее восприятие и интерпретацию истории белорусскими исследователями. Чтобы торжествовала *Наука история* как основа основ профессионально-эффективного преподавания истории «своей» и «чужой», основа и патриотизма, и, по-советски банально выражаясь, – интернационализма, взаимоуважения к нашему общему сложному прошлому и столь же непростому настоящему.

УДК 94(47)

ОБРАЗ УНИВЕРСИТЕТА 1990-Х ГОДОВ В ИНТЕРВЬЮ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ*

О.А. Баженов

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики,
факультета гуманитарных наук
E-mail: bazhenovoleg1995@yandex.ru

О.В. Морозов

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики,
факультета гуманитарных наук
E-mail: olegzorom@rambler.ru

В статье рассматриваются представления современных ученых-историков об университете 1990-х годов. Авторы на основе взятых в 2012–2014 гг. интервью выявляют основные позитивные и негативные воспоминания о постперестроечных университетах, разбирая из них самые яркие и содержательные.

Ключевые слова: университет, история, интервью, 1990-е гг.

THE IMAGE OF THE UNIVERSITIES OF 1990S IN THE INTERVIEWS OF MODERN HISTORIANS

O.A. Bazhenov, O.V. Morozov

This article focuses on the perceptions of universities of 1990s shared by modern academic historians. On the basis of interviews taken in the period of 2012–2014 the authors reveal major negative and positive recollections about the post-Soviet universities and the most informative of them are analyzed.

Key words: university, history, interview, 1990s.

На сегодняшний день в российских университетских исследованиях закрепилось мнение, что университет представляет собой совокупность разных и неоднородных структур, явлений и процессов, которые очень трудно поддаются обобщению и систематизации. Утверждению подобного взгляда способствовал проявившийся в конце XX века интерес историков и социологов к научной, социальной и культурной жизни университета, поро-

дивший новые направления в исследованиях. В исторической науке этими направлениями стали история дисциплин, корпоративная культура профессоров, юбилейная саморепрезентация, студенческая жизнь, академическая аттестация, взаимоотношения университета и города¹.

Проблематизация понятия «университет» и выделение в нем отдельных социо-культурных сегментов, с одной стороны, вывела университетские исследования на новый уровень, а с другой – поставила перед учеными новые теоретические и практические вопросы. В частности, если феномен университета как единого целого постепенно уходит со страниц специализированных журналов и книг, меняется ли при этом его восприятие академической средой, члены которой не связаны напрямую с изучением высшего образования? Например, может ли университетарий, руководствуясь собственным профессиональным опытом, выделить в истории своей *alma mater* конкретные этапы, определив для себя их содержательное наполнение? Будут ли эти этапы совпадать с теми, которые выделяет профессиональная историография и на чем будет основана аргументация подобных суждений? В данной статье нас интересует, как современное научное сообщество представляет себе университет и на чем основаны его представления.

¹ См., напр: Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия [Т. 1] / под ред. В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой. М., 1997; Иванов А.Е. Ученые степени в Российской Империи: XVIII в. –1917 г. М., 1994; Он же. Студенчество России конца XIX – начала XX в.: социально-историческая судьба. М., 1999; Он же. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; Он же. Мир русского студенчества. 80-е годы XIX – начало XX в. Очерки. М., 2010; Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006; Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Мауер, А.Н. Дмитриева. М., 2009; Жуковская Т.Н. Университеты и университетские традиции в России. Курс лекций. Петрозаводск, 2011; Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012; Специальный выпуск журнала «Логос» (2013. № 1 (91); Сословие русских профессоров. Создатели авторов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013; Посохов С.И. Профессорский стиль и качество жизни в университетских городах Российской империи первой половины XIX века // Tractum Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2014. Т. 1, № 1. С. 78–97.

Методология и источники

Главной сложностью для нас стала дефиниция научного сообщества. Это словосочетание регулярно упоминается в российском университетском дискурсе, но прежде всего как собирательное понятие, свойственное устным выступлениям и плохо пригодное для научного исследования из-за своей размытости. Дело усугубляется тем, что даже в рамках одной дисциплины сегодня очень трудно говорить о какой-то консолидированной группе, в которой разделялись бы общие нравственные и профессиональные конвенции. Разразившийся недавно громкий скандал вокруг незаконного присуждения ученых степеней, затронувший и технические, и гуманитарные направления, является одним из доказательств того, что состав дисциплинарных сообществ неоднороден, а верность императивам профессиональной этики зависит от должности, убеждений и места работы человека. Поэтому прежде чем остановиться на какой-то конкретной группе, мы решили выбрать для нашего исследования подходящую источниковую базу.

Нашими источниками стали интервью, собранные волонтерами и сотрудниками Центра университетских исследований ИГИТИ имени А.В. Полетаева, а также студентами семинара «Введение в историю и практику университетской жизни», проходившего под руководством Е.А. Вишленковой в 2010–2014 гг. Целью данного проекта был сбор воспоминаний об университетской жизни 1980–2000-х гг. у преподавателей и ученых из разных вузов России. Беседа проходила по заранее составленному списку вопросов, но не ограничивалась им. Общее число респондентов за три года – сто девять человек. Интервью проводилось чаще всего при личной встрече, иногда по телефону или через Интернет. Основной спектр вопросов касался причин выбора профессии, изменения условий труда в университете, зарубежных стажировок и получения грантов, а также сравнения постперестроечных университетов с их предшественниками в первой половине 1980-х гг. Предметом исследования, исходя из содержания интервью, для нас стал образ университета 1990-х годов.

Состав интервьюируемых представлен людьми разного пола, возраста и профессии. Опрашивались представители как технических, так и гуманитарных наук. В итоге мы решили ограничиться только одним и самым близким для нас дисциплинарным направлением – историей. При этом под историками мы подразумеваем не членов единого сообщества, разделяющих общие

корпоративные ценности (выявление такого сообщества – предмет отдельного исследования), а широкий спектр людей из разных университетов, чей статус (диплом, ученая степень, звание) и профессиональный опыт связан с исторической наукой. Статус и опыт не обязательно формируют групповую идентичность человека и делают его частью коллектива, но оказывают сильное влияние на его представления о месте работы и условиях труда. Подобная постановка вопроса позволила нам уйти от таких абстракций, как «академическая среда» или «научное сообщество».

Среди опрошенных историков оказались те, кто в 1990-е гг. были еще студентами или аспирантами. Большая часть выделенных нами респондентов работала или училась в 1990-е гг. в Московском (МГУ), Санкт-Петербургском (СПбГУ), Омском (ОмГУ), Казанском (КГУ) государственных университетах, Российском государственном гуманитарном (РГГУ) и Московском государственном педагогическом университетах (МПГУ).

Университет в «лихие девяностые»

Вопрос о трансформации российских университетов после перестройки задавался информантам одним из первых. Перед ним шел вопрос о состоянии университетов в 1980-е годы. Таким образом, человеку предлагалось сравнить две разные эпохи, выделить самые главные, по его мнению, черты и проследить динамику изменений в переходный период. Если ответ был кратким или в нем отсутствовала конкретика, респондента просили уточнить, например, как изменились условия труда в постперестроечном университете по сравнению с 1980-ми годами.

Чаще всего вопрос формулировался максимально широко, например: «Как, по Вашему мнению, изменились университеты с 1980-х годов по наши дни?» Видимо, это делалось намеренно, чтобы исключить навязывание респонденту чужого мнения: человек должен был сам (1) обозначить этапы важных перемен в университете и (2) пояснить, в чем эти перемены заключались. При ответе на данный вопрос перечень выделенных тем был преимущественно связан с социальной стороной жизни университетов – заработной платой, управлением персонала, профессиональной репутацией. Поскольку подавляющее большинство опрошенных историков к 1990-м гг. уже имело ученую степень и преподавало, появление этих сюжетов было предсказуемо. Заработная плата и условия труда являются приоритетом для любого

работника, поэтому нет ничего удивительного в том, что многие современные историки, работавшие в 1990-е гг., вспоминают постперестроечные университеты с этого ракурса.

Общее мнение об университетах 1990-х гг. варьируется от резко негативного, когда критике подвергается одновременно несколько аспектов университетской жизни, до умеренного, когда, к примеру, в противовес тяжелым материальным условиям ставятся такие тенденции, как идеологическое раскрепощение науки и внедрение в образовательную среду новых технологий². А вот в интервью И.Н. Данилевского проблема заработной платы и финансирования вузов не затрагивается вообще, а единственным негативным последствием перестроечных перемен называются перемены в отношениях между студентом и профессором с формальных на неформальные, что было обусловлено падением статуса ученых в постсоветской России³.

Самую бескомпромиссную оценку университету 1990-х гг. дал А.Л. Камалов: «В 1990-е годы вузы и преподаватели бедствовали: малая зарплата, никаких перспектив, плохое обеспечение учебного процесса – ни учебников, ни канцтоваров, – все за свой счет! Даже ремонт учебных зданий внутри и снаружи в Елабуге мы делали собственными руками. В университете зарплата тоже была низкая, труд преподавателя привлекательным не был, многие уходили в мелкий бизнес, страховые фирмы. Старые преподаватели умирали, на их место приходили случайные люди. Вообще историки превратились в эти годы из идейной элиты советского общества в ненужных людей»⁴. По этим словам видно, что постперестроечное время определяется как новый этап в истории университетов, для которого характерны сразу три отрицательных тренда: снижение качества образования, ухудшение материального положения и репутации ученых-историков. Примечательно, что высказывание лишено четких смысловых границ, общее и частное в нем постоянно чередуются: сначала идет характеристика всех университетов в целом, потом следует апелляция к личному опыту, подкрепляющая предыдущее высказывание, а в конце снова происходит переход, но уже не к вузам, а к историкам. Обратим внимание, что в 1990-е гг. Камалов работал

² Данилевский Н., Романов Ю.В.

³ Данилевский И.Н.

⁴ Камалов А.Л.

не в университете, а в Елабужской средней специальной школе милиции.

Иначе состояние историков в университете 1990-х гг. оценивает М.А. Бойцов: «Жизнь тогда стала намного интересней. Открылись новые возможности, сразу появилось много неожиданной информации. Как-то постепенно становилось ясно, что некоторые историки, раньше считавшиеся классиками, на самом деле таковыми не являются. Со снятием всяческих идеологических ограничений и ослаблением бюрократической пирамиды они как-то сразу потеряли свою классичность. А вот гуманитарии, живые и уже умершие, кого официоз замалчивал, а то и вообще игнорировал, вдруг оказались на виду и заняли те позиции, которых они по праву заслуживали. Из давних, к тому времени уже покойных, классиков в области медиевистики можно назвать имя Михаила Михайловича Бахтина, а из новых, послевоенных, Аарона Яковлевича Гуревича. В общем, произошла резкая и глубокая перемена в сознании историков, да и не их одних»⁵. Если у Камалова историки в постперестроечное время превращаются из элиты в «ненужных людей», то у Бойцова происходит обратный процесс – освобождение науки от идеологических оков, появление новых видов и источников информации (скорее всего имеется в виду так называемая «архивная революция») и возведение на пьедестал новых «классиков», например, М.М. Бахтина и А.Я. Гуревича.

Оплата труда и финансирование вузов

Больше всего отрицательных воспоминаний⁶ о постперестроечных университетах связано с низкими зарплатами: «Если имеются в виду материальные трудности, то их было не счесть. Чтобы сколько-нибудь прилично зарабатывать, лучше всего было вообще бросить профессию и переключиться на торговлю или еще какой-нибудь бизнес. При компромиссном варианте стоило забыть о научных занятиях и все время бегать по разным учебным заведениям, всюду вести занятия, зарабатывать гонорары случайными публикациями и собирать прочие гроши. Нередко преподаватели превращались в профессиональных репетиторов и получали, как говорят, вполне приличные деньги от родителей абитуриентов. Короче, каждый выбирал свое собственное реше-

⁵ Бойцов М.А.

⁶ См., напр.: Бойцов М.А., Камалов А.Л., Гусарова Т.П.

ние в зависимости от системы ценностей, амбиций, жизненных обстоятельств и установок. <...> Моя личная ситуация несколько облегчалась тем, что тогда я сравнительно часто получал исследовательские стипендии за рубежом, притом порой продолжительные», – говорит М.А. Бойцов⁷. Выходом из тяжелой ситуации считались занятия репетиторством и подработка «на стороне»⁸, уход из профессии или поиск грантов, предоставляемых зарубежными фондами. Например, по словам Б.Ф. Султанбекова, «в лихие девяностые» он «прошел, как и все, путь от “миллионера” до “маргинала”»: «Выручали гранты. Многие стали тогда в какой-то мере “детьми капитана Гранта”. Особенно помогал фонд Сороса. Тогда появились понятия “соровский профессор”, “соровский учитель”»⁹.

Редким исключением среди интервьюируемых стали те, кто не заметил существенных изменений в оплате труда после перестройки, потому что и ранее получал небольшие суммы. К примеру, М.Л. Бережнова, преподававшая в 1990-е гг. в ОмГУ, вспоминает: «В целом зарплаты всегда были не очень большими, временами удавалось поработать эффективнее, иногда хуже, гранты были большим спасением, потому, что на них выделялись большие деньги и можно было получать с них зарплату. <...> больших зарплат никогда не было, дополнительных доходов тоже как-то не было, поэтому спокойно смотрели на то, что мало зарабатывали»¹⁰. Обратим внимание и на ту деталь, что воспоминания о низком уровне зарплат и их задержке в большинстве случаев носят не обобщенный характер, а подкрепляются количественными данными¹¹. Спустя двадцать лет респонденты помнят, сколько они зарабатывали до и после перестройки.

Сделаем важную оговорку – трудности с финансами были характерны не только для историков или гуманитариев в целом. Проблемы с финансированием в 1990-е гг. испытывали практически все вузы. С 1970-х гг. государственные расходы на образование сокращались и к 1995 г. достигли самой низкой отметки – 11,6% от общего числа бюджетных расходов¹².

⁷ Бойцов М.А.

⁸ Масиель Санчез Л.К.

⁹ Султанбеков Б.Ф.

¹⁰ Бережнова М.Л.

¹¹ Бережнова М.Л., Бойцов М.А., Карацуба И.В.

¹² Белая книга российского образования: в 2 ч. М., 2000. Ч. 1. С. 25.

Таблица 1.

Бюджетное финансирование образования (1970–1998 гг.)				
Год	Ед. измер.	Расходы бюджета	Расходы бюджета на образование	
			всего	в % в расходах бюджета
1970	млрд. руб.	40,4	8,4	20,8
1980	млрд. руб.	76,1	12,7	16,7
1990	млрд. руб.	151,0	33,3	14,8
1995	трлн. руб.	487,4	56,4	11,6
1996	трлн. руб.	652,7	83,8	12,8
1997	трлн. руб.	773,1	111,6	14,4
1998	млрд. руб.	838,1	117,8	14,1

Источник: Белая книга российского образования: в 2 ч. М., 2000. Ч. 1. С. 25.

Проблемы в финансировании образования были не в последнюю очередь вызваны громоздкостью и слабым профессионализмом бюрократии. 14 июля 1990 г. образовано Министерство образования РСФСР, которое будет преобразовано 10 ноября 1991 г., включив в себя Министерство образования РСФСР, Государственный комитет РСФСР по молодежной политике и Государственный комитет РСФСР по делам науки и высшей школы. В течение ноября будет создано Министерство науки, высшей школы и технической политики РСФСР. Затем 25 декабря 1991 г. происходит переименование Министерства образования РСФСР в Министерство образования Российской Федерации, что связано с распадом Советского Союза. 14 августа 1996 г. Минобрнауки РФ преобразовано в Министерство общего и профессионального образования РФ, которое просуществует до 1999 г., когда появится донныне существующее Минобрнауки РФ, вобравшее в себя все структуры, связанные с управлением высшим образованием. Министерство науки, высшей школы и технической политики РФ, упомянутое выше, в изначальном своем варианте просуществует с 11 по 28 ноября 1991 г., а затем будет преобразовано в Министерство науки, высшей школы и технической политики РСФСР.

25 декабря 1991 г. происходит переименование в Министерство науки, высшей школы и технической политики РФ, а 25 февраля 1993 г. преобразовано в Министерство науки и технической политики РФ, утратив функции управления высшим и послевузовским образованием, которые перешли к только что образованному Государственному комитету по высшему образованию РФ (Госкомвуз РФ), который был упразднен 14 августа 1996 г., а его функции передали в Министерство общего и профессионального образования РФ.

Еще одной причиной низкого качества управления образованием 1990-х гг. стала чехарда среди чиновников. Например, Б.Г. Салтыков первоначально занимавший пост министра науки, высшей школы и технической политики России, был через некоторое время назначен председателем Государственного экспертного совета при президенте РФ по особо ценным объектам культурного наследия народов РФ, а после – заместителем председателя правительства РФ. В это же время он был председателем Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, заместителем председателя Совета министров и депутатом Государственной думы. С 1998 по 2000 гг. Салтыков возглавлял ФГУП «Российские технологии». В.Г. Кинелев был председателем Госкомвуза РФ, заместителем председателя правительства РФ, директором Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании. Из более известных примеров можно вспомнить А.Б. Чубайса, который успел побывать заместителем председателя правительства, министром финансов, главой Госкомимущества и руководителем Администрации президента. Еще один пример: В.Г. Артюхов, сделавший карьеру сразу в трех министерствах (финансов, транспорта, и природных ресурсов), а в 1996–1997 гг. руководивший Федеральной налоговой службой. В России 1990-х гг. чиновники де факто были специалистами широкого профиля, которые в погоне за карьерой легко меняли сферу своей профессиональной ответственности, что крайне негативно сказывалось на результатах их управленческой работы.

1990-е годы как стадия развития

Почти все респонденты воспринимают начало 1990-х гг. как новый рубеж в истории российского образования. Наряду с резким ухудшением условий труда и падением престижа исторической профессии, эти годы запомнились освобождением от совет-

ской идеологической доктрины, облегчением доступа к информации и появлением свободы перемещения (прежде всего выезда в зарубежные командировки, что за последние двадцать лет стало восприниматься как неотъемлемая часть работы историка, особенно если он работает с иностранным материалом)¹³. Однако не все оценили «прорыв к свободе» однозначно положительно. Например, Т.П. Гусарова видит в нем причину разделения корпорации историков на анклав и приводит пример с образовавшейся в 1990-е гг. дистанцией между Институтом всеобщей истории (ИВИ) РАН и МГУ имени М.В. Ломоносова¹⁴.

Некоторые историки при сравнении университетов 1990-х и 2000-х гг. пытались выстроить собственную хронологию развития. Пока нам удалось найти только два таких случая – у С.Б. Криха и С.П. Бычкова. Оба рассматривают 1990-е гг. в качестве целостного отрезка времени. Крих называет 1993–2000-е гг. «периодом буйного и неконтролируемого роста»¹⁵, а Бычков – «периодом неопределенности и многих свобод»¹⁶.

Совершенно иначе на 1990-е гг. смотрит И.В. Карацуба, которая считает, что бедственное положение науки в то время привело к умножению национализма в рядах ученых: «С 1990-ми вот какая история произошла. В то время гуманитарная интеллигенция была очень сильно раздавлена социальной нищетой. <...> Дали понять, что вся эта гуманитарная наука никому не нужна. Егор Гайдар, когда был председателем правительства, убрал из бюджета статью расходов, где значилась Академия наук. Здания обветшали, паркет стал вываливаться, канализация не работала, все это было как-то ужасно. И на почве этой униженности стали расцветать самые ядовитые комплексы. 1990-е годы – это время расцвета всего национал-патриотического»¹⁷. А вот «лучшие годы» исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова у И.В. Карацубы приходятся на доперестроечное двадцатилетие, ее студенческое время, когда в Московском университете преподавали А.М. Сахаров, Б.А. Рыбаков, В.П. Астафьев и А.Ч. Козаржевский¹⁸.

¹³ Каменский А.Б.

¹⁴ Гусарова Т.П.

¹⁵ Крих С.Б.

¹⁶ Бычков С.П.

¹⁷ Карацуба И.В.

¹⁸ Карацуба И.В.

Итак, предпринятое нами исследование показало, что воспоминания современных историков об университетах 1990-х гг. определяются главным образом профессиональными потребностями, актуальными на тот период времени. На первом месте стоят социальные аспекты университетской жизни – заработная плата, условия труда, профессиональный статус ученого. Первые два пробуждают только негативные воспоминания. Низкие оклады, связанные с недостатком финансирования образовательной сферы, из-за которых приходилось постоянно искать дополнительный заработок, запомнились почти всем опрошиваемым. Исключение составили только пара человек: И.Н. Данилевский не затрагивает своего материального положения в 1990-е гг. вообще, а оклад М.Л. Бережновой, по ее словам, остался после перестройки на том же уровне, что и раньше.

Бедственному материальному положению и суровым условиям труда противопоставляются новые профессиональные возможности и идеологическое раскрепощение, которое почувствовали гуманитарии. Но и здесь мы не увидели полного единодушия. Т.П. Гусарова, например, считает, что «прорыв к свободе» привел к атомизации некогда единого сообщества и обозначил разрыв между ИВИ РАН и Московским университетом, а И.В. Карацуба называет 1990-е гг. периодом расцвета национализма среди университетариев. Но, несмотря на разногласия, абсолютно все респонденты обозначают 1990-е гг. как новый период в жизни российских университетов.

Ответ А.Л. Камалова показывает, что респонденты при ответе на вопрос могут легко сужать и расширять смысловые границы высказывания, переключаясь со своего личного опыта на оценку ситуации в целом по стране. Трудно сказать, насколько осознаны подобные экстраполяции. Видимо, человек не всегда способен соотнести происходящее в собственной *alma mater* и других университетах.

РЕСПОНДЕНТЫ:

Бережнова Марина Леонидовна – к.и.н., доцент кафедры этнографии и музееведения ОмГУ имени Ф.М. Достоевского. Закончила ОмГУ в 1986 г. Интервью состоялось 29 марта 2013 г.

Бойцов Михаил Анатольевич – д.и.н., профессор кафедры политической истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Интервью состоялось 7 февраля 2013 г.

- Бычков Сергей Павлович* – к.и.н., доцент кафедры современной и отечественной истории и историографии ОмГУ имени Ф.М. Достоевского. Окончил ОмГУ в 1996 г. Интервью состоялось 4 сентября 2013 г.
- Гусарова Татьяна Павловна* – к.и.н., доцент кафедры Средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Окончила МГУ имени М.В. Ломоносова в 1968 г. Интервью состоялось 7 сентября 2013 г.
- Данилевский Игорь Николаевич* – д.и.н., профессор кафедры источниковедения НИУ ВШЭ. Окончил Ростовский государственный университет в 1951 г. Интервью состоялось 2 ноября 2012 г.
- Камалов Айрат Ленарович* – преподаватель Казанского юридического института МВД России. Окончил КГУ в 1983 г. Интервью состоялось 14 января 2013 г.
- Каменский Александр Борисович* – д.и.н., заведующий кафедрой политической истории НИУ ВШЭ, декан исторического факультета НИУ ВШЭ. Окончил Московский областной педагогический институт имени Н.К. Крупской в 1980 г. Интервью состоялось 12 декабря 2012 г.
- Карацуба Ирина Владимировна* – к.и.н., доцент Свято-Филаретовского православно-христианского института. Окончила МГУ имени М.В. Ломоносова в 1982 г. Интервью состоялось 16 ноября 2012 г.
- Крих Сергей Борисович* – к.и.н., преподаватель Столичной финансово-гуманитарной академии (омский филиал с 2007 г.). Окончил ОмГУ в 2000 г. Интервью состоялось 28 ноября 2012 г.
- Масиель Санчес Лев Карлосович* – к. искусствовед., доцент кафедры политической истории НИУ ВШЭ. Окончил МГУ имени М.В. Ломоносова в 1998 г. Интервью состоялось 29 ноября 2013 г.
- Романов Юрий Владимирович* – старший преподаватель МПГУ. Закончил МПГУ имени В.И. Ленина в 1999 г. Интервью состоялось 25 октября 2013 г.
- Султанбеков Булат Файзрахманович* – к.и.н., профессор кафедры истории и теории культуры Института повышения квалификации работников образования. Окончил Казанский государственный педагогический институт в 1950 г. Интервью состоялось 15 декабря 2012 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И «ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»

УДК 281.2(470.44)(09)

НОВОУЗЕНСКАЯ СВЯТО-ТРОИЦКАЯ ЖЕНСКАЯ ОБИТЕЛЬ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

А.П. Новиков

Саратовский государственный технический
университет имени Гагарина Ю.А.,
кафедра социологии, социальной антропологии и социальной работы
E-mail: novikov55@mail.ru

В статье рассматриваются основные этапы истории Свято-Троицкого монастыря города Новоузенска Саратовской губернии, который был разрушен в годы гонений на Русскую Православную Церковь. Автор исследует вопросы образования и становления монастыря, главные направления его деятельности, а также приводит краткие биографические справки об игуменьях монастыря.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, церковная история, монастырь, игуменья, локальная история, историческая память.

THE HOLY TRINITY FEMALE MONASTERY IN NOVOUZENSK: PAGES OF HISTORY

A.P. Novikov

The article describes the main stages in the history of the Holy Trinity Monastery in Novouzensk, which was destroyed during the persecutions of the Russian Orthodox Church. The author explores the problems of formation of the monastery, the main directions of its activity and gives brief biographies of the monastery Mothers Superiors.

Key words: Russian Orthodox Church, church history, monastery, mother superior, local history, historical memory.

Минуло уже более 120 лет, как на Новоузенской земле появился первый и единственный монастырь, именовавшийся Свято-Троицким. Однако он имел свою давнюю и интересную предысторию, начало которой было положено более 150 лет назад и неразрывно связанную с именем Мавры Нагибиной, обычной новоузенской жительницей, глубоко и искренне веровавшей христианкой.

Мавра родилась в 1813 г. в семье чертанлинского крестьянина Фомы Леонтьевича Нагибина¹, который вместе с отцом (Леонтием Фёдоровичем) и четырьмя братьями в 1800 г. переселился в село Чертанлу (с 1835 г. – город Новоузенск) из села Алгасово Тамбовской губернии². Покинуть прежнее место жительства семью Нагибиных, как и сотни других, заставила извечная крестьянская проблема – нехватка земельных угодий. На новых местах, согласно законам начала XIX в., крестьяне получали довольно обширные земельные участки – по 15 десятин на каждую мужскую душу, а также налоговые льготы на несколько лет. Так, семье Леонтия Фёдоровича, учитывая его самого, пятерых сыновей (в том числе Фому) и трёх внуков, а именно в таком составе прибыла эта семья в Чертанлу, полагалось 135 десятин земельных угодий, то есть их общинный надел должен был составлять не менее 147 га.

Мавра была вторым ребёнком в семье Фомы Леонтьевича. Её старшая сестра Анна в 1830 г. вышла замуж, женились и два брата – Фёдор и Ефим, а вот Мавра так и не нашла себе спутника жизни, оставалась девицею и проживала вместе с родителями³. В 1859 году, по всей видимости, после смерти отца, в возрасте 46 лет она решила посвятить себя исключительно служению Богу и основать в городе православную женскую общину.

Инициатива Мавры получила единодушное одобрение со стороны её многочисленных родственников и нашла поддержку у купеческого и мещанского старост, которые от имени городского общества 22 июля (3 августа) 1859 г. внесли на рассмотрение городской думы вопрос об учреждении в Новоузенске женской общины⁴. Дума посчитала, что основание общины скажется весьма благотворно на религиозно-нравственном состоянии городских жителей и изъявила согласие на отведение под её устройство 2,8 десятин (3 га) городской земли с небольшой рощей, находившейся в 1,5 верстах от города, за речкою Чертанлою (это на окраине современного микрорайона Чепырёвка).

Чтобы закрепить выделенный участок земли за общиной, требовалось согласие губернского начальства, а поэтому соответ-

¹ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 28. Оп. 1. Д. 694. Л. 123.

² См. Там же. Д. 156. Л. 345.

³ Там же. Ф. 637. Оп. 1. Д. 1274. Л. 181.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 147. Д. 1084. Л. 16.

ствующие депеши были направлены в Самару (как известно, Новоузенск с его обширным уездом в 1851 г. был передан из Саратовской в Самарскую губернию). Оттуда предписали, что поскольку отведённая общине земля находится в черте города, то она, по существовавшим тогда законам, должна быть приобретена в частную собственность с торгов в городской думе. Вскоре нашлись благотворители, которые выкупили данный участок за 235 руб. 97 коп. серебром, а затем переоформили его в вечную собственность общины. Это произошло 3 (15) января 1862 года⁵.

Но ещё за два года до этого события Мавра пожертвовала вновь заводимой общине 2,3 десятины (2,5 га) земли, принадлежавшей ей лично. На этом участке возвели деревянный корпус, в котором разместились до 30 женщин и девиц, пожелавших последовать примеру Мавры. Здесь же был сооружён молитвенный дом, где Божественную службу стал отправлять городской священник. Так в Новоузенске впервые возникла женская обитель.

В начале 1860-х гг., когда за общиной были окончательно закреплены приобретенные у городского общества 2,8 десятины, она стала иметь в своём владении 5,1 десятины усадебной земли. Вскоре здесь построили второй двухэтажный деревянный корпус, где на первом этаже располагались кельи, а на втором устроили церковь с ризницей, богослужебными книгами и колоколами. Были сооружены и многие хозяйственные постройки, а территория обители обнесена деревянной оградой⁶.

Однако для дальнейшего развития общины необходимо было иметь надежные и регулярные источники дохода. Обычно главным таким источником являлись земельные угодья, без определенного количества которых невозможно было достичь и официально признанного статуса, то есть получения Высочайшего позволения на существование общины и её утверждения специальным указом Св. Синода. Таким образом, перед Маврой, как начальницей общины, встала двоякая задача: изыскать возможность для приобретения земли (минимум 150 десятин) и решить вопрос о придании общине официального статуса.

Городское общество не располагало таким количеством свободной земли, а все земельные угодья за городской чертой принадлежали казне и находились в ведении министерства государственных имуществ. В этой ситуации Мавра, по согласованию с

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 147. Д. 1084. Л. 17.

⁶ Там же. Л. 8–8об.

самарским епархиальным начальством, в августе 1865 г. подала прошение на имя императрицы Марии Александровны (жены Александра II), испрашивая её содействия в получении соответствующей пропорции земли из казённого фонда. «Всеавгустейшая Монархиня и Всемилостивейшая Государыня и надёжная наша Покровительница, – писала она, – возри на наше бедное положение, удостоите нас несчастных воспользоваться Вашим Матерним милостивым покровительством»⁷.

Просьбу Мавры поддержал самарский архиерей Феофил (Надеждин), отправив обер-прокурору Св. Синода представление, в котором настоятельно просил содействия в выделении общине 150 десятин казённой земли. При этом он подчёркивал, что «возведение общины в окрестностях Новоузенска признаётся нужным для пользы Православия, ибо в городе Новоузенске при 6650 душах жителей существует только одна церковь; между жителей Новоузенска значительное число разных сектантов; граница оренбургских киргизов, к которой примыкает Новоузенск, населена инородцами, да и сами православные усерднее посещают монастырскую службу, нежели отправляющую в своих приходских церквах»⁸.

В октябре 1865 г. секретарь императрицы дал знать обер-прокурору Св. Синода и министру государственных имуществ о ходатайстве Мавры, а в начале следующего года вышел Высочайший рескрипт о пожаловании общине узаконенной пропорции земли. В этой связи началась обычная бюрократическая переписка и бесчисленное согласование ряда вопросов между разными учреждениями и ведомствами. Дело о выделении земли явно затягивалось. 31 января 1868 г. Мавра вновь подает прошение на имя императрицы, которое по существу представляло собой жалобу на действия чиновников, от которых зависело исполнение Высочайшей воли. «Вот уже прошло около двух лет, – сообщала она, – и община не получила ещё пожертвованную Вашим Императорским Величеством землю, почему она к непоколебимому своему существованию надлежащим порядком не утверждается»⁹. И заключала: «А потому, прибегая под покровительство Вашего Императорского Величества, я, вполне надеясь на Ваше Монаршее благоволение, всеподданнейше прошу удостоить Новоузен-

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 147. Д. 1084. Л. 2об.

⁸ Там же. Л. 3об.

⁹ Там же. Л. 13об.

скую женскую общину своим всемилостивейшим вниманием по вышеизложенному предмету»¹⁰.

Реакция императрицы была незамедлительной – она повелевала секретарю своей канцелярии немедленно связаться с министерством государственных имуществ и обер-прокурором Св. Синода, дабы выяснить причины неисполнения своего решения. В марте 1868 г. министр отрапортовал, что по желанию Мавры общине надлежит отвести 150 десятин пахотных и сенокосных угодий¹¹ близ новопоселённой деревни Николаевки, что при речке Дюре (это в районе современного села Пограничного), а обер-прокурор внёс в Св. Синод предложение об официальном признании общины и закреплении за нею пожертвованной земли.

Однако дело этим не закончилось. В августе 1868 г. Св. Синод принял решение об утверждении Новоузенской женской общины и поручил обер-прокурору представить по этому вопросу соответствующий доклад императору. После того, как 2 (14) ноября государь соизволил подписать доклад, Св. Синод в своём очередном заседании постановил подготовить специальный указ на имя самарского Преосвященного об окончательном утверждении общины, что и произошло 25 ноября (7 декабря) 1868 года¹².

Хлопоты Мавры дали плодотворные результаты. Именно благодаря её вере, энергии и настойчивости Новоузенская Свято-Троицкая община получила официальный статус.

Следует заметить, что религиозные женские общины по своей сути являлись начальной стадией женских общежительных монастырей. С середины XIX в. они получили наиболее широкое распространение и развитие. Зачастую общины создавались как бы сами собой, без административных циркуляров и официального плана и, как правило, по инициативе самих женщин-подвижниц, имевших единое духовное намерение – служение Богу и страждущим. Путь развития этих общин во многом различился, но каж-

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 147. Д. 1084. Л. 14.

¹¹ Земельный надел в размере 150 десятин и 2000 кв. саженей был отмежеван Свято-Троицкой общине из казённого фонда 23 апреля 1873 г., а 22 мая того же года составлен его план николаевским уездным землемером Астанковым (см.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1354. Оп. 432. Д. Н-110).

¹² См.: Указ Св. Синода от 25 ноября 1868 г. «О воспоследовавшим Высочайшем соизволении на учреждение женской общины в г. Новоузенске» // Самарские епархиальные ведомости. 1869. № 1. С. 4–5.

дая из них отмечена личностными чертами и жизненным опытом её учредительницы.

В отличие от насельниц монастырей сёстры общины не имели права быть пострижены в инокини. Официальное же разрешение на пострижение они получали только после утверждения общины монастырём. С получением общины официального статуса, для чего требовались определенные условия, сёстры могли выступить с инициативой о преобразовании их общины в монастырь. Этот путь, то есть через общину, прошла большая часть женских монастырей в российской провинции.

Вся же жизнь в общине организовывалась по монастырскому уставу. Причём само название «община» указывало на то, что устройство её не своекоштное, а общежительное: от поступающих не требовалось ни денежного взноса, ни сооружения на свои средства собственной кельи, все трудились сообща и получали всё необходимое от общины, то есть в общине всё было общее: кельи, трапеза, послушания, молитвы. Следовательно, община представляла собой добровольное религиозное сообщество, объединявшее девиц и женщин, не имевших права принимать иноческий чин, но живших по правилам общежительного монастырского устава.

К началу 1890-х гг. Свято-Троицкая община имела вполне благоустроенный вид, а внутренняя жизнь протекала строго по правилам монастырского жития.

В общине по-прежнему имелась однопрестольная деревянная церковь с колокольнею, и сёстры прилагали максимум усилий для возведения каменного храма: было заготовлено до 20 тысяч бутового кирпича, необходимое количество извести, кровельное железо и другие строительные материалы. Для этого богоугодно-го дела не скупилась и благотворители – люди глубоко верующие и искренне желающие процветания общины. Так, уроженка Новоузенска саратовская купчиха Синицына в 1893 г. завещала на строительство каменного храма 3500 рублей¹³.

На территории общины, общая площадь которой благодаря земельным пожертвованиям новоузенских жителей составляла уже шесть десятин (6,6 га), находились два обширных двухэтажных деревянных корпуса на каменных фундаментах, одноэтажный каменный корпус и дом из сырцового кирпича, в котором размещались церковно-приходская школа и квартира учительницы. Имелись и

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1244. Л. 1об.

многочисленные хозяйственные постройки: хлебный амбар, каретник, конюшня, колодезь, погреб, баня и прачечная. Всё усадебное место было обнесено оградой: с восточной и северной сторон – каменной, а с южной и западной – деревянной. За общинной оградой располагался двухэтажный деревянный дом со всеми хозяйственными службами, он предназначался для священнослужителей, отправлявших Божественную службу в обители. При общине имелись также плодовый сад, огород и небольшая роща, а в слободе Покровской (ныне г. Энгельс) – деревянный одноэтажный флигель с дворовым местом, амбаром, каретником и конюшней.

Несмотря на ряд неурожайных лет, хозяйственное и финансовое состояние общины оставалось достаточно прочным.

Обители принадлежало теперь 370 десятин (404 га) пахотных и сенокосных угодий. Из них 350 десятин – это Высочайше дарованные участки близ села Николаевки, где сёстры общины завели хутор, построили двухэтажный деревянный флигель, кошары, конюшню и каретник, соорудили баню, погреб, амбар и запруду. Еще 20 десятин пахотной земли были пожертвованы обители новоузенским городским обществом. Имелась у общины и собственная ветряная мельница о трех поставах, причем один из них предназначался для очистки проса, а два другие для изготовления муки¹⁴.

Большую часть имевшейся земли сёстры общины обрабатывали самостоятельно – выращивали хлеб и заготавливали сено, а оставшуюся часть сдавали в аренду. В начале 1890-х гг. обитель имела около 100 насельниц.

Таким образом, сельскохозяйственная деятельность и разведение скота были главным источником для экономического развития общины и содержания её насельниц.

Другим важным источником были банковские вклады, как правило, благотворителей, которые жертвовали определенные суммы в виде банковских билетов на вечные времена, главным образом для поминовения своих усопших родственников. Такой капитал считался неприкосновенным, и обитель могла пользоваться только ежегодными процентами с этого капитала. Так, в начале 1890-х гг. Свято-Троицкая община имела четыре билета в Новоузенском общественном банке на сумму 4200 руб., два билета (2 тыс. руб.) в Саратовском общественном банке и билет Государственного банка в 100 рублей. Получается, что всего на бан-

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1244. Л. 1об.-2об.

ковских счетах находилось 6300 руб., проценты с которых употреблялись в основном на содержание причта при общинной церкви и церковно-приходской школы¹⁵.

Определенные доходы общине приносили разного рода ручельные работы, которые сестры исполняли главным образом в зимнее время по заказу жителей города. Как уже отмечалось, на нужды обители бывали и довольно щедрые непосредственно денежные и иные пожертвования благотворителей.

Подобное состояние общинного хозяйства и благочестивый образ жизни насельниц обители, многие из которых пребывали в ней с самого её основания и имели искреннее желание принять иноческий чин, побудили начальницу общины монахиню Ангелину¹⁶ обратиться к епископу Самарскому Гурию (Буртасовскому) с просьбой ходатайствовать перед Св. Синодом о преобразовании общины в общежительный монастырь.

Владыка Гурий с отеческим вниманием и заботой отнесся к просьбе матери Ангелины и 21 июля (3 августа) 1893 г. отправил в Св. Синод соответствующее официальное представление, в котором подчёркивал, что «возведение общины в монастырь ещё более увеличит благотворное влияние его на религиозно-нравственное состояние окружающего населения»¹⁷. А товарищу (заместителю) обер-прокурора Св. Синода он частным образом писал: «Усерднейше прошу дать скорейшее движение моему представлению о преобразовании Новоузенской женской общины в монастырь. Желательно самому совершить торжество до осени»¹⁸.

Однако решение затянулось до октября месяца, хотя Св. Синод ещё 11 (23) августа вынес положительное заключение по данному вопросу и поручил обер-прокурору, согласно существовавшим правилам, снестись с министром внутренних дел на предмет того, нет ли каких-либо возражений и препятствий со стороны вверенного ему ведомства для возведения общины в статус монастыря. Положительный ответ из МВД последовал лишь в начале

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1244. Л. 3.

¹⁶ Начальница общины Ангелина принадлежала к дворянскому сословию, ее отец имел чин статского советника. В Свято-Троицкую общину поступила в 1870 г. и до 1885 г. была смотрительницей при общинном училище для девочек. В должность начальницы вступила после смерти Мавры в 1885 году, монашеский постриг приняла в 1887 году (См.: Список настоятельниц женских монастырей и общин. СПб., 1889. С. 38–39).

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1244. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 4.

октября. Обер-прокурор незамедлительно представил его членам Св. Синода, которые на заседании 8 (20) октября порешили: «Новоузенскую Свято-Троицкую женскую общину возвести в общежительный женский монастырь с наименованием его Новоузенским Свято-Троицким, с таким числом инокинь, какое обитель по своим средствам в состоянии будет содержать; вместе с тем начальницу названной общины монахиню Ангелину назначить настоятельницею новоучреждённого монастыря с возведением её в сан игуменьи»¹⁹. Окончательное утверждение данного определения состоялось 15 (27) октября 1893 г., когда епископу Самарскому Гурию специальным указом дано было знать о решении Св. Синода. Эту дату и следует считать началом существования Новоузенского Свято-Троицкого женского монастыря. Началась новая страница в истории женской обители.

Шли годы. Монастырь креп и развивался. В конце XIX – начале XX в. был возведен великолепный каменный храм во имя Святой Троицы с двумя приделами – южным, в честь Успения Божией Матери, и северным, во имя преподобных Петра Афонского и Матроны Константинопольской (Царьградской). При игуменье Магдалине²⁰ также возводились новые постройки и заметно увеличилось количество сестёр: в 1907–1917 гг. их численность ежегодно превышала 160 человек, из них монахинь было 40–50, остальные – рясофорные послушницы и белицы. Благополучно функционировала школа, в которой без какой-либо платы обучались более 80 девочек; в неурожайные годы в монастыре устраивалась бесплатная столовая для особо нуждавшихся; обедами обеспечивались и все богомольцы, приходившие поклониться монастырским святыням²¹. В престольный праздник – день Святой Троицы – монастырь наводнялся многими сотнями молящихся, многолюдно было в храме и в обычные службы, особенно летом.

¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1244. Л. 7.

²⁰ Настоятельница Магдалина родилась в семье священника и получила домашнее образование. В Новоузенскую Свято-Троицкую общину поступила 21 ноября 1877 г., послушание проходила по рукоделью, а затем преподавала в монастырской церковно-приходской школе, за что в 1885 г. получила благословление Св. Синода с грамотой. В монашество пострижена 12 декабря 1898 года, настоятельницей Новоузенского женского монастыря определена 9 марта 1907 г., а 20 января 1908 г. возведена в сан игуменьи. В марте 1910 г. была награждена Св. Синодом наперсным крестом (РГИА. Ф. 797. Оп. 81. II отделение. 3 стол. Д. 330. Л. 86об.-87).

²¹ Там же. Ф. 696. Оп. 440. Д. 1007. Л. 12, 30, 40, 47, 50, 88, 99, 120.

Словом, Новоузенский Свято-Троицкий монастырь стал одним из главных духовных центров не только для городских жителей, но и многих прибывавших из близлежащих селений.

В 1918 г., пришедшие к власти большевики, объявили о национализации всех монастырских земель и взяли курс на ликвидацию святых обителей. Некоторое время монахини и послушницы продолжали жить на территории бывшего монастыря. Но вскоре ситуация стала радикально меняться. В стране началась разнузданная антирелигиозная и антицерковная кампания: под предлогом борьбы с голодом все церковные ценности изымали, глумились над гробницами с мощами святых, монахов и монахинь изгоняли из прежних обителей. Особенно большой урон Церкви был нанесен в 30-е гг. XX в.: храмы закрывали и уничтожали, колокола использовали для промышленных нужд, духовные лица оказались вне закона, против них и верующих мирян развернули массовые репрессии. По некоторым данным, именно в 1930-е годы все постройки Свято-Троицкого монастыря, в том числе и церковь, были разобраны на стройматериалы, из которого в городе соорудили баню и родильный дом.

Так исчез с лица земли величественный Свято-Троицкий женский монастырь – духовная святыня обширного степного края. Картина столь же типичная, сколь и печальная. Правда, в последние годы XX и начале XXI столетий православные монастыри стали постепенно возрождаться и создаваться заново.

В Священном Писании сказано: «Всему своё время, и время всякой вещи под небом» (Еккл. 3:1), а поэтому следует верить и надеяться, что настанет момент, когда и на Новоузенской земле вновь возникнет святая обитель.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УГОДИЙ КАК ЧАСТЬ МУНИЦИПАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА (на примере Саратова последней трети XIX – начала XX в.)

М.В. Зайцев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: zaytsev-mv@mail.ru

Исследование посвящено одной из сторон деятельности Саратовской городской думы в последней трети XIX – начале XX века. Впервые предметно рассматривается эксплуатация земельных и лесных угодий, принадлежавших в это время городскому самоуправлению Саратова. На основе источников разных видов автор изучает организацию и практику использования городских земель сельскохозяйственного назначения. Также показано влияние этой сферы на социально-экономическое развитие города.

Ключевые слова: история России, русский город в XIX – начале XX в., муниципальное хозяйство, история Саратова.

SERVICE OF LANDS AS PART OF MUNICIPAL ECONOMY (in case of Saratov during the last third of XIX – early XX century)

M.V. Zaytsev

This research is devoted to one of the aspects of the Saratov municipal дума's activity during the last third of XIX – early XX century. The service of lands and forest lands owned by the Saratov city municipality at that period is detailed for the first time. The author studies the organization and practice of urban lands usage for agricultural purposes on the basis of different types of sources. Also the influence of this field on the social and economic development of the city is shown in the article.

Key words: History of Russia, Russian city in XIX–XX centuries, municipal economy, history of Saratov.

Социально-экономическое развитие русского пореформенного города имеет немало слабоизученных вопросов. К таким, на мой взгляд, относится хозяйственная деятельность органов городского самоуправления в сфере использования принадлежащих им земель и лесов. Показателен, в этом отношении, пример Саратова – одного из крупнейших городов Российской империи последней трети

XIX – начала XX века. Ни в научной, ни в научно-популярной литературе невозможно обнаружить предметное рассмотрение работы Саратовской городской думы по управлению принадлежавшими ей в то время земельными и лесными угодьями. Даже в коллективной монографии по истории саратовского городского самоуправления этой стороне деятельности муниципалитета посвящено всего несколько строк¹. Между тем эксплуатация земель являлась одним из главных источников пополнения муниципального бюджета, на котором базировался прогресс важнейших для городского социума вещей: благоустройства, образования, здравоохранения и т. п. Следовательно, в данной сфере выявляется специфическая связь между аграрной отраслью экономики и развитием русского города в позднеимперский период. Все это заставляет уделить повышенное внимание указанной теме.

Проведение городской реформы Александра II вызвало к жизни новую форму самоуправления во главе с городскими думами (распорядительный орган) и городскими управами (подконтрольный думе исполнительный орган). Саратовской городской думе, открывшей свою деятельность в обновленном виде с 1871 г., от дореформенного самоуправления достался обширный земельный фонд. Еще в 1701 г. грамотой Петра I «города Саратова ружникам² и всяких чинов градским жителям» отводилось большое пространство «на выпуск и на табунные пастбища, и на сенные покосы и с лесными угодьями». Территория, описанная в этой грамоте, была намечена различными объектами ландшафта, среди которых упомянуты как вполне надежные (реки Чардым, Курдюм, Идолга, Латрык, Сосновка, Караман), так и эфемерные, типа «яма, а в ней уголья и береста» или «грань на дубу, а тот дуб виловат». Но в целом саратовским жителям «для вечного владения» достались земли по обоим берегам Волги в радиусе не менее 30 верст от города. Указ предписывал воеводам и приказным людям «чтобы

¹ Местное самоуправление Саратова: история и современность. Саратов, 2006. С. 73.

² Термин «ружники» происходит от «руга» – денежное и хлебное довольствие православного духовенства, выдаваемое государством или прихожанами. «Ружниками были: архиереи, лица, состоявшие при архиерейских домах, настоятели и настоятельница монастырей с братией и священно и церковно-служители соборов и некоторых «ружных» церквей» (*Пестов А.С.* Внутренний быт русского государства с 17 октября 1740 года по 25 ноября 1741 года, по документам, хранящимся в Московском Архиве Министерства Юстиции. М., 1886. Кн. 2. С. 335).

впредь в вышеписанных их урочищах и межах и гранях отнюдь дач никому никаких не было»³. Общая площадь отведенной территории составляла, по некоторым сведениям, почти 300 тыс. десятин⁴.

Бурные события XVIII столетия не способствовали бережному сохранению прав жителей Саратова на окружающие земли. Секуляризационная реформа 1764 г. лишила церковь возможности владеть сельскохозяйственными угодьями, поэтому саратовские «ружники» автоматически исключались из числа обладателей земель. С другой стороны Жалованная грамота городам 1785 г. твердо установила право каждой городской общины на «принадлежащая по Межевой Инструкции, или инако законно земли, сады, поля, пастьбы, луга, реки, рыбные ловли, леса, рощи, кустарники, пустыя места, мельницы водяные или ветреные»⁵. Проблема заключалась в том, что на протяжении XVIII в. значительная часть земли, пожалованной Саратову Петром I, оказалась в руках других владельцев, либо захвативших ее самостоятельно, либо получивших законным путем по указу того или иного главы государства⁶.

Это особенно ярко выяснилось в конце XVIII в., когда до Саратовского края добрался процесс Генерального межевания. Император Павел подтвердил в 1797 г. права Саратова на земли, дарованные грамотой 1701 г., но пришлось заново, более подробно и точно измерить все угодья. Завязалась традиционная медлительная бюрократическая работа, в которой были задействованы как местные, так и высшие органы власти. На рубеже XVIII–XIX вв., в течение многолетних попыток определить точный состав и площадь городских земель Саратова, правительство постепенно зафиксировало права на собственность некоторых из них за другими владельцами. В частности город уже тогда потерял практически все заволжские территории, отошедшие, в основном, к иностранным колонистам и к малороссийским переселенцам-солевозам. Отводились также земли крестьянам, казакам, пахот-

³ Лебедев А.О. Жалованная грамота гор. Саратову (1701 г.) // Труды Саратовской ученой архивной комиссии (далее – Труды СУАК). 1894. Т. 4. Вып. 3. С. 69–76.

⁴ Славин И.Я. Минувшее – пережитое. Саратов, 2013. С. 219.

⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое. Т. XXII. СПб., 1830. С. 359.

⁶ Максимов Е.К., Мезин С.А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010. С. 45.

ным солдатам, частным владельцам, при этом, в лучшем случае, государство устанавливало за эту передачу денежную компенсацию в пользу города⁷. Размежевание саратовских земель было окончено лишь к 1807 г., причем Сенат в своей резолюции по этому поводу сделал строжайший выговор саратовским межевой конторе, казенной палате и губернскому правлению за неудовлетворительное исполнение ими своих обязанностей⁸. Кроме того, 21 июня 1810 г. Александр I утвердил официальный план города Саратова⁹, что также добавило определенности не только в вопрос о границах городской территории, но и о конфигурации выгонной полосы.

Несмотря на резолюцию Сената, сложная ситуация с городскими землями Саратова сохранялась и на протяжении XIX в. Частично из-за попустительства городских и губернских властей, частично из-за несовершенства российского законодательства самовольные захваты принадлежащих городу территорий продолжались. Юридические споры по делам такого рода могли рассматриваться в судебных учреждениях и их высшей инстанции – Сенате – годами, что вело к истечению срока давности¹⁰. Иногда эти разбирательства оканчивались не в пользу Саратова. Например, местный общественный деятель и помещик В.А. Шомпулев в своих мемуарных записках с гордостью сообщает, что на рубеже 1860–1870 гг. смог выиграть тяжбу у города по поводу обложения налогом дворянских имений, созданных на прилегающих землях¹¹.

Таким путем постепенно из собственности муниципалитета ушла часть пашенных, сенокосных и лесных угодий в Саратовском уезде. Существовала еще и полоса выгона (на четыре версты от городской черты), предназначенная для выпаса скота, принадлежавшего саратовским обывателям. Выгонные земли также подвергались захвату как до Генерального межевания конца XVIII в., так и после него. Вопрос о самовольно созданных здесь садах, ху-

⁷ Характерные примеры таких отводов содержатся в указах 1804 и 1806 гг. См.: ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXVIII. СПб., 1830. С. 722–723; Т. XXIX. СПб., 1830. С. 170–171.

⁸ См.: Юрьев В. Материалы к истории городского землевладения // Труды СУАК. 1894. Т. 4. Вып. 3. С. 158–191.

⁹ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXXI. СПб., 1830. С. 220; ПСЗРИ. Собрание первое. Книга чертежей и рисунков (Планы городов). СПб., 1839. С. 294.

¹⁰ Славин И.Я. Указ. соч. С. 220.

¹¹ Шомпулев В.А. Во время реформ императора Александра II (Записки старого помещика) // Русская старина. 1898. Т. 96. С. 86–87.

торах, мельницах и прочих частных владениях обсуждался в различных инстанциях вплоть до 40-х гг. XIX столетия, когда Сенат постановил, что город должен заключить соглашение с фактическими владельцами, которые получают права собственности за единовременное вознаграждение или установленную ежегодную плату в пользу муниципалитета. Однако городские власти не озаботились выполнением этого предписания в полной мере, и договоренности о земле были достигнуты только с отдельными «захватчиками»¹².

В таком виде «земельный вопрос» находился к началу 1870-х гг. К тому моменту площадь принадлежащих городу земель уже значительно сократилась относительно пожалованной в петровскую эпоху, но все еще была весьма велика (около 80 тыс. дес.), и губернский статистический комитет даже называл Саратов «самым богатым в Европе по своим земельным владениям»¹³. Примерно 16 тыс. дес. из этого количества составляла четырехверстная полоса выгона, остальное – участки пахотной земли, сельскохозяйственные угодья и леса, широко разбросанные по всему Саратовскому уезду. Кроме того, в собственности муниципалитета находились участки территории внутри городской черты, сдававшиеся думой в аренду под разные цели. С одной стороны, эти земельные богатства приносили городу крупные доходы, с другой – земельное хозяйство было сложной отраслью, требовавшей особого внимания и упорной работы городского самоуправления.

Сразу после реформы 1870 г. городская дума нового образца энергично принялась за урегулирование аграрных вопросов. Уже во всеподданнейшем отчете за 1871 г. саратовский губернатор М.Н. Галкин-Враский отмечал, что «городское управление привело в порядок и известность свои имущества и огромные земельные богатства, пожалованные городу блаженной памяти императором Петром Великим, в течение полутора столетий подвергавшиеся непрости-тельной со стороны городского управления растрате – собственно по недостаточно заботливому ведению сего хозяйства»¹⁴. Для непосредственной работы по эксплуатации земельных угодий с 1875 г.

¹² Славин И.Я. Указ. соч. С. 220.

¹³ Свод статистических сведений о губернии (за 1870 и отчасти 1871 год, по отчетным данным 1870 года) // Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Саратов, 1871. Отд. II. С. 15.

¹⁴ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2141. Л. 28об.

при городской управе была создана специальная должность «заведующего земельным и лесным хозяйством», на которую дума избирала одного из гласных. В 1883 г. состав управы был увеличен на одного человека, и заведование земельным хозяйством получил в свои руки один из членов исполнительного органа городского самоуправления, а специальная должность «заведующего» была упразднена.

До конца 1870-х гг. муниципалитет предпочитал сдавать свои пахотные земли крупными участками, которые, в свою очередь, отдавались арендаторами в субаренду мелким земледельцам. Сформировалась такая система, поскольку город требовал от арендаторов внесения значительного залога и платы вперед не менее чем за полгода. Малоимущим земледельцам не под силу было выполнение этих условий, тогда как посредник (обычно в этом качестве выступал состоятельный купец) мог их реализовать, получив, естественно, значительный барыш. С другой стороны, крупный арендатор сам рисковал в неурожайные годы не получить с субарендаторов ничего или меньше чем рассчитывал и остаться в убытке¹⁵. Известны также случаи сознательно недобросовестного расчета таких деятелей с городом. Даже в 1916 г. городской агроном Г.П. Клинг отмечал, что в ту эпоху «арендаторы, передавая от себя землю и правильно получая деньги с своих субарендаторов, сами остались должны городу до 83 тысяч рублей»¹⁶.

В связи с чередой неурожайных лет в конце 1870-х гг. арендаторы стали менее охотно брать городские земли, а также пытались добиться снижения платы за них. Отчасти по этой причине, отчасти с целью повысить доходность от земельно-лесного хозяйства, дума переходит к сдаче земель непосредственно мелким землевладельцам. Теперь договоры об аренде крупных земельных участков город заключает с коллективами землевладельцев на несколько лет, с правилом «круговой поруки» и с обязательным хуторским поселением на сданном участке. Большинство таких арендаторов составляли саратовские мещане, занимавшиеся сельским хозяйством и по образу жизни ничем не отличавшиеся от крестьян, хотя муниципалитет также сдавал земли и крестьянам, и немцам-колонистам, и прочим желающим¹⁷.

¹⁵ Славин И.Я. Указ. соч. С. 107.

¹⁶ Клиг Г. Саратовское городское земельное хозяйство // Известия Саратовской городской думы. 1916. № 7. Апрель-июнь. С. 3.

¹⁷ Славин И.Я. Указ. соч. С. 107-108.

Новая система способствовала увеличению доходов городского бюджета от сдачи земельных угодий: если в 1871 г. от земель сдаваемых в аренду только под хлебопашество было получено всего 39 тыс. руб., то в 1883 г. по этой же статье поступило уже 164 тыс. руб.¹⁸ Однако и она не была лишена недостатков: «Состоятельные члены обществ и товариществ, связанные круговой порукой с более слабыми товарищами, из опасения, что им придется платить за последних, воздерживались от своевременной уплаты своей доли, до принятия принудительных мер, результатом чего было накопление недоимок по некоторым участкам до 3-х годовых окладов»¹⁹.

С 1888 г. начинаются новые изменения в системе управления городским земельным хозяйством. Во-первых, дума создает для этой цели исполнительную (т. е. постоянно действующую) комиссию, в руках которой находится решение всех важнейших текущих вопросов. Во-вторых, одним из членов Саратовской городской управы становится В.А. Коробков, получивший по должности дело заведования земельным и лесным хозяйством и возглавивший думскую земельную комиссию в качестве председателя. По отзыву осведомленного современника, Коробкову на этом посту удалось наладить нормальные отношения с арендаторами, пресечь имевшие место ранее нарекания и обвинения в злоупотреблениях в адрес управы. Благодаря высоким личным и профессиональным качествам он смог внести в сферу управления муниципальными угодьями необходимый порядок, сам ежегодно объезжал все городские земельные и лесные участки, и знал в подробностях их границы, качество, ценность, выгодные и невыгодные условия хозяйства²⁰.

В 1891 г., по инициативе городского головы А.Н. Епифанова, дума изменила систему сдачи земель. Теперь договоры заключались уже не с артелями или товариществами земледельцев, а с отдельными мелкими арендаторами, что позволяло рассчитывать на еще более стабильное поступление платежей, а также на повышение качества обработки земель. Необходимо особо под-

¹⁸ Протоколы Саратовской городской думы за второе полугодие 1874 года. Саратов, 1875. С. 61; Краткий обзор деятельности городского управления за 1883 год. [Саратов, 1884]. С. 22.

¹⁹ Клинг Г. Указ. соч. С. 3.

²⁰ Волков М.Ф. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1906–1909 гг. // Саратовский областной музей краеведения. Коллекция П.А. Козлова-Свободина. № 27745. С. 156.

черкнуть, что для муниципальных деятелей, причастных к аграрной сфере городского хозяйства, было важно не только извлечь максимальную прибыль из эксплуатации земель, но и повысить качество их возделывания. Именно поэтому член управы Коробков добился, чтобы дума выделила средства на улучшение самой организации земельно-лесного хозяйства, в частности на приглашение квалифицированного персонала. С 1895 г. появляется должность городского агронома, с 1897 г. – еще одного²¹. Позднее на городскую службу был приглашен и лесничий. Эти должности до самой революции 1917 г. занимали молодые (на момент приглашения), энергичные и профессионально подготовленные агрономы Г.П. Клинг и Б.Х. Медведев, а также лесничий Н.Н. Кураев²². Все три должностных лица, не будучи гласными²³, тем не менее, входили в земельную комиссию думы с правом голоса. Помимо них практическую деятельность по наблюдению за земельно-лесными угодьями осуществляли находившиеся на службе муниципалитета приказчики, объездчики, лесники и сторожа.

Со своими помощниками Коробков проделал очень большую работу: все земельные и лесные участки были измерены и нанесены на план, что давало возможность точного учета земель, сдаваемых в аренду. Кроме того, земельно-лесное отделение управы с 1895 г. ежегодно собирало подробные сведения о потенциальных арендаторах, с целью отдавать при заключении контрактов предпочтение тем из них, кто докажет стремление вести максимально эффективное хозяйство, с применением современных методов обработки земли²⁴.

В середине 1890-х гг. городская дума попыталась решить давний вопрос о выгонных землях, захваченных разными лицами. Как отмечалось выше, муниципалитет смог выработать определенные соглашения с владельцами только по некоторым таким участкам. Большинство же «захватчиков» ничего не платили городу, пользуясь землей на правах полной собственности. К этому времени ситуация приобрела еще более запутанный характер,

²¹ Клинг Г. Указ. соч. С. 5–6.

²² Всем троим гласный думы (1891–1917) и городской голова Саратова (1913–1917) М.Ф. Волков дает в своих воспоминаниях подробную и исключительно положительную характеристику (см.: Волков М.Ф. Указ. соч. С. 156–160).

²³ Г.П. Клинг и Б.Х. Медведев позднее входили в состав гласных думы по одному четырехлетию, с 1905 и 1913 г. соответственно.

²⁴ Волков М.Ф. Указ. соч. С. 156–157; Клинг Г. Указ. соч. С. 5–6.

поскольку многие земли были захвачены уже после сенатского решения 1840-х гг. Городской юрисконсульт И.Я. Славин, собрав все материалы, попытался восстановить права города на выгонные земли, однако из-за изменения многих юридических норм за прошедшие полвека, это оказалось невозможным. Большинство участков, зафиксированных еще Генеральным межеванием как захваченные, было утрачено муниципалитетом без каких-либо компенсаций. Стоит отметить, что потеряны были земли лучшего качества – низины, долины и берега речек, а оставались городу «пустынные горные кряжи, безводные плато, солонцы, каменистые участки» и другие «непервосортные» территории²⁵. По землям самовольного захвата последующего периода дума смогла заключить договоры об их выкупе или аренде с некоторыми из владельцев. Правда, многие из них отказались от соглашений с городом, юридически обосновав свои права большим сроком давности владения. Любопытно, что таким путем безвозмездно присвоил себе землю гласный думы В.И. Соколов, для которого личные интересы оказались превыше городских, в то время как другие лица, также имевшие доказательства «давностного владения», тем не менее, предпочли выкупить землю у города²⁶. Вообще работа по уточнению площади и конфигурации участков городской земли, а также по установлению прав собственности на самовольно захваченные площади регулярно проводилась городскими властями и в 1900–1910-е годах²⁷.

К 1909 г. в собственности Саратовской городской думы находилось выгонных и пашенных земель, а также лесных угодий общей площадью 73,8 тыс. дес., стоимость которых по оценке составляла 12,3 млн. рублей²⁸. Из этого количества более 50 тыс. дес. составляли пашенные земли в Саратовском уезде, сдававшиеся в аренду преимущественно по так называемой «посевной системе». Она заключалась в том, что поле отдавалось во временное пользование на один посев «группе хозяйственно устойчивых арендаторов», чье имущественное положение было предварительно проверено городской земельной администрацией. Члены такого

²⁵ Клинг Г. Указ. соч. С. 1.

²⁶ Славин И.Я. Указ. соч. С. 220–221.

²⁷ Краткий отчет о деятельности Саратовского городского общественно-го управления за 1909–1912 гг. Саратов, 1913. С. 37–39.

²⁸ Обзор деятельности Саратовского городского общественного управления за 1905–1908 годы. Саратов, 1909. С. 109.

товарищества самостоятельно делили участок между собой на паи, после чего каждый арендатор заключал с городом особый договор на доставшуюся ему часть. Преимущества такой системы были в экономии средств на обмер и оценку мелких участков и в том, что каждый арендатор нес персональную ответственность перед муниципалитетом. Краткосрочность договоров не наносила ущерба земледелию, поскольку на практике арендаторы десятилетиями пользовались одними и теми же участками и паями²⁹.

Такие отношения между самоуправлением и арендаторами городской земли способствовали улучшению агрокультуры. Коробков «сотоварищи» принимали решение о сдаче угодий в пользу малоземельных, но крепко стоявших на ногах крестьянских хозяйств. Поэтому среди арендаторов доминировали владельцы нескольких лошадей, коров и другого скота. С середины 1890-х гг. постоянно росло применение ими сельскохозяйственной техники, причем техника становилась все более высокого качества (плуг вытеснял соху, увеличивалось количество веялок и жнеек). Муниципальная земельная администрация добивалась от земледельцев усовершенствования приемов обработки почвы и соблюдения регулярной плодосмены³⁰.

Отношения между городскими властями и арендаторами пережили своеобразный кризис в связи с революционными событиями 1905–1906 годов. После разгрома частновладельческих экономий Саратовской губернии в 1905 г. на рынок была выброшена масса новых земель, до этого находившихся под «экономическими» посевами, что вызвало падение арендных цен и на городскую землю. Ситуацию осложнил катастрофически низкий урожай этого же года (1906-й был не намного лучше в этом отношении). Требования города о выплате назначенных сумм разбивались об элементарное отсутствие у земледельцев средств для полного расчета.

Необходимо подчеркнуть, что муниципалитет учел сложившиеся обстоятельства и постарался проявить гибкость в сборе арендной платы. Урожайность каждого участка тщательно обследовалась представителями земельной администрации, и в зависимости от результатов назначался новый размер платежа, составлявший от 10% до 50% первоначального. Однако даже эти средства городу удавалось собирать с большими затруднениями, о причинах которых красноречиво повествует отчетность город-

²⁹ Клинг Г. Указ. соч. С. 4.

³⁰ Там же. С. 4–6.

ской управы: «Среди арендаторов, равно как и среди всего крестьянского населения губернии, слагалось безмолвное, но массовое противодействие платежам, которое находило себе поддержку в общей политической неурядице. Несмотря на установившиеся долгими годами хорошие отношения между административным персоналом городского земельного хозяйства и городскими арендаторами, серьезность положения при обострении земельного вопроса требовала удвоенной осторожности, а также и настойчивости. Сколь возможно устранялись всяческие поводы к личным столкновениям низшего персонала с арендаторами. Избегались разъезды без провожатых. На хуторах поставлены были ночные караулы». Со временем ситуация нормализовалась, но город все же понес значительные убытки. От аренды земель в 1905 г. удалось получить лишь 1/7 часть предполагаемого оклада, а в 1906 г. – 1/4³¹.

После завершения Первой русской революции в данной сфере каких-либо существенных проблем не возникало, и вневыгонные земли приносили до 1917 г. стабильно высокий доход городскому бюджету.

Городской выгон представлял собой особую категорию земельных владений, располагавшуюся примерно на четыре версты во всех направлениях от городской черты. За период с 1871 г. по 1916 г. в результате захватов и других обстоятельств их площадь сократилась с 16 тыс. до 5,8 тыс. дес., из которых только 4,5 тыс. могли использоваться городом для сельскохозяйственных целей³². Как и в случае с вневыгонными землями, городская управа пыталась отстаивать права собственности на самовольно захватываемые части выгона, но по-настоящему активная работа в этом направлении стала проводится только с 1904 г. Поэтому многие полезные участки, по которым истек срок давности, были городом безвозвратно утрачены³³.

Изначально выгон был предназначен для выпаса скота саратовских обывателей и для других целей не использовался. Но в 1893 г. управа обратила внимание, что кормовой базы хватает только на 1–2 месяца от начал весны, хотя количество пасущихся животных было невелико относительно площади земель. Причи-

³¹ Обзор деятельности Саратовского городского общественного управления за 1905–1908 годы. С. 114–115.

³² Клинг Г. Указ. соч. С. 3, 7.

³³ Обзор деятельности Саратовского городского общественного управления за 1905–1908 годы. С. 236–237.

ной этого в докладе управы было названо «крайнее уплотнение почвы», вследствие которого «земля плохо принимает и задерживает влагу и травы быстро выгорают»³⁴.

Так городские власти пришли к необходимости введения выгонных земель в полноценный сельскохозяйственный оборот, ради повышения их качества. С 1893 г. эти территории начинают сдаваться участками в аренду на несколько лет под распашку и засеивание зерновыми или бахчевыми культурами, после чего на время переходят в разряд залежных – под выпас. Земельно-лесное отделение управы совместно с земельной комиссией думы постоянно совершенствовали принципы обработки выгонных земель. К 1910 г. была выработана так называемая система «12-польного севооборота»: два года участок выгона засеивался бахчевыми культурами, два – «колосовым хлебом», четыре использовался в качестве покоса (причем специально высевались ценные кормовые травы) и на оставшиеся четыре года отводился для пастбы скота. Это позволило не только повысить качество травостоя, но и зарабатывать дополнительные средства для городского бюджета на аренде участков. Стоит отметить, что заготавливаемое на выгонных землях сено частично продавалось, частично шло на снабжение муниципальных предприятий – пожарного и ассенизационного обозов, лошадей городской больницы и т. п.³⁵

Городские лесные угодья были весьма значительны по площади (более 8 тыс. дес.) и разбросаны на большом удалении от Саратова (до 45 верст). Лесные «дачи» находились в различных местах Саратовского уезда, охватывали они и некоторые острова на Волге – Зеленый и Песчаный. Муниципалитет имел возможность продавать древесину разнообразного качества и назначения, извлекая, таким образом, дополнительные доходы. Большое внимание приведению в порядок лесных угодий стало уделяться только с начала 1890-х гг. Аналогично пахотным и выгонным землям, благодаря деятельности члена управы В.А. Коробкова, агрономов Г.П. Клинга и Б.Х. Медведева, лесничего Н.Н. Кураева, были уточнены и нанесены на план границы участков городских лесов. Создавались 30-, 40- и 50-летние лесосеки, организовыва-

³⁴ Клинг Г. Указ. соч. С. 6.

³⁵ Краткий отчет о деятельности Саратовского городского общественно-го управления за 1909–1912 гг. С. 40–41; Клинг Г. Указ. соч. С. 6–8.

лись правильная чистка и прорубка молодняка. Порядку в городских лесах завидовали даже казенные лесничества³⁶.

С 1898 г. городское самоуправление реализует план по созданию вдоль всей городской черты лесной полосы шириной 125 сажень. Посадка велась с двух сторон – от так называемой «Лысогорской дачи» и от Затона – и была окончена к 1913 году. В результате Саратов был окружен полосой зеленых насаждений площадью более 200 десятин³⁷.

Эффективность работы городского самоуправления в сфере эксплуатации земельных и лесных угодий демонстрируют сухие цифры финансового отчета за 1913 год. В последнем году перед началом Первой мировой войны городской бюджет Саратова получил доходов от сдачи вневыгонных земель под хлебопашество на сумму 241 тыс. рублей. Всего по разделу «с городских имуществ и оброчных статей», куда входили также поступления от выгона, от лесов, от земель в черте города, сдаваемых в аренду под торговлю и здания, и т. п., было получено 1 млн. 188 тыс. руб., или 30,4% всех доходов. Учитывая, что «содержание и устройство городских недвижимых имуществ» в том же году обошлось всего в 83 тыс. руб., Саратовская городская дума имела возможность потратить 1,1 млн. руб. чистой прибыли на благоустройство, народное образование, медицину и другие важнейшие для населения сферы³⁸.

Вместе с тем результаты этой работы не ограничивались чисто финансовыми. Сюда же можно отнести развитие сельского хозяйства в Саратовском уезде, как в «количественном», так и в качественном отношении, увеличение плодовых и лесных насаждений в непосредственной близости от губернского центра, расширение возможностей ведения хозяйства для городского населения. Благодаря эффективному и мудрому использованию муниципалитетом своих обширных угодий, Саратов с окрестностями на рубеже XIX–XX вв. становился все более привлекательным местом для жизни.

³⁶ Волков М.Ф. Указ. соч. С. 156–157.

³⁷ Краткий отчет о деятельности Саратовского городского общественного управления за 1909–1912 гг. С. 48.

³⁸ Отчет по выполнению городской сметы 1913 года // Отчет Саратовской городской управы за 1913 год. Саратов, 1914. С. 107, 119, 417. Подсчет процентов мой.

БИОГРАФИКА

УДК 378.4(470.44-25)(093.3)+929Аврус

УЧЁНЫЙ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ, ДУШЕВНЫЙ ЧЕЛОВЕК (к 90-летию со дня рождения В.Б. Островского)

А.И. Аврус

Саратовский государственный университет,
почётный профессор
E-mail: a.avrus@mail.ru

Настоящая статья посвящена памяти известного отечественного историка и социолога, профессора СГУ В.Б. Островского. В ней прослежен его жизненный путь. Основное внимание уделяется деятельности В.Б. Островского как руководителя кафедры в СГУ и директора ИСЭП АПК АН СССР. Рассматривается научно-исследовательская работа, проводившаяся им, его роль в изучении аграрной проблематики, в развитии социологических исследований. Уделено внимание и чертам личности В.Б. Островского.

Ключевые слова: Островский В.Б., Саратовский государственный университет, Институт социально-экономических проблем агропромышленного комплекса, аграрная политика, социологические исследования, научная школа, крестьяноведение.

THE SCIENTIST, ORGANIZER OF SCIENTIFIC RESEARCH, SINCERE PERSON (to the 90th anniversary of V.B. Ostrovskogo)

A.I. Avrus

The article is devoted to the memory of famous historian and sociologist, professor of Saratov State University Vladimir Ostrovsky. The article traces his life and career. The main focus is given to Ostrovsky's activity as the head of department in Saratov State University and the director of Institute of Social and Economic Problems of the agro-industrial complex (APC) of Academy of Sciences of the USSR. The author considers his research work, his role in the study of agrarian issues and development of sociological research. Some attention is given to the personality of V. Ostrovsky.

Key words: Ostrovsky V.B., Saratov State University, Institute of Social and Economic Problems of the agro-industrial complex (APC), agrarian policy, sociological research, scientific School, krestyanovedenie.

Недавно исполнилось 90 лет со дня рождения видного российского историка и социолога, организатора первого в Саратове академического гуманитарного института (ныне институт аграрных проблем РАН), многолетнего заведующего кафедрой истории КПСС Саратовского государственного университета профессора Владимира Борисовича Островского. Из 66 лет его жизни 43 были связаны с СГУ: здесь он учился на историческом факультете, окончил аспирантуру, прошёл путь от ассистента до профессора, зав. кафедрой, заслуженного деятеля науки РСФСР.

Владимир Борисович родился 3 ноября 1924 г. в селе Мордвиновке, Рожакского района Тамбовской области. Его родители – сельские учителя, заслужившие своим бескорыстным трудом на ниве народного образования большой авторитет среди педагогов и школьников. Детские и юношеские годы Владимира Борисовича прошли в сельской местности Центрального Черноземья, где он пережил самые трудные времена: коллективизация, голод и т. п. Он с детства познал на личном опыте все виды трудовой деятельности сельского жителя, полюбил деревенский труд и поэтому не случайно почти всю свою научно-исследовательскую работу посвятил аграрной проблематике.

Уже в школьные годы проявились разнообразные способности ребёнка и подростка: умение прекрасно выступать перед любой аудиторией, техническая смётка, владение кистью, хороший музыкальный слух, добросовестность и упорство в учёбе, талант организатора.

В школе его любимым предметом стала физика, он увлекался работой с радио- и киноаппаратурой, был первым помощником учителя при проведении физических опытов. Поэтому было естественным ожидать, что после окончания школы Владимир Борисович поступит учиться в технический вуз. Но началась Великая Отечественная война, и многое переменилось в мировоззрении юноши. Уже летом 1941 г. ему пришлось сменить ушедшего на фронт механизатора и сесть за руль трактора.

После окончания школы в 1942 г. он был призван на военную службу и оказался в Ульяновском танковом училище. Здесь вскоре проявились его организаторские, ораторские и воспитательские способности. Он был избран комсоргом училища и оставлен для проведения идейно-воспитательной работы с курсантами.

В Государственном архиве Саратовской области сохранилась часть переписки Владимира Борисовича с отцом, Борисом Ивано-

вичем, за период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы¹. По этой переписке можно проследить, как постепенно росли его интерес к истории, к героическому прошлому нашей страны, желание получить историческое образование и заняться исследованиями в этой науке².

В 1945 г. с разрешения командования училища Владимир Борисович поступил учиться на заочное отделение исторического факультета Ульяновского педагогического института и в течение двух лет успешно сдал все экзамены и зачёты за четыре курса.. В письмах к отцу он описал, как проходили его обычные рабочие дни: с утра до 15 часов служба и комсомольские дела, затем до 19 часов за столом в своей комнате занятия по институтской программе, потом три часа воспитательной работы с курсантами в казармах, после 22 часов и до глубокой ночи чтение учебников, источников, монографий, написание контрольных работ³. И так изо дня в день он всё больше погружался в изучение исторических проблем. В марте 1946 г. он писал отцу: «...Знаешь, папа, с каким наслаждением грызу я науки, именно страсть и наслаждение»⁴. Эта страсть к науке, это наслаждение от занятия исследовательской работой сохранились у Владимира Борисовича до последних дней жизни.

Постепенно В.Б. Островским овладевала мысль о том, что для серьёзного занятия наукой надо получить стационарное университетское образование. Он начал добиваться демобилизации из рядов Советской Армии, и в 1947 г. это удалось, но с трудом, так как в училище его очень ценили, надеялись, что он станет кадровым офицером.

После демобилизации Владимир Борисович вернулся к родителям, отдохнул летом и перевёлся на очное отделение третьего курса исторического факультета Саратовского государственного университета (СГУ). Так, 1 сентября 1947 г. он появился в стенах этого факультета, который тогда располагался в двухэтажном здании на площади Революции (теперь Театральной), в настоящее время принадлежащем Поволжскому институту государственной службы им. П.А. Столыпина. Уже через 10 дней Владими-

¹ Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 3686. Оп. 5. Д. 13а, 13б.

² Там же. Д. 13а.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 3.

ра Борисовича выбрали в состав факультетского комсомольского бюро, а на первом заседании бюро он был избран его секретарём. В состав бюро вошёл и я, учившийся тогда на первом курсе. Таким образом, состоялось моё знакомство с В.Б. Островским, переросшее в многолетнюю дружбу, сыгравшую большую роль в моей жизни.

Первый год в университете был для Владимира Борисовича самым трудным: текущая учёба, комсомольская работа, да ещё надо было досдавать 10 экзаменов и зачётов за 1–2 курсы из-за разницы институтской и университетской программ. Но накопленный в училище опыт учёбы помог ему успешно справиться с трудностями. На всех текущих экзаменах и тех, что надо было досдавать, он получил только отличные оценки и стал на 4-м курсе именованным стипендиатом.

С первых дней комсомольского секретарства В.Б. Островского на факультете проявились его прекрасные качества руководителя: умение выслушать каждого и помочь ему словом и делом, способность воодушевить молодых людей на общественно-полезную деятельность, принципиальность и требовательность за порученное дело, личная ответственность перед доверившими ему комсомольцами. Как интересно умел он построить свои доклады или выступления на комсомольском или любом другом собрании! Мне пришлось слушать сотни его докладов за более чем сорок лет, и всегда они были оригинальны, вызвали желание думать. Я не помню ни одного его доклада или выступления, носившего шаблонный характер, всегда в них была живая мысль, что-то новое. Также интересно и живо он умел проводить заседания комсомольского бюро.

Стоило Островскому придти на факультет, как сразу его кто-нибудь из студентов перехватывал на ходу, начинался душевный разговор, и поговоривший с Островским уходил с полным удовлетворением. Его сразу же уважали и полюбили на факультете. Особенно много внимания он уделял первокурсникам, помня, как непросто было ему, уже взрослому человеку, вливаться в студенческую жизнь. Не случайно поэтому, когда в 1948 г. Островский отчитывался о своей комсомольской работе перед факультетским собранием, по предложению первокурсников работу бюро признали хорошей, а Владимиру Борисовичу объявили благодарность, что было нарушением всех трафаретов тех лет: работу положено было оценивать только «удовлетворительно»

или «неудовлетворительно», а благодарность могли выносить лишь вышестоящие органы.

Коммуникабельность Владимира Борисовича, его успешная работа в комсомоле на факультете, его выступления на университетских собраниях и конференциях сделали его человеком, известным всему коллективу СГУ. И на 5-м курсе он был избран заместителем секретаря комитета ВЛКСМ университета.

Занимаясь в спецсеминаре на 3 курсе, Островский начал изучать деятельность и труды Н.Г. Чернышевского, что определило тему его дипломной работы, успешно защищённой в 1950 году. При окончании университета, Владимир Борисович получил рекомендацию в аспирантуру и был осенью 1950 г. зачислен на первый год обучения в ней при кафедре марксизма-ленинизма СГУ⁵.

В первый год пребывания в аспирантуре сложилась семейная жизнь Владимира Борисовича, его избранницей стала однокурсница Лидия Дмитриевна Маврина, с которой они прошли рука об руку 40 лет, создали прекрасную дружную семью, которая пополнилась сыном Николаем (ныне профессором, доктором медицинских наук), затем женой Николая и двумя внуками.

Определяя тему своей кандидатской диссертации, В.Б. Островский сделал первый шаг к глубокому изучению аграрной проблематики: остановился на участии комсомола в коллективизации сельского хозяйства. В 1953 г. диссертация была успешно защищена. Конечно, она соответствовала тем требованиям, которые предъявлялись к историческим исследованиям в период культа личности Сталина.

После защиты диссертации Владимир Борисович был оставлен преподавателем кафедры марксизма-ленинизма СГУ (её вскоре переименовали в кафедру истории КПСС). На этой кафедре он проработал до конца жизни и сыграл определяющую роль в её превращении в ведущую не только в Поволжском регионе, но и одну из самых авторитетных в стране в целом. Я помню, как, участвуя во многих Всесоюзных и Всероссийских научных конференциях, можно было лишь сказать, что работаю на кафедре Островского, и сразу чувствовал уважительное отношение.

На преподавательской работе, которую Владимир Борисович очень любил и отдавал ей много сил, особенно ярко видны были

⁵ Интересно отметить, что в фондах Государственного архива новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) в деле В.Б. Островского хранится документ с грифом «совершенно секретно»: это решение Бюро Саратовского обкома ВКП (б) о рекомендации в аспирантуру (!?).

такие его качества, как ораторское мастерство, умение в доходчивой форме довести до студентов самые сложные теоретические положения, способность вызывать доверие и уважение студенческой аудитории любого факультета. Д.И. Трубецков, доктор физико-математических наук, профессор СГУ, член-корреспондент РАН, вспоминал: » Я помню, как и сегодня, в день рождения комсомола в 1955 г. Владимир Борисович впервые читал лекции по истории КПСС на первом курсе физфака. Он блистательно читал лекции. И мы отвечали ему взаимностью и посещали все его лекции. Он был большим общественником, <...> посещал все наши праздники, юбилеи, собрания. Он был очень смелым человеком, способным защитить обиженного»⁶.

В 1957 г. после смерти заведующего кафедрой доцента Г.Ф. Ходакова 33-летний Владимир Борисович был назначен руководителем кафедры и последующие 33 года возглавлял её. Он был тогда одним из самых молодых зав. кафедрой истории КПСС в вузах страны. Когда В.Б. Островский принял заведывание кафедрой, на ней не было ни одного доктора наук, да и в предшествовавшие годы таковых не имелось. А за время руководства кафедрой Владимиром Борисовичем на кафедре выросло более 10 докторов наук. Правда, большинство из них разошлось по другим вузам, но и на кафедре осталось 4 доктора наук и трое готовилось тогда к защите докторских диссертаций. На кафедре была создана многочисленная аспирантура, в отдельные годы насчитывалось свыше 20 аспирантов. В основном в аспирантуре были «целевики», присылавшиеся из вузов всего Поволжья. Почти все они успешно и в срок защищали кандидатские диссертации, уезжали в свои вузы. Многие из них возглавляли там кафедры, становились в дальнейшем докторами наук. Таким образом, кафедра Островского превратилась в кузницу высококвалифицированных кадров историков для целого региона.

Владимир Борисович был одним из первых отечественных историков, которые оценили значение социологических исследований для исторической науки. В 1960-е гг. после длительного перерыва в стране вновь начали заниматься социологией. В.Б. Островский, к тому времени целиком уже погружённый в аграрную проблематику, пришёл к выводу, что по настоящему понять состояние аграрного сектора страны и наметить реальные пути ре-

⁶ Цит. по: *Аврус А.И., Семёнов С.Н.* Владимир Борисович Островский – человек, учёный, организатор науки // Известия Сароатовского университета. Новая серия. 2009. Т. 9. Сер. Социология. Политология. Отд. Отгиск. С. 14.

шения вопросов, стоявших перед деревенскими жителями, можно, только проведя серьёзные социологические исследования. Вокруг Владимира Борисовича на кафедре сплотилась группа энтузиастов изучения аграрных проблем. Она состояла из его аспирантов, дипломников и ряда преподавателей кафедры (Б.М. Христин, Б.Л. Вениг, Н.А. Железникова, В.Д. Полищук, Р.А. Москвитина, С.А. Яковлев и др.) Была выработана программа исследований, разработан инструментарий для её осуществления, и начались ежегодные социологические экспедиции по селам и деревням первоначально Саратовской области, а потом и её соседей. Первым весомым результатом проведённых исследований явилась книга, вышедшая в 1966 году⁷. Небольшая по объёму, она давала достаточно объективную по тому времени картину жизни саратовской деревни. Авторы проехали на машине тысячи километров по дорогам Саратовской области, побывали в десятках сёл и деревень, сравнивали их с тем, как они были описаны в дореволюционных географических изданиях, брали интервью и просто беседовали с сотнями сельских жителей разных возрастных и социальных категорий. Они отметили положительные сдвиги в деревне примерно за 50 лет и обратили внимание на то, что тормозило развитие сельского хозяйства, предложили некоторые рекомендации. Попытка дать объективную оценку состоянию советской деревни вызвала неприятие руководящих партийных органов, книга подверглась критике в партийной печати. Но многие историки, экономисты, социологи высоко оценивали эту публикацию, увидели в ней ростки нового подхода к аграрной проблематике.

Социологические исследования широко были использованы Владимиром Борисовичем в защищённой им в 1967 г. в Воронеже докторской диссертации. Конечно, в идеологической обстановке тех лет автор диссертации и легшей в её основу монографии⁸ не мог открыто высказать свою оценку аграрной политики КПСС, но внимательный читатель находил в них достаточно материала для раздумий о том, почему наше сельское хозяйство топчется на месте, не может решить задачу удовлетворения потребностей населения в сельскохозяйственной продукции. Высказанные тогда

⁷ См.: *Островский В.Б., Вениг Б.Л.* По старым саратовским трактам. Из прошлого и настоящего саратовского крестьянства. Саратов, 1966.

⁸ См.: *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР. (Политика партии в деревне и её социально-экономические результаты). Саратов, 1967.

мысли Владимир Борисович развил дальше через десять лет в ещё одной монографии⁹. Но и в этой книге он не смог полностью раскрыть своё видение проблем деревни и путей их решения. Один из его учеников, профессор В.А. Динес говорил на конференции, посвящённой 70-летию Владимира Борисовича: «Трагедия Владимира Борисовича состоит в том, что он, как человек с огромным потенциалом, не смог его раскрыть в полную меру. Исследуя важнейшие проблемы науки, он порою “наступал на горло собственной песни”»¹⁰.

В 1967 г. В.Б. Островский был избран секретарем партийного комитета Саратовского государственного университета и два года возглавлял университетских коммунистов. Мне привелось в эти годы быть членом парткома и видеть, каким умелым организатором был Владимир Борисович, каким авторитетом он пользовался в университетском коллективе. А отчётные доклады, с которыми он выступал перед коммунистами СГУ, были настоящими научными исследованиями, вскрывавшими причины успехов и неудач в работе, ставившими на обсуждение проблемы развития университета. С каким вниманием слушались эти доклады, к тому же прочитанные с высоким ораторским мастерством!

Когда в 1970 г. умер ректор СГУ профессор В.Г. Лебедев, мне кажется, что самой подходящей кандидатурой на пост ректора был Владимир Борисович. К этому времени он уже сложился как крупный учёный-обществовед, проявил большие организаторские способности, был подлинным патриотом СГУ. Но видно кандидатура В.Б. Островского не устраивала партийных руководителей области, решавших тогда все кадровые вопросы. Слишком независимо держался Владимир Борисович, имел своё личное мнение по многим вопросам.

В 1970-е гг. встал вопрос о создании в Саратове ряда академических институтов, так как СГУ выпускал высококвалифицированных специалистов по многим отраслям науки, которые могли составить кадровое ядро будущих центров академической науки. Владимир Борисович выступил как один из самых активных участников процесса подготовки, а затем и открытия в городе структур АН СССР. Учитывая роль сельского хозяйства в экономике Поволжского региона, В.Б. Островский предложил создать в Саратове Научно-исследовательский институт социально-экономи-

⁹ См.: *Островский В.Б.* Новый этап в развитии колхозного строя. М., 1977.

¹⁰ Цит. по: *Аврус А.И., Семёнов С.Н.* Указ. соч. С. 14.

ческих проблем агро-промышленного комплекса (ИСЭП АПК) АН СССР. В результате усилий Владимира Борисовича такой институт был открыт в 1980 г., и в течение 10 лет он был его директором. Мечта его о том, чтобы академическая и вузовская наука соединились, начала осуществляться. Островский был уверен, что такой симбиоз принесёт большую пользу.

Для института удалось получить большое здание в центре города. Под руководством директора внутри здания была сделана перепланировка, проведён капитальный ремонт, созданы условия для плодотворной работы каждого сотрудника. Владимир Борисович отбирал сотрудников института поштучно, проводил с каждым беседу, выяснял его способности, знания, совместно намечали программу индивидуальной научной работы, как части общей институтской проблематики. В институте объединились усилия историков, экономистов, социологов, географов. К выполнению институтских планов широко привлекались специалисты из других вузов города, прежде всего из СГУ. Об институте скоро заговорили, как об одном из центров страны по изучению проблем аграрного сектора. На базе института стали проходить Всесоюзные и Всероссийские научные конференции, на которые приезжали крупнейшие учёные страны. Имя Островского стало широко известно не только в Поволжье, но и по всему СССР и в ряде зарубежных стран. Рассказывают, что, когда во время одной Всесоюзной конференции теплоход с её участниками проплывал мимо Саратова, академик А.Г. Аганбегян заявил: «Саратов – это город Чернышевского и Островского» (пользуюсь рассказом одного из участников этой конференции).

Расходуя много сил на создание и становление академического института, Владимир Борисович не забывал и своей университетской кафедры. Он еженедельно проводил на ней 1–2 дня, решал все основные вопросы, вёл заседания кафедры и Диссертационного Совета. Островский подобрал себе прекрасных помощников: Владислава Васильевича Всемирова, который замещал его и решал текущие вопросы, и Андрея Алексеевича Акимова, бывшего армейского политработника, ставшего зав. кабинетом кафедры и обеспечивавшего безукоризненную его работу («начальником штаба» называл его Островский).

Хочу отметить принципы, которыми руководствовался Владимир Борисович при подборе кадров на кафедру и в институт и организации работы коллектива сотрудников. Комплектуя состав

кафедры, а затем и ИСЭП АПК, В.Б. Островский обязательно проводил с каждым кандидатом длительное собеседование, стараясь определить сильные и слабые его стороны. Не всегда удавалось принять на работу тех людей, которые, по мнению Владимира Борисовича, подходили для преподавательской, научной, организаторской работы. Ведь все должности и на кафедре, и в институте входили в номенклатуру партийных органов, которые считали себя в кадровых вопросах наиболее компетентными. Островскому нередко приходилось преодолевать их сопротивление. Помню, как в конце 1970-х гг. Владимир Борисович решил оставить на кафедре выпускника вечернего отделения, успешно защитившего дипломную работу, обладавшего организаторскими навыками и склонностью к преподаванию. Казалось бы, все данные были в пользу этого человека: молодой коммунист, пришёл в университет с производства, был секретарём крупной комсомольской организации строительного треста. Но в отделе науки обкома КПСС не устроило его национальная принадлежность: армянин. Только благодаря принципиальной позиции Островского этот человек стал работать ассистентом на кафедре, защитил диссертацию, успешно читал лекции и интересно проводил семинарские занятия. Но не всегда удавалось переубедить партийных ортодоксов. В начале 1980-х гг. в аспирантуру поступал наш выпускник, работавший учителем в г. Энгельсе. Очень скромный, способный человек, успешно сдал вступительные экзамены. Но когда дело дошло до утверждения в отделе науки обкома партии, там были категорически против. Мотив отказа выглядел комически: у него брат – профессор консерватории ведёт себя вызывающе, конфликтует с партийной организацией, как бы и этот не начал что-то подобное в университете. И никакие доводы не смогли поколебать партийных чиновников. Так мы потеряли способного человека.

Особенно тщательно отбирал Владимир Борисович из выпускников тех, кто собирался преподавать в вузе. Помню один его разговор с собственным дипломником, хорошо учившимся и желавшим быть принятым в аспирантуру, но отличавшимся косноязычием. Островский ему сказал: «Вот закрою глаза и не могу представить тебя за кафедрой».

Владимир Борисович был по натуре коллективист, он считал, что любое решение должно быть предварительно обговорено с членами коллектива, а затем уже он как руководитель принимал

окончательное решение и нёс за него полную ответственность. Поэтому он постоянно собирал штаб кафедры: своих заместителей по учебной и научной работе, зав. кабинетом, ведущих доцентов и с ними обговаривал все стоявшие перед кафедрой вопросы, а затем они выносились на общее обсуждение.

В последние годы своей деятельности Владимир Борисович любил устраивать «мозговые штурмы», во время которых группа работников кафедры или института должна была в короткий срок решить актуальную проблему. Так, во второй половине 1980-х гг. кафедра получила задание: в связи с перестроечными процессами подготовить проект новой программы курса истории КПСС для вузов страны. Срок был установлен предельно краткий: не более двух недель. И всё это нужно было сделать накануне Нового года. Владимир Борисович собрал команду из 5–6 человек, и в течение недели мы собирались ежедневно в два часа дня в его кабинете и до позднего вечера обсуждали буквально каждое слово в проекте. Были жаркие споры, каждый отстаивал свою позицию. Но общее желание состояло в том, чтобы отойти от многолетних шаблонов, включить те вопросы, которые прежде обходились молчанием, изменить оценку многих событий и партийных решений. Большинство заседавших во главе с Островским были заядлыми курильщиками. Поэтому в кабинете образовался своеобразный смог, всё было в дымке, постоянно приходилось открывать окно, а на улице стояли довольно сильные морозы. К концу каждого заседания вырабатывалось общее мнение по определенному разделу проекта программы. Две лаборантки кафедры тут же распечатывали этот текст, каждому из присутствовавших вручался экземпляр с напутствием Островского: «Посмотрите дома и завтра внесите свои замечания». И следующее заседание начиналось с обсуждения этих замечаний. К концу недели такой напряжённой работы проект был подготовлен и затем отправлен в Москву. Очевидно, он оказался лучшим, так как на обсуждение в Институт марксизма-ленинизма пригласили только представителей нашей кафедры. Поехали в Москву В.М. Долгов и я. Мы несколько дней отстаивали свои формулировки в дискуссии с работниками ИМЛ, много сумели добиться. Но обстановка в стране в это время менялась с такой быстротой, что наш проект остался на бумаге.

Очень умело проводились заседания кафедры, было стремление добиться, чтобы все члены кафедры принимали в них активное участие, высказывали собственное мнение. Мы всегда с не-

терпением ждали очередного заседания, так как знали, что Владимир Борисович сообщит что-то новое, предложит какие-то инновации, поделиться своими впечатлениями о конференциях, совещаниях, симпозиумах, на которых ему довелось присутствовать. Он постоянно делал в своих блокнотах записи во время таких мероприятий, а затем знакомил нас с самым интересным, что слышал и видел.

И в ИСЭП АПК, и на кафедре сложились дружные, работоспособные коллективы, и люди из них уходили в основном на повышение или в связи с переездом в другой город. Владимир Борисович не любил кляузников, нытиков, бездельников. И таковые, если попадались, вскоре понимали, что им тут не место, и сами покидали коллектив.

На кафедре складывались определённые традиции коллективного отдыха: поездки за город в праздничные и выходные дни, отмечание юбилейных дат сотрудников, для чего был разработан специальный ритуал, готовились фотомонтажи, а позже и небольшие документальные фильмы. Во многих таких мероприятиях инициатива исходила от Владимира Борисовича, а претворяли её в жизнь Владислав Васильевич Всемиров, Татьяна Филипповна Сверчкова, Борис Лазаревич Вениг, Константин Федорович Шеметов и др.

Под руководством Владимира Борисовича с начала 1960-х гг. формировалась саратовская школа аграрников-обществоведов, вскоре превратившаяся в число ведущих в стране. Она насчитывала несколько десятков исследователей из среды историков, социологов, экономистов. Для пополнения её рядов Островским были введены спецсеминары на историческом факультете по аграрной проблематике, под его руководством писались дипломные работы по сюжетам аграрной истории России и Советского Союза, а лучших выпускников принимали в аспирантуру, оставляли ассистентами на кафедре, а позднее направляли на работу в ИСЭП АПК. Кроме того, с 1982 г. была открыта аспирантура в ИСЭП АПК, в которой уже в 1985 г. обучалось 16 человек, а ещё 38 были оформлены соискателями. Это позволило в несколько раз увеличить численность научных сотрудников института за первые 10 лет его существования.

Одновременно совершенствовалась материально-техническая база для исследовательской работы. Владимир Борисович зорко следил за новинками в техническом оснащении и добился открытия первого в Поволжье информационного центра, укомплектованного

современными компьютерами, что позволило создать уникальную базу социологических данных по аграрной тематике.

Всё более масштабными становились социологические экспедиции, по инициативе Островского несколько сотрудников ИСЭП АПК отправлялись на длительные сроки в села Саратовской области, где вели полевые наблюдения. Сам Владимир Борисович постоянно заносил все материалы своих экспедиций в дневники. На базе этих первичных источников составлялись годовые отчеты института, писались коллективные монографии. Всё это позволило саратовским аграрникам легко войти в число ведущих исследователей в новой обществоведческой дисциплине – крестьяноведении.

В.Б. Островский установил тесные деловые связи с отделением экономики АН СССР, Сибирским отделением АН, видными отечественными и зарубежными крестьяноведами. Он сам и его сотрудники по кафедре и институту регулярно участвовали в конференциях, симпозиумах, семинарах по аграрной тематике, которые проходили в нашей стране. Доклады Островского на этих научных встречах всегда вызывали живой интерес, содержали новые идеи. Особенно тесные связи завязались у Владимира Борисовича с академиками АН СССР А.Г. Аганбегяном и Т.И. Заславской, академиками ВАСХНИЛ А.А. Никоновым и В.А. Тихоновым, известным английским учёным Т. Шаниным и др.

Для координации научно-исследовательской работы в регионах были созданы в 1960-е гг. Советы по отраслям науки. В Поволжском регионе такой совет по историческим наукам возглавил В.Б. Островский. Совет курировал исторические исследования в более чем 40 вузах региона: от Астрахани до Казани, в его ведении были вузы Башкирской АССР и Пензенской области. Несколько раз в год члены совета собирались в одном из областных или республиканских центров Поволжья на заседания, на которых утверждались темы кандидатских и докторских диссертаций, обсуждались актуальные научные проблемы, решались вопросы о проведении региональных научных конференциях, выпусках сборников исследовательских работ. Вся эта работа возглавлялась Владимиром Борисовичем. Она, конечно, отнимала много времени и сил, но способствовала росту авторитета СГУ и нашей кафедры. В то же время деятельность совета помогала избегать дублирования в научной тематике, осуществлять совместные исследовательские проекты.

Многие годы В.Б. Островский был членом экспертного совета ВАК'а по историческим наукам. Мне приходилось беседовать с рядом его коллег по работе в совете, и все они отмечали, что он пользовался там большим авторитетом, что часто приводимые им аргументы были решающими при обсуждении спорных вопросов.

Из года в год росло лекторское мастерство Владимира Борисовича. Он стал одним из самых востребованных в Саратове лекторов по политическим, историческим, аграрным проблемам. Островский умел читать лекции в любой аудитории: студентам и преподавателям, рабочим и ИТР, колхозникам и пенсионерам, представителям духовенства. Его всегда слушали с большим вниманием, лекции его были яркими по форме и убедительными по содержанию. Как прекрасного лектора его знали и за рубежом: в 1968 г. он выступал с лекциями в Западно-Словацкой области, в 1970 г. в Польше.

Под руководством Владимира Борисовича ИСЭП АПК за 10 лет проделал большую работу, выполняя исследовательские проекты по изучению культуры и быта деревни, роли личного приусадебного хозяйства, значению агропромышленной интеграции, особенностей решения аграрных проблем в Поволжском регионе. Следует отметить, что коллектив института выдвигал конкретные предложения по решению аграрных проблем. С этими предложениями В.Б. Островский неоднократно выступал на научных форумах, партийных конференциях, формулировал их в коллективных монографиях. Они не выходили за рамки социалистического пути развития страны, но в них были заложены некоторые предпосылки перехода к рыночной экономике, подчёркивалось, что личное приусадебное хозяйство нуждается в постоянной государственной поддержке, так как только оно могло в ближайшей перспективе снабдить страну необходимым количеством мясомолочных продуктов, овощей и фруктов, т. е. укрепить продовольственную независимость Советского Союза¹¹. Владимир Борисович очень переживал, что его предложения вроде бы благосклонно выслушивались руководителями партийных и советских

¹¹ См.: Социально-экономическое планирование в сельскохозяйственном коллективе. Саратов, 1983; Личное подсобное хозяйство в условиях агропромышленной интеграции. М., 1985; Агропромышленная интеграция. Социальные аспекты. М., 1987; *Островский В.Б.* Актуальные проблемы агропромышленной интеграции и социального развития села // Островский В.Б. Сборник неопубликованных рукописей. Саратов, 1991 и др.

органов, но реальных шагов по их реализации не предпринималось. Несмотря на это, он продолжал научные исследования, надеясь, что они будут восприняты в дальнейшем. Как оказалось, многие идеи, высказанные Островским и его коллегами, стали актуальными в постсоветское время, не потеряли своего значения и в наши дни. Особенно это относится к проблемам развития на селе инфраструктуры, культурному обслуживанию деревни, роли сельской интеллигенции.

Учитывая организаторские способности Владимира Борисовича, его со студенческих лет неоднократно старались привлечь на постоянную работу в партийных и комсомольских руководящих органах, но он всегда отказывался, ссылаясь на свою тягу к науке. Мне думается, что его отказ был связан и с теми нравами, которые царили в номенклатуре. Приглашали Островского на работу в Москву на такую высокую по тому времени должность как зам. директора ИМЛ. Но он оставался преданным своему университету и академическому институту, и никакие материальные и престижные соблазны на него не действовали.

Я уже отмечал выше, что Владимир Борисович сыграл большую роль в моей личной судьбе. Во-первых, во многих жизненных ситуациях я обращался к нему и всегда получал дружеские и реальные советы. Во-вторых, при его поддержке был принят в аспирантуру на кафедру и оставлен работать там после защиты диссертации, что определило мою дальнейшую судьбу. В-третьих, более 25 лет работы под его непосредственным руководством были большой школой организаторской, исследовательской, преподавательской работы. Хотя формально я не был его учеником, фактически по жизни он был моим уважаемым учителем.

Очень обидно, что университет никак не отметил 90-летие одного из своих замечательных учёных, внесших большой вклад в создании авторитета СГУ. Мне этой статьёй хотелось бы ещё раз отдать дань уважения Владимиру Борисовичу Островскому – прекрасному человеку, верному другу, крупному учёному, создавшему научную школу, великолепному организатору науки.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 949470(093.3)+378.4(470.43-25)(09)+929Храмков

БОРЕЦ ЗА ПРАВДУ ИСТОРИИ (о Ленаре Васильевиче Храмкове)

В.А. Быкова

В статье, на основе личных воспоминаний воссоздается образ ученого, историка и просто обаятельного человека – Лемара Васильевича Храмкова. Дается краткая биографическая справка об основных вехах на жизненном пути историка – от студента до ректора Куйбышевского (ныне Самарского) государственного университета. Через частные встречи автора с героем статьи проявляется фигура общительного, трудолюбивого и отзывчивого человека, оставившего по себе очень добрую память.

Ключевые слова: Биографика, историки России, Л.В. Храмков, история российских университетов, Самарский государственный университет.

THE FIGHTER FOR THE TRUTH IN HISTORY (about Lenare Vasileviche Hramkove)

V.A. Bykova

The article based on personal memories, to recreate the image of the scientist, historian and simply charming man – Lenara Vasilevicha Hramkova. The article gives a brief biographical note about the major milestones in life Historian - from student to the Rector of the Kuibyshev (now Samara) State University. After a private meeting of the author with the hero of the article shown figure sociable, hardworking and sympathetic person, left a very good memory.

Key words: Biographica, historians of Russia, L.V. Khramkov, the history of Russian universities, Samara State University

Печаль моя светла... Печаль о Ленаре Васильевиче Храмкове. Если заглянуть в биобиблиографический словарь «Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории», то легко познакомиться с биографией Лемара Васильевича. Из семьи служащих, в 1958 г. окончил историко-филологический факультет Самарского пединститута, работал учителем и директором школы. После аспирантуры в 1965 г. стал кандидатом наук, в 1974 г – доктором, в 1978 г. – профессором. Работал в Самарском университете, заведовал кафедрой

рой отечественной истории и историографии, десять лет был лектором Самарского государственного университета.

Что касается общественной работы, то широчайший круг интересов и обязанностей: член Центрального Совета и председатель Самарского Областного отделения ВООПИК в течении десяти лет, член Центрального правления и председатель областного отделения «Общества друзей Болгарии», заместитель председателя Совета ректоров Самарской области, председатель областной комиссии по науке и образованию областного Совета и т. д. Но об этом я узнавала постепенно и гораздо позднее.

Круг научных интересов Л.В. Храмкова – это история советского тыла в годы Великой Отечественной войны и краеведение.

Работая над своей диссертацией, штудировав труды многих историков, я заочно познакомилась с работами Л.В. Храмкова. Это была монография «Во имя Победы» о деятельности местных Советов Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1978 г.) и историко-экономический очерк «Куйбышевская область» (1977 г.), где Л.В. Храмков был и составителем, и одним из авторов. Я могла оценить по достоинству и глубину научного подхода, и публицистический дар, и большие организаторские способности Ленара Васильевича. Кстати, после защиты диссертации, я получила эти книги в дар от Ленара Васильевича.

Наше личное знакомство с Л.В. Храмковым состоялось в начале сентября 1979 года. На октябрь планировалась защита мною кандидатской диссертации на истфаке Саратовского Университета. И мой научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Дмитрий Поликарпович Вончинов договорился с Ленаром Васильевичем, что тот будет ведущим оппонентом.

Нужно признать, что я была нетипичным аспирантом. Проработав после окончания истфака одиннадцать лет ответственным секретарём саратовского отделения Общества советско-чехословацкой дружбы, я решила попробовать свои силы на преподавательском поприще в высшей школе. Сподвигло меня на это знакомство на заседаниях университетского парткома с Д.П. Ванчиновым, который обладал удивительным свойством вовлекать людей в круг своих интересов и занятий.

И с осени 1975 г. я стала аспирантом-заочником на кафедре отечественной истории СГУ, совмещая это с работой ассистентом кафедры истории КПСС саратовского медицинского института. Думаю, что Д.П. Ванчинов в определённом смысле очень рисковал, заимев такую аспирантку. Тема диссертации «Социалистическое соревнование в промышленности и на транспорте Поволжья в годы Великой Отечественной войны» – обширнейшая, форма допуска к архивам – всего лишь четвёртая, преподавательская работа – в са-

мом начале (за неделю нужно подготовиться к семинарскому занятию и провести за 6 дней 36 часов занятий со студентами), семья, муж, ребёнок. Где найти время?

А работать нужно в архивах Москвы, Казани, Куйбышева, Волгограда и Саратова. Зимой – занятия в библиотеке и архивах Саратова. Два летних месяца отпуска и месяц, положенный аспиранту заочнику – работа в архивах за пределами Саратова. Только на третий год, когда была готова первая глава диссертации, представилась возможность на год перейти в очную аспирантуру. Теперь на собственном опыте я поняла, какой преданностью науке, работоспособностью, умением распределять время и силы, внутренней дисциплиной должен обладать научный работник высшей школы. Пример Д.П. Ванчинова был постоянно перед глазами: в свободное от учебных часов время он неизменно работал в зале научных работников университетской библиотеки.

Год моей очной аспирантуры был сложным, так как в течении полугода наша семья осиротела, похоронив своих родителей. Но всё же я успела и написала в срок свою диссертацию, но без историко-графического очерка. Здесь мне помог заведующий аспирантурой университета, известный в Саратове краевед Георгий Александрович Малинин. Подумав над моим положением, он сказал, что мне можно предоставить месячный отпуск, тем более, что шёл декабрь, заканчивался семестр и моя помощь на кафедре не очень-то нужна. Так я никого не подвела, и диссертация была готова.

Защита назначалась на июнь 1979 г., но из-за каких-то осложнений в Учёном совете срок защиты перенесли на октябрь. Летом удалось отредактировать диссертацию. В те годы поступавшая в институт молодёжь август-сентябрь проводила на полях области, собирая урожай овощей. Вот и я должна была ехать на уборку со своими будущими студентами. Беспокоясь, что пакет с диссертацией в такое же «страдное» время пролежит где-то в канцеляриях вузов, я выпросила себе три дня для поездки в Куйбышев и Казань, чтобы самой отвезти экземпляры диссертации ведущему оппоненту и ведущей организации.

И вот я в Куйбышеве. Встреча с Л.В. Храмковым (договорились по телефону) проходила на улице. Я не хотела встречи в помещении, где могли быть сотрудники кафедры, какие-то разговоры, вопросы, как-то меня всё тревожило и смущало. Я увидела невысокого мужчину с внимательным взглядом, благожелательной улыбкой и своеобразным выговором, непривычным для саратовского южного аканья и певучести. Узнав, что защита 12 октября, он усомнился, что успеет вернуться из Тобольска, где должен был читать лекции по при-

глашению местного университета. Но я твёрдо сказала, что нет, он не может опоздать, слишком трудна была моя дорога к защите.

Он не подвёл, он приехал, и он сказал, что у меня хорошая диссертация. Это внесло некоторое успокоение в мою душу перед защитой. Когда мы сидели в аудитории и ждали начала, Ленар Васильевич спросил: «А где же второй оппонент?». Я оглянулась: Зинаиды Николаевны Корешковой в аудитории не было! Я спросила: «Что делать?». Ленар Васильевич ответил: «Сидеть!».

Как часто я потом вспоминала этот момент. Я ведь, конечно, побежала бы искать. И что бы получилось?

В своём выступлении Ленар Васильевич раскрыл достоинства диссертации, сделал замечания и дал ряд ценных советов для дальнейшей разработки темы. Можно сказать в один голос с Д.П. Ванчиновым он благословил меня на дальнейшее занятие наукой. Когда я получила диплом ВАК'а, Ленар Васильевич пригласил меня в Куйбышевский университет в качестве оппонента на защиту кандидатской диссертации Н. Веденеевой о работе железнодорожного транспорта Поволжья в годы Великой Отечественной войны.

Тогда я познакомилась с его семьёй: женой Ниной Петровной и дочерью Еленой и подивилась: как прекрасна эта семья своей любовью друг к другу, уважением, где все отношения проникнуты добродушным юмором, покоем и заботой.

Ленар Васильевич был очень скромным и бескорыстным человеком. Его семья жила в 2-3-х комнатной (точно не помню) квартире. Проработав два срока ректором университета, Ленар Васильевич не позаботился о более просторной квартире, так и остался в своей «хрущёвке».

В дальнейшем мы виделись с Ленаром Васильевичем во время его приезда в Саратов на заседание Учёного Совета по защите диссертаций. Он принимал моё предложение позавтракать или пообедать у нас дома (мы жили недалеко от истфака) и меня и мужа всегда поражали ум, обаяние и юмор этого человека. Как интересно он рассказывал о своих буднях (особенно, когда был ректором, да и хлопот прибавилось), об охоте, рыбалке, о работе своих коллег, аспирантов, соискателей. Моего мужа – партийного работника, а потом заместителя председателя областного комитета по телевидению и радиовещанию, а затем работника аппарата губернатора области – Ленар Васильевич располагал к рассказам об обстановке в области, о настроениях среди управленцев, новостях культурной жизни. В этом он был похож на Д.П. Ванчинова, который, узнав что мы вернулись из Хвалынского, первым делом задавал вопрос: «Что там на полях, каким будет урожай?».

Приезжая в Саратов, Ленар Васильевич, когда позволяло время, посещал охотничьи магазины, куда я провожала его, показывая дорогу. И в эти моменты узнавала много интересного. Например, охотник должен получать лицензию на отстрел зайцев. Но если поиск зайцев был неудачным, то он должен был платить штраф за неиспользованную лицензию. Если утки пролетали мимо, то Ленар Васильевич становился рыбаком.

В охотничьем магазине мы не торопясь знакомились с ассортиментом товаров и покупали то снаряжение, то одежду. Ленар Васильевич был просто счастлив, если находил то, чего не было в Куйбышеве.

Наблюдая за деятельностью Л.В. Храмкова, я всё больше убеждалась, какой это страстный учёный, выдающийся организатор, внимательный и отзывчивый человек.

Разумеется, наши разговоры часто затрагивали состояние исторической науки, политическое положение в стране, будущее государства. Как когда-то он мне сказал: «Сидеть!», так теперь он говорил: «Работать!».

Родных и сотрудников поражала его работоспособность: книги выходили одна за другой, он был и автором, и соавтором, и редактором, и инициатором и составителем изданий, генератором новых идей.

С чувством гордости узнали мы в 1984 г. о том, что Л.В. Храмков стал ректором Самарского государственного университета (в Саратове ректорами всегда были только естественники). С чувством зависти думали мы о тех, кому выпало счастье работать под его руководством.

К сожалению, всякие реорганизации в работе Учёных Советов по защите диссертаций, привели к тому, что Ленар Васильевич больше не приезжал в Саратов, но связь поддерживалась по телефону и переписке.

Благодаря заботе обо мне со стороны Ленара Васильевича и его семьи, мне удалось в научных сборниках университета и педагогического института опубликовать ряд научных статей. Это было очень важно для меня, так как в Саратове мои работы не брали в сборники кафедры истории КПСС, а отечественные историки забывали приглашать в очередной сборник, потому что я работала не в университете, а в педагогическом институте.

Несмотря на свою занятость на посту ректора, заместителя председателя Совета ректоров области и председателя комиссии по науке и образованию областного Совета, Л.В. Храмков участвовал в создании капитальных трудов: «Историко-культурная энциклопедия Самарского края» в 4-х томах, «Самарская летопись» в 2-х томах и других изданиях.

В 1995 г. мы поздравили его с присвоением почётного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Л.В. Храмков создал на кафедре коллектив единомышленников. В первую очередь, такими единомышленниками были его жена Нина Петровна и дочь Елена Ленаровна. После окончания истфака Лена получила распределение на работу в деревню, и только кто-то из сотрудников устроил обмен этого назначения в школу рабочей молодёжи. В аспирантуре Лена училась в Казани, чтобы никто не мог сказать, что папа помогает. Дочь переняла лучшие черты своих родителей – скромность, трудолюбие и удивительную работоспособность.

Вся семья постоянно была занята делами своих дипломников, аспирантов, соискателей, публикациями их трудов, защитами их диссертаций. Благодаря этой заботе расширялась и тематика моих публикаций. На работы аспиранта В. Якушина о деятельности Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны я в соавторстве написала две рецензии, опубликованные в 1996 и 2002 годах.

По инициативе Л.В. Храмкова были подготовлены и опубликованы статьи об историках-летописцах Великой отечественной войны. Саратовцы (В.Н. Данилов, журналист Ю.В. Зверев и я) написали статью о докторе исторических наук, профессоре Д.П. Ванчинове.

Кстати, в последний приезд Ленара Васильевича в Саратов мы посетили вдову Д.П. Ванчинова Нину Матвеевну (ей оставалось жить несколько дней). Д.П. Ванчинова и Л.В. Храмкова много лет связывали самые дружеские чувства, взаимное уважение, общие научные интересы.

У таких людей, как Ленар Васильевич, всегда бывают недоброжелатели, находится завистник, «паршивая овца», которая старается подставить ножку, боднуть исподтишка в самый ответственный момент. Не заслужила семья Храмковых такого отношения к себе! Когда Елена Ленаровна написала сложнейшую работу по историографии культуры России периода Великой Отечественной войны для защиты докторской диссертации, один из бывших сотрудников старался ей помешать. Процесс затянулся, и только в мае 2009 г., буквально за несколько дней до кончины Ленара Васильевича, Елена успешно защитила свою докторскую диссертацию. Думается, он был очень счастлив: эстафета оказалась в надёжных руках.

Я звоню Храмковым всегда только в день рождения Ленара Васильевича – 10 декабря. Слово «смерть» – не про него.

Сколько в памяти воспоминаний, и всегда светлых о Ленаре Васильевиче Храмкове, этом неординарном человеке и учёном.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 53(470)(044)(049.32)+929Зёрнов

«Как грустно и тяжело без вас...». Из переписки В.Д. Зёрнова с женой 1905–1921 годов / публ., вступ. статья, коммент. и указ. имён В.А. Соломонова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 172 с.: ил.

«How sad and depressed without you...». From the correspondence of V.D. Zernov with his wife, 1905–1921 years / Published, introd. article, comments and index by V.A. Solomonov. Saratov: Saratov university Press, 172 pages: illustrations.

Владимир Дмитриевич Зёрнов (1878–1946) учёный-физик, с 1909 г. профессор, а с 1918 по 1921 г. ректор Саратовского университета, яркий представитель ученой династии. Его дед, Н.Е. Зёрнов, профессор чистой математики Московского университета и отец, Д.Н. Зёрнов, профессор и ректор (1898–1899) того же университета оставили яркий след в истории отечественной науки. Владимиру Дмитриевичу выпала судьба быть одним из организаторов нового научного центра на карте России и сыграть важную роль в становлении и развитии Саратовского университета.

Свой жизненный путь в контексте грандиозных потрясений эпохи В.Д. Зёрнов описал в «Записках...», изданных усилиями саратовского историка В.А. Соломонова в 2005 г. Этот замечательный памятник эпохи, несмотря на солидный по нашим временам тираж, разошелся мгновенно и заслуживает переиздания. Однако предлагаемая читателю переписка – источник иного свойства, нежели самые подробные мемуары.

Оригиналы публикуемых писем хранятся в составе частной Коллекции документов по истории Саратовского университета В.А. Соломонова. Большая их часть впервые вводится в широкий научный оборот.

В письмах, как на мгновенной фотографии, запечатлены и маленькие трагедии, и будничные дела и события, и личные переживания, эмоции, страсти, словом, всё то, что и составляло «толщу жизни» прошлого, порой ускользающую от внимания историков. К великому счастью исследователей, образованные люди прошлого любили и умели писать письма. Талантом уловить и пере-

дать в письме неповторимый колорит эпохи в образах повседневности в полной мере владел В.Д. Зёрнов.

Изданное Саратовским университетом эпистолярное наследие В.Д. Зёрнова – внушительный по объему комплекс документальных источников: 117 его писем к жене, Е.В. Зёрновой, охватывающих 16 лет (с 1905 по 1921 гг.) их личного знакомства и совместной супружеской жизни. Большая часть писем (57) публикуется впервые.

Весь корпус писем делится на четыре неравнозначных по объему и содержанию, но равно интересных, части.

Первая из них охватывает период с июня 1905 г. по февраль 1906 г. и содержит переписку В.Д. Зёрнова с Е.В. Власовой, учащейся частной женской гимназии, а впоследствии его женой. Конечно, главной темой писем молодого, талантливого исследователя и юной девушки были их взаимные симпатии, быстро переросшие в обоюдную привязанность и любовь. Однако из писем видно, что влюбленные живо интересуются происходящим, сопровождая те или иные события лаконичными, но красноречивыми комментариями. Собственно, переписка Зёрнова и Власовой в 1905–1906 гг. интересный пример, того как в настроении образованных русских людей того времени сочетались надежды и тревоги о собственном будущем с раздумьями о настоящем и будущем родины. При этом если юная Екатерина Власова смотрит на жизнь с некоторым наивным романтизмом, то Владимир Зёрнов в своих оценках и прогнозах выступает как ученый-аналитик.

Для реконструкции истории российской повседневности начала XX в. историку наверняка будут особенно интересны и разбросанные в письмах любопытные зарисовки гимназического быта, и сцены обыденной жизни молодого преподавателя, перспективного ученого, равнодушного к жизни общества интеллигента.

Самая информативная по содержанию и большая по объему часть рецензируемого издания – 92 письма В.Д. Зёрнова к жене с июня 1909 г. по июнь 1914 год. Эти послания Владимира Дмитриевича максимально полно характеризуют саратовский период в жизни выдающегося ученого и раскрывают интенсивность, порой крайнюю напряженность его научной, преподавательской и организаторской деятельности в волжской губернии.

Во множестве тем, затронутых профессором саратовского университета в письмах к супруге, Екатерине Васильевне, хотелось бы выделить лишь несколько интересных и важных сюжетов.

Насыщенная интереснейшими наблюдениями и размышлениями корреспонденции Зёрнова показывает насколько непросто давалось создание научной базы, а главное университетских норм в провинциальном городе, не имевшим серьезных и глубоких традиций в научно-образовательной сфере. Радость и воодушевление саратовцев по поводу открытия в их городе императорского университета нисколько не помогали решать массу вопросов материально-технического и кадрового характера. Работа по организации научной деятельности и постановке учебного дела в Саратовском университете, как следует из писем одного из первых его профессоров, требовала крайнего напряжения сил. И заслуживает громадного уважения то, насколько терпеливо, настойчиво, последовательно, без всякого брюзжания и раздражения, с верой в высокое предназначение своей работы вели дело В.Д. Зёрнов и его сотоварищи по университету.

Из контекста рассуждений и высказываний Владимира Дмитриевича выстраивается целостная характеристика его личности и мировоззрения. Для Зёрнова, уравновешенного, знающего цену себе и людям человека и учёного, образование и культура были основой деятельного творчества и созидания. В письмах к супруге, в значительной степени посвященных делам семейным, он мало писал о политике и власти. Вероятно, досужие разговоры «на злободневные темы», любимое занятие «критически мыслящих личностей», он считал делом пустым и никчемным, а залог преобразования России видел, прежде всего, в свободном и достойном труде, образовании и культуре. И эти понятия не были для В.Д. Зёрнова абстрактными, поскольку он сам не щадил сил на создание в Саратове университета, который в его представлении должен был стать одним из центров науки и культуры будущей России. Именно поэтому ежедневные хлопоты о создании Физического института, по приобретению и отладке специального оборудования он решительно предпочитал разговорам обо всем и ни о чем. Это вовсе не значит, что Зёрнов, как говорится, «бежал политики». Напротив, из его писем видно, что твердо он отстаивал университетские свободы, критически воспринимая правительственную политику в области образования.

Большое место в письмах учёного занимает характеристика учащейся молодежи и профессорско-преподавательского состава Саратовского университета. Студенты и гимназисты упоминаются Зёрновым часто и почти всегда в лучших тонах. Его радовала

искренняя тяга молодежи к знаниям, увлечённость наукой. Характерно, что аудитории, где В.Д. Зёрнов читал лекции, почти всегда были переполнены. Часто очередная его лекция завершалась под гром аплодисментов, хотя профессор физики говорил далеко не о самых очевидных и простых научных истинах.

Отдельный интересный и важный сюжет – взаимоотношения Владимира Дмитриевича с коллегами, большинство которых, как, например, первый ректор Саратовского университета В.И. Разумовский, были незаурядными учеными и оригинальными людьми. Контакты с товарищами по цеху, конфликты в университетской среде, быт и организация труда профессорско-преподавательского состава, подробно зафиксированные в эпистолярном наследии В.Д. Зёрнова, дополняют общую картину ученого мира последних лет императорской России.

Примечательны и зарисовки общественно-культурной жизни Саратова, запечатленные В.Д. Зёрновым. Интеллигент в третьем поколении, музыкант и поклонник Мельпомены, он с удовольствием посещал консерваторские концерты, оперные и театральные постановки, оставив множество примет культурного подъема Саратова начала XX века.

Последняя часть публикуемых писем профессора Саратовского относится к эпохе Гражданской войны. Письма этих лет яркая иллюстрация того, с каким мужеством В.Д. Зёрнов, на тот момент ректор Саратовского университета, пытался сохранить свое детище в страшных условиях распада и агонии прежнего политического и общественного строя, сохранить то лучшее, что было в ушедшей в вечность самодержавной России.

Безусловно, вся ученая династия Зёрновых – оставила заметный след в истории культуры и науки нашей страны и, несомненно, достойна пристального интереса специалистов. Однако профессор физики Владимир Дмитриевич Зёрнов стал, пожалуй, наиболее ярким и самобытным представителем своего знаменитого семейства. Блестящий ученый и преподаватель, талантливый и настойчивый организатор науки, человек большого ума В.Д. Зёрнов был еще и чутким к ритмам жизни наблюдателем и аналитиком. Письма профессора Саратовского университета, общественного деятеля, современника и участника многих исторически важных, как для всей России, так и для Саратова общественно-политических и культурных событий – это своеобразный и яркий эпистолярный па-

мятник истории нашего Отечества первых десятилетий бурного XX века.

Подготовка к печати писем человека из другого времени всегда требует от публикатора исключительного профессионализма, скрупулезности и добросовестности, в полной мере проявленные В.А. Соломоновым, подготовившим к публикации замечательный исторический памятник.

Рецензируемое издание содержит предисловие со всеми необходимыми читателю справками и пояснениями, указатель имён. Отдельно стоит отметить превосходные иллюстрации и комментарии к тексту писем. К сожалению, многие исследователи при подготовке комментариев, важнейшего компонента серьезного научного издания, допускают две крайности: либо ограничиваются формальными, часто общеизвестными сведениями, либо создают своеобразную книгу в книге, затрудняя восприятие текста источника. Комментарии В.А. Соломонова лаконичны, точны, проясняют и дополняют сведения автора писем ровно в той мере, в какой это необходимо читателю. Исключительно удачен иллюстративный ряд в книге. Помещенные в рецензируемом издании фотографии, удивительно качественные и яркие, тщательно подобранные публикатором – своеобразный и ценный портрет эпохи в лицах.

Рецензируемое издание, несомненно, будет полезно специалистам, краеведам, и всем интересующимся историей науки и в целом историей России начала прошлого столетия.

Ю.Г. Степанов,
кандидат исторических наук, доцент
Саратовского государственного аграрного
университета им. Н.И. Вавилова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрашитов Элик Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарных знаний (Казань).

Аврус Анатолий Ихильевич, доктор исторических наук, почетный профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Баженов Олег Александрович, студент факультета гуманитарных наук, сотрудник научно-учебной группы «История-память о жизни российских университетов 1980–2000-х годов» НИУ – Высшая школа экономики.

Булдыгина Тамара Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России факультета истории, философии и искусства Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь).

Быкова Валерия Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент (1999–2001) Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева НИУ – Высшая школа экономики.

Гладышев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и Новейшего времени ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИИиМО Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Калашиников Михаил Васильевич, старший преподаватель кафедры истории Отечества и культуры социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.

Колосовская Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России факультета истории, философии и искусств Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь).

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории, декан факультета истории, философии и искусств Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь).

Ланник Леонтий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, социологии политики и сервиса Саратовской государственной юридической академии.

Лучников Антон Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Морозов Олег Владимирович, преподаватель факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева НИУ – Высшая школа экономики.

Новиков Александр Павлович, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.

Стародубова Олеся Юрьевна, старший преподаватель кафедры истории России исторического факультета Магнитогорского госуниверситета.

Степанов Юрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и политологии Саратовского аграрного госуниверситета им. Н.И. Вавилова.

Ткаченко Дмитрий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь).

Хасин Владимир Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Яновская Валентина Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая отделом историографии и методов исторического исследования Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь).

Яновский Олег Антонович, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь).

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

<i>АН БССР</i> –	Академия наук Белорусской Советской Социалистической Республики.
<i>АН СССР</i>	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
<i>БГУ</i> –	Белорусский государственный университет.
<i>ВАК</i> –	Высшая Аттестационная Комиссия.
<i>ВАСХНИЛ</i> –	Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. Ленина.
<i>ВЛКСМ</i> –	Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи.
<i>ВООПИК</i> –	Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.
<i>ВЭО</i> –	Вольное экономическое общество.
<i>ГААО</i> –	Государственный архив Астраханской области.
<i>ГАКК</i> –	Государственного архива Красноярского края.
<i>ГАНИСО</i> –	Государственного архива новейшей истории Саратовской области.
<i>ГАРФ</i> –	Государственный архив Российской Федерации.
<i>ГАСО</i> –	Государственный архив Саратовской области.
<i>ИВИ</i> –	Институтом всеобщей истории РАН.
<i>ИГИТИ</i> –	Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева НИУ-ВШЭ.
<i>ИИиМО</i> –	Институт истории и международных отношений СГУ.
<i>ИМЛ</i> –	Институт марксизма-ленинизма.
<i>ИСЭП АПК</i> –	Институт социально-экономических проблем агропромышленного комплекса.
<i>ИТР</i> –	инженерно-технические работники.
<i>КГУ</i> –	Казанский государственный университет.
<i>КП(б)Б</i> –	Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии.
<i>КПСС</i> –	Коммунистическая партия Советского Союза.
<i>МВД</i> –	Министерств внутренних дел.
<i>МГУ</i> –	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
<i>МПГУ</i> –	Московский педагогический государственный университет им. В.И. Ленина.
<i>НИР</i> –	Научно-исследовательская работа.

<i>НИУ ВШЭ</i> –	Научно-исследовательский университет – Высшая школа экономики.
<i>НСРПГ</i> –	Национал-социалистическая рабочая партия Германии.
<i>ОмГУ</i> –	Омский государственный университет.
<i>ОПГ</i> –	Организованная преступная группа.
<i>ОСВФН</i> –	Общество соревнования врачебных и физических наук при Московском университете.
<i>ОСО</i> –	Особого совещания по устройству беженцев в Российской империи.
<i>ПСЗРИ</i> –	Полное собрание законов Российской империи.
<i>РАН</i> –	Российская Академия наук.
<i>РГАДА</i> –	Российский государственный архив древних актов.
<i>РГАСПИ</i> –	Российский государственный архив социально-политической истории.
<i>РГВИА</i> –	Российский государственный военно-исторический архив.
<i>РГГУ</i> –	Российский государственный гуманитарный университет.
<i>РГИА</i> –	Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
<i>РОКК</i> –	Российское общество Красного Креста.
<i>РПЦ</i> –	Русская Православная Церковь.
<i>РСДРП</i> –	Российская социал-демократическая рабочая партия.
<i>РСФСР</i> –	Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.
<i>РФ</i> –	Российская Федерация.
<i>СГУ</i> –	Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.
<i>СПбГУ</i> –	Санкт-Петербургский государственный университет.
<i>СУАК</i> –	Саратовская ученая архивная комиссия.
<i>ФГУП</i> –	Федеральное государственное унитарное предприятие.
<i>ФРГ</i> –	Федеративная Республика Германии.
<i>ЦК</i> –	Центральный Комитет.
<i>ЦНА НАНБ</i> –	Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси.
<i>ЮНЕСКО</i> –	Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры.
<i>ЮФУ</i> –	Южный федеральный университет.

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 10

Под редакцией *А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной*

Ответственный за выпуск *В.А. Соломонов*
Оригинал-макет и обложку подготовили *В.А. Соломонов, А.И. Жемков*

Подписано в печать 23.12.2014. Формат 60x84^{1/16}
Усл. печ. л. 17,75. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Бюро новостей»
г. Ставрополь